

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК**

**КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
КЕМЕРОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ**

ЛОПАТИН ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ

**ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ КУЗБАССА
(1989-1991 гг.)**

Кемерово, 1995 г.

327 323
(571.17)

ЛОПАТИН ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ
История рабочего движения
Кузбасса
(1989 -1991 гг.)

Редактор
ЛЕОНИД АБРАМОВИЧ ГОРДОН

Технический редактор
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУДЕЛИН

Корректор
СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ВЕРЕТЕННИКОВА

ISBN 5-900212-07-6

Сдано в набор 10.10.95г. Подписано к печати 10.11.95г. Подписано в свет 25.11.95г. Печать офсетная. Бумага газетная. УЧЁТНО-ИЗД.Л. 12.5. Тираж 1600 экз. Заказ 29.

Отпечатано в акционерной издательско-полиграфической компании
"Пласт-1".

653000. Кемеровская область, г. Прокопьевск. ул. Октябрьская, 11а. тел. 2-28-05.

©Л.Лопатин.
©"Пласт", оформление.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава 1. Причины рабочего движения.....	7
Социалистическая идея о благосостоянии трудящихся. – Экскурс в историю "материального благополучия" советских людей. – Сущность эксплуатации в СССР. Проблемы здоровья шахтеров Кузбасса." - Социальная неэффективность советского хозяйственного и политического механизма. – Влияние перестройки на изменение поведения человека.	
Глава 2. Первые вспышки недовольства	38
"Низы" не хотели жить по-старому". – "Верхи" не могли управлять по-новому".	
Глава 3. Июльская забастовка.....	48
События на шахте им. Л.Д.Шевякова. – Стачка междуреченцев. – Её распространение на весь юг Кузбасса. – Растерянность властей. – Апогей забастовки. - Стачечные комитеты. – Место политических требований. – Первая конференция забастовочных комитетов Кузбасса. – Подписание "Протокола". Постановка вопроса об изменении системы экономических отношений. Место проблем "колбасы – мыла". –Окончание забастовки и её итоги.	
Глава 4. Период относительно мирного сосуществования рабочих комитетов с властными структурами.....	80
Влияние забастовки на власть. – Августовская забастовка. – Структуры рабочих комитетов. – Подкуп лидеров рабочего движения. - Первые подходы к политической борьбе. – Октябрьский 1989 г. кризис власти. – 4-я конференция рабочих комитетов. – Новое в политике властей. - О вероятности влияния событий в Кузбассе на "нежные революции" в социалистических странах Восточной Европы. – Корректность методов борьбы рабочих комитетов. - Создание газеты. – Позиция интеллигенции. – Прокопьевский этап переговоров с правительством. - Позиция хозяйственников. – Московский этап переговоров с правительством. – Упущенные возможности	
Глава 5. Курс на общественное переустройство.....	15
Съезд Конфедерации труда. – Антикоммунистическая тенденция. –Кризис в КПСС. – Противостояние в Советах. – Проблема власти. – Политизация	

общества. – Июльская 1990 г. забастовка. – 5 конференция рабочих комитетов. – Дискредитация, обман, интриги, давление на рабочие комитеты. – 2-ой съезд шахтёров страны. – Обострение борьбы осенью 1990 г.

Глава 6. Жесткое противостояние.....223

Несостоявшаяся январская 1991 г. забастовка. – Номенклатурная затея с мартовской забастовкой. – Проблема Генерального типового тарифного соглашения. – Начало весенней политической стачки. –Равновесие политических сил. - Методы борьбы с забастовщиками. – Пик забастовки и Чрезвычайный Съезд депутатов РСФСР. – Реакция шахтёров на Заявление "9+1". – Прекращение забастовки. – Углубление кризиса КПСС. - Президентские выборы. – Создание Независимого профсоюза горняков Кузбасса. – Международное сотрудничество. – Приближение к критической точке противостояния. – Противодействие путчистам. – Пришли ли демократы к власти?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....300

ОТ АВТОРА

"Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии."... Трудно беспристрастно писать о близко отстоящих по времени событиях. Историком грозит опасность сбиться на субъективное их изложение. Чтобы избежать исторической недостоверности, автор вместе с коллегами из Кемерово и Москвы ещё в 1993 г. опубликовал основную документальную базу данной книги. (См. "Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы". Кемерово, 1993. - 623 С.). Имея в руках этот сборник, читатель может на документальной основе легко проследить за научной корректностью выводов, сюжетов и версий предлагаемой книги (или сам написать собственную).

Решения рабочих комитетов, материалы партийных (КПСС) органов, документы политических объединений и движений, воспоминания участников событий, публикации периодической печати, письма телеграммы и др., дополнительно использованные в данном исследовании, позволили воссоздать, надеюсь, подлинную картину столь необычного для социалистической страны исторического явления.

Рассчитывая в основном на массового читателя (на специалистов, разумеется, тоже) автор стремился избегать "суконного" псевдонаучного языка, характерного для некоторых трудов советской историографии.

В книге приводится столько много фамилий и описание поступков ныне здравствующих лиц, такое большое количество подлинных выступлений, взятых в основном из стенограмм, что у кого-то из них могут возникнуть личные обиды на автора. Цитируя выступления, документально отражая действия того или иного человека, я преследовал только одну цель - как можно достовернее, рельефнее, ярче и образнее изобразить сущность тенденций и явлений, ставших историческими. И тем не менее, заранее приношу свои искренние извинения всем, кому увидится моя некорректность по отношению к его личности. Питаю большое уважение ко всем героям моей книги, вне зависимости от того, к какому политическому лагерю они принадлежали. Все они достойны (в самом лучшем смысле этого слова) памяти Истории. Эти люди были равнодушны к судьбе страны. Как могли отстаивали своё собственное видение, казавшееся им тогда единственно верным, не отсиживались "на кухне".

Сознаюсь (хотя историку и не следовало бы этого делать), я глубоко равнодушен к мужественным, смелым, умным, талантливым и граждански активным людям, каковыми показали себя шахтёры и журналисты Кузбасса. Им и посвящаю эту книгу! Почему им? – Станет понятным при ее чтении.

Структура книги такова, что читать произвольно взятые фрагменты не имеет смысла: теряется логика изложения, и тогда некоторые выводы могут показаться неожиданными или необоснованными.

Леонид Лопатин.

ГЛАВА 1. ПРИЧИНЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ О БЛАГОСОСТОЯНИИ ТРУДЯЩИХСЯ. - ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ "МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ" СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ. - СУЩНОСТЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ В СССР. - ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ ШАХТЁРОВ. - СОЦИАЛЬНАЯ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА. - ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА.

Долгие годы советскому человеку внушали, что рабочие бастуют вследствие нещадной эксплуатации и жизни в нищете. При этом каждый школьник знал, что забастовки бывают только при капитализме. Этот идеологический постулат вошёл во все советские энциклопедии (1935, 1972, 1985 гг.). Считалось, что в СССР нет и не может быть классовой борьбы, так как при социализме антагонистические противоречия отсутствуют.

Вся советская история как будто подтверждала тезис о социальной гармонии. На всём её протяжении вроде бы не было никаких стачек, никаких баррикад, никакой борьбы за экономические или какие-то иные интересы. И даже профсоюзы, задачей которых во всех странах была борьба за лучшие условия продажи рабочей силы, в СССР ещё в начале 30-х годов были преобразованы в некое подобие министерства труда.

Правда, учебники истории повествовали о кронштадтском мятеже, о восстании тамбовских крестьян, о жестком сопротивлении политике коллективизации. Но это подавалось как "контрреволюционный мятеж", "антоновщина" и "бандитизм", "кулацкое сопротивление" и т.п. То, что происходило в других социалистических странах (в Венгрии в 1956 г., Чехословакии 1968 г., Польше 1970 г. и 1980 г. и др.), объяснялось ещё проще и привычнее - "происками империализма", "зловредными действиями Запада против свободы пародов".

В Советском Союзе вырастали целые поколения людей, не предпринимавшие не только активных действий, но и не допускавшие даже мысли о борьбе за свои экономические, социальные, политические права. Армия секретных сотрудников ОГПУ-МВД-КГБ исправно докладывала о настроениях граждан, разговорах, которые вели между собой коллеги по работе, друзья и даже супруги. Никакого движения сопротивления не должно было случиться и потому, что мощная карательная, система дополнялась весьма эффективной идеологической пропагандой. Почти все советские люди были убеждены, что живут они в самом прекрасном и справедливом

обществе, в котором, исправив "отдельные недостатки", народ обречен на счастливое настоящее и будущее.

Никаких забастовок поэтому ни в Кузбассе, ни в Донбассе или Воркуте не должно было произойти. Не должно. Но тем не менее стачки состоялись. Почему? Почему стала возможной не просто забастовка как бунт против нехватки продовольствия, а целое рабочее движение, охватившее в считанные дни всю угольную отрасль СССР? Почему началась она именно в Кузбассе? Почему именно в угольной промышленности началось движение, которое в конечном счёте привело к краху социализма сначала в Восточной Европе, а затем и в самом Советском Союзе? На эти и другие вопросы можно ответить, даже не выходя за рамки привычной марксистской методологии, ориентируясь при этом не на идеологические догмы, а на историческую реальность положения трудящихся при социализме.

Согласно теории марксизма-ленинизма социализм - это планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Социальная справедливость, отсутствие эксплуатации человека, ликвидация нищеты - основные черты социалистического общежития. Продвинулось ли советское общество в их реализации с октября 1917 г.? Как будто бы да! Продвинулось! Вековые мечты человечества вроде бы получили практическое претворение. Об этом было заявлено ещё в декабре 1936 г. в Конституции СССР, - "Конституций победившего социализма". (Правда, потом, в 1959 г., а затем в 1977 г., пришлось "уточнять" этот вывод, вводя понятия о полной и окончательной победе социализма, развитии социализме.)

Советское общество действительно решило многие проблемы. В мире найдется не так уж много стран (да и найдутся ли вообще?), где Конституция декларировала бы такой широкий набор социальных гарантий и прав. Только советские Конституции, да Конституции некоторых стран народной демократии гарантировали сохранение социального равенства людей, выведя за конституционные рамки частную собственность на средства производства. Только в Советском Союзе самый бездарный из бездельников мог смело смотреть в завтрашний день. Он имел практически бесплатную квартиру. Его дети свободно могли получить образование, в том числе и высшее. Уволить с предприятия его было практически невозможно, даже если он был злостным нарушителем трудовой и производственной дисциплины. Мало того, за его "вродеработку" он дважды в месяц получал зарплату, часто довольно приличную (по советским меркам). Лечение было доступное и бесплатное. Функционировало огромное число курортов, санаториев, домов отдыха, куда путевки в основном оплачивал профсоюз. О чём ещё можно мечтать? Почему шахтёры всё-таки забастовали?

Найти ответы на эти вопросы тем более важно потому, что в годы реформ (с 1992 г.) их всё чаще стали задавать жители бывшего СССР. Получить бесплатную квартиру стало невозможно. Возникли серьезные проблемы с бесплатным образованием и особенно медицинским

обслуживанием. Уволившись с одного предприятия, стало трудно устроиться на другое. Зарплату надо было уже чаще всего зарабатывать, а не просто получать.

Были ли причины для социального взрыва? Вот как на этот вопрос отвечали высокопоставленные участники тех событий. Председатель Совета Министров СССР Н.И.Рыжков во время своего визита в Кузбасс незадолго до забастовки (март 1989 г.) заявил: "Общество в вашей области напряжено..., и напряженность будет нарастать". [1] Народный депутат СССР из Новокузнецка В.Я.Медиков на заседании Верховного Совета СССР 17 июля 1989 г. говорил: "Жизненная цепочка: человек, природа, уголь - напрочь разорвана. Из неё вычленен только уголь. Вся жизнь шахтеров приспособливается только к плану добычи, а не наоборот... Убогая схема жизни и отдыха, работа - винный магазин - превращает человека в безропотное животное...". [2] Первый секретарь Новокузнецкого горкома КПСС А.И.Ленский, оговорив свое исключительно отрицательное отношение к забастовщикам ("почему всякая погань, нечисть показывает на нас пальцем, и толпа благодарно хлопает?"), тем не менее констатировал: "Кузбасс является сырьевым задворком нашей страны". [3] Председатель партийно-правительственной комиссии по урегулированию проблем Кузбасской забастовки, член Политбюро ЦК КПСС Н.Н.Слюньков на встрече с партийно-хозяйственным активом в г. Ленинск-Кузнецком говорил: "Мы зашли в тупик. Привели общество на грань краха. Страна с каждым годом откатывается всё назад". [4]

Слова "зашли в тупик", "грань краха"- заслуживают того, чтобы выяснить, что же за ними стояло. Для этого необходимо обратиться к истории строительства социализма, к истории 1930-х и последующих годов, когда по расхожему утверждению "при Сталине всё было", когда якобы был "светлый трудовой энтузиазм" и когда фундаментально сформировался новый тип общественных отношений, просуществовавших до начала 1990-х годов. Обратиться с тем, чтобы понять, что же тогда произошло с нашим обществом, какие глубинные мины были заложены под его будущее?

Для начала следует привести свидетельства очевидцев. Но не тех, кто опирается на ностальгические воспоминания своих юношеских лет, имея естественную склонность к идеализации прошлого, не тех, кто ещё в 1930-60-х под наблюдением идеологических цензоров опубликовал свои восторженные воспоминания передовика производства, а тех, чьё мнение бесстрастно фиксировали информаторы ОГПУ. Весной 1929 г. секретный сотрудник доносил с шахты им. Ярославского: "Рабочий М.Е.Осокин, матерясь в Бога мать, говорил, что в магазинах нет' никаких круп, завоевали свободу, нечего сказать, дожили...". Тогда же другой агент сообщал о разговорах шахтеров: "Сколько бы не гнули спину, всё равно лучшего ждать нечего. Наши правители заботятся только о себе, а до того, что рабочие сидят голодом, им нет никакого дела". [5]

Святые и наивные люди! В сравнительно благополучном 1929г. они ещё не знали, что впереди их ждала массовая коллективизация и вызванный ею голод 1932-1933 гг., карточная система распределения продуктов питания, за 5 последующих десятилетий имевшая лишь короткие временные перерывы. Хронический дефицит продовольствия и классовое нормированное его распределение с тех пор стали родовым признаком социализма, образом жизни всех поколений советских людей. В Советском Союзе рождались и умирали люди, никогда не знавшие свободной продажи, скажем, колбасы или мяса.

В 1930-е годы при распределении по карточкам предпочтение отдавалось сначала рабочим ведущих профессий, затем вообще рабочим, далее шли служащие и потом иждивенцы. Изменилось ли что-то за полвека? Об этом можно судить лишь по одному выступлению генерального директора объединения "Южкузбассуголь" Г.М.Филатьева, который 5 апреля 1989 г. на бюро Кемеровского обкома КПСС предлагал: "...На шахтёра приходится 54 кг мяса. Надо распределять фонды по трудоемкости, продавать мясо только подземным рабочим". [6] Мог ли директор предложить иное, чем его далёкий предшественник из 30-х годов, когда в своём распоряжении он имел всё те же 50 кг.? По данным Госплана СССР уровень душевого потребления мяса в 1929 г. составлял 52,8 кг. [7]

Шли годы, а Россия (СССР) не только не продвинулась вперед, но и фактически отступала. Отступала, как ни парадоксально, даже в сравнении с царскими временами. Среднемесячные расходы в рабочей семье в 1930 г. по сравнению с 1913 г. увеличились по продуктам питания в 2,7 раза, обуви - 2,6, одежде и текстилю - 2,1, жилью - 1,2, дровам - 3,9, табаку - 2,4. [8] Эти данные, свидетельствующие о движении страны отнюдь не в направлении прогресса, могут показаться не убедительными, хотя журнал Госплана СССР, приведя их, учел покупательную способность рубля 1930 г. и 1913г.

Можно привести и другие данные, характеризующие, скажем, соотношение абсолютной заработной платы шахтёра Кузбасса и цен на мясопродукт незаменимый в пищевом рационе, а в "застойные годы" ставший эквивалентом благополучия. В 1928 г. при средней зарплате 69,8 руб. шахтёр мог купить на базаре 225 кг мяса (по цене 28-34 коп.), а в 1990 г. шахтер шахты "Байдаевская" при средней зарплате 492,5 руб. - всего лишь 140 кг (по цене 3 руб. 50 коп.). [9]. Не странно ли, что рабочий 20-х годов имел мяса больше, чем его праправнук, за счастье которого он поддержал большевиков в социалистической революции, гражданской войне, за светлое будущее, которого он терпел "временные" лишения периода великих строек, за свободу которого он сражался с фашизмом?

Но, может быть, так было только с продовольствием? С промтоварами дело обстояло иначе? Ничуть не бывало! В числе острейших дефицитов 1934 г. журнал Госплана СССР называет: пуговицы, ремни, гребни, зубные щётки, мыло, шнурки, бритвенные приборы, стаканы, чашки, блюда, булавки, ткань, обувь, мебель. [10]

Поразительно, но в год начала рабочего движения эти товары нельзя было свободно купить точно так же, как и более полувека назад. В феврале 1989 г. водитель мысковской автобазы И.П.Горохов говорил на одном из местных партийных форумов: "Электроутюгов нет... нет лезвий для бритвы. Такая тяжесть на душе". [11]

Купить многие товары было нельзя. Можно было лишь "достать". Достать - это значит составить цепочку из нужных людей, с каждым из которых потом надо было расплачиваться даже не деньгами, а собственными услугами преподавателя, врача, чиновника, или обеспечивать им цепочки новых связей (коррупция советского образца). Унижающая человеческое достоинство система. Игнорирующая весь мировой опыт развития товарных отношений практика. Это стало неизбежным результатом отказа от естественных экономических законов (и частности, закона соотношения спроса и предложения), фактического отказа от товарно-денежных отношений.

Если бы дефицит был только на товары и продовольствие! Дефицит был всеобщим. Не хватало холодной и горячей воды. Проблемы тепла в квартирах были явлением постоянным. (В Киселёвске, например, население огромного микрорайона - Красный Камень - зимой пользовалась металлическими печкам - "буржуйками"). Во многих рабочих посёлках, не говоря уж о деревнях, не хватало электроэнергии для бытовых нужд. Всегда остро стояла проблема общественного транспорта, дорог. Путёвку в санаторий можно было приобрести только при большой удаче (точнее "по благу"), особенно работникам бюджетной сферы. Советский человек настолько свыкся с постоянными, как говорили, нехватками, что не предполагал даже, что может быть как-то иначе.

В решении проблемы обеспечения человека материальными благами социалистическое общество не развивалось. Вопрос - "За что боролись?", которым по сведениям ОГПУ рабочие Анжерки часто задавались в конце 20-х годов, ещё с большим основанием могли задать их далекие потомки из рабочих комитетов 1989 г. Социалистическая система не программировала общество на эволюцию, она обрекала его на застой на уровне низких физиологических норм выживания.

Если считать, что осенью 1991 г. к власти пришли демократы (хотя это и не совсем так), то в наследство от коммунистов они получили страну с тотальными дефицитами. В октябре 1991 г. "Комсомольская правда" поместила пронзительно точную карикатуру. "Нет мяса! - говорилось в ней, - Нет масла! Нет курева! Нет спичек! Нет соли! Нет сахара! Нет хлеба! Остался один я - Иванов Игнат!" [12] Содержание карикатуры уместно для характеристики товарного рынка Советского Союза как в 1921 г., так и 1931 г. 1941 г., 1951 г., 1961 гг. Несколько изменилась картина в 1971 г. и 1981 г., но, во-первых, далеко не во всех регионах страны, во-вторых, главную роль в ликвидации острейших товарных дефицитов сыграли внешние причины - снабжение из-за рубежа в обмен на нефть и газ.

К середине 80-х годов при сопоставимом уровне производства валовой национальный продукт в расчете на душу населения в СССР оказался в 2-3 раза ниже, чем в США, ФРГ и других индустриальных странах. Мало того, этот более низкий общественный продукт использовался самым невыгодным для народа образом. Затраты на мировую социалистическую революцию (милитаризация экономики, экономическая и военная поддержка социалистических стран, стран "третьего мира" и т.п.) привели к тому, что доля расходов, связанная с чрезмерной ориентацией на тяжелую промышленность, с бессмысленной милитаризацией, с привилегиями верхушки была в СССР гораздо выше, чем на Западе. Поэтому по душевому потреблению мы уступали развитым странам даже не в 2-3 раза, а в 4-5 раз. [13]

И не удивительно, что поводом для шахтёрского бунта оказалось отсутствие колбасы для сухого завтрака ("тормозка") и мыла для мытья после смены. Это был конец 80-х годов, когда советский народ согласно Программе КПСС (1961 года) уже лет десять должен был жить при коммунизме. И нельзя было объяснить эти лишения, скажем, послевоенной разрухой или происками империализма.

Нищета людей и всеобщие дефициты продовольственных и потребительских товаров объективно укрепляли существовавшую политическую систему. Если бы дефициты или голод 1921-1922 г., 1932-1933 г., 1946 г. не были результатом антинаучной, авантюристической, субъективистской политики партии, то их надо было бы придумать специально. Во-первых, всё существование человека в ситуации нищеты полностью подчинялось идее простого физического выживания. Какие-то политические проблемы, скажем, отсутствие демократии, всевластие парткратии в этих условиях становились для человека мало или вообще не существенными. Во-вторых, те, кто распределял материальные блага (партийное, советское, хозяйственное и даже профсоюзное начальство), полностью подчиняли себе труженика, находившегося в их полной зависимости и подчинении не только на работе, но и дома. В-третьих, создавалась великолепная возможность для рекрутирования бойцов, преданных системе. Даже маленькие начальственные должности ("портфели") гарантировали безбедную жизнь их обладателям. Вот и пробивался советский человек к "портфелям", попирая часто нравственные принципы, утверждая двойную мораль: на словах - за светлое будущее коммунизма и счастье всего народа, на деле - за безбедный паёк.

Нехватка продуктов питания породила неизвестный мировой цивилизации опыт. Со времени великого голода 30-х годов сложилась устойчивая практика выращивания овощей, разведения скота и птицы не только крестьянами (что естественно в связи с разделением труда), но и рабочими, служащими, учёными и другими социальными категориями советских граждан. И хотя ещё в конце 20-х годов собственное хозяйство считалось "мелкобуржуазным обрастанием", в голодные годы государство стало поощрять развитие так называемых подсобных хозяйств как

коллективных, так и личных. В 1934 г. за счёт личных хозяйств рабочие угольной промышленности страны удовлетворяли свои потребности в молоке на 43%, картофеле - 41%, овощах - 11%, крупах - 8,7%. [14]

К концу 80-х годов в Кузбассе нелегко было найти семью, не имевшую собственного хозяйства в виде личного подворья, "мичуринского сада", дачи или хотя бы участка земли "под картошку". Люди настолько свыклись с необходимостью подсобного хозяйства, что семейная пара в зрелом возрасте, не имевшая его, рисковала прослыть среди соседей по дому или товарищей по работе бездельниками и белоручками. По данным учёных Кемеровского медицинского института, Московского НИИ гигиены им. Ф.Ф.Эрисмана, Кемеровской областной СЭС, Центра социальной гигиенической профилактики заболеваемость их имели почти 40% обследованных шахтёров. Доля индивидуальных хозяйств в производстве продуктов питания Кузбассе была весьма значительной. Так, в 1989 г. совхозы и колхозы Кузбасса (без подсобных хозяйств предприятий) производили картофеля 991,6 тыс.ц., то личные хозяйства - 5083 тыс.ц.(512,6%), овощей соответственно - 693,3 тыс.ц. и 549 тыс.ц. (79,2%). [15] Население, таким образом, находилось на самообеспечении.

Как эти хозяйства вписываются в теорию марксизма о качественном улучшении материального положения трудящихся при социализме? Согласно теории К.Маркса о прибавочной стоимости часть рабочего времени идет на производство стоимости, необходимой для поддержания жизненного уровня семьи рабочего (необходимое время). Другая часть времени (прибавочное время) используется на производство стоимости, которая за вычетом средств на расширенное воспроизводство, присваивается владельцем капитала. Чем меньше необходимое время, тем выше эксплуатация рабочего, тем больше прибавочная стоимость. Необходимое время, выражаемое в зарплате, для советского труженика было столь мало, что он вынужден работать дополнительно, за пределами формального рабочего дня, добывая на своём огороде хлеб насущный. Фактический его рабочий день в весенне-летне-осенний период был от утренней зари (на производстве) до вечерней (на подсобном хозяйстве).

Такой эксплуатации не мог позволить себе капиталист даже в период первоначального накопления капитала. Не было такого уровня эксплуатации и при феодализме, при котором даже барщинный крестьянин имел в неделю несколько свободных дней. Как свидетельствует документ "компетентных органов", кузнец совхоза Анжерский А. В. Хилько говорил в 1943 г.: "Жизнь при советской власти хуже, чем при крепостном праве. Тогда работали два дня на барина, а третий на себя". [16] Даже в рабовладельческом обществе поддержание физического состояния раба брал на себя его хозяин. Советский же хозяин - государство эксплуатировало своего гражданина не только на производстве, иная унизительную заработную плату, но и тогда, когда он работал на собственном огороде. Была установлена такая система налогообложения, что в иные годы она изымала в пользу государства почти всю стоимость, произведенную в личном "подсобном" хозяйстве.

Самообеспечение продуктами питания в совокупности с мизерной заработной платой, которая даже по официальной (разумеется, искаженной) статистике была в 1989 г. в 5-8 раз меньше, чем в ведущих государствах Запада, свидетельствовала о чудовищном экономическом принуждении советского человека. [17]

Однако в СССР в 30-е годы сложилась и система внеэкономического принуждения, также поимевшая аналогов в цивилизованных странах, где права и свободы человека сравнительно давно стали почитаться за высшую ценность. Введение паспортов, трудовых книжек, прописки по месту жительства, самозакрепление, а затем и насильственное закрепление рабочих за предприятиями, увольнение и даже уголовное преследование за нарушение трудовой дисциплины, выселение из квартир, лишение карточек и права пользования закрытыми распределителями предприятий и т.п. превращали рабочего в крепостного (без права передвижения, без права выбора профессии), вынуждали его покорно терпеть и не помышлять о каком-то бы ни было сопротивлении.

Ещё в худшем положении находился крестьянин (колхозник), который до середины 50-х годов не имел даже паспорта, и которому давали 5 и более лет заключения за невыполнение государством установленного минимума трудодней, или за горсть гороха, которую он принёс в кармане для своих голодных детишек. За работу в колхозе ему, как правило, не платили и брали огромные налоги натурой с подворья.

В 30-е гоня широко практиковалась вербовка сельских жителей на стройки и предприятия (заключение контракта на 2-3 года). Если уж у обычных рабочих не было никаких прав, то у завербованных и подавно. С ними можно было сделать всё. Разве только что не убить. Что такое завербованный, - красноречиво говорят воспоминания бывшей мотористки шахты им. Кирова г. Ленинска-Кузнецкого В.В.Пересторониной. Жительница Кировской области, она вместе с сестрами была завербована на Метрострой. Однако по приезде в Москву сестры были разосланы по разным городам СССР: двое - в Сибирь (г. Черемхово и пос. Мама), одну - оставили в Москве. Не помогли ни слёзы отчаяния, ни мольбы оставить их хоть куда, но только вместе. Прожив долгую и тяжелую жизнь, никто из них не смог даже приехать на похороны ни родителей, ни сестёр. А ведь это были свободные граждане страны Советов, которым Конституция гарантировала полный набор прав.

Но самым зловещим видом внеэкономического принуждения была система государственных лагерей для заключенных (ГУЛАГ). Через эту систему прошла значительная часть населения страны и особенно Кузбасса, как одного из самых густозаселенных лагерями регионов страны. Предками нынешних жителей Кузбасса были либо завербованные, либо раскулаченные, ссыльные, или бывшие заключенные. Как свидетельствуют документы, сталинские лагеря были одним из источников формирования рабочего класса Кузбасса. Многие крупные предприятия, такие как Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), трест "Кузбассуголь", имели

специальные договоры с краевым управлением лагерей на пополнение рабочей силой. [18]

Конечно, советское общество развивалось. Жизнь в нем в 70-80-е годы была как будто несравненно лучше, чем в 30-50-е годы. В советских семьях появились вместо табуреток - стулья, вместо черной тарелки репродуктора - радиоприемники и телевизоры, вместо землянок и коммунальных квартир - отдельное жильё, вместо фуфаяк - добротные пальто и даже шубы, вместо домотканых дорожек - ковры, вместо карточек 30-х и огромнейших очередей 50-х годов - свободная продажа хлеба ...Этот ряд "вместо" легко можно было бы продолжить. Увеличился и уровень душевого потребления продовольствия, промышленных товаров. Если в начале 50-х годов средняя заработная плата трудящихся СССР практически совпадала с индивидуальным прожиточным минимумом, то в 80-е годы она вдвое превышала его.

Но эти изменения в материальной жизни советских людей вряд ли могут стать поводом для патриотической гордости. Во-первых, они произошли, страшно сказать, за полвека. Во-вторых, достались они ценой десятков миллионов жизней (если не больше). В-третьих, в этом перечне изменений нет главного показателя качества жизни, о котором писал К.Маркс, - увеличения свободного времени. Того времени, которое идёт на восстановление физических и моральных сил, затраченных во время трудового дня. Того времени, которое идёт на духовное развитие человека, общение с семьей, друзьями. Сакраментальный вопрос- для чего человек работает? - Для того, что бы отдохнуть? - Для того, чтобы устраивать личные дела, дела семейные и общественные? А может вопрос надо ставить иначе? - Для чего человек отдыхает, устраивает личные, семейные и общественные дела? - Для того, чтобы лучше работать?

Лучше работать!, - отвечала на этот вопрос коммунистическая партия, отлив его в лозунг: "Всё для ... !" В разные годы многоточие заполнялось какими угодно словами, но там никогда не было адресата - человек.

В годы гражданской и Великой Отечественной войн этим словом был "фронт". В начале 20-х, а также второй половине 40-х годов - "восстановление разрушенного хозяйства". В конце 20-х и 30-е годы - "строительство социализма". Какое-то время 60-х годов - "строительство коммунизма" и т.д.

Соответственно этому расставлялись приоритеты интересов: сначала интересы государства, затем общества, и в самую последнюю очередь - человека (правда, эта "очередь" до него чаще всего не доходила). Проблема свободного времени в советской действительности всегда рассматривалась исходя из государственных интересов. А интерес государства, как известно, всегда был один - мировая социалистическая революция.

Во имя мировой революции создавалась сверхиндустриализация с конечным выходом на производство вооружения. Во имя неё производство предметов потребления в СССР стало третьестепенной задачей, что и породило их перманентный дефицит вплоть до гайдаровских реформ. Во имя

неё вся жизнь советского человека должна была строиться как трудовой подвиг, к которому он готовился не только на работе, но и дома, не только днём, но и ночью. А если учесть, что, как в 30-е, так и последующие годы, проблемы питания семьи советский человек должен был решать не столько во время рабочего дня на производстве, сколько после него, на личном подсобном хозяйстве, то станет ясно - свободное время у него фактически отсутствовало. Государство не позволяло ему, в прямом и переносном смысле, распрямить спину, освободиться от всепоглощающих проблем желудка, поднять голову и увидеть всё многообразие мира. О каком духовном развитии, как декларировало учение о социализме, могла идти речь применительно к советскому человеку?

Возникает логичный вопрос, а цивилизованная ли СССР страна? Если под цивилизацией понимать не только материальное (космические корабли, военно-промышленный комплекс, миллионы тонн угля, чугуна, стали), но и духовно-нравственное, счастливое сочетание которых, по мнению английского историка и философа А.Тойнби, и составляет цивилизацию.

Да! Советская литература и искусство развивались. Прорывались в страну отдельные произведения мировой культуры. Но становилась ли культура достоянием не только эстетов, но и рядовых учителей, врачей, инженеров, горных рабочих, металлургов, трактористов? Нет! Для этого у них просто не было времени. Точно так же, как и у их родителей, не сформировавших в них соответствующей потребности. Были, разумеется, и исключения, но они, как известно, лишь подтверждают правило. Вряд ли шахтёры руководствовались теорией свободного времени, как критерия качества жизни, когда весной и летом 1989 г., будто сговорившись, повсеместно выдвинули требование единого выходного дня и оплаты, как они выражались, "копытных" - времени продвижения от ствола шахты до забоя, времени, которое как рабочее им не засчитывалось.

Единый выходной по субботам и воскресеньям у шахтеров Советского Союза постепенно исчез ещё в середине 60-х годов. Тогда это объяснялось необходимостью дополнительной добычи угля для "неотложных нужд народного хозяйства". Мера объявлялась временной (как всегда), но с тех пор лишь волей случая шахтёр мог отдыхать в субботу или воскресенье. Это, естественно, отрицательно сказывалось на его семейных отношениях. И без того жена и дети редко видели дома своего кормильца. Почти всё время он был занят на работе: на наряде должен быть за полтора часа до смены, на дорогу от дома до шахты в условиях отдаленности жилых массивов тратил час - -полтора, столько же - на обратный путь. Не сложно подсчитать, сколько часов он отдавал производству, сколько часов, за вычетом сна, мог общаться с детьми, читать книги, ходить в театр. А если вспомнить про подсобные хозяйства? ...Одно, это, без учета экстремальности шахтёрского труда, способно было привести к потере душевного равновесия, здоровья.

А труд у них был тяжелым. В 1987 г. до 40% шахтеров Кузбасса были заняты физическим трудом. [19] По их собственному выражению, за смену они "выматывались". Проведя научное обследование, медики (цеховые

врачи, гигиенисты, физиологи, профпатологи) установили, что к концу смены наибольшая физическая утомляемость наступала у горнорабочих очистного забоя (ГРОЗ) 1-3 разрядов. Замеряя реакцию на внешние раздражители, показатели функций дыхания, процент содержания кислорода в крови и др. медики установили, что утомляемость ГРОЗ 1-3 разрядов была почти абсолютной - 97,5%, ГРОЗ 5 разряда - 69%, проходчиков - 63%, рабочих вспомогательных профессий 32-43%. До начала следующей смены люди не успевали отдохнуть. Только у 20% рабочих основных профессий (машинисты выемочных машин, машинисты подземных установок, гроз. проходчики, мастера-взрывники, электрослесари) наступало полное физиологическое восстановление, у 59% - лишь частичное, и у 21% оно полностью отсутствовало. Ничего удивительного в том нет. 67,4% обследованных шахтеров в выходные дни занимались домашним хозяйством. [20]

Сопоставление научно обоснованных рекомендаций медиков [21] с реалиями жизни создает удручающую картину. Врачи советовали: "Очередной отпуск проводить вне дома." А на кого шахтёр оставит своё "подсобное" хозяйство, пока он будет лечиться на курорте, в санатории, отдыхать в турпоездке? Поэтому только 30% обследованных шахтеров отпуск проводили вне дома. "За 2-3 часа перед началом работы, - советовали ученые, - не показаны физические нагрузки по дому...". А кто будет управляться на личном подворье? "Длительность сна между сменами, - настаивали медики, — не должна быть меньше семи часов". А откуда можно набрать эти часы, если 10 и более часов занят шахтой, а потом - домашним хозяйством, в котором шахтер должен приложить свои руки не только как земледелец или скотовод, но и как каменщик, плотник, штукатур-маляр и даже сапожник и портной. В условиях крайне неразвитой сферы услуг другого выхода у него не было. "Четырёхкратный режим питания при работе в первую смену и пятикратный - при работе во вторую, третью и четвертую смены...", - рекомендовали доктора. Но где было взять пресловутую колбасу на 2-3 "тормозка"? "Включать в ассортиментный минимум витаминизированные соки с мякотью, салаты из свежих овощей, - совет медиков, видимо, самый ироничный для Кузбасса с его тотальным дефицитом даже на обычные продукты.

Но медики не думали ни шутить, ни иронизировать. Они давали научные рекомендации, без соблюдения которых потеря здоровья становилась неизбежной. Это и случалось с неумолимой закономерностью. Проведя в начале 80-х годов медицинское обследование, доцент В.М.Ивойлов установил, что-уровень общей заболеваемости шахтеров Кузбасса составил 1939 случаев на 1000 работающих. Иными словами, каждый шахтер ежегодно болел в среднем дважды. По его данным заболеваемость зависела от следующих факторов: от режима питания (1480 - у соблюдавших, 1836 - не соблюдавших), от режима проведения выходного дня (1600-у отдыхавших, 1907 - работавших в домашнем хозяйстве), от места проведения отпуска (1709 - у отдыхавших вне дома, 1989 - отдыхавших

дома), от профессионального стажа работы (1285 - со стажем работы до 10 лет, 1725 - после 21 года).

Особенно разительна зависимость заболеваемости от пристрастия к алкоголю (1781 случай на 1000 обследуемых, злоупотребляющих алкоголем против 865 - почти его не употребляющих). Причем удельный вес злоупотребляющих алкоголем в исследуемой группе составлял 87,3%, курящих табак - 9,6%, имеющих плохой режим питания - 55,5%. С учетом тяжелого труда, отсутствия возможности для реабилитации сил табак и водка играли свою заметную роль в высокой заболеваемости шахтёров с временной утратой трудоспособности. На 1000 кадровых подземных рабочих приходился 11301 календарный день с утратой трудоспособности. [22] Было бы как будто вполне резонно отнести причины заболеваемости не на счёт государственных недоработок, а на счёт каждого индивидуума. Но в том и дело, что личное поведение программируется обществом, его производственными отношениями. Существовавшая в СССР система отношений в процессе труда, обмена, распределения и потребления предопределили образ жизни советского человека.

Перед ним в целом не было выбора - иметь или не иметь личное подсобное хозяйство, отдыхать или не отдыхать на курорте или в круизе, проводить выходные дни в загородной прогулке или заниматься домашним хозяйством, посещать оперу или "пить горькую" (как делали его отец, дед, но не делал квалифицированный рабочий царских времен или 20-х гг.), иметь привычку заниматься спортом или курить, пить, лежать на диване.

Этот сопоставительный ряд "или-или" можно продолжать довольно долго. Но вывод и без того ясен - советская система заботу о человеке не предопределяла. Хотя по теории марксизма именно она, забота о человеке, должна быть высшей ценностью социализма. Соотечественник в забое, за станком, за университетской кафедрой интересовал советского руководителя лишь как человек труда, как основной элемент производительных сил. Государственная забота о нём (бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатная квартира, всеобщая занятость и пр.) Не шла дальше заботы, скажем, крестьянина о своей лошади или корове, за которыми надо ухаживать, иначе рухнет хозяйство.

Некорректное и далеко не оригинальное сравнение человека с крестьянской скотиной потребовалось для того, чтобы заявить - на крестьянском подворье порядка было больше. Особенно видно это на примере травматизма. Достаточно сказать, что в 80-е годы на шахтах страны погибло 10 тыс. горняков (для сравнения, в это же время в военных действиях в Афганистане - 13 тыс. советских военнослужащих). В 1988 г. на шахтах Кузбасса погибло 152 шахтёра. То есть, за каждый миллион тонн добытого угля отдавалась одна человеческая жизнь. [23]

По данным историка доцента Б.И.Берлиштейгера эта трагическая пропорция между объёмом добычи и показателями травматизма, в том числе и смертельного, сохранялась десятилетиями. Причём, как установил профессор - гигиенист А.Д. Ткачев ещё в 70-е годы, травматизм был вызван

отнодь не техническими причинами или санитарно-гигиеническими условиями, на которые падало соответственно всего 14,9% и 6,7%. В 78,4% случаях производственные травмы при подземной добыче угля были обусловлены организационными причинами, то есть теми, которые при хозяйском отношении к делу устранимы. [24]

Следует добавить, что это происходило на фоне чудовищного загрязнения природной среды в Кузбассе. По мнению доцента Ю.Ф.Казнина, сделавшего специальный доклад на заседании Европарламента в Страсбурге, в Кузбассе был осуществлен экологический геноцид. Сверхконцентрация угольных, металлургических, энергетических экологически "грязных" предприятий привели к чрезмерной техногенной нагрузке на здоровье человека. Население подверглось комплексному воздействию токсических веществ, поступающих в организм человека с питьевой водой, атмосферным воздухом и продуктами питания, многократно превышающих допустимую дозу. [25] Не случайно в январе 1993 г. Кузбасс был признан зоной экологического бедствия.

Всё это в совокупности отражалось на здоровье кузбассовцев. В 1988 г. из 13 групп наиболее распространенных болезней заболеваемость по 4 группам превышала в Новокузнецке всесоюзный уровень: по глазным болезням - на 11%, заболеваниям органов дыхания у детей -на 30%, злокачественным образованиям - на 34%. Заболеваемость бронхиальной астмой в районе КМК была в 7,5 раз выше, чем в контрольном сельском районе. По мнению ученых Кемеровского мединститута и Новокузнецкого института усовершенствования врачей на промышленных предприятиях Кемеровской области не осталось здоровых женщин репродуктивного возраста. Группа риска по акушерской патологии составляла 99%(!!) от общего числа ждущих ребёнка. Каждый второй ребенок, рожденный женщиной, работающей на любом из химических предприятий, требовал реанимации. [26] По данным кардиолога профессора Л.С.Барбараша более 50% населения Кузбасса умирало в связи с болезнями сердца и сосудов. В структуре причин инвалидности сердечно-сосудистая патология составляла в 1988-1990 гг. 28,5 - 29,3%.

Кладбища городов Кемеровской области имеют одну особенность - на них много памятников с фотографиями сравнительно молодых мужчин. Едва выйдя на пенсию в 50 лет, шахтер, химик вскоре умирал, не дожив даже до 55 лет. Кладбища Кузбасса, его онкологические, туберкулезные диспансеры, кардиологические отделения больниц, забитые сравнительно молодыми людьми, - наглядный результат социалистической индустриализации, коммунистического эксперимента. Жизнь человеческая - как плата за достижение так и не осуществленной амбициозной цели мировой социалистической революции.

Причина такой мрачной картины с материальным положением человека и его физическим здоровьем заключается в том, что за годы советской власти прочно сложился экстенсивный затратный хозяйственный и политический механизм, при котором практически полностью исключалась

оценка достижений на основе социальной эффективности. В результате, скажем, производительность труда американского рабочего была в 5-10 раз выше советского. Хотя по теории марксизма каждая последующая общественно-экономическая формация обеспечивает качественно более высокую производительность труда по сравнению с предыдущей. Так было при переходе от первобытной к рабовладельческой, от рабовладельческой к феодальной, от феодальной - к капиталистической формации. Но так не стало при переходе к социализму. Мало того. Производительность труда в СССР имела тенденцию к понижению. В частности, в угольной промышленности Кузбасса по подсчетам ученых института Угля (Кемерово) она упала с 1975 г. по 1985 г. почти в два раза. [27]

Отвечая на вопрос о причинах неэффективности экономики СССР известные ученые - политолог А.П.Бутенко и экономист Г.Х.Попов - ещё в середине 80-х годов пришли к выводу, что политические регуляторы поглотили производственные отношения. Результатом этого поглощения стал затратный хозяйственный и Политический механизм. Это устранило подлинную политику, свело волюнтаризму одних и аполитичности других. Создало тупик в экономической жизни.

Почему, например, среднемесячная нагрузка на лаву при примерно одинаковой технике в ФРГ в 1989 г. была в 6 раз (!) выше советской (1800 т. против 320 т.)? Или, скажем, почему очисткокомплекс на шахте "Распадской" при мощности пласта 5,5 метров вынимал только 3,5 м., а остальное шло в отвал? Почему и во всех угольных регионах страны коэффициент извлечения угля не превышал 0,5, а всё остальное оставалось под землей, гибло безвозвратно? Видимо, потому, чтобы, как иронизируют учёные института Угля, люди получали ордена и медали за ударный труд. [28]

В результате угольные запасы быстро "съедались", и не успевали сдать шахту в эксплуатацию, как тут же ставили её на реконструкцию. Так было с самой мощной в стране шахтой "Распадской", так было с новыми шахтами в 30-е и последующие годы. Колоссальные затраты, которых легко можно было избежать, покрывались дотациями за счёт других. Но так было не только в одной угольной промышленности. Так было и в оборонном комплексе, и в сельском хозяйстве, и на транспорте и пр. За счёт каких же "других" осуществлялись дотации? Вывод один - за счёт человека. За счёт минимизации его потребления, за счёт неразвитости сферы услуг за счёт усиления его эксплуатации. Всё это коренным образом противоречило основной цели социалистического производства - максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Острота положения усугублялась системой управления угольной промышленностью. Она была выстроена так, что рабочий в ней был низведен до уровня ничтожного винтика. Особую роль в этом играла отраслевая система нормирования. Заложенные в ней принципы были настолько примитивны, что не позволяли объективно учитывать реальные условия работы и действительный вклад каждой бригады и каждого её члена в конечный результат. Среднеотраслевые нормативы при наличии множества

уточняющих коэффициентов позволяли чрезвычайно вольно трактовать как плановые задания, так и заработки по ним. Наглядное подтверждение тому - действия министра угольной промышленности М.И.Щадова во время воркутинской забастовки шахтеров весной 1989 г. Тогда шахтёры, обнаружив явное несоответствие между месячной заработной платой и объёмом работ, забастовали, а приехавший министр быстро нашёл "нужные" нормы и расценки, уменьшив одни (нормы), увеличив другие (расценки). Картина с "научно-обоснованными" нормами и расценками стала очевидной.

Итак, материальное положение трудящихся Кузбасса, как и у всей страны, было удручающим и исторически предопределенным. Знало ли об этом руководство? Как будто бы - да! Возьмёт к примеру, вопросы жилья, коммунального и социально-бытового строительства. На бюро обкома КПСС 21 ноября 1984 г. по этому вопросу был принят специальный план мероприятий на 1985-1990 гг. Каждый год (один, два, а то и три раза) на партийных конференциях, пленумах, бюро и секретариатах обкома партии рассматривался ход выполнения этого плана. А весной 1989 г. за один только февраль этот вопрос в той или иной форме поднимался четыре раза. [29]

Такая настойчивость должна была впечатлять. Но вот "Записка" заведующего социально-экономическим отделом обкома КПСС А.Н. Чельшева от 15 мая 1989 г. Из неё видно, что актив (то есть высшего в области партийного органа (фактически государственного) была лишь её имитацией. Вместо анализа этой острейшей проблемы в "Записке", с плохо скрытым облегчением, сообщалось: "... В связи с изменением функций партийных организаций... вопрос с контроля снять". [30] А, ведь именно вопрос о социально-бытовой неустроенности, "снятый" обкомом партии, был принят шахтерами одним из главных в весенне-летних забастовках 1989 г.

К лету 1989 г. 540 тыс. кузбассовцев (из почти 3 млн. жителей) жилья вообще не имели. Либо имели то, что и жильём назвать было трудно. "Я видел столько домов, - говорил на совещании в обкоме партии член Политбюро ЦК КПСС Н.Н.Слюньков, - что сам бы ночевать там не лег... Лучше бы построил рядом курятник, чем жил бы каждую минуту в состоянии опасности, что дом может рухнуть... ". [31]

Как показал анализ документов обкома и горкомов партии, из года в год нарастал поток жалоб по вопросу о жилье. Если в 1986 г. в Новокузнецкий ГК КПСС поступило 28 таких жалоб, в 1987 г. - 58, то в 1988 г. - уже 236. Это составило почти третью часть от общего количества жалоб (всего их было 1441). [32] Перспектива получения жилья для многих кузбассовцев была весьма призрачной. Так, например, в ПАТП-4 (г. Новокузнецк), бастовавшем в марте 1989 г. очередь на жильё за 1988 год не продвинулась ни на одного человека. А было в ней 92 чел. [33] Острота положения с жильём в Кузбассе была не случайной. За предзабастовочное десятилетие здесь были самые низкие темпы роста обеспеченности жильём, чем в любом другом регионе РСФСР. (!?) [34]

После июльской 1989 г. забастовки "вдруг" выяснилось, что в обкоме КПСС Знали о положении с жильём, и даже были осведомлены о причинах отставания в его (строительстве). Во всяком случае, первый секретарь обкома КПСС А.Г.Мельников в своей горячей речи, адресованной представителям высшего руководства страны, доказывал, что Центр просто обирает Кузбасс. По его словам, Москва оставляла лишь небольшую часть производимых в Кемеровской области строительных материалов. Из 4 млн. 717 тыс.т. цемента при потребности в 2 млн. Кузбассу доставалось всего лишь 1 млн. 530 тыс.т., шифера - из 122 млн. условных плит - 27 млн. (при потребности в 42 млн.), оконного стекла - из 12 млн. кв.м. 2,5 млн.кв.м. (при потребности 3 млн.) и др. Такая же картина наблюдалась в отношении производимых в Кузбассе товаров народного потребления. Из 14 млн. метров шерстяных тканей кузбассовцы получали всего 0,7 млн. метров, при потребности в 1,8 млн. метров. [35]

Надо заметить, что такое "прозрение", а главное смелость высказываний, адресованных Центру, была характерна не только для Мельникова, который, как и его предшественники Н. С. Ермаков и В.В.Бакатин, действительно не раз обращались в ЦК КПСС с предложением пересмотреть отношение Москвы к Кузбассу. На партийных форумах, областного, городского и районного масштабов, состоявшихся сразу после шахтерской забастовки (и особенно в 1990 и 1991 гг.), выступавшие партийные, советские и хозяйственные руководители (даже профсоюзные и комсомольские) наперебой упрекали Центр в близорукости по отношению к Кузбассу. Попутно они сообщали собравшимся о собственной прозорливости и смелости, которую они-де не раз проявляли, апеллируя к высокопоставленным московским чиновникам. В свою очередь высшее советское руководство не упускало возможности обвинить местных руководителей в том, что они "не так" решали проблемы. В целом правы как те, так и другие. Существовавшая система (как экономическая, так и политическая) давно исчерпала свои административные возможности как в центре, так и на местах.

Однако правоту сторон следует признать всё-таки условной. Архивные документы не подтверждают прозорливости местных руководителей и особенно их смелости. В "застойные времена" их речи были полны "верноподданнических" фраз. Если они и отваживались на критику, то только "отдельных недостатков". Были случаи, когда даже первые секретари горкомов и райкомов партии (настоящая власть в городе и районе) не решались публично произнести резкие, но справедливые фразы (например, о колониальном положении Кузбасса), хотя в "домашних заготовках" их выступлений они имелись. И было это не в каком-то ужасном своими репрессиями 1937 г. или, скажем, 1949 г., а в "перестроечном" 1988 г. Такая фраза могла стоить им карьеры. Возможно они были безудержно смелы и отважны на бюро горкомов и обкома партии, но в архивах стенограммы не сохранились, только - протоколы.

Зато архивные документы с полной очевидностью свидетельствуют об искусстве отписок. 14 февраля 1989 г. ЦК КПСС провёл в Москве встречу с представителями рабочего класса СССР. И хотя, как всегда бывало в подобных случаях, на встрече присутствовали "сто раз проверенные" передовики производства, тем не менее в выступлениях участников были подняты многие социально-экономические проблемы, нерешаемые как в центре, так и на местах. Казалось бы, раз всесильный ЦК КПСС услышал чаяния трудящихся, то дело пойдёт. Но на этом "услышал" всё и закончилось. Это видно из информации Кемеровского обкома КПСС в Центральный комитет о мероприятиях по реализации предложений и замечаний, высказанных на совещании. Заведующий отделом обкома А.Артёмов в двух абзацах, на одной странице как бы нехотя сообщал, что эти предложения рабочих "планируется обсудить на пленумах и активах обкома, горкомов и райкомов партии...", что они будут учтены при формировании планов партийных органов. [35]

А ведь к этому времени в Кузбассе обстановка созрела критическая. Первые прорывы недовольства случатся уже через месяц, а ещё через четыре - произойдёт настоящий взрыв, который потрясёт всю мировую социалистическую систему. А обком партии намеревался лишь "обсуждать" и "учитывать в планах".

Характерной чертой партийных решений была декларативность, схематизм, отсутствие механизма в их реализации. В существовавшей системе власти решения партийных органов фактически становились местными законами и были обязательны для выполнения всеми структурами общества. Например, бюро обкома КПСС 21 марта 1989 г. приняло "План мероприятий по выполнению критических замечаний Председателя Совета Министров СССР Н.И.Рыжкова, высказанных им во время пребывания в Кузбассе 9-11 марта". [36] Однако в этом документе, рассчитанном на перспективу, лишь два-три пункта имели характер деловых - "разработать концепцию регионального хозрасчёта", "разработать эффективную структуру управления". В остальных пунктах ключевыми словами были - "провести конференцию" (собрание, пленум и т.п.), "обсудить меры", "организовать дискуссию", "информировать", "заслушать".

За четыре дня до начала всеобщей забастовки шахтёров Кузбасса, 7 июля 1989 г., состоялся пленум Кемеровского обкома партии. Казалось бы, вот где должна была идти речь об острых социальных проблемах, накопившихся в Кузбассе. Тем более, что для этого была вполне подходящей повестка дня. Обсуждался вопрос "О задачах трудовых коллективов, советских, хозяйственных и партийных органов по ускоренному наращиванию выпуска и улучшению качества товаров народного потребления в свете...". Но прошло обычное, вялотекущее партийное действие, как год, десять, двадцать пять, пятьдесят лет назад. Только там была бы другая формулировка "в свете...". Здесь стояло "в свете установок ЦК КПСС и XXI областной партийной конференции" [37], а там было бы "в свете ... ЦК ВКП(б) и речи тов. Сталина (Хрущева, Брежнева)".

Всё это, однако, не означает, что Кузбасс имел неспособных руководителей. Маловероятно, что это были неумные или, скажем, какие-то злые люди. Кадровая политика КПСС обеспечивала в общем-то неплохую селекцию. Секретарем горкома, райкома, не говоря уж об обкоме партии, не мог стать человек, не прошедший серьезной хозяйственной или советской работы (комсомольской, реже профсоюзной). Это были, как правило, специалисты, хорошо знающие производство. Почти все они прошли обучение в Высшей партийной школе, Академии общественных наук, получив второе высшее образование (политическое). Но, видимо, это обучение носило столь формальный и поверхностный характер, что они так и оставались хозяйственниками. Хотя, осуществляя власть, они должны были быть не столько менеджерами хозяйства, сколько политиками.

Некоторые из них это отчётливо понимали и сами. Первый секретарь Новокузнецкого ГК КПСС А.И.Ленский прямо заявил на городской партийной конференции, что характерна "некомпетентность большинства кадровых партийных функционеров в вопросах экономики, социологии, психологии и в целом политологии". [38] Правда, сказано это было в мае 1990 г., когда под влиянием рабочего движения отрезвление наступало у многих. До того же система, в которой они работали, требовала от них лишь хорошей исполнительности принятых "наверху" решений. Именно отсюда происходили однотипные, как под копирку, решения городских комитетов КПСС почти по любому вопросу, даже по вопросу о забастовках. Кроме дефицита политической подготовленности партийным руководителям (как и прочим руководителям), видимо, всё-таки не хватало интеллектуальной смелости и гражданского мужества подойти к анализу обстановки с нестандартных позиций, увидеть проявление кризиса. Вероятно, это и имел в виду Н.Н.Слюньков, заявивший на партийно-хозяйственном активе 23 июля 1989 г.: "Мы оказались совершенно не подготовленными ни к анализу, ни к оценке ситуации, ни к действиям". [39]

Выясняя причины забастовки, группа социологов Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (Т.И.Заславская, А.Г.Левинсон, Э.Д. Азарх, А.И.Гражданкин), провела в июле 1989 г. в Макеевке (Донбасс) и Междуреченске (Кузбасс) исследование. Ученые пришли к выводу, что, хотя недостаточная оплата труда, трудности в приобретении продовольствия и товаров, низкий жизненный уровень, плохие условия труда и сыграли свою роль в возбуждении шахтёров, но всё-таки основной причиной явилось то, что органы власти исполняли свои обязанности плохо. "Налицо кризис ... патерналистской (попечительной) системы управления, - считали они. Такой кризис может разрешиться на путях кардинального изменения системы". [40]

Пытались выяснить причины забастовки и делегаты 28 съезда КПСС, состоявшегося летом 1990 г. Соблюдая верность большевистской традиции, участники съезда принялись искать виноватых. Вопреки прежней партийной традиции - восхвалять своего Генерального секретаря, они стали обвинять М.С.Горбачева. По их мнению, Горбачев возбудил народ, призвав его

"давить" на чиновников "снизу", создал угрозу всей политической системе. А кузбасская делегация, по сообщению некоторых источников, даже сговаривалась поставить вопрос об исключении его из партии.

Слов нет. "Вина", а по сути заслуга М.С.Горбачёва перед Историей велика. Сам того не желая, своими действиями он подвёл народ к пониманию необходимых перемен. Провозгласив гласность, он способствовал становлению свободы слова. Заявив в ноябре 1987 г., что Бухарин, Зиновьев, Каменев и др. репрессированные в 30-е годы деятели большевистской партии были не врагами народа, а лишь пытались найти правильные пути построения социализма, он тем самым допускал возможность критических высказываний без боязни быть объявленным оппозиционером. Не преследуя за смелость мысли, он способствовал формированию в СССР идеологического многообразия, которое, в конце концов, привело к ликвидации сначала идеологической, а затем и политической монополии КПСС.

Некоторые центральные периодические издания ("Московские новости", "Аргументы и факты", "Огонёк", "Известия") осмелились на достаточно откровенные антипартийные, а порой и антисоциалистические публикации. В Кузбассе этим отличалось областное телевидение (директор Г.М.Митякин), с его исключительно популярной информационной программой "День за днём"(позднее "Пульс") (редактор А.Г.Колпаков). Успешно выходили из-под идеологического контроля партийных органов областная молодёжная газета "Комсомолец Кузбасса" (позднее "Кузнецкий край") (редактор Е.А.Богданов), городские газеты "Шахтёрская правда"(г. Прокопьевск) (редактор В.М.Гужвенко), "Знамя шахтёра" (г. Междуреченск) (редактор П.П.Шабрихин), "За коммунизм" (г. Березовский), "Кузнецкий рабочий" (г. Новокузнецк). Даже газета обкома КПСС "Кузбасс" (редактор А.В.Трутнев) отваживалась на отдельные довольно смелые публикации как собственных журналистов (Т.С.Ганичевой, М.Л.Лобановой, Д.М.Шагиахметова, В.Б.Попка и др.), так и авторов "со стороны".

Смелые публикации снимали у людей страх за откровенное слово, накопленный десятилетиями и ставший образом жизни со-вотского человека. Впервые за 70 лет советской власти стало возможным отказаться от привычной формулы - говори одно, думай другое, делай третье. В этом плане даже годы хрущевской "оттепели" не в счёт.

Это хорошо понимали и в партийных органах, пытаясь удержать средства массовой информации в строгих рамках официальной идеологии. Например, междуреченский ГК КПСС только за один 1989 г. дважды (в марте и декабре) пытался "поставить на место" журналистов своей газеты. Секретарь ГК КПСС З. М.Проказина с большевистской прямоотой и жесткостью заявила: "Журналист - это наёмный работник, который работает на условиях, диктуемых издателем". [41] Березовский ГК КПСС также стремился обуздать городских журналистов, присылая им раз за разом новых редакторов (судя по архивным документам профессионально малоподготовленных, но зато своих людей), раздавая наказания строптивым

(Н.С.Степановой, А.Ф.Гусеву и др.). Бюро обкома КПСС, борясь за "идейную чистоту", 20 июня 1989 г. признало работу студии телевидения "недостаточной". Журналисты были обвинены в субъективизме, "протаскивании групповых интересов", мелкотемье, недостатке достоверности и конструктивизма, погоне за сенсационностью. Правда, на "оргвыводы", то есть увольнение, выговора и пр. пойти не решились. Времена были уже не те, когда после подобной характеристики следовали не только увольнения, но и уголовные сроки. [42]

Для изменения психологии трудящихся большое значение имел закон о предприятиях 1987 г., который предусматривал избрание не только бригадиров, начальников цехов, но и директоров. Благодаря реализации этого закона у людей стала сниматься выработанная десятилетиями привычка к заискиванию и раболепствованию даже перед самым маленьким начальником. Попав в положение избираемого, начальник сам оказался в зависимом от своих рабочих и служащих положении. Это быстро осознали рабочие. Изменилось их поведение. Молчаливая покорность не только к деловым приказам, но и к самодурству начальства, сменилась настойчивой требовательностью по соблюдению руководством предприятия прав трудящихся. Декларируемая партийной идеологией социальное равенство порой находило выход в демонстративном игнорировании начальства. Особенно если оно допускало необоснованные для себя привилегии. Видимо, отсюда вышло требование забастовщиков о резком сокращении управленческого персонала на предприятиях.

В связи с нередкими разоблачениями в печати партийных и других руководителей большого и самого большого ранга (в Кузбассе ими стали секретари обкома КПСС В.Г.Жеваго и В.В.Желтов) стала исчезать фетишизация и политической власти. Власть теряла уважение. Мало того, она стала вызывать раздражение величием своих зданий на фоне бараков 30-х годов, спецобслуживанием чиновников при всеобщих дефицитах продовольственных и промышленных товаров. Люди и раньше догадывались, что рубль советского чиновника ("аппаратчика") обладал более высокой покупательной способностей, но теперь, в период гласности, они в этом убедились наверняка. Факты привилегированного обеспечения скрывать стало невозможно.

О "спецблагах" в Кузбассе в какой-то степени дают представление два постановления бюро обкома КПСС от 1 августа 1989 г., когда под влиянием забастовки пришлось отказаться от некоторых из них. Запрещалась продажа продовольствия в буфетах и столовых партийных комитетов, исполкомов Советов и аппаратов производственных объединений "на вынос" (там были товары, как правило, дешёвые, а главное в них не было большого недостатка). Закрывались залы столовых, предназначенные для питания руководителей (отменная кухня, терпимые цены), спецбольницы и спецполиклиники (лучшее медицинское оборудование, отсутствие очередей, любезные улыбки персонала и пр.) переводились на обслуживание населения по месту жительства. Закрывались спецателье по пошиву одежды

(квалифицированные закройщики и портные, очень дешёвые, но добротные ткани и меха). Спецдача для очень высокопоставленных чиновников передавалась больным детям и др. [43]

На изменение сознания советских людей существенным образом повлияла и разрядка международной напряженности. Причём горбачевская разрядка коренным образом отличалась от брежневской начала 70-х годов. У них была разная методологическая основа. При Горбачеве осуществлялась принципиально новая внешнеполитическая доктрина. Впервые с 1917 г. мирное сосуществование государств с различным социальным строем декларировалась как цель внешней политики СССР. При Ленине, Сталине, как известно, главной целью международной деятельности как формально, так и фактически было развитие мировой социалистической революции (что на деле означало объявление перманентной войны с капиталистическими странами). И даже при Хрущеве, провозгласившем в 1956 г. (на 20 съезде КПСС) мирное сосуществование, оно трактовалось не целью внешней политики Советского Союза, а формой классовой борьбы с империалистическими странами. Отсюда непрерывная международная конфронтация, отсюда самоизоляция страны от мировой цивилизации, отсюда свёртывание разрядки во второй половине 70-х годов. Теперь же, при Горбачеве, капиталистические страны уже не рассматривались как объект классовой агрессии.

Как следствие, информационные связи с Западом перестали быть запретными. В стране стала появляться западная литература, в том числе и политическая. Зарубежные радиостанции уже не глушились. Стали практиковаться международные телемосты. Без прежних трудностей советский человек мог поехать в другую страну, причём не обязательно туристом. Идеологическая самоблокада СССР постепенно уходила в прошлое.

В этих условиях советский человек с полнейшей для себя неожиданностью вдруг увидел, что рабочий (крестьянин, учитель, врач, инженер, ученый и даже безработный) в проклинаемом капитализме, живёт несравненно лучше его самого. Выяснилось, что система социальных гарантий в СССР, которой он всегда гордился, на самом деле жалка и ничтожна. С изумлением он узнал, что условия труда, заработная плата американского (английского, немецкого, итальянского и даже кувейтского) рабочего на порядок выше его собственных. Пенсионер Запада, оказывается, вполне обеспеченный человек, а не обитатель ночлежек и потребитель благотворительных обедов, о чём неустанно твердила партийная пропаганда.

Чувство недоумения, досады за свою бесцветно уходящую нищенскую жизнь, чувство злости на тех, кто его обманывал все эти годы, - прочно утверждалось в психологии советского гражданина. К началу 1989 г. он уже не был покорным, безропотно-молчаливым очевидцем происходящего, готовым, как в былые времена, равнодушно проголосовав за кого угодно, когда угодно и за что угодно. Прав, абсолютно прав Член Политбюро ЦК КПСС Н.Слюньков, заявивший своим кузбасским коллегам по партии в июле

1989 г.: "Раньше рабочий класс мирился и терпел. Сейчас, во время перестройки, во время действия гласности, демократизации ... он терпеть не будет". [44]

А тут подоспели выборы в Верховный Совет СССР, которые, судя по всему, и определили время начала рабочего движения. На этих выборах были введены новые правила избрания народных депутатов. Впервые с начала 20-х годов была допущена возможность выдвижения нескольких кандидатов на одно депутатское место (формально это право существовало всегда, но реализовано впервые). И хотя КПСС, оставаясь политическим монополистом, обеспечила себе абсолютное большинство мест, избиратели получили возможность выбора между двумя кандидатами. Такого выбора ни они сами, ни их отцы, ни деды никогда не имели, законопослушно опуская бюллетень за единственного в списке " кандидата блока коммунистов и беспартийных".

Весной 1989 г. представилась широкая возможность выдвижения кандидатов без "указания сверху". Правда, почти всех неугодных кандидатов партийные органы сумели отсеять на окружных собраниях. Но чувство удовлетворения своей возможностью делать выбор у избирателей осталось. Тем более в Кузбассе, где удалось "завалить" почти всех номенклатурных кандидатов: председателя облисполкома А.Ф.Лютенко, бывшего заведующего отделом обкома КПСС А.Г.Тулеева, секретаря Беловского ГК КПСС А.М.Зайцева и др. Вместо них избрали представителей интеллигенции, ученых: профессоров Б.А.Денисенко и В.Я.Медикова, доцентов Ю.Ф.Казнина и Ю.В.Голика, а также выдававшего себя за борца с тоталитарной системой хозяйственника Т.Г.Авалиани. Избиратели Кузбасса тогда не могли не почувствовать уверенности в своих силах, не испытать чувства гордости и гражданского достоинства.

По мнению историка профессора Л.А.Гордона, сочетание ряда обстоятельств привело к тому, что рабочее движение в стране возродилось именно в шахтёрской среде. Здесь особое значение имела сама природа подземного труда, в котором смертельная опасность ставит всех в зависимость друг от друга. Тем самым вырабатывалась повышенная способность к коллективной сплоченности, личной инициативе, незаурядному мужеству, дисциплинированности. Немаловажно и то, что в шахтёрской среде была довольно значительная прослойка людей с высшим образованием, привлеченных на шахты относительно высокой зарплатой. Из них получились хорошие организаторы рабочего движения.

Социолог доцент. П.В.Бизюков в сентябре 1990 г., проведя изучение 1300 подземных рабочих г. Ленинск-Кузнецка составил демографический портрет шахтёра Кузбасса. Это был мужчина зрелого возраста (37,5 лет), довольно образован (5% имели высшее или не законченное высшее образование, 77% - среднее или среднеспециальное, 18% - ниже среднего), имевший доход выше, чем в среднем по области (434 руб., для сравнения - профессор имел чуть больше 500 руб.), семьянин (3-4 чел.), отличался постоянством (стаж работы на одной шахте - более 10 лет). Как утверждает

ученый, кузбасский шахтёр "это наёмный рабочий, ориентированный прежде всего на заработок, не склонный плыть по течению, а стремящийся сам устроить свою судьбу, ориентированный на коллектив и готовый ради него поступиться личными интересами". [45]

Резюмируя вопрос о причинах возрождения рабочего движения, можно, таким образом, утверждать, что они заложены в самой природе социализма. Средства производства, принадлежавшие государству, были направлены на удовлетворение партийных интересов в виде развития военно-промышленного комплекса как материальной базы мировой социалистической революции. Интересы человека игнорировались. Это закономерно определило высокую степень эксплуатации советских трудящихся, их убогое материальное существование и даже массовую гибель. В Советском Союзе всё население оказалось наёмным работником у государства. Структуры управления государством оказались прогнившими. Его чиновники - малопригодными для осуществления управленческих функций. Они принимали неадекватные решения. Особенно отчётливо это видно на примере деятельности партийных органов, как органов фактической государственной власти.

Через своих чиновников (партийную, советскую, хозяйственную, профсоюзную, военно-карательную номенклатуру) государство строго регламентировало жизнь советских людей. Социальные интересы основной массы наёмных работников были не тождественны интересам номенклатуры, как и интересам государства, имевшему целью мировую социалистическую революцию. Естественный и объективный интерес трудящихся состоял в необходимости покончить с системой государственного социализма. Естественный и объективный интерес номенклатуры состоял в сохранении системы, делающей государственные органы всемогущими, а их собственное существование безбедным. Это принципиальное противоречие делало социальный взрыв неизбежным.

То, что он произошёл сначала в Кузбассе, а затем распространился на всю страну, на весь социалистический лагерь, по большому счёту, - историческая случайность. В принципе Кузбасс мало чем отличался от других регионов страны. Бесспорно, ряд проблем здесь стоял острее. Кузбасс, как писал журналист Вл. Куканов, пострадал трижды. Первый раз во время Великой Отечественной войны, когда сюда свезли более сотни предприятий, а людей "растолкали по баракам, землянкам, мазанкам". Второй раз в связи с "холодной войной", когда оборонный комплекс "отсосал львиную долю небогатых ресурсов". Третий раз - в 60-70-е годы в связи с наступлением на ресурсы края монстров тяжелой индустрии. [46] Но за долгие годы кузбассовцы свыклись с положением "колониальной окраины". Не имея возможности повседневного сравнения своего уровня с уровнем жизни населения других регионов, они не ощущали остроты своего незавидного положения. А о некоторых проблемах (экологической, например) в силу своей неинформированности они даже и не знали. С одной стороны, Кузбасс явно проигрывал в сравнении с Прибалтикой, Украиной,

Москвой, Ленинградом и пр., с другой - выглядел процветающим на фоне республик Средней Азии, районов Крайнего Севера, сельских-районов Центральной России и пр.

Существенно и то, что образованные и информированные рабочие 80-х годов стали оценивать своё положение, сравнивая не столько с жизнью своих отцов и матерей (чем увлекались многие партийные пропагандисты), сколько со своими выросшими представлениями о нормальном жизненном стандарте.

Увеличение информированности населения, появление возможности некоторого выбора, снятие жестких цензурных пут с печати, устных выступлений и др. способствовали определенному изменению психологии советского человека. Уходила в прошлое его робость, терпимость и молчание.

Вот что писали сами шахтеры о причинах забастовки в своём обращении трудящимся, к Верховному Совету СССР 26 июля 1989 г.: "Из года в год копились социально-экономические проблемы Кузбасса. Колониальная политика министерств и ведомств принесла региону развороченную землю, вырубленные леса, обмелевшие и отравленные реки, загрязнённую атмосферу. Перестройка волной надежды, придающей силу и уверенность в победу здоровых сил, прокатилась по всей стране. Однако прошедшие четыре года без изменений к лучшему охладили восторженный пыл, заставили пристальней посмотреть вокруг. По-прежнему глухой ко всему живому промышленный комплекс давит ростки всего нового, свежего. По-прежнему нам оставляют одно безграничное право: трудиться в тяжелых условиях, жить в трущобах, питаться некачественными продуктами, пить отравленную воду, дышать загрязненным воздухом. Кредит доверия иссяк, терпению кузбассовцев пришёл конец". [47]

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ I

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 75. Оп. 66. Д. 34. Л. 55.
2. Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов, (апрель 1989 г. -март 1992 г.). Составитель Л.Н.Лопатин. Редакционная коллегия: Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, Л.Н.Лопатин (отв. редактор). Поиск документов вели: Н.В.Галгин, К.А.Заболоцкая, А.И.Копытов, А.А.Куделин, Л.Н. Лопатин, Н.Л.Лопатина, Г.А.Макурина, В.А.Сергиеико. - Кемерово. - 1993. - С. 57.
3. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 39. Л.91.
4. Там же. Д. 119.
5. ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 76. Л. 65.
6. ГАКО. Ф.75.Оп. 66. Д. 24. Л. 80, 81.
7. Плановое хозяйство СССР. - 1931. - № 5-6. - С. 76.
8. Подсчитано по данным - Плановое хозяйство СССР. - 1932. - № 3-4. - С. 112.

9. Плановое хозяйство СССР. 1931. - № 4. - С. 79. - Наша газета. - 1991. - 5 апр.
10. Плановое хозяйство СССР. - 1934. - № 4. - С. 121.
11. ГАКО. Ф. 110. Оп. 47. Д. 2. Л. 97.
12. Комсомольская правда. - 1991. - 18 окт.
13. Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, Л.Н.Лопатин. Рабочее движение в начале послесоциалистического развития - вводный очерк//Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов. - С. 9.
14. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). - Новосибирск, 1982. - С. 302.
15. Текущий архив администрации Кемеровской области. (Приложение к докладу председателя облисполкома. - С. 28-29).
16. ГАКО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 52. Л.9-11. (В кн. Неизвестный Кузбасс. См. сноску).
17. Л.А.Гордон. Очерки рабочего движения в послесоциалистической России. Субъективные наблюдения, соединённые с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования. - М., 1993. - С. 19.
18. Неизвестный Кузбасс. Сборник архивных документов. (под общей редакцией В.А.Сергиенко. Руководитель группы составителей Н.В.Галкин) Вып.2. - Кемерово, 1995. Подробнее см. Спецререселенцы в Западной Сибири (ответственные редакторы В.П.Данилов, С.А.Красильников). - Т. 1. Новосибирск, 1993; Т. 2. Новосибирск, 1994.
19. ГАКО. Ф. 496. Оп. 42. Д. 2. Л. 68.
20. К.Б.Ниренбург, Н.Н.Давыдова, Л.А.Дятлова, Н.Д.Богомолова, Э.Л.Гончарова, К.Г.Громов, Н.П.Кокорина, Н.И.Лебедева, Н.Г.Бедяева, В.В.Щетинин, Р.В. Борисенкова, С. И.Логунов, О.П.Рушкевич, М.И.Цигельников, В.Е.Носкова. Гигиенические аспекты сохранения здоровья шахтёров. Методические рекомендации. Научный руководитель А.П.Михайлуц. - М., 1992. - С. 5-8.
21. Там же. - С. 17-25.
22. В.М.Ивойлов. Социально-гигиеническая характеристика рабочих угольных шахт и пути совершенствования лечебно-профилактической помощи. Методические рекомендации. (Для служебного пользования). - Кемерово, 1984. - С.4-11.
23. Комсомольская правда. - 1898. - 28 июля.
24. А.Д.Ткачёв. Анализ производственного травматизма с временной утратой трудоспособности у шахтёров (по данным Кузбасса). Методические рекомендации. (Для служебного пользования). - Кемерово, 1978. - С.51. Об этом же см. К.Г.Ниренбург, Э.Л.Гончарова. Пути снижения многократного травмирования шахтёров. Методические рекомендации. - Кемерово, 1991.
25. Ю. Ф.Казнин. Материалы к обоснованию предоставления отдельным территориям Кемеровской области статуса зоны экологического бедствия (рукопись). - Кемерово, 1992. - С. 50-59.
26. Аргументы и факты (АиФ). - 1989. - № 30.
27. Известия. - 1989. - 28 июля.

28. В.Н.Федоров, Н.А.Жданкин. Три рецепта углепрому//ЭКО. - 1989. - № 11. - С. 90-91.
29. ГАКО. Ф. 75. Оп. 75. Д. 54. Л. 1, 6, 8, 33, 45, 58, 72, 79, 82, 113, 116, 120, 124.
30. Там же. - Л. 127.
31. Там же. Д. 39. Л.127.
- 32.ГАКО. Ф. 74. Оп. 40. Д. 5. Л. 111.
33. Там же. - Д. 51.
34. ЭКО. - 1990. - № 8. - С. 65.
35. ГАКО. Ф. 75. Оп. 69. Д. 39. Л. 115.
36. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 1. Л. 11-20.
37. Там же. Д. 6. Л. 2-89.
38. ГАКО. Ф. 74. Оп. 40. Д. 21. Л. 15.
39. ГАКО. Ф.75.Оп .6. Д. 39. Л. 125.
40. Кузбасс. - 1989. - 1 окт.
41. ГАКО. Ф. 496. Оп. 42. Д. 2. Л. 120. Д. 6. Л. 20.
42. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 16 Л. 120-121.
43. Рабочее движение Кузбасса. - С. 92-93; ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 19. Л. 20-24.
44. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 39. Л. 135.
45. Наша газета. - 1991. - 26 февр.
46. Вл. Куканов. Уроки Кузбасса. Сибирские огни. - 1990. - № 1. - С. 115.
47. Рабочее движение Кузбасса. - С. 86-87.

ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ ВСПЫШКИ НЕДОВОЛЬСТВА

"НИЗЫ" НЕ ХОТЕЛИ ЖИТЬ ПО-СТАРОМУ". - "ВЕРХИ" НЕ МОГЛИ УПРАВЛЯТЬ ПО-НОВОМУ".

В марте 1989 г. по Кузбассу распространились слухи, что будто бы где-то, кто-то бастовал и вроде бы даже добился удовлетворения своих требований. Но не многие верили в них. Люди реально представляли возможные репрессивные последствия для отчаявшихся на забастовку. Все знали, что даже за политический анекдот можно было оказаться в поле зрения КГБ. А тут забастовка! В сознании это не укладывалось.

И тем не менее слухи вскоре подтвердились. Газета "Кузбасс" сообщила о заседании бюро Кемеровского обкома КПСС от 5 апреля, на котором обсуждался вопрос о забастовках, прошедших в марте - апреле на ряде предприятий Кузбасса.

Случившееся было настолько непривычным и настолько грозным, что руководство Кузбасса в лице членов бюро обкома предпочло говорить о нём иносказательным языком. Из этнографии известно, что иносказательный язык используется туземцами в тех случаях, когда они не хотят навлечь беду, напускают загадочный туман метафорических оборотов в обозначении вещей и явлений, не называют человека по имени. Не этим ли обычаем руководствовались авторы постановления обкома? Ведь можно было просто записать: "О забастовках в Кузбассе". Нет! Придумали уклончивую и сложную фразу: "О фактах отказов трудящихся от работы на ряде предприятий области". [1]

Было от чего тревожиться обкому партии и впадать в суеверие. В марте - апреле 1989 г. то на одном, то на другом предприятии рабочие прекращали работу и выдвигали требования, вынуждали администрацию идти на переговоры с ними и даже удовлетворять их претензии. 22 февраля 1989 г. в администрацию Западно-Сибирского комбината поступило письмо за подписью 200 рабочих обжимного цеха. Они ставили вопросы об улучшении условий труда, изменения в начислении заработной платы. Подчеркивая серьёзность своих намерений, металлурги на несколько часов остановили участок адьюстажа. Обещания со стороны администрации цеха были получены. Однако 6 марта в связи с их невыполнением четвертая бригада горячей заготовки вновь выдвинула эти же требования и ждала их удовлетворения до 31 марта. В тот день она была вынуждена остановить работу на 3,5 часа. Из-за этой забастовки встали некоторые участки мелкосортного и среднесортного цехов. В результате в тот день комбинат недополучил 2,5 тыс. т. проката. [2]

24 марта члены комсомольско-молодёжного строительного отряда (около 100 чел.) центральной обогатительной фабрики (ЦОФ) шахты

"Распадская" (г. Междуреченск) поднялись на крышу строящегося сушильного корпуса и заявили, что не покинут её до положительного решения вопроса об их квартирах. Дело в том, что руководство объединения "Южкузбассуголь" для привлечения рабочих на стройку дало гарантии на выделение им квартир в первом квартале 1990 г. Был издан соответствующий приказ, указан даже номер дома. Выяснилось, однако, что обещание не может быть реализовано, так как к строительству дома ещё не приступали и, кажется, не собирались. Когда об этом стало известно, рабочие забастовали. На следующий день, поздно вечером, руководители ГГУ "Кузбассуголь" и комбината "Кузбассшахтострой" приняли решение о включении в план строительства обещанного дома с немедленным началом его монтажа. Удовлетворенные этим решением, рабочие спустились с крыши и разошлись по домам. [3] Это были первые в Кузбассе массовые протесты рабочих в годы перестройки, ставшие известными общественности.

Первый протест шахтёров произошёл через несколько дней на шахте "Абашевская" (г.Новокузнецк). 1 апреля восемь человек, четверо из которых были коммунистами, прекратили работу и отказались выйти на поверхность. Они требовали полной оплаты вечерних и ночных смен, вынужденных простоев, как предусматривал коллективный договор, выплаты премий за перевыполнение плана, введения 7-часового рабочего дня для добычных смен. [4]

На следующий день, 2 апреля, на другой шахте и в другом городе произошла уже массовая забастовка шахтёров. 33 рабочих 8-го участка шахты им. 60-летия СССР (позднее - "Алардинская") (г. Осинники) прекратили работу и отказались выйти на поверхность. Они требовали увеличения расценок, полной оплаты за работу в вечерние и ночные смены, увеличения размера премии, сокращения на 40% управленческого персонала, улучшения содержания бытовых помещений шахты. Поскольку шахта располагалась в отдаленном от города посёлке, постольку вопросы его благоустройства заняли заметное место в требованиях-забастовщиков: обеспечение посёлка питьевой водой, устранение перебоев его энергоснабжении, обустройство улиц и дорог.

Насколько остро в посёлке стояли вопросы благоустройства, говорит тот факт, что его население демонстративно отказалось участвовать в голосовании на мартовских выборах в Верховный Совет СССР. Случай по тем временам беспрецедентный. Но, как ни странно для тогдашней политической практики, он сошёл шахтёрам с рук. Видимо, поэтому через несколько дней они отважились на более жесткую акцию - забастовку. Поводом для забастовки послужило то, что шахтёрам с большим опозданием был подан автобус для доставки их к началу смены, а перед спуском в шахту не оказалось респираторов, питьевой воды и чая. [5]

3 апреля на такую же акцию - отказ подняться на поверхность до выполнения их требований - предприняли несколько шахтёров шахты им. Ленина (г.Междуреченск), шахты им. Волкова (г. Кемерово). Была

приостановлена работа на Томусинской автобазе и Междуреченском управлении механизации. [6] Выдвинули требования и пригрозили забастовкой работники железнодорожного цеха Кузнецкого металлургического комбината. Бастовали рабочие автоколонны 1237 и пассажирского автопредприятия № 3 г. Кемерово и производственного объединения "Азот" (г. Кемерово).

И хотя эти забастовки никак не были связаны между собой организационно, объединяет их общность требований и форм протеста. Требования были по сути претензиями к администрации в связи с несоблюдением ею элементарных прав трудящихся. По всему видно, что администрация чувствовала себя настолько сильной, всевластной и безответственной перед своими рабочими структурой, что запросто шла на откровенный их обман, не выполняла ни свои устные обещания, ни подписанные ею же самой договоры.

Единство форм протеста, видимо, происходило из-за того, что рабочие из истории знали методы, используемые советской властью в конфликтах с народом. Не могли они не знать и о сталинских репрессиях, и о венгерских или чехословацких событиях, возможно, знали и о Новочеркасском расстреле рабочих в 1962 г. Они отчётливо осознавали, что, хотя Сталин и умер, но дело его живёт: КГБ или армия могут быть задействованы прогиб них в любую минуту. Эта историческая память привела строителей на труднодоступную для армейских подразделений крышу, а шахтёров - под землю. "Танк в шахту не спустишь, - признавались они позднее, - никакой отряд особого назначения не сможет быть хозяином положения в подземных выработках."

Все эти забастовки довольно легко ликвидировались. Приезжало большое начальство, раздавало, руководству выговора, рабочим - обещания. Какие-то требования тут же удовлетворялись. Особенно те, что были связаны с организацией и не требовали затрат. В магазины, обслуживающие рабочих в местах их компактного проживания, или буфеты предприятий завозились дефицитные продовольственные товары: мясо, колбаса, масло, сахар, сигареты, фрукты и др. Напряжение снималось. Власти следили, чтобы информация об этих забастовках не распространилась по Кузбассу, не стала заразительным примером для других.

Однако однотипность требований забастовщиков, часто разделенных между собой сотнями километров, а также совпадение по времени этих акций протеста (весна 1989 г.) заставляют сделать логичное предположение о наличии в Кузбассе некоего координирующего центра. Но логичным это предположение может быть только для тех, кто не знал или успел забыть, что в начале 1989 г. партийные органы со своим ударным боевым отрядом в лице КРБ были ещё всеильны.

КГБ был хорошо информированной организацией. По некоторым сведениям, в 80-е годы он имел сеть информаторов ("активистов КГБ"), охватывающую каждого десятого гражданина страны. Выступая в марте 1989 г. перед преподавателями кафедр общественных наук вузов, начальник

управления КГБ по Кемеровской области генерал-майор В.А.Пчелинцев откровенно рассказывал о всеохватывающем контроле за инакомыслящими в Кузбассе. При этом он не забыл довольно жестко предупредить аудиторию о недопустимости "аполитичных высказываний" преподавателей перед студентами. Было видно, что говорил он без преувеличений и чиновничьего бахвальства.

Управление КГБ действительно хорошо знало о содержании преподавания на кафедрах. Так, например, коллектив (кафедры истории КПСС и политэкономии Кемеровского медицинского института находился под постоянным контролем КГБ с 1980 г. [7] В КГБ работали квалифицированные специалисты. Как отмечали сотрудники этой кафедры (М.И.Агибалова, А.Н.Вагин, В.Ф.Дизендорф, Ю.И.Литвинов, Л.П.Сергачев, С.С.Солод, А.Н.Чернышев и др.), беседы с ними вели офицеры (полковник А.В.Кузнецов, майор А.К.Иванов, капитан В.П.Асеев и др.), хорошо информированные не только о содержании их лекций, но и показывающие неплохую осведомленность в научной литературе по истории, политэкономии, философии. "Чекисты", по их словам, не только (да и не столько) угрожали карами, сколько пытались аргументировано переубедить, обратить в свою веру. Весной 1990 г., выступая перед студентами мединститута, полковник- Кузнецов демонстрировал автограф Сергачева об его искренних заблуждениях относительно своей деятельности. Деятельности человека, который к тому времени стал известным в Кузбассе диссидентом. [8] Учитывая, прокоммунистическую направленность политической работы Сергачева в постсоциалистический период, можно предположить, что писал он то покаяние вовсе не под влиянием грубой силы, о которой принято говорить, когда речь заходит о КГБ.

С учётом великолепной охранный службы КГБ трудно поверить, что весной 1989 г. в Кузбассе мог быть создан какой-то оргкомитет по забастовкам. Этой спецслужбе не составляло никакого труда выявить группу "смутьянов". Правда, выявить это одно, а воздействовать на ситуацию - это всё-таки другое. Самостоятельность КГБ в проведении сколько-нибудь крупных акций, видимо, была не велика. Всё зависело от решения первых секретарей партийных комитетов (областного, городских, районных), которым служба КГБ собственно и подчинялась. Они принимали решения. Они должны были оперативно и адекватно реагировать на полученную информацию. Но, судя по всему, информация КГБ ими не воспринималась должным образом. Срабатывал, видимо, известный ещё с довоенных времён синдром всезнайства. По словам генерала Пчелинцева, его ведомство ещё весной 1989 г. пыталось убедить партийных лидеров в том, что надо бояться не интеллигенции, которая в предвыборной кампании проявила свою оппозиционность, а рабочего класса, "как настоящей силы". Но предупреждение, по его мнению, не было услышано. [9] Однотипность требований забастовщиков надо объяснять общим положением, в котором оказались трудящиеся страны в результате социалистического эксперимента. Совпадение же по времени предвыборной кампанией 1989 г. В дни

подготовки к выборам ещё со времён Сталина было принято сочувственно выслушивать жалобщиков (а именно так квалифицировались заявители) и, самое главное, предпринимать практические шаги по удовлетворению их проблем. За этим внимательно следили в партийных органах, строго спрашивали с секретарей парткомов предприятий, хозяйственных руководителей, работников исполкомов Советов народных депутатов. Это делалось для того, чтобы политическая система не дала сбой. На избирательные участки должны были являться все до одного. 99,9% избирателей, принимавших участие в голосовании, должны были олицетворять политическое единство партии и народа. Отказ от голосования рассматривался как чрезвычайное происшествие, за которое несли ответственность как неявившиеся (чаще всего моральную), так и их руководители (нередко организационную). Жалобы были официальными носили бытовой характер. На коллективные акции люди никогда не отваживались.

Перестройка сняла страх растормозила людей в предъявлении ими своих законных требований. Взять тот же случай с жителями Малиновки - посёлка шахты им. 60-летия СССР. Бытовая неустроенность там существовала "с испокон веков". В связи с горными выработками вода ушла из посёлка ещё несколько пятилетий тому назад. Уже второе поколение малиновцев выросло на неблагоустроенных улицах, ездило по разбитым дорогам. Не в первый раз шахтёры Малиновки не получали перед спуском в шахту положенного им чая или газированной воды. Но только в 1989 г. они решились не прийти на голосование, а через некоторое время - на коллективную забастовку.

Мартовские выборы, фигурально выражаясь, расправили рабочим плечи, заставили их выпрямить спину. Хотя они сами этого ещё не осознавали. Но не осознали и партийное руководство Кузбасса, которое, судя по протоколам и стенограммам бюро партийных комитетов, отнеслось к этим забастовкам хоть и тревожно, но вполне легковесно. А ведь весенние акции стихийного протеста, как выразился авторитетный в шахтёрской среде "угольный генерал" М.И. Найдов, были "первым звоночком".

5 апреля 1989 г. состоялось то самое бюро обкома КПСС, на котором было принято постановление "О фактах отказа трудящихся от работы на ряде предприятий области". На нём даже не было попыток вскрыть истинные причины забастовок. Люди, наделенные самой высшей властью в области, не увидели в этих событиях принципиально нового для советской действительности явления - рабочего движения. Их реакция на забастовки была неадекватной. Подход - удивительно поверхностный и умозрительный. "Шахтёры занимаются вымогательством..., их требования не обоснованы", - возмущался на этом заседании первый секретарь Междуреченского горкома КПСС Ю.П. Черепов. "Главная причина забастовок - неумение разговаривать с людьми", - совсем уж упростил ситуацию секретарь обкома КПСС (по промышленности) В.П. Жеваго, который до недавнего времени работал первым секретарём г. Прокопьевска.

Может быть, профсоюзные лидеры и хозяйственные руководители, которые были, как считалось, "ближе к рабочим", внесли ясность? Ничуть не бывало! Председатель Кемеровского обкома профсоюзов В.И.Романов усмотрел причину в том, что "некоторые товарищи пренебрежительно относятся к рабочим". А знаменитый строитель Герой Социалистического Труда В.И.Бочаров свой анализ ситуации проводил вокруг тезиса: "Мы не готовы правильно разговаривать, с людьми, много обещаем, говорим, не думая..., заискиваем перед кузбасскими знаменитостями". [10] Самым, пожалуй, конкретным и не декларативным, памятным для всех кузбассовцев был пункт решения бюро об исключении коммунистов из партии за участие в забастовках. Но даже в этом пункте партийные руководители оказались неадекватными. Рабочие уже не дорожили членством в партии. Запугивать их исключением из рядов КПСС было наивно.

Не отличился провидением и более широкий круг руководящей элиты Кузбасса. 7 апреля состоялся пленум обкома, на котором утверждались "Основные направления работы обкома..." к 28 съезду КПСС. Как не в этом политическом документе отразить совершенно новое в жизни советского народа - возрождение рабочего движения! Ну, хотя бы упомянуть о нём! Но не тут-то было. Приняли обычную для партийных решений декларацию о необходимости "совершенствовать организационно-партийную и кадровую работу...", "укреплять связь идеологической работы с жизнью...", что-то "усиливать", что-то "развивать" и т.п. Вот разве во фразе о "приоритетном развитии социальной сферы" человек, умеющий читать между строк партийных канцеляризмов, разгадывать эзоповскую чиновничью иносказательность, способен уловить какую-то информацию об остроте обстановки в Кузбассе.

Насколько политически непрофессионально выглядел обком КПСС в связи с первыми забастовками, свидетельствует решение его бюро от 13 апреля 1989 г. Правда, в отличие от предыдущего (5 апреля), в этом решении уже была попытка вскрыть причины случившегося. Но какая?! По мнению этого властного органа, всё дело, оказывается, было в том, что кое-кто "хотел бы превратить демократию в распущенность, безнаказанность, вседозволенность". Указывалось, что "социальная напряженность, как правило" росла из-за "просчётов в воспитательной работе с людьми, экономической безграмотности, трудящихся, иждивенчества, уклонения ряда хозяйственных руководителей от непосредственного влияния на настроения людей", да ещё в том, что "партийные организации свыклись с расшатанной трудовой дисциплиной, примиренчески относятся к дезорганизаторам производства, ...плохо используют против лодырей, прогульщиков, нарушителей трудовой дисциплины ... административные меры". Под стать анализу и меры: наказать коммунистов, не соблюдающих Устав и Программу КПСС, работать по месту жительства, "быть нетерпимым к публикациям и передачам с антисоциалистическими идеями", решительно действовать

правоохранительным органам (читай - КГБ), "ужесточить спрос ... за решение социальных вопросов". [11]

Однако партийные заклинания не очень-то действовали на людей. Два дня (12 и 13 апреля) бастовали рабочие завода технологического оборудования. Как отмечал Новокузнецкий горком КПСС, её причинами стали "политическая незрелость, экономическая безграмотность трудящихся". [12] Хотя руководство завода в своей "Справке" отмечало совсем другие причины: неудовлетворительная обеспеченность жильём, сверхурочные работы, тяжелые условия труда, систематическая задержка с выдачей заработной платы. [13]

Тогда же (в апреле) бастовали рабочие обжимного цеха алюминиевого завода. Они требовали повышения заработной платы. [14]

Как доложили в обком партии, "лидер инициативной группы" В.П.Губин склонил неустойчивых к отказу от работы в Новокузнецком депо № 1 трамвайно-троллейбусного управления. 15 мая почти 50% трамваев выехали на линию с 2-часовым опозданием, а 6 водителей вообще отказались работать в этот день. Рабочие выразили недовольство низким техническим состоянием подвижного состава, неудовлетворительной системой премирования, сокращением числа выходных дней в связи с введением нового графика работ. [15]

Весной 1989 г. в одном только Новокузнецке бастовали трудящиеся 13 предприятий: опытного завода технологического оборудования, алюминиевого завода, Кузнецкого металлургического комбината, завода ферросплавов, треста "Новокузнецкстрой", Кузнецкой автобазы, пассажирского автопредприятия № 4, трамвайно-троллейбусного управления, трёх шахт, фабрики ремонта и пошива одежды, филиала трансгентства. [16] При всём многообразии требования трудящихся различных отраслей народного хозяйства сводились к вопросам заработной платы, сокращению управленческого персонала, решению социально-бытовых вопросов.

В этой очень непростой обстановке члены бюро Новокузнецкого ГК КПСС оказались хорошими учениками своих старших товарищей - членов бюро обкома. Как студент - троечник, у которого не хватает способностей для того, чтобы не переписывать слово - в слово чужую работу, так и новокузнецкие руководители механически копировали областных. Рассмотрев на своём бюро 15 июня 1989 г. вопрос "О фактах отказа от работы..." на новокузнецких предприятиях, они свели причины забастовок к "низкой требовательности руководителей", "просчётам в воспитательной работе", "экономической безграмотности трудящихся", "формальной идеологической работе". По сравнению с обкомовским постановлением новым было то, что в качестве причины указывалось на недоработку профсоюзов по защите интересов трудящихся, а в качестве меры по устранению - проведение открытых партийных собраний. [17]

Однако справедливости ради надо отметить, что обком рассматривал "факты отказа" всё-таки в начале апреля, когда забастовки только-только

начинались. Новокузнецкие же товарищи - менее чем за месяц до всекузбасского взрыва; недовольства, потрясшего всю социалистическую систему, по сути, весь мир.

Назрел кризис системы. Народ, как говаривал Ленин, "не хотел жить по-старому". Весной 1989 г. вполне отчётливо сложились признаки кризиса "низов". Так было не только в Кузбассе. Из хроники рабочего движения в СССР (1987-1991 гг.), составленной по материалам периодической печати московским историком Г.А.Монусовой /научный руководитель профессор Э.В.Клопов/, видно, что если за 1987 г. было всего 4 выступления рабочих, в 1988 г.-25, то только за первые пять месяцев 1989 г. их насчитывалось 54. [18]

Однако "верхи", выражаясь ленинскими словами, не могли управлять по-новому. В их управленческом арсенале, как и десятилетия назад, был всё тот же набор средств и методов - ставка на силу или угрозу применения силы, демагогия и декларативность, начётничество и неделовитость, умозрительность и всезнайство.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ 2

1. Рабочее движение. Сборник документов и материалов. - С.39-40.
- 2.ГАКО. Ф. 74. Оп. 40. Д. 6. Л. 38-39.
- 3.ГАКО.Ф. П-496.Оп. 42. Д. 2. Л. 67.
4. ГАКО. Ф. 74.Оп. 40. Д. 6. Л. 40.
5. Рабочее движение Кузбасса. - С. 39.
6. ГАКО. Ф. П-496. Оп. 42. Д. 2. Л. 66.
7. Явь. - 1990. - 22, 30 мая.
8. Из личного архива автора.
9. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 20. Л.14.
10. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 23. Л. 84, 86, 87, 90.
11. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 16. Л. 36-39.
12. ГАКО. Ф. 74.Оп. 40. Д. 6. Л. 39.
13. ГАКО. Ф. 74. Оп. 40. Д. 6. Л. 45.
14. Алюминий (многотиражная газета Новокузнецком алюминиевого завода). - 1989. - 20 апр.
15. ГАКО. Ф. 74. Оп. 40. Д. 6. Д. 39.
16. Подсчитано автором по дачным: ГАКО. Ф. 74. Оп. 40. Д. 6. Л. 41-53.
17. Подсчитано автором по данным: Г.А.Момусова. Хроника рабочего движения в СССР (1987-1991 гг.)//Рабочее движение. Документальные и аналитические материалы. - М., - 1992. - С. 30 - 42.

ГЛАВА 3. ИЮЛЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА

СОБЫТИЯ НА ШАХТЕ ИМ. Л.Д.ШЕВЯКОВІ - СТАЧКА МЕЖДУРЕЧЕНЦЕВ. - ЕЁ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ВЕСЬ ЮГ КУЗБАССА. - РАСТЕРЯННОСТЬ ВЛАСТЕЙ. - АПОГЕЙ ЗАБАСТОВКИ. - СТАЧЕЧНЫЕ КОМИТЕТЫ. - МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ. - ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЗАБАСТОВОЧНЫХ КОМИТЕТОВ КУЗБАССА. - ПОДПИСАНИЕ "ПРОТОКОЛА". - ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ ИЗМЕНЕНИИ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ. - МЕСТО ПРОБЛЕМЫ "КОЛБАСЫ-МЫЛА". - ОКОНЧАНИЕ ЗАБАСТОВКИ И ЕЁ ИТОГИ.

В условиях созревшего кризиса малейший повод мог вызвать массовые выступления. Ирония судьбы или российская закономерность начинать революции с тухлого мяса?! Летом 1905 г. с тухлого мяса началось восстание на броненосце "Потемкин". В апреле 1912 г. из-за "некондиционного" мяса произошли ленские события, ставшие началом нового революционного подъёма, закончившегося революциями 1917 г. С тухлого мяса в столовой шахты им. Л.Д.Шевякова (г. Междуреченск) вспыхнула забастовка, положившая начало движению, которое привело к радикальным изменениям в СССР (да и не только в СССР).

8 июля, в субботу, в столовой шахты подавалось тухлое мясо. Рабочие возмутились. Ночная смена (в ночь с 9 на 10-е) решила на коллективный протест. Выйдя на-гора утром, 10 июля, 88 горняков светильники не сдали и по домам не разошлись. К ним присоединились 200 горняков первой смены, а затем и второй, всего - 344 чел. Тут же прямым голосованием избрали стачечный комитет из 11 чел. Его возглавил горный мастер коммунист В.Г.Кокорин.

В условиях карательной системы на такое неслыханное дело как создание стачечного комитета можно было отважиться, конечно, не для того, чтобы наказать работников пищеблока, сгноивших мясо в то исключительно знойное лето. События назревали давно. Ещё 22 декабря 1988 г. Кокорин отправил письмо на центральную студию телевидения, в редакцию "Прожектора перестройки". В письме говорилось о нехватке техники на шахте, падении зарплаток шахтёров, неоправданно большой численности управленческого персонала, нехватке продуктов питания, моющих средств (мыла, стирального порошка) и пр. Надо сказать, что "Прожектор перестройки" был тогда своеобразной психологической отдушиной. В народе бытовало мнение, что стоит только "засветить" недостатки, как зло будет наказано, и всё наладится. Поэтому в его редакцию приходила масса писем, единицы которых публиковались, а остальные рассылались по инстанциям "для принятия мер". Письмо Кокорина оказалось в числе разосланных.

Сначала оно поступило в Центральный комитет профсоюза работников угольной промышленности. Оттуда - в Главное территориальное управление

(ГТУ) "Кузбассуголь", а уж потом - в производственное объединение "Южкузбассуголь". Около полугода путешествовало письмо по конторам, прежде чем "Южкузбассуголь" прислал на шахту комиссию. Оригинальность ситуации заключалась в том, что комиссию прислали из того учреждения, которое и было повинно в неполадках на шахте, на которое, собственно, и "жаловался" автор письма. Комиссия, разумеется, никаких серьезных нарушений не нашла, отделалась, как обычно, отпиской.

Заключение комиссии не удовлетворило шахтёров. 16-17 июня они выработали 20 требований к администрации, под которыми подписалось около 500 чел. 4 июля состоялось расширенное заседание совета трудового коллектива шахты, на котором ответы директора В.Л.Сороки не удовлетворили собравшихся, и часть из них покинула зал. На следующий день администрация пыталась поправить положение, проведя разъяснения в каждой смене. Но это ничего- не дало. На заседании профкома 6 июля решили отправить эти требования министру угольной промышленности М.И.Щадову и секретарю ЦК профсоюза угольщиков В.Г.Лунёву.

Забастовка назрела. 8 июля городская газета "Знамя шахтёра" вышла со статьей В.Келлера, которая так и называлась - "Забастовка: Даешь! или Долой!...". И в этот же день - тухлое мясо! Оно-то, видимо, и переполнило чашу терпения. Шахта встала. Попытка уладить дело мирным путём, предпринятая генеральным директором объединения Г.М.Филатьевым и секретарём горкома КПСС С.Ф.Щербаковым, успехом не увенчалась. [1] На следующий день утром к ним присоединились горняки шахт "Усинская", "Томская", "Распадская", им. Ленина. Чуть позднее - остальные угольные предприятия города. В этот день бастовали 16 тыс. чел. В 12 часов начался общегородской многотысячный митинг, который продолжался до глубокой ночи. На нём был избран городской забастовочный комитет, выработаны общегородские требования к властям. На первое место в своих требованиях забастовщики поставили экономическую самостоятельность шахт, создание городского угольного объединения, передачу прибыли в городской бюджет. "Вы поймите, - хрипел в микрофон А.А.Сергеев, ставший позднее председателем Независимого профсоюза горняков России. Вы поймите, не колбаса и мыло нам нужны... Нам нужна свобода, экономическая самостоятельность шахт, чтобы мы сами распоряжались результатами своего труда". [2]

Такое событие уже нельзя было квалифицировать как "отдельные факты отказа от работы ...". Это был даже не бунт протеста. Это было нечто большее. Это было начало возрождения рабочего движение страны. На этот раз обком КПСС действовал решительно и оперативно. Уже 11 июля состоялось заседание бюро, которое признало ситуацию в Междуреченске чрезвычайной, направило туда комиссию в составе секретарей обкома А.Г.Мельникова, В.П.Жеваго, председателя Кемеровского облисполкома А.Ф.Лютенко и его заместителя Г.Л.Николайзена. Комиссия должна была предпринять меры по прекращению забастовки. [3] Опасались, что

забастовка перекинется на другие города Кузбасса, куда разъехались междуреченские агитаторы.

Но ни комиссия, ни срочно прилетевший министр угольной промышленности М.И.Щадов не смогли поправить положение. Не помогали и угрозы Мельникова, предупредившего, что звание коммуниста не совместимо с забастовочным движением. [4] Эта угроза звучала из другой эпохи и не была услышанной. Забастовка разрасталась.

Пока Мельников, Щадов и Лютенко вели с забастовщиками переговоры, в Осинниках начались митинги. На шахтах "Капитальная", им. 60-летия СССР, "Шушталенская", "Высокая", шахтопроходческом управлении (ШПУ), малиновском деревообрабатывающем цехе были приняты решения о забастовке. Первой шахтой Прокопьевска и на 12 июля единственной, объявившей забастовку, была шахта им. Калинина. [5] "К моменту объявления забастовки, говорил позднее старший механик шахты им. 60-летия СССР А.В.Асланиди, - никаких собственных требований у осинниковских шахтёров ещё не было. Мы спешили с объявлением забастовки потому, что опасались применения против междуреченцев вооруженной силы. Чем больше будет забастовщиков, рассуждали мы тогда, тем больше шансов, что власти не пустят на них танки". [6]

В целом по Кузбассу 12 июля не работали 20 предприятий с числом трудящихся 20,6 тыс. чел. [7] Если учесть, что 10 предприятий были междуреченскими, а число новых забастовщиков не достигало и 5 тыс. чел., то станет ясно, что солидарную поддержку нельзя считать мощной. Но всё-таки её оказалось достаточно, чтобы власти забыли об угрозах. Они предпринимали энергичные меры по локализации и прекращению забастовки междуреченских шахтёров. Куда подавалась важная неторопливость и величавая значительность фигур чиновников! Деловитость, работоспособность, небывалая доступность общения с ними для рабочего люда, — черты, которые отличали в те дни высокое и менее высокое начальство. Руководителей горкомов, исполкомов, директоров шахт и других предприятий можно было встретить среди рабочих и днём, и ночью. Правда, далеко не всех. Некоторые из них, видимо, опасались применения против них физической силы и предпочитали находиться вдалеке от забастовщиков. "На митинге 13 июля, - говорила секретарь парткома прокопьевского завода "Электромашина", - я ни одного лидера ни города, ни района не видела". [8]

Что к говорить! Работать столько много, да еще в таких экстремальных условиях многим из них, видимо, не приходилось. Оказавшись в Междуреченске почти единственным представителем "столичной" прессы, фотожурналист Д.А.Коробейников заснял министра Щадова уснувшим прямо на трибуне митинга. Очевидцы рассказывали, что министр трое суток находился на ногах без отдыха.

По указанию Мельникова обком, горкомы, райкомы партии, исполкомы, управления крупных предприятий перешли на круглосуточный режим работы. Создавались специальные группы по сбору информации, жизнеобеспечению населения, охране правопорядка, организации работы

транспорта, связи, торговли, оказанию медицинской помощи. На площадях Междуреченска, как писал участник событий Кунц, энергично действовали эмиссары администрации, уговаривающие спуститься в забой, разойтись по шахтам. "Не тогда ли сломали хребет рабочему комитету? Не тогда ли стали штрейкбрехерами наши выдвигенцы, говорящие, что шахтёры и политика не совместимы". [10]

13 июля власти сумели договориться с междуреченским забастовочным комитетом о прекращении забастовки с 16 часов, удовлетворив 29 требований из 39. Можно было праздновать победу как шахтёрам, так и властям. Но радости не было ни у тех, ни у других.

В тот день остановились все шахты Прокопьевска, Осинников, девять шахт Новокузнецка, Байдаевская и Малиновская автобазы, встали разрезы "Осинниковский", "Калтанский", швейная фабрика "Кузбасс", кирпичный и механический заводы в Осинниках. В целом по Кузбассу не работали 52 предприятия. Численность бастующих составила 60 тыс. чел. [11] Чему радоваться? Для властей новые забастовки - новые проблемы "по тушению пожара". Для междуреченцев забастовки в городах Кузбасса были упрёком в их штрейкбрехерстве. Забастовка за три дня охватила весь юг Кузбасса. Такое бурное развитие событий имеет несколько объяснений. Во-первых, материальное положение трудящихся на всех шахтах и предприятиях Кузбасса было примерно одинаковым. Характер противоречий рабочих с администрацией шахт и властями в разных городах Кузбасса ничем существенно не отличался. Поэтому агитировать за забастовку особенно не приходилось. Во-вторых, успешное развитие междуреченской забастовки, первые собственные шаги в исключительно новом деле придали пьянящий вкус рискованной победы. В-третьих, захватывала сила инерции русского бунта. В-четвёртых, рабочих не смяли силой, чего они очень опасались. Мало того, с ними разговаривали уважительно, порой даже боязливо те, кто ещё вчера был по-царски недоступен и всемогущ. Этот важнейший психологический фактор трудно переоценить. Чувство хозяина положения утверждалось в сознании советского человека, привыкшего к совсем иному качеству. В-пятых, страх перед силой государства, "засевший" в генах россиян, вынуждал рабочих стоять до конца, до полной победы, идти от успеха к успеху, подниматься с одной ступени на другую. Шахтёры не могли не понимать, что стоит только дать слабину, как они будут опрокинуты, смяты.

Наконец, в Кузбассе существовало ещё одно обстоятельство, которого не было в других регионах и которое, без преувеличения, можно квалифицировать как одно из важнейших в нарастании забастовочного движения. Обстоятельство, без которого забастовщики не имели бы чувства всекузбасского единства и всеобщности, уверенности в поддержке народа, убежденности в своей правоте.

Речь идёт о работе областной студии телевидения. Её директор Г.М. Митякин, будучи сам талантливым журналистом, сумел поставить дело на студии так, что каждый мог реализовать свои творческие способности, не

опасаясь "оргвыводов" со стороны руководства. Неизбежные конфликты с идеологическими структурами власти Геннадий Михайлович улаживал благодаря своему авторитету, рискуя собственной карьерой. В этой необычной для советских редакций атмосфере сформировалась группа талантливых журналистов ежедневной информационной программы "День за днём" (позднее "Пульс") во главе с блестящим Александром Колпаковым.

Он, Наталья Лахреева, Андрей Андреев давали регулярные репортажи с площадей Междуреченска, Прокопьевска и других бастующих городов. Вид многотысячных митингов (оператор А.Бялоус), содержание речей ораторов, интервью с забастовщиками, смелые комментарии умных репортеров, - создавали на телеэкране впечатляющую картину народного гнева и растерянности властей. Журналисты сделали телезрителей соучастниками событий, превратили практически всё население Кузбасса в союзников шахтёров. "Знаешь, Адик, сказал я Бялоусу, - вспоминал А.Г.Колпаков, - завтра, когда мы покажем это в эфире, встанет весь Кузбасс". [12]

Эта вечерняя программа стала связующим звеном как между забастовщиками различных шахт и городов Кузбасса, так и между всеми жителями Кузбасса. Сформировалось психологическое единство кузбассовцев.

Не случайно, что на этих журналистов обрушился гнев партийных идеологов. Член бюро Кемеровского городского комитета партии, профессор Н.П.Шуранов (зав. кафедрой истории КПСС Кемеровского университета) на встрече с работниками средств массовой информации 12 октября 1989 г. назвал "т. Колпанова и т. Лахрееву ... подстрекателями" забастовки. Видимо, подчёркивая свою личную неприязнь, руководствуясь правилом партийной практики критиковать не идею, а её носителя, уязвлять и унижать личность оппонента, профессор заявил: "Колпаков брюзжит", как рассерженный ёж.... Кстати и с дикцией не всё в порядке, ... просто неприятно слушать. Говорит, говорит, а что не поймёшь." (Известный хозяйственник Б.А.Кустов на другом партийном форуме назвал одного из журналистов "Пульса" "девицей", которая-де "буравит" и "Взгляд" копирует"). [13] Но профессор лукавил. Как раз с профессионализмом, умом и даже дикцией у журналиста Колпакова всё обстояло более чем в порядке.

Иное дело партийные руководители, которые не смогли не только просчитать ситуацию на опережение, но даже правильно оценивать уже случившееся. Первый секретарь Березовского ГК КПСС Ю.Н.Комаров признавался на пленуме горкома 29 июля 1989 г.: "Забастовка привела в растерянность партийные организации и аппарат горкома. Ситуация вышла из-под контроля", мы "оказались в хвосте развивающихся событий." [14] И это говорил секретарь, у которого было достаточно времени, чтобы проанализировать события. Ведь первые шахты в Березовском начали останавливаться только 14 июля ("Бирюлинская", "Березовская"). Тогда же был образован и городской стачечный комитет. "Где же вы были, упрекал

высокое областное начальство директор Бирюлинской ЦОФ В.Ф.Нелепа. - ...Вы растерялись в первый день, а на пятый, на шестой, на десятый?" [15]

Похоже, что областные руководители действительно не сориентировались в обстановке. В частности, комиссия, возглавляемая Мельниковым, сосредоточила свои усилия на удовлетворении требований междуреченских шахтёров. Хотя междуреченские проблемы были лишь частью проблем всего Кузбасса. Об этой близорукой позиции руководителей Кузбасса прямо заявили их коллеги из Анжеро-Судженска. В телеграмме первого секретаря Анжерского горкома партии В.С.Крылова и председателя горисполкома В.И.Макаркина А.Г Мельникову и А.Ф.Лютенко говорилось: "Вы не дали чёткого ответа, как будут решаться вопросы в целом по Кузбассу, а акцентировали внимание в основном на принимаемых мерах по отдельным городам". [16]

Дни 14 и 15 июля были самыми бурными в нарастании забастовки. Число бастующих предприятий за 14 июля выросло в два раза с 52 до 103, численность бастующих трудящихся достигла 72,7 тыс. чел. В эти дни в забастовку вступали города севера Кузбасса. С утра 14 июля прекратили работу шахты им.Ярославского, им.Кирова, шахтостроительное управление (ШСУ) "Кольчугинское" г. Ленинска-Кузнецкого. К вечеру число бастующих шахт выросло до 7, а на следующий день встали все 10 шахт города. В Кемерове с утра 14 июля забастовали шахты "Северная" и "Бутовская", в 12 часов на центральной площади города начался митинг. Утром 15 июля встали две анжерские шахты - "Таёжная" и "Сибирская", к концу дня все остальные шахты города. В Кемерове к бастующим присоединились шахты им.Волкова, "Лапичевская" и "Ягуновская". В Белово бастовали 6 шахт, в Березовске - все шахты, разрезы, автобазы. Продолжала нарастать забастовка и на юге Кузбасса. В Киселёвске встали все шахты и разрезы города, три обогатительные фабрики, шахтопроходческие управления, автобазы. В тот день в Кузбассе не работали 188 предприятий, с числом рабочих 108 тыс. чел. Это был апогей забастовки. [17]

События развивались в обстановке, не контролируемой властями. Ничего подобного советская история не могла припомнить. Вырисовывалась перспектива развития забастовочного движения по польскому (1980 г.) образцу, пугала утрата социалистических основ. Успокаивало, однако, то, что, во-первых, забастовка, хотя и развивалась стремительно и бескомпромиссно, но проходила в цивилизованных формах - без битья окон, физического террора, во-вторых, забастовщики, будучи настроены решительно и зачастую агрессивно, не выдвигали политических требований принципиального характера. Дети страны и системы, - они верили в "хорошего царя, ... барина", начальника, который "приедет и всё рассудит". Одни требовали приезда главы правительства Н.И.Рыжкова, другие - фактического главы государства М.С.Горбачёва. Например, прокопьевские шахтёры в телеграмме Рыжкову заявляли: "Работу не начнём до Вашего приезда и рассмотрения требований на месте". [18] Но ни тот, ни другой не

отвечали. Это всё более подхлестывало забастовщиков и вело их на "площади несогласия".

Отсутствие реакции со стороны высшего руководства страны на события в Кузбассе можно объяснить либо его обычным высокомерием, либо отсутствием правдивой информации. "От вас, - обращался председатель Беловского городского рабочего комитета Н.Г.Литвиненко (впоследствии директор шахты) к областным руководителям, - исходит довольно сглаженная информация, и Михаил Сергеевич не представляет всей опасности... обстановки". [19]

В первые же минуты стачки стихийно формировались забастовочные комитеты шахт. Кандидатуры чаще всего выдвигались путём выкрикивания чьей-то фамилии и последующего за неё голосования. Нередко таким же образом формировался и пакет требований. Из представителей забастовочных (стачечных) комитетов предприятий формировался городской комитет. На первых заседаниях были избраны их председатели. Ими стали: Н.П.Смириов (г. Анжеро-Судженск), А.Н.Матросов (г. Белово), В.М.Голиков (г. Берёзовский), В.Г.Кокорин (г. Междуреченск), Л.Б.Астафьев (г. Ленинск-Кузнецкий), А.М.Журбенко (г. Мыски), А.И.Евсюков (г. Кемерово), М.Б.Минязов (г. Киселёвск), В.Дмитриев. (г. Новокузнецк), Ю.Л.Рудольф (г. Прокопьевск). Из 11 председателей городских забастовочных комитетов пятеро были коммунистами. Из 339 членов всех рабочих комитетов - 82 были рабочими. Средний возраст 37 лет. [20]

Стаечные комитеты вырабатывали требования, выносили их на обсуждение забастовщиков, вели переговоры с администрацией, поддерживали дисциплину как на предприятиях, так и на общегородских митингах. Забастовочные комитеты старались, как правило, не допустить полной остановки шахты, так как это означало бы её разрушение. Работал водоотлив, вентиляция, шли ремонтные работы, иногда - подготовительные. Сказать, что все шахтёры понимали необходимость сохранения жизнедеятельности шахты — грешить против истины. По словам электрослесаря шахты "Южная" Н.А.Анферова, члены стачкома шахты во главе с председателем Вдовченко пытались обвинить его "в расслоении рабочего класса" за попытку организовать во время забастовки ремонт конвейера. Но потом всё-таки согласились с ним. [21]

Были и провокации. По рассказу члена городского рабочего комитета г. Киселевска Павла Тимашкова неизвестный, выдавая себя за члена рабочего комитета, по телефону распорядился отключить электроэнергию на предприятиях города. Бдительная дежурная по горэлектросети позвонила в городской рабочий комитет и выяснила, что такого решения он не принимал. [22]

Стаечные комитеты сразу же установили сотрудничество с милицией, которая, не имея никаких инструкций на случай забастовки, сработала четко. Совместно с забастовочными комитетами было организовано совместное патрулирование улиц, для которого привлекались сотни людей. В Прокопьевске, например, в дни забастовок не было зарегистрировано ни

одного уличного преступления (а это 10% всех преступлений), число доставляемых в медвытрезвитель сократилось в 10 раз (нач. горотдела милиции В.И.Савельев). [23]

Стачечные комитеты старались не допустить во время забастовки случаев пьянства. Они хорошо понимали, на что способна пьяная толпа. Знали, что даже один пьяный человек в рядах митингующих может спровоцировать серьёзные события. Вот почему, даже не сговариваясь между собой, стачкомы шахт принимали решения о "сухом законе", закрытии всех винных заведений на время стачки. Попытки подпольной торговли водкой (в основном цыганами) пресекались самими забастовщиками, нередко даже без участия стачкома. Водку изымали, бутылки разбивали. Замеченный в пьянстве забастовщик по ходатайству стачкома тут же увольнялся с шахты за прогул и пьянство на рабочем месте. По решению стачечных комитетов рабочее время шахтёр должен проводить либо на городской площади, либо на шахтовом митинге. Но не в коем случае дома или на даче. Это считалось прогулом.

Контролировали ли партийные органы процесс формирования и деятельности рабочих комитетов? Категорично на этот вопрос не смогли бы ответить ни сами участники событий (стачкомовцы) и работники горкомов), ни историк, в руках которого оказались противоречивые документы. С одной стороны, вроде бы никакого влияния и контроля со стороны "аппаратчиков" не было. Иначе откуда бы взялась грубо-откровенная фраза генерала Пчелинцева, заявившего: "Во главе комитетов встали не те люди, ... уголовники". [24] (Впоследствии слова - "не те люди" и "уголовники" стали нарицательными в устах активных борцов с рабочими комитетами). Если бы процесс был подконтролен горкомам партии, то директор Запсиба, делегат 28 съезда КПСС Б.А. Кустов не ставил бы перед партактивом области задачу: "Рабочими комитетами надо руководить". [25]

Но есть и другие свидетельства. В частности, специальные корреспонденты "Известий" П.Ворошилов и А.Соловьев писали, что именно коммунисты - истинные вожаки и лидеры рабочего движения, "предотвратили разгул страстей и проявили твёрдую принципиальность...". [26] Весьма любопытно в этом плане выступление на пленуме прокопьевского ГК КПСС председателя городского рабочего комитета В.И.Маханова: "Я лично как коммунист, понял свою задачу, когда получил предложение возглавить рабочий комитет. Нужно было вести людей за собой. Советы о том, что нам делать, следует давать осторожнее, - поучал он собравшихся. - Лично я их воспринимаю, анализирую, делаю выводы. А- вот рабочие могут их не принять". [27] Какое ещё более откровенное доказательство требуется для того, чтобы понять, чью линию выводил этот деятель рабочего движения? Не поэтому ли "Шахтёрская правда", публикуя выступления участников пленума, упустила из его речи именно эту саморазоблачительную фразу? [28] Предложение о подконтрольности забастовочных комитетов партийным органам как будто подтверждается и высокой коммунистической прослойкой в их составе. К концу августа

городские рабочие комитеты на 38,3% состояли из коммунистов, четверо из которых были секретарями парткомов предприятий, трое - председателями профсоюзных комитетов, 8 чел. - председателями Советов трудовых коллективов (СТК). [29] В шахтовых стачечных комитетах эта коммунистическая прослойка была ещё выше. Это подтверждается данными на июль по шахтам г.Прокопьевска. На шахте "Тырганская" из 18 членов стачкома 9 - были коммунистами, из которых трое были даже членами парткома, в том числе зам. секретаря парткома Мухетдинов, председатель СТК Жердев, секретарь комитета ВЛКСМ Киселев. На шахте "Зиминка" из 5 членов стачкома - 3 коммунисты, на шахте им.Ворошилова из 13 - 5. [30]

Были ли забастовочные комитеты властью? Безусловно - Да! Но властью не государственной (чего более всего опасались в органах КПСС), а общественной. Это было, видимо, то, о чём писал Ленин, романтизируя, что при диктатуре пролетариата власть должна осуществляться не для народа, не через народ, а самим народом. В обстановке растерянности формальной (советы) и фактической (парторганы) власти забастовочные комитеты выполняли её функции. Перед ними фактически отчитывались и партийные и советские органы (профсоюзных не было видно и слышно вообще), милиция и прокуратура и даже "святая святых" - КГБ. Но ни в одном из городов ни разу не было зафиксировано требования передачи власти в руки рабочих. Такой постановки не было ни в одном пакете требований забастовщиков - ни городском, ни шахтовом. Политические мотивы звучали лишь в единичных случаях, которые следует рассматривать лишь исключением из общего правила. Они были на Запсибе (против ст.6 Конституции о руководящей роли КПСС), [31] были и на других предприятиях Новокузнецка. Фамилии тех, кто пытался склонить забастовщиков на путь политической борьбы, назвал Ленский: Капавцев, Морозов, Щетинин, Воронин, Абасов, Коровин. "Считаю, - говорил в июле машинист скрепера разреза "Листвянский", член городского комитета партии Ковалев, - надо бороться за политические, а не экономические права". [32] Но такие выступления были исключением. А правилом в данном случае было то, что рабочие в целом избегали политических вопросов.

Шахтёры не только не стремились захватить власть, но они нарочито подчёркивали свою непричастность к политике. Председательствующие на митингах с согласия собравшихся не давали слово тем, кого знали, как диссидентов. Практически нигде не удалось развернуться кузбасскому отделению партии Демократический союз (ДС). Хотя в Кузбассе было всего несколько десятков человек - членов этой партии, а активных деятелей - единицы, эта партия была хорошо известна своей политической оппозиционностью и слыла неким символом противостояния властным структурам. Существенно то, что идеи этой партии поддерживало, по данным академика Т.И.Заславской, всего 0,6% опрошенных шахтёров. (Правда, и властные структуры пользовались доверием всего 11%). [33] С большой похвалой кемеровским шахтёрам за лозунг: "ДС - в отвал!"

выступил член бюро ГК КПСС Н.П.Шуранов, заявивший, что это является свидетельством патриотизма советских людей. [34]

Этим же лозунгом кемеровских забастовщиков восторгался шеф КГБ по Кемеровской области генерал Пчелинцев. Назвав "плюгавенькими интеллигентами даже из числа народных депутатов", он поведал участникам Осинниковского пленума горкома партии (3 августа 1989 г.) о попытках "определенных сил" вовлечь рабочих в политику. Мананников из Новосибирска распространял политическую литературу в Кемерове, но, по словам генерала, "рабочие из числа дружинников пресекли его действия. "Житель Литвы Ромас Добрукас выдавал себя за корреспондента американской радиокompании, был задержан в Кемерове. При этом, говорил начальник управления КГБ, "нам пришлось его даже спасать, потому что рабочие стали поддавать ему тумачков." "Студент МГУ пытался распространять программу новой социалистической партии России, но ему наподдавали, и он, заплакав, скрылся... И вообще, - заключил своё выступление Пчелинцев, - надо мозги кое-кому вернуть, поставить на место". [35]

Какой "изящный" генеральский слог! Каков стиль! Какая "тонкость" в обращении! Не отсюда ли растёт будто бы полицейская прозорливость рабочих, которые запросто распознали "американского корреспондента"? Не отсюда ли непринятие забастовщиками посланцев демократических движений?

Во время забастовки в Кузбассе была зафиксирована деятельность Демократического Союза, народных фронтов и анархо-синдикалистских групп Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Калуги, Иркутска, Вильнюса, Риги. [36] В Новокузнецке "неформалы" всё-таки прорвались к микрофону на Театральной площади. "И никто, - писал корреспондент "Нового времени", - ни рабочие, ни партийные, ни советские руководители города... не смогли оспорить их идеи". [37]

На вопрос: "Почему в июле 1989 г вы уклонялись от политики?" - сами участники событий отвечали по-разному. Одни верили в социалистическую систему. Другие - боялись репрессий. Третьи - вопрос о власти не считали своим делом. Участник междуреченской забастовки В.А. Глуценко говорил: "Мы долго и безрезультативно, уговаривали людей брать власть. А люди нам отвечали: "Вы нам обеспечьте удовлетворительную зарплату, а с властью решайте сами". [38]

Были, правда, и другие мнения относительно взятия власти рабочими. Заместитель председателя Новокузнецкого рабочего комитета В.С.Дьяченко говорил журналисту В.В.Костюковскому июле 1989 г.: "Мы берём власть не у Советов, а у тех, кто её когда-то узурпировал, у бюрократов... Но и это ещё не власть. Настоящей она будет, когда мы её передадим Советам, но не нынешним, а которых изберём". [39]

Весьма глубокая и стратегически верная мысль в публицистике того времени, особенно партийной, бытовало мнение, что июльская забастовка

носила экономический характер, политические требования де не фигурировали. Анализ документов не подтверждает этого вывода.

В какую категорию, в таком случае, следует отнести требования шахтеров о досрочном переизбрании Советов народных депутатов? Как можно квалифицировать выражение недоверия горкомам КПСС и постановку вопроса о передаче занимаемых ими зданий под детские учреждения? Все это несомненно было политикой. Интуитивной. Стихийной. Порой наивной, но политикой. Предъявляя свои требования в партийные органы, рабочие даже не задумывались над тем, что формально те были лишь общественными, а не властными структурами. Выражая недоверие горкомам партии, немногие из забастовщиков знали, что это прерогатива только коммунистов, что здания гаремов являются собственностью партии, а не всего народа. Практическая жизнь подсказывала, что власть - это горкомы, а не какие-то Советы народных депутатов.

Примечательно, что городские забастовочные комитеты старались не допустить распространения стачки на другие отрасли промышленности и особенно предприятия социальной сферы. Они были озабочены тем, чтобы не нарушить нормальное функционирование города, как целостного организма. Шахтеры заверяли, что они сумеют учесть требования и других категорий граждан.

И, надо сказать, вполне сумели. Вот почему, хотя забастовка и была в основном шахтерской, удельный вес чисто шахтерских требований был незначительным. Среди них были требования об увеличении отпуска подземным трудящимся до 45 календарных дней, о введении оплаты за время передвижения шахтеров от ("пола к месту работы и обратно ("копытных")), об установлении для всех трудящихся угольной промышленности единого выходного дня (воскресенья), о пересмотре норм на спецодежду и мыло (800 гр. хозяйственного и 400 гр. туалетного в месяц), о сокращении управленческого персонала шахт на 30-40%, о выходе на пенсию подземных рабочих со стажем 25 лет независимо от возраста. Из и общегородских требований забастовщиков г.Березовского, например, только 7 - относились к чисто шахтерским, г. Ленинска-Кузнецкого из 37 - 5. У прокопчан ни одного требования чисто шахтерского характера не было.

Одни требования можно было отнести к разряду общегородских, другие - общекузбасских. Шахтеры требовали увеличения районного коэффициента к заработной плате с 15% до 30% и даже 60% не только для всех работающих в Кузбассе, но и начисления его пенсионерам. Они поставили вопрос о снабжении Кузбасса продуктами и товарами по первой категории, как Москвы или Ленинграда. Считали необходимым передать часть персональных машин служб скорой помощи и милиции, предоставить женщинам оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 3 лет, улучшить снабжение медицинских рождений медикаментами и одноразовыми шприцами, построить для медиков жилые дома, создать городскую зону отдыха, ввести дополнительные автобусы на городские маршруты.

[40] Невозможно, таким образом, упрекнуть шахтеров в профессиональном эгоизме. Они боролись за интересы всех без исключения кузбассовцев.

Анализ требований как отдельных шахт, так и городов в целом показывает, что качество их росло день-о-дня, от города - к городу. Объясняется это тем, что у тех, кто начинал забастовку позднее, была возможность учесть опыт своих товарищей, было время для их всестороннего осмысления. Обращают на себя внимание требования забастовщиков Березовского, утвержденные на общегородском митинге 15 июля. Они были глубоко продуманы как с экономической, так юридической и политической стороны. Они содержали то, чего не было в требованиях других городов, то, вокруг чего уже через два месяца будет складываться все рабочее движение Кузбасса, то, что весной 1990 г. приведет шахтеров к выводу о бесперспективности борьбы за материальное улучшение жизни в рамках существующей системы. Это были требования о предоставлении полной экономической и юридической самостоятельности предприятиям, о праве трудовых коллективов избирать для своего предприятия форму собственности: государственную, кооперативную, арендную. [41]

Не эти ли исключительно глубокие по своему содержанию требования заставили отдельных руководителей Кузбасса по-новому взглянуть на разворачивающиеся политические события?) июля в телевизионном выступлении Л.Г.Мельникова прозвучали новые интонации в оценке забастовки. Он оценил забастовку, как часть "перестроечного процесса, когда массы подключаются к решению назревших проблем". [42] Потом в ходе июльских пленумов городских комитетов КПСС выяснилось, что это была его личная точка зрения, которую не разделили коллеги. Но на нее, в обстановке всеобщего осуждения забастовщиков "партаппаратчиками", надо было решиться.

16 июля стало особым днём в истории забастовки. В этот день рабочее движение Кузбасса поднялось на более высокую ступень своего развития. Разрозненные выступления рабочих отдельных предприятий и городов слились в единое общекузбасское рабочее движение. В пять часов вечера, в Прокопьевске, во дворце культуры им.Артёма собрались по два представителя от каждого бастующего города. Цель этого собрания (потом оно получило название первой конференции рабочих комитетов Кузбасса) определил председатель Прокопьевского стачечного комитета, проходчик шахты им. Калинина Юрий Леонидович Рудольф. "Позавчера, - сказал он, - представители нескольких городов решили собраться все вместе и обсудить наши требования, которые во многом сходятся. Дать всекузбасские требования в одном пакете и каждого отдельного города - в другом. И посоветоваться о том, как быстрее покончить с забастовкой, которая, в сущности, не нужна ни нам, ни государству". [43]

Вход в зал заседаний для "начальства" был закрыт. Исключение было сделано для секретаря облсовпрофа В.Н. Коровицина, а также народных депутатов СССР Т.Г.Авалиани и В. М. Ильина (директора прокопьевского завода шахтной автоматики, человека демократической ориентации).

Журналисты допускались беспрепятственно. За столом президиума конференции сначала находился один ЮЛ. Рудольф. Но после того, как требования Березовского городского стачечного комитета были приняты за основу в составлении общекузбасского пакета требований, к руководству конференцией был приглашен и Вячеслав Михайлович Голиков - лидер березовских забастовщиков.

Во время конференции, которая более всего походила на микромитинг, транслируемый на "площадь несогласия", её участники вдруг осознали себя некомпетентными в ряде вопросов. Процент отчисления прибыли в госбюджет ещё каких-то одолели, но по словам журналиста Костюковского, автора самой первой книги о забастовке в Кузбассе, вконец запутались с нормами отчисления валютной прибыли от внешнеэкономической деятельности шахт, право на которую шахтеры включали в свои требования.

И вот тут в истории рабочего движения Кузбасса произошло то принципиально важное, что определило, как тогда, так и впоследствии высокое качество содержания документов, с которыми рабочие комитеты выходили к людям обращались в министерства. Мужественно признавшись в своей неосведомленности, шахтёры решили обратиться к специалистам. С того дня работа со специалистами в подготовке собственных решений стала жизненным правилом рабочих лидеров. Они оказались выше идеологических предубеждений. Они не смущались, приглашая к сотрудничеству людей из аппаратов управлений не только, скажем, шахт или объединений, но и обкома, горкомов, райкомов партии, кафедр общественных наук вузов Кузбасса.

Позднее, рабочие комитеты создадут у себя постоянно действующую группу консультантов из числа экономистов, юристов, историков, философов, инженеров. Среди этих консультантов окажутся и известные в стране люди, такие как историк Л.А. Гордон, будущий губернатор Кузбасса М.Б.Кислюк и др. Консультанты станут участвовать как в подготовке документов, так и в проведении переговоров, в том числе и на правительственном-уровне. Этот своеобразный институт советников был в то время абсолютно новым явлением для советской политической практики. Командно-административная система управления предполагала, что сам по себе поет делал любого человека обладателем высшей (на уровне поста) истины. Он становился как будто бы на голову выше как своих подчиненных, так и "людей из народа". В чьих-либо рекомендациях, тем более со стороны, от "какого-то" консультанта, чиновник не нуждался. Обращение к специалистам могло рассматриваться как непростительная слабость.

Забастовщики не сразу пришли к мысли о привлечении специалистов. В самые первые дни забастовки рабочие решительно отвергали какую-то помощь со стороны "начальников". "Вы, - говорили рабочие, - много лет решали и ничего хорошего из этого не вышло. Теперь будем решать мы!" Уважительно прислушиваясь к мнению специалистов, рабочие тем не менее не допускали вмешательства в свои дела и решительно пресекали любые попытки менторства или указующего перста. Ещё на первой конференции

шахтёры жестко оборвали выступление собственного корреспондента "Правды" А.Богачука, который, воспользовавшись правом журналиста присутствовать в зале заседания, принялся поучать собравшихся и призывать "к благоразумию и порядку". Весной 1991 г. участники расширенного заседания совета рабочих комитетов Кузбасса беспощадно отказали в праве на выступление перед ними своим бывшим консультантам - профессорам политэкономии, которые заняли тогда прообкомовскую позицию.

На первой конференции в Прокопьевске её участники обсудили общекузбасские требования. Но они воздержались от принятия официального итогового документа, понимая, что в ходе нарастающей забастовки требования могут быть изменены и дополнены. По спискам городских стачечных комитетов утвердили состав Регионального забастовочного комитета. В него вошли по два представителя от городских и одному - от поселковых стачечных комитетов, а также двое - от горноспасателей. [44]

Почти половина членов Регионального забастовочного комитета (из 26 чел. - 12) имели высшее или среднеспециальное образование. Это само по себе было какой-то гарантией серьёзной проработки принимаемых решений. Более половины состава комитета были коммунистами. А два человека: Ю.Н. Ефименко и Б.И.Иванов работали даже секретарями парткомов предприятий. Это говорит о том, что, с одной стороны, рабочие не очень-то интересовались анкетными данными избираемых лидеров, а с другой, - это было свидетельством равнодушия рабочих к партийной принадлежности. В коммунистах они не видели своих противников. Они интересовались только деловыми (а позднее и моральными) качествами избираемого лица. Потребуется год, прежде чем весной 1990 рабочие впервые поставят вопрос о нецелесообразности использования интеллектуальной помощи одного из своих консультантов только на том основании, что он коммунист. Поставят, но не получат одобрения.

Судя по составу Регионального забастовочного комитета, не испытывали забастовщики и идиосинкразии по отношению к "начальству". В составе комитета оказались механики А.В.Асланиди и П.Н.Пятенко, начальники участков А.А.Секачев и Ю.М.Власов, главный инженер В.П.Кириенко, командир отделения горноспасателей П.И. Кунгуров, горные мастера А.С.Кутлахметов, В.Н. Землянухин, Ю.Л. Герольд. Председателем избрали заместителя генерального директора объединения Т.Г.Авалиани, его заместителями Ю.А.Герольда и Ю.Л.Рудольфа.

Судя по тому, что в среднем из 10 документов Регионального комитета как минимум 9 - подписывались Рудольфом, можно заключить, кто в действительности был его председателем. Сначала в силу своей занятости как хозяйственного руководителя, а затем в связи с принципиальным несогласием со стратегией и тактикой рабочих комитетов, Авалиани не часто бывал в штаб-квартире Регионального комитета (в Кемерово), ситуацией в рабочем движении, видимо, владел недостаточно, и считать его лидером рабочего движения Кузбасса нет оснований. Закономерно, что в один из

самых ответственных моментов, на переговорах с правительственной комиссией в январе 1990 г., он оказался лишь рядовым участником, причём не, на стороне рабочих комитетов.

Создание Регионального забастовочного комитета в дни забастовки сыграло колоссальное значение в развитии рабочего движения. Возможность координации действий забастовщиков в масштабе целого региона, обеспечило силу влияния стачки на властные структуры (в том числе и московские), предотвратило "левизну" одних лидеров, оппортунизм - других. Консолидированность действий с самого начала забастовки, видимо, и определило высокое качество рабочего движения Кузбасса, движения, которое по праву считалось пионерским в борьбе с тоталитарной системой. В отличие от кузбасских, донбасские шахтёры создали подобный комитет только лишь через месяц (17 августа) после начала своей забастовки. Не это ли обстоятельство стало фактором, предопределившим не столь высокий уровень рабочего движения Донбасса?

В разгар работы первой конференции забастовочных комитетов поступила телеграмма от М.С.Горбачёва и Н.И.Рыжкова. Её передали по телефону из Кемерово. В телеграмме сообщалось о выезде в Кузбасс партийно-правительственной комиссии для рассмотрения "ваших предложений". Сказать - требований, видимо, не хватило смелости, мужества и правдивости. Зато в телеграмме содержался призыв проявить "благоразумие, ответственность и возобновить работу". [45] Почти не раздумывая, делегаты конференции приняли решение о продолжении забастовки, во всяком случае, до приезда этой комиссии. "Площади несогласия" городов Кузбасса оценили обращение высшего руководства страны как запоздалое и отнеслись к нему очень сдержанно. Тем более, что стало известно о начале забастовки на 6 шахтах Донбасса (г. Макеевка). В Воркуте (Коми АССР) по инициативе шахтёров шахты "Хальмер-Ю" началась забастовка горняков Печорского бассейна в поддержку забастовщиков Кузбасса. [46]

Вместо свёртывания забастовки, на что рассчитывали авторы телеграммы, забастовочное движение продолжало нарастать. 17 июля число бастующих коллективов возросло в Анжеро-Судженске, Белове, Березовском; на прежнем уровне осталось в Кемерово, Новокузнецке, Осинниках. В Киселёвске к шахтёрам присоединились коллективы двух крупнейших в стране машиностроительных заводов, а также военный завод "Знамя" (производство взрывчатки), мебельная и обувная фабрики. В Прокопьевске забастовали коллективы заводов - "Продмаш", механического и подшипникового, а также 14 строительных организаций города. В целом в тот день 17 июля, в Кузбассе не работали 167 предприятий и организаций, с численностью 181 тыс. чел. [47] Нарастали события и в Донбассе. 19 июля там бастовало уже 40% угольных предприятий. Встали 11 шахт в Днепропетровской, ряд шахт в Ростовской областях, шахты Караганды (Казахстан), Львовской и Волынской областей. К 20 июля забастовка стала фактически отраслевой. [48]

17 июля в два часа дня из Москвы в Кемерово спецрейсом прилетела партийно-правительственная комиссия во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Секретарём Центрального Комитета партии Н.Н.Слюньковым. В её состав вошли также первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Л.А.Воронин и председатель ВЦСПС (профсоюзы) С.А.Шалаев.

В Прокопьевске начались переговоры с Региональным забастовочным комитетом. Почти сразу же было достигнуто принципиальное согласие о прекращении забастовки (при одном голосе - "против" и двух - "воздержавшихся").

Вот как описывал атмосферу на этих переговорах Слюньков: "В 20 часов мы приступили к работе. Из 35 пунктов до 4 часов ночи успели рассмотреть 8 вопросов. Над первым вопросом просидели 4 часа, над вторым - часа два, над третьим - уже час.... В комитете народ подобрался солидный, ответственный. Не интригуют, не конъюнктурничают. Мыслят по государственному, подходят к делу по - партийному. Доносят до нас боль, сложность накопившихся проблем, хотят решать их всерьёз, эффективно. Во всём присутствует понимание реальности и здравого смысла". [49]

То, что выработка требований была непростой задачей, говорит опыт шахтёров Караганды. Областное руководство и прибывший сюда заместитель министру угольной промышленности СССР А.Пухтеев готовы были ответить на требования горняков. Но два часа совместной работы дали нулевой результат, ибо требования шахтёров оказались несформулированными. А ведь к тому времени прошло не меньше 30 часов с начала забастовки и избрания городского, а затем и областного стачечных комитетов. [50]

На следующий день после начала переговоров в Кузбассе начался спад рабочего движения, но не такой быстрый, как рассчитывали власти. 18 и 19 июля приступили к работе угольные предприятия Новокузнецка. Из 12 бастовавших предприятий Осинников 8 - возобновили работу. Однако продолжали бастовать 124 предприятия Анжеро-Судженска, Белова, Березовского, Кемерово, Киселёвска, Прокопьевска (149,2 тыс. чел.). [51] Пока не был подписан документ, в котором были бы учтены требования кузбассовцев, до тех пор люди не желали возобновлять работу, резонно опасаясь очередного обмана со стороны властей.

19 июля утром, в 9 час. 30 мин. документ был подписан. Некоторое время размышляли над его названием. Напрашивалось нечто вроде "Договор о ...". Но как-то неприлично говорить о договоре между "партией и правительством" и собственным народом. Не называть никак - ещё хуже. Остановились на нейтральном слове - протокол. Полное название документа - "Протокол о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС". [52]

"Протокол" с правительственной стороны подписали: Секретарь ЦК КПСС Н.Слюньков, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.Воронин, председатель ВЦСПС С.Шалаев (?!); со стороны

Регионального/забастовочного комитета - его председатель Т.Авалиани и заместители председателя. Ю.Рудольф и Ю.Герольд.

Подписание "Протокола" на правительственной стороне главой советских профсоюзов Шалаевым тогда никого не удивило. Этой коллизии даже не заметили, прочно утвердившись в понимании того, что советские профсоюзные структуры есть часть государственного аппарата. Выросло несколько поколений советских людей, никогда не сталкивавшихся со случаем защиты профсоюзами интересов трудящихся. Председатель Кемеровского областного совета профессиональных союзов В.И.Романов вынужден был признать, что роль профсоюзов оказалась незавидной, они "не стали инициатором и защитником интересов трудящихся". [53]

"Протокол" состоял из 35 пунктов, которые 22 июля были дополнены ещё 9 пунктами. В 44 пунктах содержатся обязательства правительственной стороны, в том числе и такие, каких никому, никогда, ни при каких обстоятельствах советская власть ещё не давала. В самом первом пункте "Протокола" говорилось о переводе Кемеровской области с 1 января 1990 г. на региональный хозрасчёт. По замыслу забастовщиков, этот хозрасчёт должен был остановить "колониальный грабёж" Кузбасса, обеспечить развитие социальной сферы региона, дать возможность жить на собственные, заработанные средства, а не ждать дотаций из Москвы. Вторым пунктом "Протокола" декларировалось предоставление предприятиям Кузбасса полной экономической и юридической самостоятельности. Министерство угольной промышленности СССР должно было реорганизовать угольные объединения в ассоциации с различными формами собственности на средства производства - государственной, кооперативной, арендной и др.

Добившись включения этих двух пунктов, шахтёры Кузбасса по сути дела вышли на радикальную экономическую реформу (да и не только экономическую). На реформу такого масштаба советское руководство никогда не решалось. Ещё в начале второй пятилетки (1933 г.) руководители ВКП(б) пришли к выводу о существенных недостатках в системе управления экономикой. Преодолевая их, по решению 17 съезда партии боролись с канцелярско-бюрократическими методами управления. Но безрезультатно, поскольку в 1988 г. по сути о тех же самых недостатках опять заговорили, квалифицировав их теперь издержками командно-административной системы. Создав в 1957 г. совнархозы, Н.С.Хрущёв передал функции управления экономикой в регионы. Тем самым он лишил московское чиновничество права распоряжаться общенародной собственностью (за что и поплатился). Проведя экономическую реформу 1965 г., КПСС вернула им это право, взамен предоставив краям и областям, шахтам и заводам, рабочим и крестьянам много и бесплодно рассуждать о хозрасчёте и собственной хозяйственной самостоятельности. Введение в 1979 г. показателя чистой продукции, а затем госприёмки для экономики имело, в лучшем случае, лишь косметическое значение. Эффективность экономики, как учили даже классики марксизма-ленинизма, зависит прежде всего от отношения к собственности на средства производства. Сохранение собственности в руках

чиновничества не стимулировало развитие производительных сил, делало их застой и загнивание неизбежными.

Выполнение пунктов "Протокола" о хозяйственной самостоятельности Кузбасса в целом и предприятий в отдельности неизбежно разрушало основу основ социалистических производственных отношений - монополию государственной собственности. Те, кто подписывал этот документ с правительственной стороны не могли не понимать, что экономическая свобода Кузбассу и его предприятиям, предоставленная сегодня, означает экономическую свободу всем предприятиям и регионам СССР - завтра. Это конец централизованной экономики. Это конец бесконтрольным затратам на мировую социалистическую революцию (помощь соцстранам, колоссальные вливания в страны "третьего" мира, гонку вооружений). Это конец всевластию Москвы. Те, кто подписывал "Протокол", конечно же, прекрасно понимали, чем грозят эти первые два пункта. Понимали, но подписали потому, что, во-первых, остановилась почти вся угольная отрасль страны, во-вторых, видимо, надеялись впоследствии уклониться от выполнения этих обязательств.

Понимали значение этих двух пунктов и забастовщики. По словам председателя Ленинск-Кузнецкого рабочего комитета Л.Б.Астафьева, высказанным ещё в июле 1989 г., забастовка поставила вопрос об изменении всей системы экономических отношений в стране. [55]

Для практической реализации этих пунктов промышленным предприятиям Кузбасса "Протоколом" декларировалось право продавать свою продукцию, произведенную сверх заключенных договоров как внутри страны, так и за рубежом. Закладывалась реформа оптовых цен на уголь с учётом фактических затрат на его добычу, рекультивацию земель. Предприятиям давалось право на корректировку основных экономических показателей (объём угледобычи, себестоимость, производительность труда) в соответствии с изменяющимися горногеологическими условиями. Предоставлялась возможность изменения нормативного соотношения между заработной платой и производительностью труда, самостоятельного установления норм выработки и норм обслуживания, установления расценок. Эти пункты "Протокол" имели очень важное значение для регулирования заработной платы шахтёров без опеки министерства.

В совокупности эта группа пунктов "Протокола" определяла проведение экономической реформы, разумеется, не только в Кузбассе, но и во всей стране. Было определено её основное содержание - изменение отношения к собственности на средства производства.

Другая группа "Протокола" относилась к конкретным вопросам начисления заработной платы и пенсий, а также отдыха трудящихся. Предусматривалась дополнительная плата за работу в ночную (40%) и вечернюю (20%) смены. Оплачивалось время передвижения от ствола шахты к месту работы и обратно. Декларировалась корректировка заработной платы в соответствии с ростом цен. Вводился новый коэффициент оплаты труда для всех кузбассовцев (вместо 15% - 30%). Женщинам по уходу за детьми

оплачиваемый отпуск увеличивался с 2 до 3 лет. Устанавливались новые правила исчисления льготного стажа большой категории трудящихся, которые до этого шли на общих основаниях: работники разрезов, автобаз, погрузочно-транспортных управлений угольной промышленности, горноспасательных частей. Для шахтеров, наконец-то, устанавливался единый выходной день - воскресенье. Увеличивались отпуска, которые исчислялись дифференцированно от стажа работы. По сути дела, эта группа пунктов "Протокола" ставила вопрос о существенном пересмотре всего советского трудового и пенсионного законодательства.

Третья группа требований шахтёров, реализованная в соответствующих пунктах "Протокола", получила в стране наибольшую известность. Более того, именно эта группа стала восприниматься советской общественностью как единственная. Видимо, благодаря каким-то централизованным идеологическим установкам, у советских людей во всём Советском Союзе сложилось устойчивое представление, что эти пункты составили основное содержание рабочего движения Кузбасса. Речь идёт о пунктах, в которых говорилось об увеличении товарных поставок в Кузбасс. В соответствии с "Протоколом" Кузбассу были выделены дополнительные фонды (20-30% от планируемых на 1989 г.) на мясо, масло, сахар, чай, кофе, обувь, мебель, мыло, стиральный порошок, стиральные машины, холодильники, телевизоры, легковые машины, ковры, швейные и трикотажные изделия, цемент, краску, унитазы, сливные бачки, ванны.

Как бы предвидя ситуацию с искажением целей кузбасской забастовки, машинист шахтоуправления "Кольчугинское" А.И.Фёдоров говорил в горкоме партии через несколько дней после стачки: "Не надо думать, что мы бастовали только за то, чтобы в наш край дали больше мяса и стирального порошка, и мыла. В первую очередь горняков волновали вопросы, связанные с робкими шагами экономической реформы...". [56] Член междуреченского городского стачечного комитета электрослесарь шахты "Усинская" В.Б.Роговцев после отъезда партийно-правительственной комиссии сказал: "Когда приехал министр, он тоже бессилён был решить многие вопросы. Нужна экономическая самостоятельность". [57] Точку зрения забастовщиков разделяли и наиболее дальновидные хозяйственные руководители. Выступая в конце июля на пленуме горкома партии, директор разреза "Черниговский" В.Г.Заболотный абсолютно точно определил: "Основной результат забастовки - это ускорение экономической реформы". [58]

Даже если бы шахтёры в своих требованиях не поставили задачу проведения радикальной экономической реформы (а они её поставили!), то одно только перечисление товаров, которые были в то время остродефицитными, само по себе является превосходным свидетельством "величия" достижений социализма. Подумать только! Мировое рабочее движение существует полтора столетия. Но до таких "вершин" требований оно ещё никогда не поднималось.

Никакой фантазии не хватило бы ни у К.Маркса, ни у одного из современных профсоюзных деятелей Запада для того, чтобы выводить

рабочих на забастовку за унитазы и мыло. Кто бы мог подумать, что праправнуки героев гражданской войны, за счастье и светлое будущее которых те умирали, будут добиваться в борьбе возможности соблюдать личную гигиену. Добиваться того элементарнейшего в жизни, что люди в развитых странах (а СССР квалифицировался как сверхдержава) уже и замечать-то перестали. Как не замечают воздух, когда он есть.

К чести шахтёров, мясо - мыльно - колбасные проблемы волновали их лишь постольку, поскольку советская власть хроническими дефицитами довела народ до предела, за которым, по выражению забастовщиков, "только пещера".

С первых же шагов своего движения они сразу же вышли на защиту не части, а всей своей жизни. Значительное место в "Протоколе" отводилось экологическим проблемам и вопросам здоровья населения Кузбасса. Было записано о прекращении строительства Крапивинского гидроузла, как экологически опасного объекта. Запрещался молевой сплав древесины по рекам Кузбасса. Ставилась задача проведения независимой экологической экспертизы территории Кемеровской области. Предусматривались дополнительные меры по улучшению медицинского обслуживания.

Рабочие прекрасно понимали, что подписание "Протокола" ещё не означало победы забастовщиков. Они полностью отдавали себе отчёт в том, что без сохранения забастовочных структур, без постоянного "давления снизу" на "родное" правительство благоприятного исхода дела ждать не приходилось. Вот почему пункт № 31 "Протокола" сохранял стачечные комитеты до первого августа, а после первого августа - "в зависимости от складывающейся ситуации". Рабочие чувствовали, что им предстоит борьба не менее многотрудная, чем забастовка.

Логично было бы предположить, что эти организационные функции по контролю за выполнением "Протокола" могли выполнить профсоюзы. Так оно обычно и бывало со второй половины 19 века на Западе и с начала 20 века в России. Но не в Советском Союзе! Во время забастовки советские профсоюзы оказались в нокауте. Так выразился заведующий отделением социально-экономических проблем Научного центра ВЦСПС Б.М. Трененков. [59]

В критический момент ни "партия рабочего класса", как именовала себя КПСС, ни "профсоюзы - школа коммунизма", - не встали на сторону трудящихся в их борьбе с работодателем (государством). Трудящимся самим пришлось самоорганизовываться в обстановке чрезвычайной, за время исключительно короткое. И хотя председатель Кемеровского облсовпрофа В.И.Романов привёл цифры, свидетельствующие об участии профсоюзных лидеров в забастовке (6 председателей профкомов предприятий вошли в состав городских стачечных комитетов, 350 (!?) профсоюзных работников и активистов стали членами стачкомов предприятий), вынужден был признать, что многие из них "боязливо отошли в сторону", "прятались от людей", а некоторые прямо заявили забастовщикам: "Нам с вами не по пути." 22 июля на бюро обкома, состоявшегося в Прокопьевске, он паниковал;

"Забастовочные комитеты практически берут всё в свои руки. Профкомы погибают!" [60]

На следующий день после подписания "Протокола" (20 июля) партийно-правительственная комиссия отправилась с объездом по городам Кузбасса. За три дня она побывала в 12 городах, заключила в каждом из них городские "Протоколы". В них фигурировали местные нужды. "Все проблемы от нашей глухости...", - тяжело заключил председатель комиссии Слюньков при подведении итогов перед областным активом. [61]

Если в день подписания "Протокола" количество бастующих предприятий уменьшилось только вдвое (не приступили к работе 61 предприятие с численностью 55,2 тыс. чел.), то на следующий день к вечеру по призыву Регионального забастовочного комитета все предприятия работали. [62] В очередном номере "Шахтерской правды" (г. Прокопьевск) на всю первую полосу была помещена фотография, под которой стояла надпись: "Шахтёры уходят. Победа или поражение?" И чуть ниже слова: "Спасибо вам, родные, за стойкость, мужество, выдержку!". [63]

В это же время в Донбассе комиссией возглавляемой Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Л.Д. Рябовым, был подписан аналогичный "Протокол о согласованных мерах...". С тем, чтобы придать законное оформление своим обязательствам, данным в "Протоколах" народу, Совет Министров СССР 3 августа издал специальное Постановление за № 608. Содержание основных пунктов "Протоколов" распространялось на все угольные регионы СССР, всю угольную промышленность страны.

Забастовка закончилась. По данным Кемеровского обкома КПСС потери в Кузбассе составили 2698 тыс. т. недобытого и 1940 тыс. т. неотгруженного угля. Готовой продукции не было выпущено на 52,8 млн. руб. Общий экономический ущерб составил 65,8 млн. руб. [64]

Об этом экономическом ущербе партийная пропаганда сообщала много и охотно, по несколько раз в день, как во время забастовки, так и после неё. Делалось это целенаправленно (партийный архив содержит документы об инициаторах этой пропаганды), с тем, чтобы вызвать у шахтёров чувство стыда за свой непатриотизм, возбудить в народе проявление гражданственности и ответственности за содеянное.

Нельзя сказать, что шахтёры не помнили об экономическом ущербе, нанесённом забастовкой. Но они не склонны были принимать эти цифры на свой счёт. Шахтёры ставили их в вину партийным и государственным руководителям, советскому государству в целом, которые и вынудили бастовать. Во-первых, потому, что государство долгие годы давило их нищетой и унижением. И во-вторых, потому, что оно не сформировало механизма разрешения конфликтов, который бы позволил без крайних методов разрешать возникающие противоречия в обществе.

Как показали социологические исследования группы академика Т.И. Заславской, 63% опрошенных забастовщиков Кузбасса и Донбасса считали, что забастовка не принесла вреда перестройке. А у 64% - укрепились надежды на лучшее будущее общества в результате забастовки. Почти 70% -

ответили, что не считают себя в чем-то виноватыми перед страной. [65] "Не считают ли шахтёры, что их забастовка угрожает политике осуществления экономических реформ и перестройке?" - задал вопрос корреспондент телекомпании Эй-Би-Си группе бастующих. "Ни в коем случае, - заявит один из них. Наоборот. Мы помогаем перестройке снизу, в то время как Горбачев делает её сверху. [66]

Каков итог забастовки? Получили "колбасу - мыло"? - Да! Добились экономической самостоятельности Кузбасса? - Да! (по/обещали, по крайней мере). Увеличили районный коэффициент всем кузбассовцам? - Да! Напугали чиновников? - Тоже, да! Этот ряд вопросов и положительных к ним ответов можно было бы ещё продолжить.

Но главное в итогах забастовки не в этом. Шахтёры защитили право на личное достоинство. С возрожденного человеческого достоинства началось и возрождение гражданственности, формирование талантливых лидеров, сказавших своё веское слово не только в рабочем движении. Достоинство личности стало тем катализатором, который ускорил процесс перестройки, привёл, в конце концов, к радикальным реформам в Советском Союзе. События в Кемеровской, Донецкой, Ростовской, Днепропетровской, Ворошиловградской областях, Коми АССР и других районов страны продемонстрировали неприемлемость для народа прежних командных отношений. М.С.Горбачёв, выступая по центральному телевидению 23 июля 1989 г. сказал: "Мы пережили трудные дни... Рабочие берут дело в свои руки основательно. И это ... сильно воодушевляет". [67]

Анализ документов и материалов, таким образом, показывает, что июльская забастовка, начавшаяся как акт стихийного-протеста шахтёров шахты им. Шевякова против бюрократизма администрации, за исключительно короткое время стала организующим движением трудящихся (не только шахтёров) Кузбасса. Если в первые дни забастовки рабочие ставили вопросы в основном лишь материального плана, то вскоре они вышли на коренной вопрос любой общественно-экономической системы - вопрос о собственности на средства производства, вопрос о праве пользования результатами своего труда. Причём они поставили вопрос о собственности не только отдельного предприятия (это партия неоднократно декларировала в своих решениях с 1917 г.), но и принадлежности целого региона. Кому принадлежит Кузбасс? Тем, кто в нём живет и работает, или чиновникам Центра, которые видят в нём источник собственного процветания?

В своих требованиях шахтёры, по большому счёту, поставили проблемы не столько шахтёрские, сколько общекузбасские, не столько общекузбасские, сколько общесоюзные, не столько общесоюзные, сколько общие для всего социалистического лагеря. Не случайно поэтому кузбасская забастовка стала детонатором для выступления народов европейских социалистических стран. На примере Кузбасса убедившись, что в ответ на антирежимные акции танков может и не быть, общественность "стран

народной демократии" провела "нежные революции", отказалась от социализма как общественно-экономической системы.

Однако в самом Советском Союзе силы социализма были крепки. По крайней мере, крепки настолько, чтобы выдержать первый народный вал протеста. Потребовалось время, потребовались организационные усилия, прежде чем жители Кузбасса дошли до понимания необходимости более радикальных перемен в обществе, чем те, которые давала (но не смогла дать) перестройка.

Как властная структура Коммунистическая партия не рискнула, в отличие от прежних времён, применить против народа силу. Она сначала попыталась сдержать нарастание движения протеста лишь угрозами репрессий, да и то только в отношении коммунистов. Ограничивая и искажая информацию, власти в первые дни предпринимали энергичные меры по удовлетворению требований тех, кто забастовал первым. Им удалось склонить к штрейкбрехерству один из городских забастовочных комитетов. Не контролируя ситуацию всецело партийные органы, а вместе с ними и советские, пытались влиять на забастовочные комитеты через отдельных активистов разворачивающегося движения. Но в принципе это им не удалось. Забастовочные комитеты оказались автономными как от партийных, так и от профсоюзных комитетов. Во время переговоров с партийно-правительственной комиссией руководство Кузбасса фактически поддержало забастовщиков. В "Протокол" были включены вопросы, которые, те не могли решить десятилетиями.

В целом же, во время июльской забастовки народ и власть выступили как два противоположных лагеря. До враждебности дело, однако, не дошло. Но политических требований у забастовщиков оказалось немало, несмотря на экономический характер этого хорошо организованного стихийного бунта. Они носили почти случайный характер и не выходили за рамки актов единичного протеста. Ни о каком отрицании социалистической системы не было и речи. Но значение июльской забастовки шахтёров чрезвычайно велико для всей последующей истории СССР, социалистической системы в целом. "Мы... сравниваем ... забастовку горняков Кузбасса с победой на поле Куликовом, - говорил на первом съезде Конфедерации труда делегат из г. Люберцы В.И.Скурлатов. - Нам говорили, что русский народ кончился, лишился жизненной силы в ходе чудовищного социального эксперимента..., геноцида. Глубинная Россия ... пробила решающую брешь в "берлинской стене" тоталитарного гнета". [67]

То, над чем ученые политэкономы спорили многие десятилетия - есть или нет при социализме товарно-денежные отношения - рабочие решили в течении нескольких дней, фактически поставив вопрос о рыночной экономике. То, чего с конца 20-х годов не имели советские предприятия - хозяйственной самостоятельности - руководители страны обязались предоставить в ближайшее время. Мнение обывателя о рабочих, как полуспившейся, покорной и туповатой массе было опрокинуто в течение нескольких дней. "Вдруг" появились, - писала "Советская Россия", -

незнакомые, ранее не замеченные, а теперь поразившие нас уровнем мышления и образованностью люди, ... куда-то потерялись ... многие "штатные" передовики, портретами которых были полны газетные полосы..." [68] Гражданам страны особенно импонировало то, что Кузбасс поднялся без дикого разгула межнациональных или иных страстей, характерных для апрельских 1989 г. событий в Тбилиси, или майских - в Фергане, когда пролилась кровь, погибли люди.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ 3

1. Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов. - С. 76 - 77.
2. Наша газета. - 1991. - 23 июля.
3. Рабочее движение Кузбасса. - С. 40-41.
4. ГАКО. Ф.26. Оп. 44. Д. 2. Л. 12.
5. Рабочее движение Кузбасса. - С. 77.
6. Из личного архива автора (фонограмма беседы).
7. Здесь и далее приводятся данные по информационной справке Кемеровского обкома КПСС, составленной, видимо, при участии КГБ через некоторое время после забастовки. (См. Рабочее движение Кузбасса. - С. 76-83). Эти данные более точны, чем те, что приводятся по оперативной информации. (См. Политическое самообразование. - 1989. - № 13. - С. 54).
8. ГАКО. Ф. 26. Оп. 44. Д. 2. Л. 12.
9. См. Рабочее движение Кузбасса. (Фотодокументы).
10. Наша газета. - 1990. - 27 нояб.
11. Рабочее движение Кузбасса. - С. 78.
12. Наша газета. - 1991. - 23 июля.
13. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 38. Л. 119.
14. ГАКО. Ф. 1430. Оп. 36. Д. 2. Л. 61.
15. Там же. - Л. 83.
16. Рабочее движение Кузбасса. - С.44.
17. Там же. - С. 44-48, 78-89.
18. Там же. - С.43.
19. ГАКО Ф. 75. Оп. 66. Д. 39. Л. 16.
20. Рабочее движение Кузбасса. - С. 61-66; Правда. - 1989. - 21 авг.
21. ГАКО. Ф. 1430. Оп. 36. Д. 1. Л. 75.
22. Г.Смолин. Забастовка: слово берёт народ. Жаркое лето Кузбасса //Молодая гвардия. - 1990. - № 1. - С. 238-239.
23. Литературная газета. - 1989. - 2 авг.
24. ГАКО. Ф.75.Оп. 66. Д. 20. Л. 15.
25. Там же. - Л. 15-16.
26. Неделя. - 1989. - № 30. - С. 3.
27. ГАКО. Ф. 26. Оп. 44. Д. 2. Л. 23.

28. Шахтёрская правда. - 1989. - 3 авг.
29. Правда. - 1989. - 21 авг.
30. ГАКО. Ф. 26. Оп. 44. Д. 12. Л. 10.
31. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 20. Л. 15.
32. ГАКО. Ф. 74. Оп. 40. Д. 3. Л. 14.
33. Кузбасс. - 1989. - 1 окт.
34. ГАКО. Ф. 15. Оп. 43. Д. 5. Л. 14.
35. ГАКО. Ф. 110. Оп. 47. Д. 3. Л. 20-21.
36. Г.Смолин. Указ. соч. - С. 239.
37. Новое время. - № 31. - С. 10.
38. ГАКО. Ф. 496. Оп. 42. Д. 2. Л. 73.
39. Советская Россия. - 1989. - 1 авг.
40. Рабочее движение Кузбасса. - С. 42-43, 4 -47.
41. Там же. - С. 45.
42. Советская Россия. - 1989. - 16 июля.
43. В.Костюковский. Указ. соч. - С. 65.
44. Рабочее движение Кузбасса. - С. 49-50.
45. Там же. - С. 53.
46. Там же. - С. 47-48.
47. Там же. - С. 81.
48. Политическое самообразование. - 1989. - № 13. - С. 54; Аргументы и факты. - 1989. - № 30. - С.7; Посев. - 1990. - № 4. - С. 15-23.
49. Цит. по: В.Костюковский. Указ. соч. - С.87.
50. Комсомольская правда. - 1989. - 22 июля.
51. Рабочее движение Кузбасса. - С. 82.
52. Там же. - С. 68-73.
53. ГАКО. Ф. 26. Оп. 44. Д. 2. Л. 18.
54. Рабочее движение Кузбасса. - С. 74-75.
55. ГАКО. Ф. 157. Оп. 59. Д. 9. Л. 116.
56. Там же. - Л. 99.
57. ГАКО. Ф. 496. Оп. 42. Д. 2. Л. 78.
58. ГАКО. Ф. 1430. Оп. 36. Д. 2. Л. 68.
59. Политическое самообразование. - 1989. - № 13. - С. 51.
60. Советская Россия. - 1989. - 5 сент.; Новое время. - 1989. - № 31. - С. 10.
61. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 20. Л. 12.
62. Рабочее движение Кузбасса. - С.82.; Советская Россия. - 1989. - 19 июля.
63. Шахтерская правда. - 1989. - 21 июля.
64. Рабочее движение Кузбасса. - С. 83.
65. Кузбасс. - 1989. - 1 окт.
66. Аргументы и факты. - 1989. - № 31. - С. 10
67. Рабочее движение Кузбасса. - С. 277.
68. Советская Россия. - 1989. - 1 авг.

ГЛАВА 4. ПЕРИОД ОТНОСИТЕЛЬНО МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ РАБОЧИХ КОМИТЕТОВ С ВЛАСТНЫМИ СТРУКТУРАМИ

ВЛИЯНИЕ ЗАБАСТОВКИ НА ВЛАСТЬ. - АВГУСТОВСКАЯ ЗАБАСТОВКА. - СТРУКТУРЫ РАБОЧИХ КОМИТЕТОВ. - ПОДКУП ЛИДЕРОВ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. ПЕРВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ. - ОКТЯБРЬСКИЙ 1989 г. КРИЗИС ВЛАСТИ. - 4 КОНФЕРЕНЦИЯ РАБОЧИХ КОМИТЕТОВ. - НОВОЕ В ПОЛИТИКЕ ВЛАСТЕЙ. - О ВЕРОЯТНОСТИ ВЛИЯНИЯ СОБЫТИЙ В КУЗБАССЕ НА "НЕЖНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ" В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. - КОРРЕКТНОСТЬ МЕТОДОВ БОРЬБЫ РАБОЧИХ КОМИТЕТОВ. - СОЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ. - ПОЗИЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. - ПРОКОПЬЕВСКИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. - ПОЗИЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ. - МОСКОВСКИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. - УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ.

Это был довольно продолжительный период с июля 1989 г. по февраль-март 1990 г., когда рабочие комитеты пытались добиться выполнения областного и городских "Протоколов". Это было время вызревания, лидеров рабочих комитетов Кузбасса, до понимания того, что сколько-нибудь серьёзные изменения в стране не произойдут без политической борьбы. Однако это не означало, что рабочее движение уже тогда вступило в политическую борьбу за преобразование политической системы.

Тогда создавались лишь предпосылки для этого: своя общественно-политическая организация, своя газета. Властные структуры, и прежде всего КПСС, в тот период вели в общем-то пассивную политическую линию, неадекватную происходящим изменениям в обществе. Линию партии можно было выразить словами "как будто ничего не произошло". Неадекватно спокойна была и центральная власть как во время забастовки, так и после неё.

Анализ архивных документов горкомов и обкома КПСС показывает, что о рабочем движении Кузбасса вспоминали лишь в связи с очередной акцией, предпринятой или планируемой рабочими комитетами. Хотя подспудно борьбу с ними вели "по всему фронту", не прерываясь ни на минуту. За восемь месяцев рассматриваемого периода таких "всплесков" активности партийных органов можно выделить три: 1) конец июля - начало августа, когда подводились итоги забастовки; 2) начало сентября, в связи с 3-й конференцией рабочих комитетов Кузбасса; 3) вторая половина ноября 1989 г., в связи с их 4-й конференцией. Не трудно заметить, что активность партийных органов приходится на первые четыре месяца постзабастовочного периода.

Проблемы рабочего движения как будто бы мало волновали властьпридержащих. Даже в январе 1990 г., когда подводились итоги

выполнения "Протоколов", когда в Кузбассе работала представительная правительственная комиссия во главе с Л.Д. Рябовым, в партийных органах не было замечено активности. Во всяком случае, в материалах пленумов, бюро парторганов, совещаниях и проч. это не нашло отражения. Разве что на короткое время эти события удостаивали своим вниманием партийные руководители высокого ранга. Стоит ли удивляться, что КПСС проиграла в противостоянии с нарождающейся демократией.

А ведь в конце 1989 г. - начале 1990 г. вырабатывалась политическая платформа к 28 съезду КПСС, а затем, в мае, состоялись выборы ею делегатов. Казалось бы, где, как не на родине возрождения рабочего движения страны, "партия рабочего класса" могла бы заявить о себе действительно таковой на деле? Видимо, открылась бы возможность "нежно-революционного", "бархатного" реформирования общества, реформирования без социальных обвалов, как случилось позднее, без разрушительных кризисов, за которые пришлось расплачиваться народу обнищанием.

Руководство Кузбасса, как и всего СССР, упрямо, можно сказать, угрюмо стояло до конца в сохранении отживших институтов, не прислушивалось к народу (в данном случае шахтёрам), от имени которого долгие годы выступало. Оно, пожалуй, даже не осознало, что народ уже обрёл собственный гражданский голос и способен сам, без посредника в лице "руководящей и направляющей силы", заявить о себе.

Уже первые, по "горячим следам", обсуждения прошедшей забастовки (июль-август) показали, что власти были потрясены ею. Но извлекли ли они из неё политические уроки? По решению обкома партии в двадцатых числах июля состоялись специальные заседания бюро горкомов и райкомов КПСС, а в начале августа пленумы. Тон в оценках, как обычно, задал обком КПСС. На своём бюро 25 июля он констатировал, что забастовка отвергается, "так как она наносит не только материальный и нравственный урон нашему обществу, но и политический вред всему делу перестройки». [1]

Далеко ли ушла партийно-хозяйственная, советско-профсоюзная, КГБ-милицейская, рабоче-аристократическая элита Кузбасса (бюро обкома КПСС) от своих предшественников сталинской эпохи, когда от корневого слова "вред" образовывали слова, объясняющие причины больших и малых провалов в политике партии? Хотя в постановлении и говорилось о возросшей политической активности рабочего класса, его сплочённости и организованности, но ключевая оценка была отрицательной. Её либо в точности, либо подбирая синонимы к слову "вред", повторило в городских и районных парторганах местное руководство. На пленуме берёзовского горкома КПСС его первый секретарь Ю.Н. Комаров заявил, что "забастовка - удар по перестройке, по политике партии". Вслед за ним выступающие один за другим твердили об её большом экономическом и нравственном уроне. [2] Так было и в других городских парторганизациях.

Но уже 8 августа в постановлении пленума обкома КПСС эти осуждающие характеристики исчезли. Сохранились лишь положительные (кроме Анжерского и Мысковского ГК КПСС). Такому паразитично

одновременному политическому вызреванию можно было бы удивляться, если не знать систему централизма, существовавшую в партии ещё с 1903 г. Согласно этой системе, нижестоящие парторганы были обязаны повторять вышестоящих в оценочных характеристиках. Дать собственную оценку было очень рискованно. В соответствии с резолюцией 10 съезда РКП(б) (1921 г.) о единстве партии легко можно было угодить в оппозиционеры и "враги народа" при Сталине, потерять кресло местного партийного вождя при Хрущеве, Брежневе и даже Горбачеве.

Отсюда застой мысли, догматизм и начётничество, и, как результат, отставание партии от реальной жизни. Голос умнейших хозяйственников, талантливых учёных, творческих работников, рядовых людей не мог быть услышан. Все решения вырабатывались и принимались только "в верхах". Творческий потенциал не только всего народа, но даже 20 млн. членов КПСС не мог быть использован. В системе командного администрирования начальник всегда прав, а его решения "безупречны". Парадокс, но в парторганах не существовало принятого во всём мире (даже не очень цивилизованном) института советников.

Почему из решений парторганов исчезла фраза о вреде забастовки - неизвестно. Было ли это собственной инициативой обкома КПСС, или поступила команда из ЦК КПСС - установить, видимо, теперь нельзя. Центральный Комитет публично по этому поводу не высказывался, а переписка с ним была уничтожена бумагорезательной машиной во время августовского путча 1991 г. [3]

В решении пленума обкома КПСС (8 августа) отсутствуют не только осуждающие оценки, но и показывается чуть ли не положительное значение забастовки. По изменившемуся мнению обкома, забастовка "обнажила серьёзные недостатки и просчёты в работе партийных... органов по отстаиванию социальных интересов трудящихся от диктата министерств и ведомств, неоперативность в решении накопившихся вопросов". [4]

Вслед за обкомом партии в горкомах и райкомах дружно отметили положительные стороны забастовки. Горкомы записали в решениях, что забастовка выявила бюрократическое отставание (Осинниковский), показала возросшую политическую активность рабочего класса (Прокопьевский, Новокузнецкий), что забастовщики "проявили организованность, активность и умение практически организовать дело" (Ленинск-Кузнецкий). [5] Особенно отличились междуреченцы, которые ещё 25 июля записали, что считают забастовку "крайней, но необходимой мерой". [6]

Изменение мнения партийных органов в оценке забастовки связано, видимо, с тем, что, оправившись от июльской шока, они решили перевести стрелки недовольства народа на пресловутые "министерства и ведомства", обелить местную власть, которая будто бы всегда отстаивала социальные интересы кузбассовцев. Отстаивала, но безуспешно из-за собственной ненастойчивости и сопротивления Центра. Видимо, поэтому на пленумах звучали воспоминания о том, как ещё Л.А.Горшков и Н. С. Ермаков (первые

секретари обкома КПСС) поднимали перед Москвой проблемы Кузбасса. Вероятно, руководители поняли, что нельзя упускать шанс, предоставленный забастовкой в решении многих социально-экономических вопросов Кузбасса. Шахтёры сконцентрировали внимание Центра на Кузбассе, заставили его дать широкомасштабные обещания, открыли двери неприступных ранее кабинетов "большой власти". Зачем же отказываться от открывшихся возможностей быть услышанным в самом Кремле?

Однако "прозрение" чиновничества, пожалуй, не следует преувеличивать. Члены обкома, горкомов придерживались неуместной покровительственной позиции, считая возможным вмешиваться в дела рабочих комитетов, вплоть до вывода из их состава "не тех людей". Так, начальник Кемеровской железной дороги заявил о том, что в "рабочих комитетах ... много делегатов с дешёвым авторитетом. Надо делать аттестацию". [7] Рука недавнего партийного функционера (зав. отделом обкома КПСС) привычно тянулась к выполнению организующей и направляющей роли.

Если на июльских партийных форумах звучала тревога о власти, причём нередко в панической форме, то в августе она улеглась. К тому времени стало ясно, что на власть рабочие комитеты не претендуют. Наиболее рельефно тревогу о власти отразил В.И.Романов в своём выступлении 22 июля на бюро обкома, состоявшемся в Прокопьевске. "Забастовочные комитеты, - говорил он, - подомнут советский аппарат... Вопрос о советской власти я считаю главным, так как забастовочные комитеты практически берут всё в свои руки... Власть в городе - это главный вопрос." В какой-то степени его успокоили А.И.Ленский и В.И.Овденко, заявившие, что ни в Новокузнецке, ни в Кемерово рабочие комитеты на властные функции не претендуют.

И тем не менее на пленуме был предложен универсальный советский метод, эффективность которого проверена десятилетиями - ставка на силу. "Власть не надо отдавать... У телевидения подстрекательская позиция, - говорил генерал Пчелинцев, - это нарыв, гнойник, надо его удалить." Участники бюро предлагали бороться с "колпаковщиной", а секретарь обкома Жеваго прямо заявил о необходимости закрытия информационной программы "День за днём", "а не бороться с Колпаковым на экране". Жеваго намекнул на возможность применения известного в СССР способа борьбы с инакомыслящими - через психиатрические больницы. Он бросил фразу о том, что прокопьевские лидеры Рудольф и Анохин якобы "больные люди".

Были, разумеется, и попытки выйти на анализ этого неординарного события. "Важно хладнокровно оценить обстановку. Мы не готовы к такой оценке", - говорил секретарь обкома по идеологии В.А.Лебедев. "Мы плохо знаем свой народ", - сделал вывод А.Ф.Лютенко. "Я не понял, где мы - с народом или между молотом и наковальней", - недоумевал зав. социально-экономическим отделом обкома КПСС А.Н.Чельшев. [8]

2 августа уроки забастовки обсуждались на специальной сессии областного Совета народных депутатов. Доклад председателя облисполкома

А.Ф.Лютенко был выдержан в традиционно оптимистическом тоне. Из доклада явствовало, что существуют реальные возможности выполнения "Протоколов". Утверждалось, что досрочные выборы в местные Советы, предлагаемые В.И.Романовым и А.Г.Авалиани, отвлекут от решения проблем и нанесут "больше вреда, чем пользы". Присутствовавшие на сессии члены рабочих комитетов в своих выступлениях (А.Г.Авалиани, Ю.А. Герольд, М.П.Анохин, М.Б.Кислюк, Л.Л.Сергеев, Л.М.Стариковский, В.И.Щечкин, В.П.Легачёв, В.И.Панасюк, В.И.Маханов) оптимизма докладчика не разделили. А Анохин даже предсказал политизацию рабочего движения, которая станет логичным следствием сопротивления властей требованиям народа. "Время эксплуатации политически безграмотных трудящихся уходит", - заявил он. [9]

При обсуждении уроков забастовки была поднята проблема взаимоотношения партии и народа. За долгие годы нахождения коммунистической партии у власти этот вопрос впервые встал в реально-практической, а не лозунговой форме. Это был вопрос о подлинной природе советской власти. Чья власть? - Народа или партии? Забастовка выявила мнение шахтёров - власть принадлежит партии. Перспективу развития взаимоотношения народа и партии поразительно точно определил ректор Новокузнецкого пединститута В.К.Копейн, утверждавший на бюро горкома КПСС: "Пропасть между нами будет не сужаться, а увеличиваться". "Мне стыдно, - говорил горнорабочий шахты "Бунгурская", член Новокузнецкого горкома партии Ю.С.Мальцев, - что сегодня нам не верят и говорят о коммунистах - "проклятые коммунисты". "Забастовка не закончилась, - говорил тогда же машинист шахты "Абашевская" В.С.Дьяченко, - происходит накал в умах. Надо ломать всю систему." История доказала, что секретарь горкома Ленский напрасно критиковал Мозговую за его высказывание об отсутствии у КПСС будущего. [10]

В партийных организациях стали осознавать, что, хотя забастовка носила ярко выраженный экономический характер, тем не менее она затронула фундаментальную основу политической системы - руководящую роль партии, закреплённую в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г. Как та (властные структуры), так и другая сторона (лидеры забастовочных комитетов) начинали понимать, к чему может привести развитие этой тенденции.

Однако даже в такой нестандартной обстановке наблюдались привычные попытки исказить действительность, приписывая несуществующие заслуги парткомам в проведении забастовки. Хотелось, видимо, самоутвердиться в мысли о подконтрольности для партии идущих процессов. Возможно, это была дань партийной традиции видеть во всём "руководящую и направляющую" (даже в смене погоды, утверждали шутники). Но, возможно, это была своего рода самозащита партийных руководителей, "проморгавших" забастовку.

Неадекватность их самооценки налицо. Как на июльских, так и на августовских обсуждениях уроков забастовки, докладчики, будто

сговорившись, выводили линию значительной роли коммунистов в июльских событиях. Критикуя за это доклад секретаря Ленинск-Кузнецкого горкома КПСС В.Н.Катриченко, председатель городского забастовочного комитета Л.Е.Астафьев заявил участникам пленума: "Роль парткомов преувеличена. Из партработников были единицы, которые нам помогали, а партийные организации предприятий вообще самоустранились и стояли в стороне". [11] По этому поводу 2-я конференция забастовочных комитетов (26 июля, Прокопьевск) записала: "В настоящее время представители власти на местах делают попытки заверить общественность в своей причастности к забастовке и даже руководстве ею. Это неверно. Забастовкой руководили избранные комитеты". [12]

Если самооценка была неадекватной, то анализ обстановки, в устах наиболее дальновидных и мыслящих руководителей, был вполне реальным. Говорилось о том, что кузбасское общество стало другим. "...Время политического комфорта, призывного, показного повиновения масс после выборов и забастовки для всех руководителей, а особенно для партийных комитетов, закончилось, - говорил генеральный директор объединения "Прокопьевскуголь" М.И.Найдов. - ... Рабочий класс по теории и на словах был на первом месте в управлении, фактически - на последнем, теперь реально претендует на первое". [13]

Привычно покорное, терпеливое, молчаливое, равнодушное, политически инертное кузбасское общество вдруг забурлило. Оно вынуждало к изменению и власть. Сравнивая дозастовочные документы партийных органов с постзастовочными, трудно представить, что они принимались в одной и той же партии, что говорят и действуют одни и те же люди. Вопросы обсуждались непривычно откровенно. Иными стали и постановления. Наряду с трафаретными декларациями - "усилить", "улучшить", "совершенствовать", "развивать" и т.п. появились вполне деловые решения.

21 июля обком КПСС принял специальное постановление, в котором за каждым из 35 пунктов "Протокола" закреплялся ответственный исполнитель из партийных, советских или хозяйственных руководителей. Интересно, что из партийных работников в этом списке оказался один-единственный человек - зав. социально-экономическим отделом обкома КПСС А.Н.Челышев. Было бы логично обкому КПСС, как реальному властному органу, искать ответственных исполнителей в своём аппарате. Тем более, что этот аппарат имел отделы по всем направлениям экономической и социальной деятельности. Но не в правилах "направляющей и руководящей" брать ответственность на себя.

Аналогичные постановления принимались горкомами партии по выполнению городских "Протоколов". Постановления - конкретные, деловые. Ещё более конкретными были решения партийных органов относительно части имущества партии и ликвидации спецобслуживания. Бюро Кемеровского горкома партии 1 августа приняло решение о передаче принадлежащих ему зданий под социальные нужды. Спецдачу в п. Мазурове

передали под детский санаторий. Спецбольницы и спецполиклиники в Новокузнецке и Кемерове переводились на обслуживание населения по месту жительства. Спецобслуживание в столовых и буфетах ликвидировалось. [13] Для партии эти решения были действительно нестандартными. Чем же они были вызваны? Комплексом вины партии перед народом за неустроенность жизни? Стремлением партии таким образом хоть как-то улучшить материальное положение сограждан? Желанием задобрить забастовщиков? Любой из этих мотивов можно поить и принять. Но всё оказалось куда прозаичнее. Разгадка лежала отнюдь не в политической плоскости. Вопрос был уголовный. Специальная комиссия депутатов Кемеровского областного совета по инвентаризации имущества КПСС в сентябре 1990 г. установила, что партия, оказывается, имела склонность к присвоению чужой собственности. Ею были захвачены типография "Кузбасс", здания Киселёвского горкома и Заводского райкома (г. Кемерово), филиал гостиницы "Кузбасс". Машины и оборудование для нужд партии приобретались по символично низким ценам. [14] Так что решения о передаче собственности не были вызваны заботой партии о народе. Она лишь возвращала украденное.

Ограничения же чиновников по спецобслуживанию - событие в партии далёко не новое. Подобные решения принимались и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве (особенно при Хрущеве), и при Андронове (но ни при Брежнев и Черненко). Кампания борьбы за социальную справедливость проходила, и привилегии восстанавливались в ещё большем объёме.

Но чем бы не были вызваны июльские и августовские решения партийных органов, несомненно то, что возродившееся рабочее движение, кажется, научило местных руководителей работать энергично, деловито, бессловесной трескотни. По крайней мере, на первое время. Несомненно, и то, что рабочие лидеры получили возможность кое-чему научиться у чиновников. Тем более, что в работе с Центром они часто выступали как союзники.

Прослеживается чёткая тенденция к совместной работе с коммунистами, особенно на предприятиях. Рабочие, как и в период июльской забастовки без всякого предубеждения относились к товарищам по труду, состоявшим в КПСС. Правильнее будет сказать, что они даже не задавались вопросом о партийной принадлежности своего коллеги. Для них более существеннее были его нравственные качества, порядочность, честность, работоспособность.

Это значит, что тогда в Кузбассе был реальный шанс наполнить практическим содержанием известный лозунг об единстве партии и народа. Пусть не единства, но хотя бы сотрудничества на партнерской основе. Тем самым открывался путь реформирования общества через тогда ещё крепкую государственную власть. (Успех радикальных реформ в послевоенной Германии (Западной) и Японии был предопределён прежде всего этим обстоятельством.) Открывался один путь, но "пошли иным путём". Для коммунистической партии идеологические постулаты оказались важнее

подлинных, а не выдуманных интересов нации. Отстаивание партией идеалов социализма окончательно развело партию и народ, дважды поставило общество на грань гражданской войны (август 1991 и октябрь 1993). "Мы ещё более усугубим положение дел, если вступим в конфронтацию с рабочими комитетами", - предупреждал своих коллег на пленуме Березовского горкома партии секретарь обкома В.Л.Лебедев. [15]

Нельзя сказать, что в партийных органах не пытались наладить сотрудничество с рабочими комитетами. Во всяком случае, заявлений об этом было предостаточно. Членов рабочих комитетов стали приглашать на пленумы, партийно-хозяйственные активы, включать в различные комиссии, делегации. "Консолидация? – вопрошал член областного рабочего комитета В.С.Мамаев на встрече работников обкома КПСС с рабочими комитетами в начале сентября. - Кого, с кем и на какой основе? Пока на эти вопросы я не знаю ответа". [16] При этом многие партийные работники почему-то были убеждены, что именно рабочие комитеты должны проявлять инициативу по сотрудничеству, идти со своими предложениями в горкомы партии. Весьма своеобразно они понимали и содержание сотрудничества, отводя рабочим комитетам роль "толкачей" или, скажем, борцов с преступностью. Иного мнения были рабочие. Они считали, что не народ должен идти к партии, а партия - к народу. "Руководители областной партийной организации должны идти в народ", - говорил член Ленинск-Кузнецкого рабочего комитета шахтёр И.М.Левин (философ по образованию).

Тогда, летом-осенью, так и не договорились о сотрудничестве, о единстве действий. Заявляя на словах о консолидации, партийные органы на деле вели борьбу с рабочими комитетами. Борьбу, прежде всего, идеологическую (коль на применение силы не решились). Местные и центральные газеты настойчиво проводили линию на создание негативного общественного мнения по отношению к забастовщикам. С этой целью широко пропагандировался тезис об огромном экономическом ущербе от июльской забастовки. Газета "Правда" поместила большую подборку писем читателей, возмущавшихся "безответственностью" шахтёров. [17].

Путь противоборства партии с рабочими комитетами был объективно предопределён глубокой противоположностью их интересов. Идея мировой социалистической революции, за которую боролась КПСС, в корне противоречила интересам личности. На защиту этой личности, строго говоря, и поднялись шахтёры.

О своей решимости бороться за интересы кузбассовцев шахтёры заявили сразу же после забастовки. В Обращении к трудящимся и Верховному Совету СССР, принятом на 2-й конференции забастовочных комитетов (26 июля), шахтёры заявили: "...Наше движение... является грозным предупреждением бюрократическому аппарату о прекращении эпохи его безраздельною господства". [18]

Делегаты конференции приняли решение о сохранении организационных структур, возникших в ходе забастовки и переименовании их из забастовочных - в рабочие. Региональный забастовочный комитет

становился Советом рабочих комитетов Кузбасса (СРКК). В обиходе его часто называли областным рабочим комитетом.

Соответственно переименовывалось городские и шахтовые забастовочные комитеты. Конференция утвердила "Положение о Совете рабочих комитетов Кузбасса", которое 2 августа официально зарегистрировал облисполком. [19]

Трудно переоценить факт регистрации новой для СССР общественной структуры. Читатель постсоциалистического времени вряд ли сумеет представить ту степень монополизации, которая существовала тогда в общественной жизни страны. Сколько себя помнил советский человек, всегда существовала только одна партия, только один профсоюз, только один творческий союз (писателей, журналистов и др.), только одна молодежная общественная организация, только одна детская и т.д. В юридической практике Советского Союза отсутствовал даже прецедент регистрации не только альтернативной, но даже параллельной уже существующей под бдительным оком КПСС общественной организации. (Вот почему в годы перестройки нарождающиеся общественные объединения называли неформальными).

Юристы с трудом нашли выход из этой коллизии, найдя, что зарегистрировать рабочие комитеты можно только с согласия обкома профсоюза. Как отражение эту необычного события были выступления руководства Кузбасса, которые сначала так и не сумели определить - что же такое было создано. А.Мельников считал, что создана новая партия, А.Лютенко - новая власть, В.Романов - новый профсоюз.

"Положение" определяло, что Совет рабочих комитетов Кузбасса (СРКК) состоял из делегированных членов городских, районных и поселковых рабочих комитетов. За членами Совета сохранялось прежнее место работы, средняя зарплата. Без согласия Совета их не могли уволить с предприятия. Совет образовывался для координации действий территориальных рабочих комитетов по реализации "Протокола", для защиты экономических и социальных прав трудовых коллективов. За ним закреплялось такое право, благодаря которому перед членами рабочих комитетов легко открывались двери кабинетов чиновников практически всех рангов - от городских и областных - до кремлёвских.

Было записано, что рабочие комитеты могли "знакомиться на предприятиях, в объединениях, ведомствах, в советских органах с нормативными материалами, инструкциями, положениями, различными решениями и т.д.", привлекать соответствующих специалистов. На практике это означало, что рабочие комитеты могли устроить проверку любой "конторе", в любое время. Ни одна структура, ни общественная, ни государственная - не имели такого официально закрепленного права. Только одно это говорит о громадной силе рабочих комитетов, которую признала государственная власть. Только одно это показывает глубину потрясения и силу испуга, пережитых во время забастовки во властных органах.

Этим правом и силой рабочие комитеты воспользовались незамедлительно. В день утверждения своего официального статуса рабочие комитеты объявили о проведении 3 августа забастовки в связи с невыполнением 33 пункта "Протокола" о прекращении строительства Крапивинского гидроузла. Этот пункт в "Протоколе" появился в связи с тем, что с пуском Крапивинской ГЭС в Кузбассе могла произойти экологическая катастрофа. Угроза новой забастовки была настолько реальной, что собрали экстренную сессию Кемеровского областного Совета народных депутатов (2 августа). В район строительства сессия отправила комиссию, которая должна была подтвердить или опровергнуть заверения властей Кузбасса, что работы прекращены.

За всем происходящим на сессии кузбассовцы следили по прямой радиотрансляции. Они лишней раз смогли убедиться, что честное слово руководства Кузбасса абсолютно ничего не стоит. Комиссия доложила, что работы по строительству как шли, так и идут. И это можно было установить без вылета комиссии на объект (примерно в 60 км. от Кемерова), так как в зале заседаний сессии находилось почти всё руководство стройки. Да и в обкоме и облисполкоме не могли не знать о действительном положении дел на строительстве. [20]

Эта история с крапивинским обманом показала неискренность руководителей, для которых бесстыдная ложь была образом жизни, методом управления. Если уж через две недели после такой грандиозной забастовки, имея сильнейших оппонентов в лице рабочих комитетов, власти шли на откровенный обман, то чего от них ещё было ожидать?

И хотя сессия приняла решение о прекращении строительства гидроузла с 8 час. утра 3 августа, Совет рабочих комитетов Кузбасса решил провести 2-х часовую предупредительную забастовку. Забастовка состоялась на предприятиях Новокузнецка, Прокопьевска, Ленинск-Кузнецка, Осинников, Юрги. Из крупных городов в забастовке не участвовал только г. Кемерово. Здесь городской рабочий комитет во главе с А.И.Евсюковым выступил против неё.

Ничего удивительного в такой позиции кемеровчан не было. Кемеровский горком партии, кажется, как никакой другой, сумел хорошо поработать с шахтёрами ещё в ходе самой июльской забастовки. Кемеровский горком был единственным в Кузбассе, совместно с рабочим комитетом, регулярно выпускавшим пресс-бюллетени (редактор - журналист "Кузбасса" Л.В.Сорокин). "Аппаратчики" горкома партии во главе с первым секретарем В.И.Овденко "дневали и ночевали" на шахтах и площадях. Горкому, видимо, удалось повлиять на формирование состава городского рабочего комитета.

Это косвенно подтверждается в выступлении Евсюкова на пленуме горкома КПСС 19 июля (то есть ещё во время забастовки). Поблагодарив Овденко "за оказанную помощь и доверие"(?!), этот рабочий лидер с удовлетворением констатировал, что "в городском стачечном комитете восторжествовал здравый разум", что с горкомом "нам нужна теснейшая

связь". [21] Зная такие подробности, неизвестные тогда шахтёрам, уже не кажется странным то, что горком партии, принимая собственные решения, делал ответственным за их выполнение электрослесаря шахты им. Волкова Евсюкова. [22] Не кажется и странным, что, став депутатом областного Совета по списку рабочих комитетов, Евсюков поддерживал только фракцию коммунистов. Аналогичная ситуация сложилась и с его преемником на председательском посту Г.А.Михайлецом. Как депутат России, Михайлец занял четкую прокоммунистическую позицию, за что шахтёры "Северной" решили отозвать его из депутатов. [23]

Против проведения забастовки из-за продолжавшегося строительства Крапивинской ГЭС выступил и Осинниковский городской рабочий комитет. Его председатель Г.Н.Емельянов на пленуме горкома (3 августа) жаловался на "происки" А.В.Асланиди, который вопреки решению городского рабочего комитета проводил активную работу по организации забастовки. Осинниковские шахтёры поддержали Александра Валентиновича Асланиди, а не комитет, и провели 2-х часовую забастовку. [24]

В истории рабочего движения Кузбасса забастовка 3 августа имела немаловажное значение. Во-первых, она показала, что шахтёры полны решимости добиться неукоснительного выполнения "Протокола". Во-вторых, кузбассовцам в очередной раз было продемонстрировано, что заверения и обещания властей – пустой звук. В-третьих, люди увидели, что никаких иллюзий по поводу автоматического выполнения "Протокола" питать нельзя. За "Протокол" придется бороться. В-четвертых, решимость шахтёров 3 августа, вполне вероятно, заставила партийные органы пересмотреть отношение к рабочему движению.

Вот, видимо, почему в августе изменились их оценочные характеристики. Во властных органах поняли, что рабочее движение - это не прошлое явление. Оно настоящее, и, возможно, будущее. С ним надо считаться, как с фактом действительности. Забастовка стала проверкой прочности только что народившихся структур рабочего движения. Пробу они выдержали. Что не мудрено при мощной поддержке со стороны кузбассовцев. По данным группы социологов Т.И.Заславской рабочие комитеты тогда пользовались доверием у 80% опрошенных. В то время как КПСС пользовалась доверием только у 6%, а профсоюзы - у 1% респондентов. [25]

Свою решимость добиваться полного выполнения требований в эти дни продемонстрировали и шахтёры Воркуты, где 5 августа забастовали горняки всех 13 шахт города. [26]

У властей не было желания как выполнять требования, так и сотрудничать с рабочими комитетами. Они не хотели их даже регистрировать. Пришлось припугнуть двухчасовой предупредительной забастовкой, прежде чем власти 2 августа оформили регистрацию. Только после этого городские и др. рабочие комитеты получили официальный статус. Власть рабочих и крестьян, власть трудящихся, как именовались в

Конституции Советы народных депутатов, не хотела видеть в политической системе общества организацию рабочих.

Забастовка 3 августа продемонстрировала структурную особенность рабочих комитетов, которая первоначально воспринималась с трудом. Оказалось, что для вхождения в забастовку недостаточно решения областного рабочего комитета. Каждый город, посёлок, шахта - самостоятельно решали бастовать или не бастовать. Поэтому областной рабочий комитет над городским, городской над шахтовым считать вышестоящим нельзя. Решения принимал каждый самостоятельно.

Демократический централизм, к которому советский человек был приучен с пионерской организации, здесь непривычно отсутствовал. Такая автономность рабочих структур, разумеется, затрудняла проведение коллективных акций, особенно когда шахтёры перешли к политической борьбе. Рабочие это прекрасно понимали, но и советской практики диктата "вышестоящих" не хотели. И они были правы. Самостоятельность приучала к ответственности за принимаемое решение. Люди учились думать, не имея ни малейшей возможности сослаться в случае неудачи на кого-то другого. В поведении лидеров рабочих комитетов очень скоро исчез синдром маленького человека. Поэтому они не "потерялись" даже в кремлёвских кабинетах. Их уверенная манера у чиновников вызывала удивление и уважение. (Тем более, что, если помнить о грозной массе забастовщиков, стоящих за ними.)

На шахтах, а в некоторых случаях и на предприятиях других отраслей (производственное объединение "Азот", Западно-Сибирский металлургический комбинат, например), были избраны рабочие комитеты, которые делегировали своих представителей в городской комитет, а те - в областной. Заработная плата рабочкомовца, работавшего в каком-то из комитетов на освобожденной основе, складывалась из добровольных отчислений трудящихся предприятия (от нескольких копеек - до одного-двух рублей). Эти отчисления были источником существования рабочих комитетов. В то же время такой порядок содержания был относительной гарантией того, что их товарищ будет проводить политику, угодную рабочим, а не чиновникам. Средства, необходимые для ведения дел, поездок в командировки, рабочие комитеты получали от трудовых коллективов (по решению СТК), общественных организаций, отдельных граждан. Деньги эти были не столь значительны, но всё-таки достаточны для нормального функционирования. Так, на 1 сентября 1989 г. бюджет областного рабочего комитета (СРКК) составлял 57187 руб. Основная часть - 50000 руб. поступила из Прокопьевского рабочего комитета, 680 - от промышленных предприятий, 162 - от проектного института, 5000 - от облсовпрофа, 1000 - от коммерческого центра, 4455 руб. составили частные пожертвования. (Для ориентации - зарплата шахтёра составляла 350-450 руб., билет на самолёт до Москвы - 62 руб.). [27]

За каждым членом рабочего комитета закреплялся конкретный участок работы. Вот как это выглядело на примере Кемеровского городского

рабочего комитета: председатель - Л.И.Евсюков, секретариат - Л.П.Ягодка и Е.Л.Балашов, группа информации и связи - Б.Н.Кривец, транспорт - Л.Л.Плотников, хозяйственные вопросы - М.Л.Залуцкий, финансовые - С.Т.Никишов, координирование работы шахтовых комитетов - О.М.Воробьев, представители в Совете рабочих комитетов Кузбасса - Л.В.Мужевитин и Г.Л.Михайлец. [28]

Прошло только полмесяца с начала возрождения рабочего движения. А его лидеры выиграли уже два раунда в борьбе с властными структурами: первый раз - в июле, когда заставили правительство пойти на серьёзные уступки, второй раз - в первых числах августа, не дав себя обмануть пустыми заверениями. Шахтёры преодолели в июле силу власти, в августе - обман власти. Но властные структуры не собирались отступить. Они изменили тактику.

В арсенале средств воздействия на народ у политиков всего мира кроме силы и обмана существует подкуп. При слове подкуп у нормального человека сразу возникает картина банальной взятки. Однако ещё во второй половине 19 века буржуазия изобрела более изящную форму подкупа трудящихся в виде создания рабочей аристократии. Была рабочая аристократия и в Советском Союзе в лице передовиков производства - стахановцев 30-50-х годов, ударников коммунистического труда 60-70-х годов, победителей социалистического соревнования, ударников пятилетки и проч. 80-х годов.

И хотя качественно более высокой заработной платы они, как правило, не имели, в рабочей среде не очень-то почитались, но недостатка в передовиках производства никогда не было. В советской действительности это был один из самых верных способов самореализации человека. Это был шанс выделиться из общей массы, стать заметным в обществе. Строго говоря, человека не столько покупали, сколько он сам покупался, проявляя здоровое (или не всегда здоровое) тщеславие. Возможность накоротке общаться с высоким и даже очень высоким начальством, сидение в президиумах многочисленных собраний, получение хотя бы небольших, но всё-таки спецльгот, надежда на хорошую зарплату, портреты в газетах, интервью по телевидению - всё это что-то да значило в достаточно серой на события и развлечения, почти беспраздничной жизни советского человека.

В советской действительности эта система своеобразного подкупа была довольно развита. Советского человека подкупали в день выборов в депутаты Советов, обеспечивая буфеты избирательных участков дефицитными товарами. Подкупали его молчание перед московским или крупным местным чиновником, обеспечивая за час до его прибытия изобилие потребительских товаров в магазинах. Передовика производства подкупали возможностью льготного приобретения автомобилей, цветных телевизоров, холодильников и прочее. И теперь - в ситуации забастовочной активности, в критический для политической системы момент - не могли не попробовать подкупить шахтёров. Тем более, что такая возможность предоставлялась "Протоколом"

с его пунктами об улучшении снабжения Кузбасса потребительскими и продовольственными товарами.

На шахты Кузбасса (в основном именно на шахты, а не на предприятия всех отраслей народного хозяйства) стали поступать мясо, колбаса, моющие средства, автомобили, холодильники. Этот поток товаров организовали сами рабочие комитеты. Поскольку рабочие комитеты шахт и городов были относительно автономны, постольку они не считали возможным не только координировать эту лоббистскую деятельность, но даже ставить друг друга в известность о принимаемых мерах. Нередки были случаи, когда шахтёрские делегаты шахт и городов встречались на пороге какого-то высокого кабинета, прибыв туда по одному и тому же вопросу. Попытки Совета рабочих комитетов Кузбасса как-то упорядочить эти поездки бывало наталкивались на подозрительность некоторых членов городских рабочих комитетов. А те, в свою очередь, не могли скоординировать действия шахтовых комитетов.

Эта подозрительность и недоверчивость вполне понятна и объяснима. Надо знать практику советского распределения, сложившуюся десятилетиями. Каждая промежуточная структура оставляла для своих людей определенную часть товаров (от автомобилей до белья), выделенных для всех. До рядового потребителя доходил самый минимум, самый последний остаток. Могли ли рабочкомовцы, прадеды, деды и отцы которых снабжались по остаточному принципу, отказаться от общения с Москвой без посредников? Конечно же, нет!

К чести лидеров рабочих комитетов, они добивались поставок не только "колбасы-мыла", но и машин и оборудования для промышленности, техники и медикаментов для больниц, автомобилей и раций для милиции, строительных материалов для жилья и др.

Московское чиновничество принимало "ходовков" из Кузбасса как бы с опаской, стремясь побыстрее от них отделаться путём удовлетворения какой-то части их притязаний. Эту покладистость своих московских коллег вскоре уловили местные чиновники и хозяйственники, которые охотно стали брать с собой в столичную командировку рабочкомовцев для решения своих служебных дел. Добившись поставок товаров, рабочие комитеты регулировали их распределение по предприятиям. Это вполне совпадало с представлением советского человека о деловых людях. Умение "выбить" и распределить считалось одним из главных качеств советских руководителей. Первую часть, этой советской предприимчивости - "выбить", рабочие комитеты решили вполне успешно. Но на второй части - распределить, они споткнулись. Это и определило первый отход части людей от рабочего движения.

Посчитав, что своим участием в июльской забастовке, а затем в добывании товаров они заслужили право "первой руки", некоторые лидеры постарались приобрести лично для себя автомобили, цветные телевизоры (иногда по несколько штук) и др. Это не могло не вызвать в рабочей среде разочарования и раздражения. "Распределителей" либо отзывали из рабочих комитетов, либо они уходили сами. На таких неприличных историях утратил

доверие весь рабочий комитет Междуреченска во главе с инициатором июльской забастовки Кокориным (приобрёл аж два телевизора). Всего за 2 автомобиля, распределенных среди рабочкомовцев (из 150), городской рабочий комитет Анжеро-Судженска шахтёры упразднили и больше не создавали.

Вот как описывал этот процесс активист рабочего движения Междуреченска А.Кунц: "Аппарат сделал всё, чтобы втянуть забастовочные комитеты в поездки в "белокаменную". Лучшие гостиницы, свободные гуляния по удостоверениям рабочих комитетов в "святая святых". Встречи запросто с руководителями правительства. Об этом раньше и не мечтали, привыкнув слушать, затаив дыхание, даже первого секретаря горкома. Главное условие - ни слова о политике... Хапнув по японскому телевизору, рабочий комитет был вынужден освободить места. Ушёл В.Кокорин. Но не просто ушёл, а, будучи членом горкома ..., начал поливать грязью людей, с которыми вместе работал. В общем, слушался тех, кто пере вербовал его в горкоме. ...Коррупция, доступ к дефициту захлестнули тех, кто остался после ухода В.Кокорина. ...И вот расширенное заседание рабочего комитета, который возглавил Л.Касимов. Опять звучат слова: в городе нет сахара, мяса, надо ехать в Москву ...Рабочий класс спит, спит тяжелым похмельным сном". [29]

Так состоялся лапидарный подкуп некоторых вожakov рабочего движения Кузбасса. Подобные явления происходили и в Донбассе, Воркуте, Караганде. Только там это было ярче, откровеннее и для рабочего движения ущербнее. И осуществил этот - подкуп отнюдь не партийный секретарь или директор шахты, которые тогда – в августе, сентябре - ещё не имели почти никаких рычагов влияния на процесс распределения товарных дефицитов. По большому счёту, подкуп осуществила социалистическая система как таковая. В ней был воспитан человек со смещенным понятием о чести, достоинстве, деловитости и удачливости. Прав новосибирский журналист Ан.Заболотный, который писал: "...Не стоит забывать, что наша страна по уровню коррупции, злоупотреблений, кумовству напоминает некоторые африканские страны". [30]

Информация о специфическом распределении дефицитов стала достоянием кузбассовцев. Авторитета рабочим комитетам это не прибавило. Не добавило им авторитета и то, что товарные дефициты распределялись в основном среди шахтёров. Работники других отраслей и особенно бюджетной сферы почувствовали себя обделенными. Это обстоятельство в немалой степени определило отчуждение от рабочего движения местной интеллигенции. Беда некоторых шахтёрских лидеров в том, что они не смогли подняться выше естественных личных потребностей в удовлетворении материальными благами.

Но вина кузбасской интеллигенции в том, что, обидевшись на такое дискриминационное распределение, она отошла от рабочего движения, не успев даже войти в него. По сути дела, она оказалась на уровне кокориных, которые увидели в рабочем движении лишь способ "прибарахлиться". Что

простительно с исторической точки рабочему, не может быть оправданием для интеллигенции, которая фактом своего существования призвана оздоравливать общество, делать его лучше, совершеннее. Когда-то интеллигенция гордилась (лучшая её часть) своей оппозиционностью к власти. Теперь же, в обстановке открытой борьбы народа с властью, позиция прежней политической отстраненности была сродни предательству, ибо оставила рабочих без союзника. Без сильного своими знаниями и интеллектом союзника. Лидерам рабочей движению самим пришлось "добирать" знания, которыми интеллигенция уже владела.

Так этот своеобразный подкуп разобщи́л население Кузбасса. Вина ли в этом шахтёров? Пожалуй, нет!

Чтобы разочарование отдельными лидерами не переросло в кризис рабочего движения. Совет рабочих комитетов Кузбасса 27 сентября 1989 г. принял специальное решение, рекомендовавшее городскими шахтовым рабочим комитетам "...отойти от распределения промышленных товаров непосредственно на предприятии среди трудящихся... не заниматься частными жалобами по вопросам получения квартир, приобретения автомобилей и др. промышленных товаров". [31] На этот шаг пришлось пойти и потому, что властные структуры пытались переложить на рабочие комитеты ответственность за снабжение населения Кузбасса. Рабочие комитеты властных функций себе присваивать не хотели, но и отвечать за чужие грехи не собирались.

Подкуп шахтёров товарами потребления имел последствия не только регионального, но и всесоюзного значения. Как будто по команде (скорее всего именно по команде), но всей территории СССР - от Камчатки до Крыма, чиновники стали списывать на Кузбасс трудности в снабжении своего региона. Говорили: "Этого нет, потому что оно ушло в Кузбасс." Совет рабочих комитетов Кузбасса вынужден был выступить со специальным заявлением против попыток чиновников обвинить забастовщиков Кузбасса в ухудшении экономического положения страны. [32]

Действительно! Разве может быть заметным в масштабах сверхдержавы снабжение какого-то одного процента населения страны? Конечно, нет! При условии, что страна эта и в самом деле сверхдержава и что у неё действительно развитая экономика. Таковым Советский Союз считать не приходилось. Ещё в 70-е годы страна вошла в системный кризис, как в аграрном секторе, так и промышленном. Экстенсивные методы, ранее их стимулирующие, были исчерпаны. И рабочее движение стало даже не катализатором кризиса, а лишь поиском выхода из него. Десятидневная забастовка шахтёров при устойчивой экономике никак бы не смогла подорвать народное хозяйство. Кузбасс никак бы не смог стать первопричиной кризиса снабжения, даже если бы его действительно завалили товарами.

Никакого, однако, "завала" не было. На апрель 1990 г. из 211,5 единиц техники и оборудования, обещанных "Протоколом" (бульдозеры, грейдеры,

комбайны, электровозы, экскаваторы и др.), в Кузбасс поступило лишь - 60, то есть всего 28,4%. [33] И это через 8 месяцев после забастовки, а не через два, когда рабочие комитеты были вынуждены протестовать против обвинений в адрес Кузбасса, как якобы основного потребителя страны. По мясу, например, Кемеровская область получила в 1990 г. "привесок" к своему рациону в 20 гр. на человека. [34] В январе 1990 г. "Сибирская газета" писала: "Вопреки распространенному за пределами Кузбасса общественному мнению, изобилия на прилавках не наступило." [35] Даже газета ЦК КПСС "Правда" писала, что за последние полтора года в жизни шахтёров Кузбасса не произошло изменений к лучшему. [36]

И тем не менее, обман общественности, подкуп отдельных лидеров рабочего движения привели к тому, что уже к концу 1989 г. ореол героического романтизма, который окружал шахтёров, несколько приглушился. Из рабочих комитетов ушли не только те, кто увлекался самообеспечением, но и те, кому оказалась не по нутру каждодневная черновая организационная работа, те, кто имел митинговые наклонности при дефиците конструктивистских способностей.

Однако заслуга их перед Историей велика. Они первыми поднялись. Они не испугались возможных танков. Они сумели устоять против одной из самых мощнейших в мире политической системы. Ступенька, на которую они поднялись, была самой первой и, пожалуй, самой трудной в той лестнице, шагая по которой общественное движение как Советского Союза, так и других социалистических стран добилось качественного изменения в судьбе всей планеты. "С первого удара нам не удалось разбить эту систему, говорил позднее член Новокузнецкого городского рабочего комитета Анатолий Малыхин. Но от того, что мы вернёмся на свои места, спокойствия администрации уже не станет. Мы прошли круги ада, работали в Верховных Советах СССР и России... знаем, что такое наше правительство и как работает его механизм. Мы будем продолжать действовать". [37] Понимали ли это участники рабочего движения? Видели ли чёткую перспективу движения его лидеры? Вряд ли можно было тогда положительно ответить на эти вопросы. Шёл поиск направления движения. Понимали лишь одно (да и то далеко не все) - партийно-хозяйственная номенклатура видит в рабочем движении своего противника и ей надо противостоять.

На 5 сентября рабочие комитеты назначили свою 3-ю областную конференцию. На ней предстояло определить курс движения. О том, какой это может быть курс, недвусмысленно говорила повестка дня конференции. Из пяти вопросов, планируемых для обсуждения, четыре - выходили на политические проблемы: о передаче власти Советам народных депутатов; об участии рабочих комитетов в выборах в Советы, о принятии Закона о забастовках, о создании общественно-политической организации рабочих Кузбасса. [38] Правда, пункт о собственной организации был закамуфлирован под вопрос об Уставе Совета рабочих комитетов Кузбасса. [39]

Из документов конференции прослеживается явная попытка увести рабочие комитеты в сторону от политической борьбы, превратить структуры рабочих комитетов в заурядную советскую общественно-государственную организацию, в очередную опору госаппарата. Наиболее явственно это просматривается в докладе председателя Совета рабочих комитетов Т. Г. Авалиани, ставшего позднее лидером коммунистов Кузбасса. Возложив вину ("в определенной мере") на рабочие комитеты за неудовлетворительное состояние жизненного уровня населения Кузбасса, докладчик выдвинул перед ними задачу "вникать во все тонкости планирования и действия строительного конвейера", решать вопросы производительности труда строителей, ликвидации их простоев, своевременной поставки песка, гравия, цемента, металла. [40] Следует заметить, что несколько раньше, с целью "укрепления" рабочих комитетов он предлагал ввести в их состав членов СТК, председателей профкомов, председателей горисполкомов и их заместителей, а также секретарей горкомов КПСС, депутатов местных Советов. [41]

Если бы рабочие комитеты пошли за своим председателем, то они скоро бы превратились либо в контору по "доставанию" строительных материалов, либо в "свадебного генерала" у руководителей партийных и советских органов. Они утратили бы главную свою функцию - функцию общественного контролёра за властью. Причем такого контролера, которого, по признанию того же Авалиани, поддерживало 90-95% кузбассовцев. Однако не пойти за председателем рабочкомовцам было нетрудно. Авалиани хоть и был авторитетной фигурой, большим влиянием в рабочих комитетах не обладал. Относились к нему хотя и уважительно, но как своего лидера, "вождя" не воспринимали.

Фактически председательствовал в СРКК Юрий Рудольф. Он проявил незаурядные организаторские способности ещё в июльской забастовке, мастерски вёл общегородской митинг, председательствовал на первой конференции рабочих комитетов по выработке "Протокола", не раз демонстрировал свой талант в прогнозировании политической ситуации.

Существенное влияние на выработку тактики и особенно стратегии рабочего движения оказал Александр Асланиди, отвечавший за подготовку конференции. Со временем он стал признанным идеологом рабочего движения. Не менее заметную роль в разработке курса и в руководстве рабочими комитетами в то время играли Владимир Древаль, Иосиф Левин, Пётр Пятенко, Михаил Кислюк, Юрий Герольд, Михаил Анохин, Вячеслав Голиков и др.

Можно поразиться интуиции рабочих лидеров, их прозорливости в том, что они абсолютно правильно уловили историческое предназначение рабочих комитетов - быть не очередной государственной или общественной (в советском варианте) структурой, - а стать "оком" народа за действием властей и администрации предприятий. Вряд ли большинству из них был известен опыт демократических стран, где сотни общественных организаций - от политических партий и профсоюзов до обществ любителей кошек -

играют роль саморегулятора общества. Эти организации вынуждают чиновников действовать в интересах человека, в интересах отдельной личности, а не в интересах пресловутого государства (как в СССР).

Рабочие Комитеты Кузбасса стали первой в СССР массовой и очень авторитетной организацией по надзору общества за властью. Своим появлением они качественно изменяли советскую политическую систему. Вместо системы, действовавшей по схеме: государство - человек, где возможности воздействия государства на человека были неограниченными, появилась система: государство - общество - человек, в которой человек оказался защищенным от государства хотя бы одной общественной организацией.

Было над чем задуматься властьпредержащим! Поэтому надо ли удивляться настойчивости, с которой, как на сентябрьской конференции, так и после неё, они пытались наделить рабочие комитеты управленческими функциями? Они понимали, как только рабочие комитеты станут частью государства, так произойдёт их саморазрушение, исчезнет прецедент подлинной демократии. Совсем не случайно партийные, советские и хозяйственные руководители постоянно сетовали, что, мол, рабочие комитеты ни за что не отвечают. Впрочем, на том этапе, осенью 1989 г., многие из них рвались к большой политике и активно сотрудничали с рабочими комитетами, обращались к ним за помощью, предлагали - свою. [42]

Правда, нет никакой уверенности в том, что чиновничество, боровшееся с рабочими комитетами, имело теоретическое представление и взаимодействии государства - общества - личность. Во всяком случае, в книге одного из наиболее талантливых, настойчивых и грубых оппонентов рабочих комитетов А.Г.Тулеева, претендующей на научность (политическая психология), рассуждений о деятельности лидеров рабочего движения и демократических структур не идут дальше примитивного тезиса "борьбы за власть". Причём под властью понимаются привычные уму и сердцу советского чиновника амбициозные устремления удовлетворить свои личностные (чаще материальные) претензии. [43]

Конечно, кто-то из шахтёров понимал предназначение власти точно так же. Живя в обществе, человек не может быть свободным от его представлений о добре и зле, идеалах и псевдоидеалах. Но в целом рабочие лидеры были озабочены прежде всего общественным состоянием, а не личным. Это в корне отличало их от подавляющего большинства чиновников или общественных деятелей.

Если в июльской забастовке лидеры рабочего движения проявили себя прекрасными организаторами и сознательными хозяевами Кузбасса, то на сентябрьской конференции рабочих комитетов они заявили о себе дальновидными политиками. Причём политиками такого класса, но сценарию которых будто бы и пошло развитие политических процессов в стране. Конференция призвала созвать Съезд народных депутатов СССР для исключения из Конституции ст. 6 о направляющей и руководящей роли

КПСС. Они посчитали, что эти статья противоречит ст.2 о полновластии Советов народных депутатов. [44]

Это была первая в Советском Союзе резолюция массовой общественной организации, отвергающая руководящую роль КПСС. Для многих кузбассовцев (да и не только их) такая постановка вопроса о КПСС тогда была не очень-то понятной. Не многие в СССР понимали, что корень тоталитаризма, политическая и юридическая основа насилия государства над личностью лежит в том, что партия не только присвоила, но и законодательно оформила ещё в 1936 г. свою государственную власть над народом.

Ещё более удивительна резолюция конференции о проекте Закона по выборам народных депутатов в республиканские и местные Советы. Сравнивая предложения активистов рабочего движения Кузбасса с практикой выборов 1989 г., а также с выборами 1990 г., можно подумать, что в сентябре 1989 г. шла конференция не людей "от станка", "от лопаты", а собрание государственных мужей. Видимо, таковыми они и были, эти парни из забоев. Их предложения потом вошли в Закон о выборах 1990 г. Они предлагали: выдвигать кандидатов не только в трудовых коллективах, но и на собраниях избирателей, а также путём сбора подписей; отменить окружные собрания избирателей (на них-то путём открытого голосования и отсеивались самые неудобные чиновникам кандидатуры); вносить в бюллетени не менее двух кандидатов; проводить выборы Верховного Совета республики прямым голосованием избирателей (последнее предложение не прошло). [45]

Но самым выдающимся событием на конференции стало создание общественно-политической организации "Союз трудящихся. Кузбасса точнее его провозглашение). В эту организацию включались все структуры рабочих комитетов (региональный, городские, поселковые, предприятий). О том, насколько лидеры рабочего движения Кузбасса опережали время, создавая "Союз", говорит хроника создания подобных организаций в других регионах страны. Учредительная конференция "Союза трудящихся Донбасса" состоялась 10 февраля 1990 г., "Союза трудящихся Инты" - 2 февраля, Караганды - в мае (как областной стачечный комитет). [46] Интересно, что на конференции в Кузбассе только один делегат голосовал против создания "Союза". Им был Т.Г.Авалиани. [47] Конференция приняла также и решение о создании печатного органа рабочего движения. [48]

Обращает на себя внимание то, что решения конференции были не только глубокими по содержанию, но и юридически безупречными по форме. Активисты рабочего движения Кузбасса предложили не только новые направления в преобразовании политической системы общества, но и определили легитимные механизмы их реализации. Скажем, по выборам Советов народных депутатов - выдвигались не просто требования, как это делалось у революционеров, а предлагалось принятие соответствующего Закона о выборах. По "Союзу трудящихся" и газете - не только декларировалось их создание, но и предлагалось принятие Закона об общественно-политических организациях. Закона о печати. Тем самым

лидеры заявили о себе как о граждански зрелых личностях, не желавших конфронтации в обществе. Они оказались далёкими от большевистских методов тотального ниспровержения. Это качество им удалось сохранить даже в обстановке острейшего политического противостояния как в 1990 г., так и в 1991 г. и 1993 г.

Решения конференции означали, что рабочее движение выходило на качественно новый уровень борьбы. "Здесь мы решали, - говорил позднее один из организаторов и идеолог "Союза трудящихся", мастер с химического объединения "Азот" Владимир Древаль, - оставаться цепными псами "Протокола" и бороться за его "колбасные" пункты, или идти дальше". [49] Пошли дальше! Правда, с этим не согласились рабочие комитеты Кемерово, Белова, Топок, часть Прокопьевского и Ленинск-Кузнецкого.

Развитие событий в августе - сентябре показало, таким образом, что рабочие комитеты по-прежнему, как и в июле, держали инициативу в своих руках. Неуверенные попытки КПСС блокировать их действия оказались безуспешными. От резкого осуждения рабочего движения - в июле, властные структуры были вынуждены перейти к примирению с ними и даже сотрудничеству - в августе. Однако в октябре они стали переходить в решительное на них наступление.

3 октября Верховный Совет СССР принял постановление "О неотложных мерах по обеспечению бесперебойного функционирования железнодорожного транспорта и базовых отраслей народного хозяйства". Правительство получило право вводить режим чрезвычайного положения в случае забастовки. 9 Октября был принят Закон о разрешении трудовых конфликтов, резко ограничивающий возможности объявления забастовки. Направленность этих актов против шахтёров была очевидной. Только в угольных регионах, только в угольной промышленности существовало рабочее движение. На другие отрасли оно не получило широкого распространения. 14 октября министр угольной промышленности М.И.Щадов издал приказ о прекращении выплаты заработной платы освобожденным членам рабочих комитетов. Это было вмешательством министра в прерогативы Совета трудовых коллективов (СТК), которые, согласно Закона о предприятиях, имели право содержать освобожденных членов общественных организаций. Но желание прикрыть рабочие комитеты для министра оказалось выше Закона. В ответ рабочие комитеты Кузбасса, Донбасса, Караганды и Воркуты выразили недоверие ему самому и потребовали его смещения с министерской должности. А воркутинские шахтёры на своей конференции 19 октября приняли решение о возобновлении 25 октября забастовки во всём Печорском угольном бассейне. [50]

Министру пришлось отменить приказ. Да и с введением чрезвычайного положения было видно, что дело не пройдёт. В прежние годы такого сурового окрика из Москвы было бы более чем достаточно для почтительного склонения голов перед властью. Но те времена миновали.

Однако Центр, кажется, этого не понимал. Он повторял ошибку руководителей Кузбасса, которые весной 1989 г. пытались запугать людей.

История ничему не научила и власти Кузбасса. Вдохновленные решительностью Центра, руководители Кемеровской области попытались вернуться к привычным методам общения с народом - угрозе и демагогии. Это произошло в связи с забастовкой- междуреченских горняков 23 октября.

Поводом для неё явилось публичное заявление руководства области о том, что выполнение требований июльской забастовки идёт опережающими темпами и сохранение рабочих комитетов поэтому нецелесообразно. В ходе двухчасовой предупредительной забастовки трудящиеся шахт и разрезов Междуреченска заявили о невыполнении правительством своих обещаний; твёрдая цена на уголь так и не была установлена; работа по переводу предприятия на полную хозяйственную самостоятельность не проводилась; Закон об отпусках и пенсиях не принят; 60% коэффициент для трудящихся Томь-Усинского района не введен. Симптоматично, что в отличие от июля забастовщики теперь протестовали и против нерешенности ряда политических проблем: ставили вопрос об отмене ст.6 Конституции СССР; настаивали на принятии Закона о выборах народных депутатов; оценили Закон о разрешении трудовых конфликтов как антидемократический. Шахтёры заявили, что рабочие комитеты останутся до тех пор, пока будет существовать бюрократия. Чтобы бюрократия не могла на этот раз мушкетировать тезис об экономическом ущербе от забастовки, междуреченцы демонстративно выдали в день забастовки на 11 тыс. т. угля больше, чем в обычные дни. Такой добычи не было даже в дни тщательно организуемых рекордов. [51]

Практически все шахтовые города Кузбасса поддержали междуреченцев: кто-то провёл двухчасовые забастовки, кто-то - митинги солидарности. Рабочие комитеты демонстративно переименовывались в забастовочные. Это был, как и в июле, всекузбасский кризис. Ситуация, однако, серьёзно отличалась от июльской. Во-первых, имея организационную структуру в виде рабочих комитетов, шахтёры не чувствовали, как когда-то, разобщенности. Они ощущали профессиональную сплоченность и уверенность в поддержке населения всего Кузбасса. Во-вторых, забастовщики теперь не испытывали страха перед властью, психологически были более спокойны. В-третьих, у них уже не было прежнего уважительного пиетета к правительству. Вместе со структурами КПСС, Верховного Совета СССР, ВЦСПС оно было для них уже не "барином, который приедет и всё рассудит, а недобросовестным партнёром по переговорам. В-четвёртых, забастовщики теперь ярко продемонстрировали свою готовность к переходу от борьбы экономической к борьбе политической.

Понимали ли руководители Кузбасса, что произошло? Анализ документов партийных органов не даёт оснований для положительного ответа на этот вопрос. Единственно, пожалуй, новое в политической ситуации для них было то, что, как записано в решении бюро обкома КПСС

от 23 октября, организаторами забастовки проявлено неуважительное отношение к Верховному Совету СССР ...". [52]

Надо сказать, тон этого решения резко отличался не только от августовских, но даже от июльских партийных документов. Там - осторожность формулировок, забота о подборе деликатных выражений. Здесь - оценка забастовки как "авантюризм и провокация", способ "удовлетворить личные, амбициозные цели...". Задачи парторганизаций, определенные бюро обкома, обескураживают, показывают неадекватность восприятия высшим руководящим звеном Кузбасса сложившейся обстановки. Забастовочное движение проявило тенденцию к переходу в новое качество, а хозяева Кузбасса, представленные в бюро обкома партии, вместо деловых мер, или хотя бы разговора о них, пытались спрятаться за привычными партийными заклинаниями о "необходимости укрепления ... трудовой дисциплины, правопорядка и объединения сил в повышении эффективности экономики, наращивании темпов социального строительства, увеличения продукции сельского хозяйства" и т.д. и т.п. Под стать задачам и пути их разрешения - "усиление боевитости партийных организаций, укрепление советов трудовых коллективов, профсоюзных комитетов, местных Советов..., повышение ответственности коммунистов - руководителей, ... потребовать уважительного отношения к действующим законам". [53]

Подобный "анализ" и набор "мер" можно встретить в партийных решениях и десять, и пятьдесят лет назад. Партийное руководство настолько загнило, что даже в экстремальной ситуации оказалось неспособным преодолеть заскорузлость, найти что-то иное, кроме ярлыков, угроз и демагогии.

В тот же день, вечером, по областному телевидению выступили А.Г.Мельников, А.Ф.Лютенко и В.И.Романов. Они резко осудили состоявшуюся забастовку. Заявили, что время рабочих комитетов прошло, что облисполком, при согласии облсовпрофа, готов отменить своё распоряжение, регистрирующее "Положение" о рабочих комитетах, что обком партии может привлечь коммунистов к партийной ответственности за участие в забастовке.

Откуда взялась такая уверенность властей в слабости рабочего движения? Ведь ещё в сентябре, на 3-й конференции, рабочие комитеты показали свою возрастающую организационную и политическую зрелость, а в октябре - готовность бороться до полного выполнения своих, июльских требований? Ответ на этот вопрос, в какой-то степени, дает высказывание Мельникова, как верховного главы Кузбасса. В конце сентября на заседании бюро обкома партии, в присутствии представителей рабочих комитетов (Д.М.Шагиахметова, В.Г.Шарипова, В.Б.Попка, Ю.А.Герольда) он заявил: "Рабочие комитеты - это узкая кучка людей - человек 300". [54] Видимо, убеждение о рабочем движении как о деятельности узкой кучки функционеров у Мельникова и его партийных товарищей было искренним. А раз - узкая кучка, то почему бы не разогнать этих смутьянов? Эта мысль и

звучала рефреном в их телевыступлении 23 октября. Получается, что реалий жизни они не знали совершенно. Жили лишь умозрительными представлениями.

На следующий день собрался экстренный расширенный Совет рабочих комитетов Кузбасса. В своём "Заявлении" СРКК квалифицировал телевыступление высшего руководства Кузбасса как попытку "возврата к старым временам". Объединение властей, говорилось в "Заявлении", имеет реакционную цель - уничтожение рабочих комитетов. Прозвучало жесткое предупреждение: "...Рабочие комитеты создавали не руководители области и не им их распускать". [55]

Это "Заявление" было зачитано по радио, на телевидении, опубликовано в газетах. Пошли письма и телеграммы протеста с главным требованием - "Руки - прочь от рабочих комитетов!" Обсудив на бюро обкома КПСС это "Заявление" СРКК, руководители области не решились реализовать свою программу свёртывания деятельности рабочих комитетов. Отступили. Интересно, что председатель СРКК Авалиани в своём выступлении на этом бюро поддержал товарищей по партии, а не по рабочему движению. Он саркастически отозвался о готовности шахтёров бастовать в защиту своего движения, сослался на представителей западных фирм, которые, по его словам, говорили: "Вам работать, а не бастовать надо". [56]

Так сорвалась очередная попытка властей перейти в наступление на рабочие комитеты Кузбасса, подмять их, взять инициативу в свои руки. Ещё круче и драматичнее развивались в это время события в Воркуте. Там 25 октября началась региональная забастовка. Инициаторами её были шахтёры "Воргашёрской". Забастовщики требовали: выполнения постановления правительства № 608, сохранения северных надбавок при переходе с одного предприятия на другое, официального утверждения статуса рабочего комитета и др. Над инициаторами забастовки организовали суд, им грозили очень крупные денежные штрафы. Только 18 ноября по призыву городского стачкома забастовка была прекращена. Но горняки "Воргашёрской", "Промышленной", "Юр-Шор" этому решению не подчинились и продолжали забастовку в знак протеста против приговора суда. Только через неделю из неё вышли две шахты, а "Воргашёрская" - только 2 декабря. [57]

Отстаивая собственный статус, рабочие комитеты не забывали о своём прямом назначении - добиваться выполнения "Протокола". Однако после октябрьских событий они стали делать, акцент не на добывание продовольствия, машин и оборудования, а на получение, согласно второму пункту "Протокола", экономической самостоятельности предприятий.

3 ноября в Ленинске-Кузнецком состоялась встреча членов СРКК с руководителями угольных объединений, на котором обсуждалась эта проблема. Выяснилось, что директора объединений хотят сохранить за собой независимость от создаваемого в Кузбассе единого угольного концерна. Но в то же время они не желали предоставлять шахтам и разрезам самостоятельности. На следующий день на заседании комиссии

облисполкома была достигнута договоренность о создании рабочей группы по выработке устава концерна, разработке новой системы экономических отношений между угольными предприятиями. В неё вошли также и представители рабочих комитетов. [58] (Но вышло так, что уже через год стало ясно, что командно-бюрократическая структура управления угольной промышленностью Кузбасса сохранила себя, изменив лишь название.)

Для лидеров рабочего движения октябрьские события прозвучали сигналом готовности как центральных, так и местных властей ликвидировать рабочее движение. В эти дни они в значительной степени (но далеко не в полной) избавились от иллюзии возможного партнерства с руководством страны и Кузбасса в переустройстве жизни. С тех дней в рабочем движении стала четко проявляться линия политической борьбы, которой сторонились шахтёры как в июле, так августе и сентябре. Многие из шахтёров тогда сторонились политики отнюдь не из любви к существующей системе и уж, конечно, не из какой-то трусости. В их представлении политическая борьба была исключительно сложным делом, которым могут заниматься только профессионалы. Из истории РСДРП известно, что расхождение между сторонниками и противниками участия рабочих в политической борьбе далеко не ново. Ещё в конце прошлого - начале этого века в русской социал-демократии по этому вопросу шёл принципиальный спор между сторонниками Ленина и "экономистами", утверждавшими, что "борьба с копейки на рубль ближе и дороже рабочему, чем всякая борьба за социализм", за политические преобразования.

Суть проблемы довольно полно просматривается в одном из выступлений мастера-взрывника, члена городского рабочего комитета Анжеро-Судженска Аркадия Ильича Синцова. В сентябре 1989 г. он убеждал своих товарищей по рабочему движению в необходимости сохранения за рабочими комитетами статуса общественной организации, которая политикой заниматься не должна, так как с "политическими задачами не справится". Перечислив известных лидеров: Демидов (Новокузнецк), Кислюк и Голиков (Березовский), Смирнов (Анжеро-Судженск), Левин (Ленинск-Кузнецк), Литвиненко (Белово), он заявил: "Я не думаю, что у них достаточно аналитических способностей и знаний политической литературы", чтобы вести политическую борьбу. [59] Интересно, что позднее трое из перечисленных лидеров - В.Голиков, М.Кислюк, И.Левин - отлично проявили себя в политике, а двое - Голиков и Кислюк - получили не только общесоюзную, но и мировую известность. Да и сам Синцов, став депутатом областного Совета, вошёл в руководство фракции "Демократический блок", последовательно боролся за реформирование политической и экономической системы в Кузбассе, против коммунистической фракции депутатов облсовета.

Возражая противникам перехода к политической борьбе, грейдерист, член прокопьевского рабочего комитета, автор ряда поэтических произведений Михаил Петрович Анохин говорил: "Когда мы выдвигали только экономические требования, вокруг нас трудились некоторые

товарищи, одобрительно похлопывали нас по плечу. ... Через некоторое время мы поняли, что выполнить наши требования только экономическими методами мы не можем, ... пришли к прозрению, что вопросы касаются политики". [60]

На позиции необходимости перехода к политической борьбе в прокопьевском рабочем комитете встали в августе - октябре сначала 10 человек, а затем все - 21. Тогда же заявили в такой готовности рабочие комитеты г. Березовского и Ленинск-Кузнецкого, отчасти - Новокузнецка, Белова. Наиболее непримиримый её противник - городской рабочий комитет г. Кемерово, хотя и там были сторонники перехода к политической деятельности. Его член, инженер Евгений Балашов доказывал: "Мы боремся не с Мельниковым и Лютенко, а с государственной бюрократической системой". [61] На этот счёт не было единства и в региональном рабочем комитете (СРКК). Наиболее настойчивую позицию в отстаивании необходимости политической борьбы занимали Асланиди, Голиков, Кислюк, Древаль, Рудольф, Зорькин, Левин, Малыхин, Строканев, Белов, Комаров и др.

Дискуссия об участии в политической борьбе доходила до таких крайностей, что некоторые лидеры отрицали даже необходимость участия рабочих комитетов в предстоящих весной 1990 г. выборах в республиканский и местные Советы народных депутатов. Они считали, что должны находиться в оппозиции к власти, а не входить в эту власть. Но, как обычно бывает в таких случаях, спор решила сама жизнь. На переход рабочего движения Кузбасса к политической борьбе повлияли три события: принятые 4-й конференцией рабочих комитетов Кузбасса "Программное заявление" и Устава "Союза трудящихся Кузбасса"; срыв по вине правительства переговоров по вопросу выполнения "Протокола"; участие рабочих комитетов в предвыборной кампании.

4-я конференция рабочих комитетов Кузбасса была назначена на вторую половину ноября. Рабочие комитеты готовились к ней основательно. Было подготовлено несколько проектов Программного заявления и 14 проектов Устава "Союза трудящихся Кузбасса". Один из проектов Заявления был опубликован в "Шахтёрской правде" (авторы В.Ф.Дизендорф и Л.П. Сергачёв), остальные - ходили в рукописи. Совет рабочих комитетов Кузбасса принял за основу проект зав. кафедрой политэкономии КузПИ Ю.И.Чунькова (с дополнениями зав. кафедрой истории КПСС КГМИ Л.Н.Лопатина) и разослал в городские рабочие комитеты для обсуждения. Проект Устава подготовил доцент кафедры философии КГИК Г.И. Миненко. Проекты были представлены для экспертизы на кафедру гражданского права Кемеровского государственного университета и в областную прокуратуру. Этой экспертизой лидеры рабочих комитетов, во-первых, ещё раз показали свою законопослушность, во-вторых, хотели обезопасить своё движение от преследования властей, которые, вероятнее всего, опирались бы на юридические неточности, как формальный повод для преследования.

Понимая опасность предстоящего события, обком и горкома КПСС совместно с профсоюзными органами организовали областную конференцию советов трудовых коллективов. Она мыслилась как альтернативная конференции рабочих комитетов Кузбасса.

Советы трудовых коллективов (СТК) возникли в годы перестройки. Как правило, они находились под полным контролем парткомов и профкомов предприятий. Их деятельность была абсолютно безопасной для политической системы. Мало того, СТК должны были укреплять её, своим существованием демонстрируя "торжество советской демократии". Не удивительно, что на состоявшейся конференции СТК всё прошло чинно и мирно, без неожиданностей для властей, хотя и с нетрадиционной довольно жесткой критикой экономического порядка.

Однако противопоставить этот форум СТК конференции рабочих комитетов властям не удалось, во-первых, потому, что рабочие комитеты всегда сотрудничали с СТК, зачастую опираясь на них как на свою первичную ячейку на предприятии, ячейку, имевшую оформленный Законом статус (чего сами рабочие комитеты не имели). Во-вторых, многие лидеры рабочих комитетов присутствовали на конференции СТК в качестве полноправных участников и во многом задавали на ней тон. В-третьих, рабочкомовцы как бы не заметили факта её проведения. Во всяком случае, критиковать решения не стали и продолжали заниматься подготовкой к своей конференции.

Так случилось, что осенью 1989 г. общественность Кузбасса впервые за десятилетия монополии КПСС путём сравнения могла оценить качество партийных документов. Один за другим были опубликованы три политических документа: "Программа действий областной партийной организации на ближайший период"; материалы областной конференции советов трудовых коллективов; материалы 4-й конференции рабочих комитетов Кузбасса. [62] "Хотим мы или не хотим, - говорил на пленуме обкома КПСС 29 ноября первый секретарь Беловского горкома КПСС А.М.Зайцев (в скором будущем - первый секретарь обкома КПСС), но надо признать, что ... большей популярностью среди населения пользуется третий документ". [63]

И дело не в том, что для подготовки своих документов рабочие комитеты привлекли лучшие научные силы. Часто это были те же самые люди с кафедр общественных наук вузов Кемерова. Партийные чиновники (обкомовские и облсовпрофовские), за которыми оставалось последнее слово в оформлении документов, отталкивались от устаревших догм, формулировали положения по перестраховочному принципу - "как бы чего не вышло". Лидеры же рабочих комитетов рассматривали предложенные им научные идеи через призму жизни. Они не боялись гнева начальства. Многие из них были сами образованными людьми и имели самостоятельные идеи. Потому их документы отличались от партийных своей жизненностью и практичностью, научностью и дальновидностью.

4-я конференция рабочих комитетов отличалась от всех предыдущих и последующих (кроме 5-ой) тем, что она готовилась как конференция "Союза трудящихся Кузбасса". Зачем потребовалось такое её оформление, тем более, что "Союз" в отличие от рабочих комитетов не имел официально признанного статуса? Да и в мандатах она значилась четвёртой, а не второй, если вести отсчёт от сентябрьской конференции, провозгласившей образование "Союза". На самой конференции некоторые делегаты тоже недоумевали по этому поводу, говоря, что съехались на форум организации, которой фактически не было. Даже само название "Союза" не было устоявшимся, и ряд участников придерживался названия "Союз рабочих Кузбасса". [64]

Такое оформление потребовалось для того, чтобы вовлечь в рабочее движение трудящихся всех отраслей народного хозяйства, а не только угольщиков, имевших рабочие комитеты. На тот период это удалось сделать. На конференцию послали своих делегатов не только угольные предприятия, но и металлургические железнодорожные, учебные и научно-исследовательские институты и т.д.

На одних предприятиях ограничивались избранием делегатов, на других - обсуждали проекты документов. Если учесть, что подготовкой конференции была охвачена не одна сотня тысяч человек, если принять во внимание, что документы обсуждались без традиционного советско-партийного формализма, если помнить, какую политическую позицию занимали многие журналисты Кузбасса, то станет приблизительно понятно, какого уровня достигла политическая жизнь в Кузбассе в ноябре 1989 г. Впервые за всю историю СССР на предприятиях проходили плановые массовые мероприятия, неподконтрольные большевистской партии. Это был не бунт, не стихия, как в Новочеркасске в 1962 г. или в июльской забастовке 1989 г. Это была подготовленная, неплохо организованная и хорошо продуманная работа.

Обсуждая проект Программного заявления "Союза трудящихся Кузбасса", люди вслед за авторами проекта обзревали содеянное за годы советской власти, приходили к выводу о великом заблуждении, в котором они находились относительно построения в стране справедливого социалистического общества. Это обсуждение способствовало появлению в рабочем движении Кузбасса качественно нового явления. До сих пор рабочие комитеты занимались лишь экономическими проблемами, отчасти - политическими. Идеологические вопросы их не интересовали. Вопрос о построении социализма в СССР - это квинтэссенция коммунистической идеологии. И поднят он был не по их собственной инициативе. Он был инспирирован учеными обществоведами Кузбасса. Кроме уже названных, в работе конференции приняли участие экономисты, философы, социологи, юристы вузов г. Кемерово: П.И.Балабанов, С.В.Бурков, С.П.Баклыков, Г.И. Баранов, Г.С.Баранов, В.И.Гребенюк, Б.Максюкова, Л.И.Красиков, В.Ф. Дизендорф, Л.П.Сергачёв, Е.М.Титаренко. [65]

В докладе о Программном заявлении (Л.Н.Лопатин), который, как и вся конференция, транслировался по радио на весь Кузбасс, впервые открытым текстом говорилось об извращенном характере социализма, построенного в СССР. Благодаря рабочему движению стало возможным отказаться от эзоповского языка и говорить не просто о командно-административной системе, а об обмане советского народа с реализацией идеи социализма. В докладе говорилось, что вместо максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей личности, как цели социализма, народ получил нищенский уровень существования. Вместо ликвидации эксплуатации - экономическое и внеэкономическое принуждение. Вместо общественной собственности на средства производства государственную собственность, при помощи которой от производителя отчуждались результаты его труда. Вместо народовластия - власть коммунистической партии и чиновничества. Вместо развития культуры и создания условий для всестороннего развития личности - идеология обмана. Конференция признала, что основной задачей "Союза трудящихся Кузбасса" должно быть создание такого общества, в котором произойдет кардинальное изменение в развитии производительных сил, где собственность и власть будут принадлежать народу, где будут соблюдаться нравы и интересы личности.

Ориентация на социализм в рабочем движении Кузбасса, таким образом, сохранялась. Почему? Может все дело в ученых обществоведах, которые-де выполнили заказ обкома КПСС? Полностью отрицать "заказ обкома" вряд ли стоит. Тем более, что на бюро обкома, состоявшегося на следующий день после конференции, прямо говорилось, что "через Шабашева удалось сфокусировать позицию, что рабочий союз не претендует на роль партии". [66] Несколько позднее профессор политэкономии В.А. Шабашев, став членом обкома КПСС, имел официальное поручение отвечать за связь с рабочими комитетами. И никого в рабочих комитетах это не волновало.

Однако прямолинейно вводить всех "проискам" обкома было бы непозволительным управленчеством. Во-первых, потому, что сами участники конференции слабо откликнулись на очень жесткую, но тем временам критику ролевого социализма. И хотя дебаты по Заявлению были исключительно заинтересованными и горячими, участники конференции не внесли ни одного более жесткого чем в докладе и проекте Заявления, замечания относительно характеристики социализма. Антисоциалистических предложений не было вообще, если не считать брошенной Михаилом Кислюком в кулуарах о том, что пора бы покончить с разговорами об "измахе". [68] Во-вторых, достоинство обществоведов, сотрудничавших тогда с рабочим движением, и том, что они вынесли на конференцию свои-понятия о социалистическом обществе, которые оказались несравненно выше представлений их коллег, не отважившихся выйти за пределы разрешенной критики "отдельных недостатков" социализма. Если бы обком действительно ими управлял, то он бы ни за что не допустил более смелых и жестких характеристик действительности, чем были в двух других упомянутых

документах - Программе действий областной парторганизации и решениях областной конференции СТК.

Следует удивляться, как вообще обществоведы Кузбасса смогли отважиться на такое! Надо помнить, что многие десятилетия большевистская партия формировала из них свой "золотой фонд". И, надо сказать, небезуспешно. Не случайно многие из них (особенно историки КПСС) сохранили свою приверженность коммунистическим идеалам даже после того, как открылась вся правда о социализме, после того, как он потерпел крах. Но тогда, на конференции, обществоведы представили наивысший по тем временам уровень развития обществоведческой мысли о социализме.

Правда, эта мысль отразила лишь уровень развития общества, которое тогда еще не доросло до антикоммунизма. Обществоведение как наука, вопреки своему предназначению, ненамного опережало общественное мнение, находилось почти на уровне обыденного сознания. И тем не менее. Принятие Программного заявления, в котором была не столько критика, сколько системные предложения по преобразованию страны, видимо, повлияло на переход рабочего движения в скором времени на новую ступень своего развития. Правда, подавляющее большинство обществоведов к тому времени уже отошло от сотрудничества с рабочими комитетами и, как и другие представители интеллигенции предпочли не участвовать в общественном движении. [68]

Принятием Программного заявления рабочее движение Кузбасса фактически становилось на позиции западной социал-демократии, которая не только проповедовала, но и создала в ряде стран экономически высокоразвитое демократическое общество, общество с высокой степенью социальной защищенности граждан. Слишком высоко, но в принципе верно отразил общий эмоциональный настрой участников конференции по поводу принятия Программного заявления электрослесарь шахты им. Вахрушева В. Надюк, который назвал его "лучом надежды". [69]

Очень непросто конференция принимала Устав "Союза". В первоначальный проект ещё при обсуждении в трудовых коллективах было внесено очень много дополнений, изменений, поправок. В течение всего первого дня конференции (18 ноября) делегаты подавали письменные предложения. Ночью члены редакционной комиссии (А. Асланиди, Ю.Власов, Л.Лопатин, Ю.Чуныков, В.Шабашев) редактировали и систематизировали их.

Наутро в докладе начальника участка из Ленинск-Кузнецкого Ю.М.Власова они были представлены конференции. Каждое предложение, каждая поправка голосовались отдельно. По некоторым из них открывалась дискуссия, заранее оговариваемая лимитом времени, (обычно 10 мин.). Очень острые дебаты разгорелись вокруг пункта, определявшего статье создаваемой организации. Первоначально проголосовали за то, что "Союз" должен иметь статус не просто общественной, а общественно-политической организации. Тем самым была сделана очень серьёзная заявка на превращение "Союза" в политическую партию. Это означало конец политической монополии КПСС.

Однако после очередного перерыва Кемеровская, Беловская и Таштагольская делегации "вдруг" потребовали вернуться к обсуждению и голосованию по вопросу о статусе "Союза". "В противном случае, - заявил председатель Беловского рабочего комитета, секретарь парткома шахты "Новая" Н.Г.Литвиненко, - делегация покинет зал". [70] Сложилась реальная угроза срыва конференции, чего так опасались её организаторы с самого начала. Из солидарности, к ним могли присоединиться другие делегации.

Что же произошло в перерыве? На конференции в качестве приглашенных присутствовала очень большая группа партийных работников. Вместе с председателями Советов трудовых коллективов (как правило, номенклатурных) они составляли десятую часть конференции (53 чел. - из 535 присутствовавших). Выступать им не возбранялось по предъявлению мандата приглашенного. Видимо, то, чего они не смогли сделать в зале, добиваясь определения статуса "Союза" как общественной организации, они компенсировали в кулуарах. Их влиянию поддались, делегации городов, рабочие комитеты которых и раньше отличались соглашательскими позициями по принципиальным политическим вопросам.

Вряд ли случайно председатели таких комитетов довольно быстро сделали личную карьеру: Литвиненко вскоре стал директором шахты, Михайлец - сначала функционером, а затем и председателем профсоюза угольщиков Кемеровской области ("госпрофсоюза"). Как тот, так и другой, став депутатами Советов, практически всегда придерживались прокоммунистической линии. Выступая на 22 областной партийной конференции, первый секретарь Беловского ГК КПСС А.М. Зайцев дал им высокую оценку. "Я лично, - говорил он, - готов сотрудничать, консолидироваться с рабочими комитетами, которые представлены в лице таких серьезных... парней как Маханов, Михайлец, Литвиненко, Мамаев. [71] Это была оценка одного из самых умных, последовательных и непримиримых противников рабочего движения. Став секретарём обкома, он, в отличие от Мельникова, ни о каком сотрудничестве с рабочими комитетами и слышать не хотел.

Конференция была вынуждена вернуться к обсуждению статуса "Союза" и проголосовала на этот раз за него как за простую общественную организацию. Точно за такую, мрачно шутили шахтёры, как общество филателистов или общество любителей собак.

По докладам горного мастера из Белова, члена СРКК Петра Николаевича Пятенко и экономиста "Черниговского" разреза, члена СРКК Михаила Борисовича Кислюка конференция сделала вывод о неудовлетворительном ходе выполнения "Протокола" и дополнения к нему. Из 44 пунктов правительство выполнило только - 11. Практически не приступали к выполнению основополагающих пунктов, среди них пункт о переводе Кузбасса на региональный хозрасчёт и предоставление хозяйственной самостоятельности предприятиям. [72] Делегаты посчитали необходимым провести до конца 1989 г. совместное заседание Совета рабочих комитетов Кузбасса и бюро обкома КПСС с участием полномочной

комиссии ЦК КПСС, ВЦСПС, Совмина СССР, а также депутатов СССР от Кузбасса. Иными словами, конференция потребовала, чтобы высшее руководство страны и Кузбасса отчиталось перед народом о выполнении своих обещаний.

В советской истории такого ещё не было. Жалобы были. Были и заявления. Случались и требования, как в Новочеркасске в июне 1962 г., в Кузбассе, Донбассе, Воркуте, Караганде - в июле 1989 г. Но никогда советским руководителям не приходилось держать ответ, перед народом. Не тот ответ, что якобы был на сессиях Верховного Совета или съездах КПСС, а настоящий ответ, без спасительной возможности спрятаться за демагогией. Отвечать не перед тщательно отобранными делегатами партийных форумов или покладистыми депутатами Советов, а перед борющимися за свои права людьми. Теми людьми, которым по советской традиции или со страху слишком много наобещали в июле, посулили то, что при трезвом и спокойном рассуждении невозможно было выполнить, не затронув существа советской экономической и политической системы.

Выполнение, скажем, требований о хозрасчёте Кузбасса и самостоятельности предприятий, установление твёрдой цены на уголь, предоставление предприятиям права продажи сверхплановой продукции по договорным ценам, в том числе и за рубеж, угрожало монополии государственной собственности на средства производства, толкало страну к переходу на рыночные отношения (к капитализму, как пугали партийные идеологи). Потребовалась бы радикальная перестройка управления народным хозяйством, формирование новой законодательной базы. По сути дела, менялся характер производственных отношений.

Хотело ли руководство страны этого? Ответ очевиден - нет! Это была бы фактически смена общественно-экономической формации. В июле, стремясь погасить забастовку, чиновники без особого труда подписали эти пункты "Протокола", видимо, надеясь, что кузбассовцы, получив "колбасу-мыло" и кое-какое оборудование, успокоятся. Но они не успокоились и теперь требовали отчёта. Впервые партийные, советские, хозяйственные и профсоюзные руководители вызывались "на ковёр" не высшим начальством, а рядовыми гражданами. Первый раз за все годы советской власти, считаясь "слугами народа", они представляли для отчёта перед "хозяином".

Накануне конференции, 17 ноября, в Москве состоялась встреча председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова с представителями трудовых коллективов угольных бассейнов страны. Обсуждались вопросы о выполнении постановления правительства № 608. Совещание проходило бурно. Шахтёры возмущались тем, что правительство не держит слово и свои обещания не выполняет. Но в конце концов пришли к выводу, что некоторые сроки не реальны, что "надо дать правительству нормально организовать дело". [73] СРКК представлял на совещании Авалиани). Вывод совещания не устроил делегатов 4-й конференции рабочих комитетов Кузбасса.

Любопытно, что на этот раз чиновничество Кузбасса оценило ситуацию без паники и драматизма. 20 ноября на бюро обкома КПСС

обсуждали итоги конференции. В выступлениях секретарей обкома Р.С.Лоскутова и В.А.Лебедева, участвовавших в работе конференции в качестве приглашенных, центральной была мысль о том, что ничего особого не произошло. Они, мол, добиваются того же, что и мы - слома командно-административной системы, обновления социализма. Правда, Пчелинцев (КГБ) пытался предостеречь своих товарищей от излишнего оптимизма. Он считал, что "не надо принижать опасность принятого решения". [74]

Срыв октябрьской попытки силового давления, видимо, чему-то научил руководство Кузбасса, и оно уже не пыталось применять его в связи с конференцией. На этом бюро насильственные интонации звучали в выступлении, кажется, только одного заведующего сельскохозяйственным отделом обкома КПСС. С одной стороны, он наивно призвал не считать новокузнецкий форум конференцией трудящихся на том основании, что там не было крестьянства (из 535 чел. только 4 - были из села). С другой - он фактически призвал к исключению из партии коммунистов - участников конференции (таковых было 55 чел.), так как это, по его мнению, "отход от партийных принципов" и, что, мол, "надо размежеваться и сказать, кто есть кто. Потому, что нельзя сидеть на двух стульях..." [75] Предложение этого ответственного коммуниста носило "расстрельный" характер для участников конференции из среды инженерно-технических работников или тех же обществоведов. Шёл пока ещё 1989 г., и потеря партийного билета тогда автоматически вела к свёртыванию, служебной карьеры. А обществоведам вообще пришлось бы менять профессию. Почти 16% состава конференции были представителями интеллигенции и могли попасть под предлагаемые репрессии.

А.Г.Мельников, в отличие от своих коллег по партийному аппарату, лично сам много работал с лидерами рабочего движения. Он знал высокую им цену. Поэтому, председательствуя на том бюро, жестко и однозначно подвёл черту под предложением об исключении участников конференции из партии, заявив: "Участие коммунистов в рабочем движении оправдано." Слова Лоскутова о необходимости "разбомбить" докладчика по Программному заявлению прозвучали лишь пожеланием идеологическому отделу провести теоретические "разборки". Правда, они так и не состоялись, видимо, из-за отсутствия контраргументов. По-большевистски, прямолинейно и упрощенно оценил конференцию председатель областного совета ветеранов В.Н.Галкин (бывший первый секретарь Кемеровского ГК КПСС). "От конференции тягостное впечатление, - сказал он, - верх взяли горлохваты". [76]

Через несколько дней, 24 ноября, пленум Кемеровского обкома партии специально обсудил вопрос о рабочем движении. [77] Пленум утвердил линию на сотрудничество с рабочими комитетами. Таким образом, руководители Кузбасса ещё осенью 1989 г. созрели до понимания того, что силовые методы бесперспективны. Руководители же страны ещё долго не могли понять этой истины, организовав в январе 1990 г. вооруженный

конфликт с народом в Баку, в январе 1991 г. - с народом в Вильнюсе, в августе 1991 г. - с народом всей страны.

Отказавшись от силового противоборства с рабочими комитетами, руководители Кузбасса в принципе от борьбы с ними не отказались. Они изменили тактику. "Можно их критиковать, говорил секретарь по идеологии В.А.Лебедев, - но не надо упорствовать.... Рабочие создают бюрократический аппарат. На этом и погорят. "Союза" не создано. Была лишь декларация. Прессе следует снизить информацию по этому движению".

Эта тактика отказа от открытой конфронтации с рабочим движением, которой обком КПСС придерживался до лета 1990 г., свидетельствовала о том, что в Кузбассе под влиянием рабочего движения формировался новый тип руководителя. Руководителя, ориентирующегося не на строчку партийной директивы, а на реальную политическую жизнь. Иными словами, руководители Кузбасса стали превращаться из кабинетных партийных чиновников в политических деятелей. Такого тогда не наблюдалось в других регионах страны. Это заметили, как "вверху", так и "внизу". Л.Г. Мельникова скоро "заберут" в Москву на пост секретаря ЦК коммунистической партии России. А В.Л.Лебедева летом 1990 г. на областной партийной конференции изгонят из секретарей обкома, поставив ему в вину отсутствие жесткого партийного контроля за прессой, склонность к политическим компромиссам. Логика политических событий приведёт его в 1991 г. в демократический лагерь, где он станет довольно заметной фигурой.

Трудно переоценить значение 4 конференции рабочих комитетов Кузбасса. Она стала свидетельством количественного и качественного роста рабочего движения, которое по сути дела превращалось в широкое общественное движение с участием не только шахтёров, но и трудящихся других отраслей народного хозяйства, интеллигенции, молодежи и даже пенсионеров.

Представительство на конференции говорит о многом. Если на сентябрьской конференции участвовало 80 делегатов и 60 приглашенных, то на этой конференции - 447 делегатов и более 80 приглашенных, не считая представителей прессы от 28 журналов, газет, радио и телевидения СССР и 8 зарубежных информационных агентств (Австрии, Голландии, Испании, США). [78]

Особое значение имело то, что в Кузбассе был создан прецедент формирования легальной партии, оппозиционной КПСС. Ещё какие-нибудь 3-4 месяца назад о таком и подумать-то было страшно. Теперь это стало реальностью. Такое событие не могло не отразиться на политической ситуации во всём СССР, на характере возникающих в некоторых регионах демократических движений (которых движениями можно было тогда называть с большой долей условности). Можно ли это кузбасское событие связывать с начавшимися в ноябре "нежными революциями" в социалистических странах Восточной Европы? Для ответа на этот вопрос требуются специальные исследования. Но на факт совпадения по времени этих событий нельзя не обратить внимания. В июле 1989 г. отсутствие танков

против шахтёров можно было объяснить экономическим характером забастовки. Но теперь-то рабочее движение Кузбасса замахивалось на святая святых социалистической системы - политическую монополию коммунистической партии! В ответ такая же, как и в июле, реакция - без танков. Какие же ещё нужны подтверждения кризиса власти в СССР, кризиса "верхов", которые уже не могли опираться на прежние силовые методы? Чего же было ждать народам социалистических стран? Какого более благоприятного, чем этот, момента? Состоялся эффект домино. Кузбасс свалил первую фишку, а та механически увлекла за собой все остальные.

Любой процесс, любое явление имеют первоначало. В крахе мировой социалистической системы таким началом, судя по всему, оказался Кузбасс. Перефразируя поэта В.С.Высоцкого, А.Б. Асланиди говорил через пять лет: "Шахтёры Кузбасса вышли из повиновения и рванули за флажки. Вслед за ними пошли журналисты. А потом - остальные."

Однако, чтобы дозреть до понимания бесперспективности улучшения социализма, рабочему движению Кузбасса потребовались ещё полгода, общественному движению страны - почти два года (до августа 1991 г.).

Сказать, что после 4 конференции рабочее движение Кузбасса встало на позиции политической борьбы, было бы преувеличением, искажением исторической действительности. Анализ документов рабочего движения показывает, что не политическая борьба, а выполнение "Протокола" по-прежнему составляло основное содержание их деятельности. В рабочих комитетах по-прежнему "искали правду" как отдельные лица, так и целые коллективы. Рабочим комитетам стоило лишь позвонить по делу об очередной несправедливости, как чиновники почти тут же находили удовлетворительное решение. Чем только не приходилось заниматься рабочим комитетам! И восстановлением незаконно уволенных, и обеспечением медикаментами и аппаратурой больниц и аптек, и контролем за правильностью продажи автомобилей, и организацией вывоза угля с затоваренных складов шахт, и поддержкой артистов областной филармонии и т.п..

Вот как работал, к примеру, единственный в металлургической промышленности освобожденный рабочий комитет Западно-Сибирского металлургического комбината. По рассказу его членов Н.Машиной и В.Потапенко (всего было 15 членов и 5 кандидатов) рабочий комитет воспрепятствовал строительству экологически опасного завода по утилизации отходов в д. Кругленькое; настоял на проведении углубленного медицинского осмотра рабочих завода силами Свердловского научного медицинского центра (свою медслужбу считали "карманной"); добился разработки научной методики по определению коэффициента социально-экономической компенсации из-за жизни в экологически неблагоприятном регионе и др. [79]

Условно можно сказать, что рабочие комитеты выполняли роль мирового судьи, который в дореволюционное время без особых процедур, формальностей и волокиты рассматривал мелкие и средние дела, чаще всего

бытовые. Как у мирового судьи, так и у рабочих комитетов главной задачей было не наказание обидчика, а поиск разрешения конфликта, примирение сторон. Правда, за мировым судьей царской России стоял Закон, определивший ему полномочия, за рабочими комитетами - лишь собственный авторитет и боязнь чиновников обострить отношения с шахтёрами. Приходится немало удивляться - почему? и восхищаться тому!, что лидеры рабочих комитетов смогли пройти по тончайшей грани, сорвавшись с которой можно было явить Кузбассу новое издание большевистских всезнаек, в кожаных куртках и с маузерами. Хотя именно в большевизме их часто пытались обвинить идеологи КПСС, среди которых особенно выделялся своей некорректностью, непрофессионализмом профессор из Кемеровского университета С.Рябых. [80]

Сдержанность поведения, продуманность действий, крайняя осторожность в противостоянии государственным структурам, готовность к сотрудничеству с ними характеризует рабочих лидеров как до 4-й конференции, так и после неё. Это видно хотя бы на примере их реакции на забастовку воркутинских шахтёров, которая шла с 25 октября. В отличие от кузбассовцев, воркутинцы ещё в июле параду с экономическими требованиями выдвинули и политические. В октябрьско-ноябрьской забастовке пять своих прежних политических требований дополнили ещё четырьмя (всего их было - 14), среди которых оказались: "Отмена ст.6 Конституции СССР", "Уход правительства в отставку", "Отмена помощи братским тоталитарным режимам". [81]

На 4-й конференции рабочих комитетов Кузбасса представителе воркутинцев Сергей Мосолович пытался добиться поддержки в форме объявления кузбассовцами забастовки. Однако делегаты ограничились лишь телеграммой Н.И.Рыжкову с предупреждением о возможности забастовки солидарности, потребовали снятия ареста со счёта стачечного комитета Воркуты и восстановления его статуса, а также устранения информационной блокады. В ответ на телеграмму воркутинцев с просьбой об организации забастовки Совет рабочих комитетов Кузбасса на словах выразил эту поддержку, но просил шахтёров Воркуты, Инты "проявлять ответственность, осторожность, взвешенность, не давать поводов для дискредитации рабочего движения страны". [82]

С 28 ноября по 4 декабря в Воркуте находилась делегация СРКК во главе с Ю.Герольдом. В отчёте этой делегации, одобренной расширенным СРКК, были не только нотки неодобрения, но и фактически прямого осуждения воркутинцев за их нежелание искать иных форм борьбы, кроме забастовок, несвоевременность политических требований, сотрудничество с Российским народным фронтом и партией Демократический Союз (ДС).

Ещё в декабре лидеры рабочего движения Кузбасса, таким образом, не принимали того, чем сами займутся через месяц - другой, что составит главное содержание их борьбы с весны 1990 г. до падения тоталитарного режима. В то время они не желали острой политической конфронтации с властью, надеялись на возможность компромиссного диалога с нею. Вполне

вероятно, что они тогда ещё не были морально готовы к радикальным политическим требованиям. Об этом косвенно, но вполне красноречиво, говорит одна маленькая деталь. На "Комментарии обкома КПСС к Программному заявлению и Уставу "Союза Трудящихся Кузбасса", в том месте, где делается вывод о переходе рабочего движения к борьбе с КПСС, Вячеслав Голиков, ставший к тому времени одной из ключевых фигур в СРКК, написал: "Враньё." Видимо, его внутренний голос возмутился этой "напраслине", точно подмеченной безымянным автором "Комментария", и рука непроизвольно зафиксировала это возмущение. [83] Стенограммы заседаний как регионального, так и городских рабочих комитетов [84] неопровержимо свидетельствуют, что у подавляющего большинства лидеров рабочего движения Кузбасса тогда не было осознанного стремления к политической борьбе на конфронтационной основе.

Однако политикой они, разумеется, занимались и тогда. Чем же тогда можно назвать их деятельность, скажем, по участию в выборах народных депутатов РСФСР и местных Советов, или борьбе с властями по изданию газеты рабочего движения?

Ещё на сентябрьской своей конференции рабочие комитеты приняли решение об участии в выборах. В начале декабря в региональном и городских рабочих комитетах состоялись заседания по выработке стратегии и тактики в выборной кампании. При этом далеко не все участники движения разделяли мнение о необходимости участия в выборах. Многие считали, что правильнее будет не связывать себя участием во властных органах, тем самым отвечая перед народом за их несправедную политику. Надо, мол, находиться в оппозиции и доживать от власти улучшения положения трудящихся.

И хотя рабочие комитеты приняли решение об участии в борьбе за депутатские мандаты советов всех уровней - от республиканского до сельского, тенденция уходить в оппозицию к власти у них осталась. В частности, эти настроения возобладали на первой сессии областного Совета народных депутатов в мае 1990 г., когда фракция депутатов на платформе рабочих комитетов отказалась возглавить депутатские комиссии и войти в состав президиума Совета. Тем самым, по их мнению, они дистанцировались от той линии, которой будет придерживаться руководство Совета, почти на 100% состоящее из коммунистов.

В начале декабря Совет рабочих комитетов Кузбасса разработал критерии к личности кандидата в депутаты от рабочего движения. Кандидат, говорилось в рекомендациях, должен обладать организаторскими и ораторскими способностями, но не должен "быть болтуном", разбираться в экономических вопросах, иметь спокойный характер и настойчивость в достижении цели, ничем не быть скомпрометированным. Городским рабочим комитетам советовалось не обольщаться тем, что их кандидат "явно победит", что надо вести борьбу "до последнего дня". [85] (Настроения повышенного оптимизма среди них действительно были в силу исключительной популярности рабочих комитетов).

Была разработана довольно чёткая система проведения компании по выдвижению кандидатов и их доверенных лиц, выступлениям в печати, на радио, телевидении, на собраниях избирателей. Понимали они и необходимость контроля на избирательных участках, особенно в день выборов.

Не трудно было догадаться, что участковые избирательные комиссии, сформированные горкомами и райкомами КПСС, не упустят возможности "завалить" кандидата от рабочих комитетов. Такая опасность сохранялась даже на выборах Президента России в июне 1991 г., референдумах 1992 и 1993 г. и даже на выборах в областное Законодательное собрание в марте 1994 г. Уж больно несовершенной была процедура голосования и подсчёта голосов, при которой не составляло особого труда сбросить в урну нужные бюллетени. Тем более, что участковые избирательные комиссии состояли в основном из тех же лиц, что и в 1989 г.

Интересна статистика по кандидатам в депутаты в областной Совет'. По данным на 2 января 1990 г. в него было выдвинуто 63 кандидата (на 250 мест) от рабочего движения. Среди них 55,6% оказались коммунистами. Подавляющее большинство - были образованными людьми с дипломами вузов (46%) и техникумов (36,7%). По возрасту - в основном люди самого энергичного жизненного периода: 65,1% - от 30 до 40 лет. То есть это были те, кто родился в конце 40-х - 50-е годы, те, чьё детство и юность попали на период ослабления жестокости сталинского тоталитаризма. Это была как раз та возрастная группа, которая составляла основу шахтёрского движения. (Среди его лидеров только двое - Т.Г.Авалиани и А.И.Синцов были в возрасте более 55 лет). По социальному положению среди кандидатов в депутаты выделялись три группы: рабочие - 44%, инженерно-технические работники - 22% и журналисты - 13%. Остальные: крестьяне - 2%, пенсионеры - 2 чел., творческие работники - 4 чел., 2 председателя профкома и 1 безработный. [86] Последующие выдвижения кандидатов в депутаты в целом данной картины качественно не изменили.

Было бы большим преувеличением считать, что рабочим комитетам блестяще удалась избирательная компания. Они не смогли выставить своих кандидатов по всем избирательным округам как в республиканский, так и местные Советы. Из 20 округов по выборам в республиканский Совет только в 11 они имели свои кандидатуры. Причём в одном из них (45 национально-территориальном) от рабочих комитетов было выставлено сразу две кандидатуры - Ю.И.Чуньков и М.Б.Кислюк (прошёл Кислюк). Из 250 избирательных округов в областной Совет - только по 100 округам шли от рабочих комитетов. По выборам в городские Советы их кандидатов было ещё меньше, совсем мало - в районные и ни одного - в сельские. [87] По Ленинску-Кузнецкому, например, на 111 депутатских мест от рабочих комитетов было выдвинуто всего 11 чел. (прошло трое). [88]

Во время предвыборной компании рабочим комитетам порой не удавалось скоординировать свои действия, подняться выше сиюминутных разногласий. Так, Прокопьевский рабочий комитет в решающий момент

отказал в поддержке своему выдвиженцу М.П.Анохину и объявил о поддержке начальника политотдела горотдела милиции В.П.Баловнева. Прошёл Баловнев, который, став депутатом республиканского и областного Советов, придерживался в том и другом коммунистической фракции. Демократы этих Советов лишились активного- и умного политика, каковым зарекомендовал себя Михаил Петрович.

Строго говоря, рабочие комитеты довольно слабо вели агитационную работу. Во всяком случае, они не смогли противостоять мощнейшей деятельности КПСС, с её отлично организованным аппаратом, колоссальными материальными средствами, широкими возможностями работы через парткомы, профкомы и администрацию на каждом предприятии.

К тому же в это время рабочие комитеты на предприятиях самораспустились. А членов регионального и городских рабочих комитетов в численном отношении было явно недостаточно. Сложилась ситуация, которую Леонид Абрамович Гордон в интервью Вере Карзовой определил, как угрозу "потерять связь между генералами и армией". [89] На выборах 1990 г. этот "генеральский синдром" проявился как тенденция, а в 1991 г. Как до политической забастовки, так и после неё (но не во время самой забастовки) он стал явлением. Это, собственно говоря, и определило дальнейшую политическую судьбу рабочего движения Кузбасса.

Однако не надо удивляться, что при недостаточной организационной и агитационной работе (вот где интеллигенция могла сказать своё слово, но она предпочла отсидеться "на кухне"), многие кандидаты от рабочего движения всё-таки победили на выборах. В областной Совет из 100 кандидатов прошли - 33. В республиканский Совет народ проголосовал в основном за рабочих выдвиженцев (там, где они были, за исключением Белова, Ленинска, Киселёвска и отчасти Кемерово). Сказалось то, что авторитет рабочих комитетов в народе, без преувеличения, тогда был весьма высок. Пожалуй, уместно говорить даже о любви к ним. Красноречива в этом плане телеграмма прокопьевских ветеранов Мельникову 26 октября во время попытки силового давления на рабочие комитеты. "Не смейте трогать родные рабочие комитеты ...", - говорилось в ней. Слово "родные", как нельзя точнее. Передаёт эмоциональную характеристику взаимоотношения кузбассовцев и рабочих комитетов.

Принадлежность к рабочим комитетам была практически пропуском в депутаты. Строго говоря, у кандидатов от рабочего движения главной задачей было донести свою фамилию до избирателей, увязав её с рабочими комитетами. Этого было почти достаточно, чтобы избиратели даже и не вникали в суть его предвыборной программы. На тех выборах (как, впрочем, и позднее) люди голосовали "за хорошего человека", не особенно интересуясь его политическими взглядами и тем более практическим умением. А "хорошие люди" прочно ассоциировались с рабочими комитетами.

Это отлично понимали и в партийных органах, пропагандируя несуществовавшую связь своих ставленников с рабочими комитетами. Не было, пожалуй, ни одного кандидата, в том числе из парт-сов-хоз-профноменклатуры, которые бы не "клялись" избирателями в своей любви к рабочим комитетам. В этом потоке клятв неискнутому советскому избирателю трудно было выделить фамилию истинных представителей рабочего движения.

Стоит ли удивляться, что коммунистом удалось победить на выборах. Из 111 депутатов городского Совета Ленинска-Кузнецкого 73% были коммунистами, из 183 депутатов Прокопьевска их было 70%. Областной Совет на 80% тоже оказался коммунистическим. Мало того, партийным органам удалось сделать так, что довольно значительное число депутатов от рабочего движения вошло не в демократические, а в коммунистические фракции Советов. Например, Прокопьевскому рабочему комитету удалось провести двух своих кандидатов в депутаты России. Но оба они (Маханов и Баловнев) поддерживали коммунистическую фракцию. В областной Совет прокопчанам удалось провести только А.Д.Арыкова, но он с первых дней работы в Совете стал проводить чуждую рабочему движению линию. Из прокопьевских депутатов единственным исключением оказался Ю.Л.Рудольф, который сразу же вошёл во фракцию рабочих комитетов и активно работал в ней.

Случайно ли, что от Прокопьевска не прошла в депутаты, например, Галина Николаевна Снытко, чью работу как юриста в составе рабочих комитетов трудно переоценить, чьё имя как последовательного и профессионально грамотного консультанта рабочих комитетов было известно даже в правительственных сферах? Случайно ли, что по Прокопьевску не прошёл пенсионер М.А.Смакотин, который, в отличие от подавляющего большинства своих сверстников, был последовательным демократом и даже создал альтернативный Совет ветеранов войны и труда (альтернативный коммунистическому)?

Нет! Случайность - это редкость, тем более в политике. На историю с прокопьевскими депутатами, видимо, оказала влияние деятельность председателя прокопьевского рабочего комитета Владимира Ильича Маханова. Выступая на заседаниях рабочего комитета, общаясь с окружающими, он создавал о себе впечатление исключительно уверенного человека, лучше других знающего истину. Говорил горячо, напористо, непримиримо (даже яростно), когда речь шла о властных структурах. Интонации речи были всегда обличительными. Словом, укладывался в портрет "своего парня". Но на деле "своим" он оказался для КПСС. Можно, конечно, допустить, что прошло время, и у человека изменились взгляды. Но надо вспомнить и то его выступление на июльском 1989 г. бюро горкома партии, где он почти открытым текстом сознался в идейной принадлежности к кругу партийной элиты Прокопьевска. [90] С его уходом и рабочего комитета (в Верховный Совет РСФСР) линия рабочего движения Прокопьевска стала более выраженной по отношению к структурам власти.

Прокопчане станут активными участниками политических забастовок, акций поддержки реформаторской линии российского руководства в постсоциалистическое время.

При всей демократической сущности рабочих комитетов от позиции их председателя очень многое зависело в определении стратегии и тактики, в практической каждодневной черновой работе. Сказывался менталитет советского человека, приученного видеть в любом руководителе вождя или поводыря. Избирательная кампания, проведенная Прокопьевским рабочим комитетом, - тому подтверждение. То же самое произошло и в Кемеровском городском рабочем комитете во главе с Михайлецом, который и сам (и республиканском Совете), и те, кто прошёл в областной (А.И. Евсюков, Ю.Л.Нестеров), активно сотрудничали с коммунистами и их борьбе с демократическими фракциями. Журналисты А.Г. Колпаков, В.Б. Попок, М.А. Лобанова, Д.М. Шагиахметов и врач Б.М. Залоев, фигурировавшие в списках от рабочих комитетов по Кемерову не в счёт. [91] Речь идёт о членах городского рабочего комитета.

Результаты избирательной кампании были бы, видимо, ещё менее благоприятными для демократии в России и Кузбассе, если бы не три следующих обстоятельства. Обстоятельство первое. Несколько рабочих комитетов (Новокузнецкий, Березовский, Междуреченский) сумели в значительной степени противостоять партийным органам и добиться неплохих результатов. Их депутаты в республиканском, областном и городских Советах (Ю.И. Шихарев, Б.Л. Денисенко, А.Ф. Бир, В.В.Киселёв, Ю.Л.Герольд, Г.К.Никулин, Н.Д.Степанова, В.М. Голиков, М.Б.Кислюк, П.Н.Метелица, С.Г.Ластушкин, Р.Ф.Вахитов, Ю.В.Комаров, Н.П. Очередной, А.Ю.Колесников, И.С.Кожуховский, А.А.Овчинников, А.Н. Калабин и др.) с самого начала заняли демократические позиции.

Обстоятельство второе. В городские и областной Советы прошла достаточно большая группа демократически настроенных людей, которые вели предвыборную борьбу самостоятельно, независимо от рабочих комитетов.

И, наконец, обстоятельство третье. Как уже говорилось, в Кузбассе работала группа честных журналистов, которые, несмотря на давление со стороны партийных органов, оказали колоссальную помощь рабочему движению в избирательной кампании (собственно, сами они были частью этого движения). Так сложилось (и это тоже не случайно), что демократически настроенные журналисты были, как на подбор, мастерами своего дела. Они были авторитетны, к их слову в народе прислушивались. В середине февраля, в разгар избирательной кампании, А.Г.Тулеев "бушевал" на пленуме в связи с нерасторопностью идеологического отдела обкома партии. Он говорил: "А кто главный идеолог области? - "Пульс", Колпаков ... Что он скажет, то и будет. Команда талантливая подобралась. И народ их слушает. Идёт фильм "Золотой телёнок". Ребятишки хотят фильм смотреть, а родители - "Пульс". Вот где идеология. ... Ставьте его тогда секретарём и пусть руководит всей идеологией, раз у самих ума не хватает". [92] Лидеры

рабочего движения с самого начала отлично понимали значение журналистов в своей борьбе. Через них они пропагандировали свои действия, делая, таким образом, кузбассовцев соучастниками своего движения. Через них они говорили с народом. Через них они проводили политику давления на властные структуры. Не случайно в списке кандидатов от рабочих комитетов оказалось столько много журналистов. Кроме уже перечисленных здесь были: А.В.Сорокин, А.Ф.Гусев, О.С.Щукина, И.В.Збронжко.

Но в условиях подконтрольности всех средств массовой информации органам КПСС возможности журналистов были весьма ограниченные. Иные материалы публиковались с такими сокращениями или с таким опозданием, что утрачивали актуальность. Особенно отличалась, в этом отношении газета обкома КПСС "Кузбасс", которая была в то время самым массовым областным периодическим изданием. Редактор Л.В. Трутнев и его заместитель П. М. Бугаев похоже и без подсказки товарищей из обкома хорошо знали своё партийное дело. Неоднократно рабочим комитетам приходилось упрекать эту газету в односторонности и необъективности в освещении материалов рабочего движения. Другая областная газета "Комсомолец Кузбасса" довольно охотно публиковала эти материалы. Но тираж её в пору директивного распространения подписки был невелик. А рабочим комитетам нужна была большая аудитория.

Поэтому лидеры рабочего движения настойчиво добивались права на издание своей газеты. Ещё осенью 1989 г. всего за один месяц постзабастовочного существования, они на собственном опыте убедились в справедливости слов классика о том, что газета является агитатором, пропагандистом и организатором масс.

1 сентября 1989 г. они обратились к высшему руководству страны с телеграммой, в которой настаивали на открытии "собственного печатного издания". Через несколько дней (5 сентября) 3 конференция рабочих комитетов Кузбасса обязала региональный рабочий комитет "принять меры к изданию газеты". В конце сентября рабочие комитеты организовали кампанию в поддержку своей идеи. Пошёл исток писем и денежных средств (от нескольких рублей, вложенных в конверт, до тысячи рублей отчислений предприятиями). Письма поддержки с десятками подписей шли как от шахтёров, так и строителей, химиков, металлургов, домохозяек, пенсионеров и др. По ним можно судить о широкой социальной базе рабочих комитетов, которая тогда не замыкалась на одних только шахтёрах. [93] Пожалуй, наиболее характерная эмоциональная окраска, свидетельствующая об отношении к рабочим комитетам, содержится в заявлении журналистки Надежды Степановой. Предлагая зарождающейся газете свои профессиональные услуги, она написала: "Всем сердцем разделяю цели и задачи рабочего движения". [94] Эта фраза сфокусировала всю гамму чувств порядочных людей в отношении к рабочему движению Кузбасса.

28 сентября 1989 г. на бюро обкома КПСС обсуждалось ходатайство рабочих комитетов об открытии газеты. Как и следовало ожидать члены бюро нашли "убедительные" аргументы, чтобы ее не открывать: "Сначала

дайте Устав и Программу "Союза трудящихся Кузбасса"; "12 газет ждут открытия"; "Кузбасс" читают миллионы, а вашу газету будут читать несколько групп, значит она будет карманной"; "В проектах названий "Трудовой Кузбасс", "Искра", "Подснежник" - двойной смысл"; "Надо использовать нашу партийную прессу"; "Вопрос преждевременный". [95]

О взаимоотношениях, сложившихся между партийным руководством и журналистами, весьма красноречиво говорит встреча членов бюро обкома КПСС с работниками средств массовой информации, состоявшаяся 12 октября 1989 г. Одним из ключевых и характерных на ней было выступление профессора Н.П.Шуранова. Ссылаясь на Ленина, профессор поучал журналистов, что они-де не должны увлекаться критической направленностью и "в целом должны увлечь людей положительно", что им надо "прежде всего повесить свой идейно-теоретический уровень", что "плюрализм следует понимать, как плюрализм социалистический и никакого капитализма". И вообще, заключил он: "Что касается вольной прессы, о которой вы мечтаете, я думаю, вы должны быть всё-таки партийной прессой." Это выступление как нельзя более точно отразило выработанную десятилетиями практику подчиненности прессы.

Человеком, который "ни в чём, никогда не сомневался, ... всё знает наперёд - кому как жить, кому что думать, кому что говорить, как себя вести", назвал профессора один из участников той встречи.

Но, как выяснилось, не всем и журналистам нужна была свободная пресса. Во всяком случае, именно так, видимо, надо понимать журналиста А. Каретина, заявившего, что рабочая газета - это "мина под наше будущее". [96] Справедливости ради, следует заметить, что Каретин журналистом стал совсем недавно, будучи до этого профессиональным комсомольским, а затем партийным работником.

"Дальновидность" обкома партии в недопущении газеты рабочего движения вскоре оправдалась. Готовясь к очередной (4 -й) конференции, рабочие комитеты не смогли опубликовать для обсуждения проекты материалов. Как не смогли опубликовать и сами документы состоявшейся конференции. Это создало, как писала "Сибирская газета", значительные трудности, так как многие делегаты ознакомились с проектами документов лишь на самой конференции. [97]

Из документов обкома партии не видно, что идея создания рабочими комитетами газеты воспринималась там серьезно. Судя по всему, этот вопрос воспринимался скорее в политической плоскости, чем в практической. Не было ещё прецедента свободного издания во всём социалистическом лагере (кроме Польши). О каком свободном издании могла идти речь, когда вся полиграфическая база была в руках КПСС? Стоило только позвонить..., и судьба любого печатного листка (даже тетрадного, со сводкой погоды) была предрешена. А бумага? А деньги на издание? А "Союзпечать" для распространения? В обкоме знали, что даже из секретарского кабинета эти вопросы состыковать было далеко не просто.

Однако рабочие комитеты, несмотря на свой младенческий возраст, повели себя в этом вопросе (как, впрочем, и во многих других) удивительно настойчиво и политически профессионально. К отказам они были, по всему видно, готовы, воспринимали их как естественную реакцию, но шаг за шагом продвигались к своей цели.

А.В.Асланиди, Л.А.Белов, Ю.Л.Герольд, которым 3-я конференция поручила подготовительную работу к изданию газеты, уже к середине ноября провели переговоры с десятками журналистов на предмет сотрудничества с газетой рабочего движения. С 26 из них были подписаны соответствующие договоры. Было найдено помещение для редакции. Заручились поддержкой Кемеровского и Новокузнецкого полиграфкомбинатов. Заключен договор на поставку 260 т. газетной бумаги. [98] О том, что рабочие комитеты были организационно готовы к выпуску своей газеты ещё в ноябре 1989 г., говорит тот факт, что материалы 4-й конференции они без труда, а главное - добротной и оперативно опубликовали в специальном выпуске на двух полнотражных газетных листах (ответственный за выпуск Дмитрий Маратович Шагиахметов).

29 ноября 1989 г. рабочие комитеты вновь обратились в ЦК КПСС с письмом о трудностях с публикациями материалов рабочего движения в партийных изданиях. По их мнению, это шло "вразрез с провозглашенным на последнем пленуме обкома КПСС призывом к консолидации и сотрудничеству областной парторганизации с рабочим движением". [99]

Письмо это, похоже, было своеобразной политической подстраховкой. Ибо накануне, 28 ноября, расширенный СРКК принял решение об издании явочным порядком первого номера своей газеты, выделив на эти цели. 1 тыс. рублей. Формально этот номер значился как информационный бюллетень, и на него было получено разрешение Л.Г. Мельникова.

11 декабря "информационный бюллетень" вышел, заняв всю газетную площадь многотиражки завода "Карболит", носившей название "Химик" (редактор Алла Ивановна Голованова). 20 декабря) вышел следующий номер (N 0-2) на газетных площадях уже другой многотиражки - "Строитель". Затем был - "Железнодорожник Кузбасса", потом - "За большую химию". В рабочих комитетах шутили: "Многотиражки выстроились в очередь за право выпуска "информационного бюллетеня".

Это была необычная по тем временам газета. Долгое время её делали фактически три журналиста - Д.Шагиахметов, В.Попок, В.Шишватов. От рабочих комитетов организаторами выступали сначала А.Асланиди и А. Белов, затем - один А.Асланиди, который через несколько лет станет её исполнительным директором.

Газета была нестандартной как по форме, так и содержанию. Даже язык статей был непривычен советскому читателю, воспитанному на газетных штампах. Она тут же стала массовой. Тираж достиг 60 тыс. экземпляров. Несмотря на то, что её цена была в 4 раза выше других газет, (держались-то без дотаций), она мигом раскупалась. Каждый её экземпляр по прочтению передавался коллегам, знакомым, соседям и т.п. Сначала газету

распространяли сами активисты рабочего движения, затем заключили соответствующий договор на продажу её через киоски "Союзпечати". "...Люди за этой газетой в очередь стояли, как за водкой", - с раздражением и упрёком обкомовским идеологам говорил А.Г.Тулеев в феврале 1990 г. [100] (Водка тогда продавалась по талонам всего в нескольких магазинах даже крупных городов. Величина- очередей и эмоциональный настрой в них были соответствующими).

Без большого преувеличения можно сказать, что газета стала любимой в народе. Как были любимы в то время еженедельная газета "Московские новости" и журнал "Огонёк". Потому-то редакторы очень скоро нашли ей блестящее по смыслу название "Наша газета".

Однако только 9 февраля 1990 г. обком партии, наконец-то, дал официальное разрешение на её выпуск, сделав, таким образом, Нашу газету" первым во всём Советском Союзе легальным, массовым, оппозиционным периодическим изданием. Сначала "НГ" выходила раз в неделю, затем - 2 раза, а с июля 1991 г. - 3 раза. Кроме кузбассовцев её подписчиками стали жители более 400 населённых пунктов СССР, посольства всех крупных стран в Москве, частные граждане, живущие в США, Канаде, Австрии, Австралии, Франции, ФРГ и др. Даже когда в СССР газетный бум упал, "НГ" продолжала долгое время оставаться самой массовой газетой Кузбасса.

В статье под заголовком "Так и победим!" (от 13 февраля 1990 г.) соредакторы газеты Д.Шагиахметов, В.Шишватов и В. Попок писали: "Мы победили не только Мельникова, Лютенко, Ленского и других членов обкома, долго тянувших с разрешением. ... Мы победили вчерашние представления, стереотипы, собственный вчерашний страх."

С первых дней существования "НГ" её соредакторы установили совершенно нетрадиционные отношения со своим издателем - рабочими комитетами, чьим органом была газета как будто бы должна быть. В соответствии с ленинскими принципами партийной литературы, высказанными Владимиром Ильичем ещё в 1905 г., в Советском Союзе сложилась практика жесткого подчинения редакции своему издателю, обычно - партийному комитету. Этот стереотип был сломан. Никакого диктата со стороны рабочих комитетов не наблюдалось по поводу "что писать" или "как писать" (хотя поползновения со стороны отдельных людей были). Никаких "вызовов на ковёр". Было сотрудничество сторон. Творческое и доверительное. Содержание материалов являлось полной прерогативой редакции. Лишь в постсоциалистическое время подобные отношения стали обычной практикой в работе периодических изданий. Но это будет дотом. Редакция "Нашей газеты" была первой, кто имел возможность работать в "оранжерейных" условиях отсутствия не только идеологической цензуры со стороны властей, но и командных окриков со сторону издателя.

Соредакторы, разумеется, допускали и просчёты. Тон статей был порой жестковатый и даже грубый, а иногда непозволительно вольный. В газете почти не появлялось статей, с содержанием которых редакция была

несогласной. Газета порой увлекалась критикой одиозных политических фигур Кузбасса, хотя, по правде сказать, они заслуживали и более жесткой критики. Не всегда соблюдалось разумное соотношение негативного и позитивного материала.

И тем не менее, роль "Нашей газеты" в формировании общественного сознания кузбассовцев трудно переоценить. Она помогала им преодолевать идеологические стереотипы, избавляться от навязчивых догм. Прошло несколько лет и выяснилось, что газета стала своеобразной документальной летописью политических событий не только Кузбасса, но и всей страны. Стало понятно, почему её выписывали посольства.

Не вина, а беда её в том, что круг постоянных авторов газеты оказался не столь широким, как можно было предположить, памятуя о роли интеллигенции в жизни общества. За кои веки советская интеллигенция, наконец-то, получила трибуну для общения с народом! Но выяснилось, что интеллигенции сказать народу нечего. Оппозиционность интеллигенции властям, о которой много и с наслаждением говорилось "на кухне" в застойные годы, на деле оказалась лишь модной и красивистой позой. Интеллигенция Кузбасса не понесла в народ через газету (и другими путями тоже) "доброе, вечное". Почему? В чём причина пассивности интеллигенции?

В отсутствии у интеллигенции достаточной образованности для понимания того, что произошло со страной в годы советской власти? Возможно и в этом. Но для категоричность такого суждения требуются специальные исследования. Хотя для принятия такого вывода в качестве гипотезы основания всё-таки есть. Особенно если учесть ностальгические статьи по коммунизму вузовских преподавателей, инженеров и др. в постсоциалистическое время.

Но пассивность интеллигенции в годы борьбы рабочих комитетов против тоталитаризма более всего объяснима, пожалуй, неразвитостью у неё гражданских качеств, её, мягко выражаясь, излишней политической осмотрительностью. Ведь осенью 1991 г., после полного устранения опасности силового возмездия государства за социальную активность, интеллигенция Кузбасса (врачи и учителя) всё же вышла на улицу. Вышла на забастовку за увеличение своей заработной платы. Как будто низкая заработная плата врачей и учителей сложилась после падения режима в августе 1991 г.! Как будто убогая медицина и нищее образование не были родовой чертой советской экономической и политической системы! Интеллигенция, но саркастическому выражению Д.Шагиахметова, "сказала своё веское слово - дай!". Активность интеллигенции после провала августовского путча объяснима только тем, что при демократах стало абсолютно безопасно находиться в открытой активной оппозиции к власти. А то, что их активность коммунисты пытались использовать для возвращения своей партии к власти, врачам и учителям было абсолютно безразлично. Главное- Дай! Почему это "дай" не звучало, скажем, 5-10 лет назад, или, например, во время весенней (1991 г.) политической забастовки? Глядишь, в союзе с шахтёрами всей страны они бы и сумели тогда добиться изменений в

действительно плачевном состоянии здравоохранения и образования. Но тогда было опасно... Иное дело теперь, осенью 1991 г., когда, уж точно, танки против тебя не бросят и даже с работы не уволят.

Зачем нужна была интеллигенция в рабочем движении? Затем, чтобы научить лидеров, движения чему-то такому, чего они не знали? Вряд ли! Во-первых, потому что лидеры движения были, как правило, людьми с дипломами вузов или техникумов и могли разобраться (и разобрались!!), что к чему. Во-вторых, как показывали наблюдения, интеллигенция не в меньшей степени, чем рабочий класс, сама была "зашорена" марксистской идеологией. Ей самой ещё предстояло освободиться от чар социалистического выбора.

В рабочем движении интеллигенция могла иметь собственную нишу, ставить и добиваться решения "своих" проблем - образования, здравоохранения, науки, культуры, спорта, творчества и др. Но главное же состоит в том, что в ходе борьбы за преобразование общества интеллигенция превратилась бы из инфантильного слоя в политически и граждански зрелую часть общества. Не пройдя школы рабочего движения, интеллигенция в политическом отношении оказалась далеко позади парней из забоев. Поэтому и к 1995 г. она не смогла вырасти до борьбы - "За!", предпочитая вести лишь неконструктивную критику. Она так и не нашла своего места в выводе общества, из глубочайшего кризиса. А если учесть, что к тому времени шахтёры вернулись в забои, то тогда станет понятным, почему власть оказалась бесконтрольной со стороны общества.

Интеллигенция сама не прошла покаяния и не подвигла к покаянию всё бывшее советское общество. Неправда, что интеллигенции каяться не в чем, что она была лишь жертвой системы. Интеллигенция сама (как и весь советский народ) была её создателем и хранителем.

Народ обманывался в своём представлении о справедливом социалистическом обществе, но обманывала-то его интеллигенция, создавая шедевры литературы, кино, живописи, скульптуры и пр., прославляющих социалистическую систему. Народ обманывался, веря в счастливое завтра, но обманывали-то его инженеры и техники на предприятиях, регулярно превращаясь после очередного съезда или пленума партии на неделю-другую в старательных партийных пропагандистов, проводя на своих производственных участках политдни, лектории, политинформации и пр. Никаких бы партийных работников не хватило, если бы не бригадиры, мастера, начальники участков, главные инженеры, директора, которые организовывали собрания трудящихся, чтобы "заклеймить фашистского гада Бухарина"(30-е годы); безродных космополитов, сторонников "лженауки" генетики и "продажной девки империализма" кибернетики (40-е годы); Зощенко и Ахматову ... (50-е годы); "абстракционистов и отщепенцев" (60-е годы); диссидентов (70-е годы); "происки мирового империализма в Афганистане" (80-е годы). Словом, каждому поколению советской интеллигенции "есть чем гордиться".

Народ, выросший из детей, воспитал школьный учитель. Он приучал их не рассуждать, не сомневаться в правоте вышестоящего, а доносить на своего товарища - двоечника и хулигана, унижаться до раболепия, добиваясь образцовой (часто палачной) школьной дисциплины. Интеллигенция побежденной Германии (Западной) сумела провести свой народ через глубокое покаяние, через осознание каждым немцем собственной вины в злодеяниях Гитлера. Не проведя народ через покаяние, интеллигенция Восточной Германии (конечно, не одна она) обеспечила на десятилетия режим коммунистической диктатуры. Не пройдя через покаяние, Россия в постсоциалистическое время рискует явить миру установление новой диктатуры.

Покаяние, видимо, может проходить через три стадии: 1. Осознание собственной вины в содеянном в период социализма. 2. Публичное признание этой вины. 3.(самое главное) Практическое исправление содеянного. В 1989-1991 гг. в Кузбассе сложилась уникальная ситуация - осуществить сразу третью стадию покаяния, не теряя времени на первые две. Но этого не случилось. Духовное состояние интеллигенции оказалось таким, что и к 1995 г. она была неспособна встать даже на первую стадию - признание собственной вины перед нацией. И как итог всего этого - выбор, видимо, одного из самых тяжелых путей в реформировании общества.

Своей политической пассивностью интеллигенция фактически поддержала коммунистическую партию в её борьбе за сохранение отжившей системы. КПСС упорно не хотела вести страну по пути реформ, реформ, которые в 1990 г. ещё не выходили за рамки западной социал-демократии. В 1991, в условиях сильной государственной власти радикальное реформирование общества могло протекать не столь болезненно, как случилось потом с 1992 г. Тем более, что власть тогда могла опереться на рабочее движение, обладавшее кредитом доверия народа.

Нет никакого сомнения в том, что рабочие движение стало бы союзником правительства в проведении реформ. Рабочие комитеты Кузбасса ещё в начале 1990 г. предложили даже своеобразный механизм их проведения. Произошло это на переговорах с правительственной комиссией по выполнению "Протокола".

1 января 1990 г. заканчивался срок выполнения большинства пунктов городских и областного "Протокола". 26 декабря 1989 г. состоялось расширенное заседание Совета рабочих комитетов Кузбасса с участием представителей обкома КПСС, облисполкома, облсовпрофа. Было принято совместное обращение к правительству СССР. В нём заявлялось о неудовлетворительном выполнении основных пунктов июльской забастовки (1, 2, 3, 21-22). "Кузбассовцы, - говорилось в обращении, - связывали надежды на вывод края из колониального состояния с утверждением Верховным Советом СССР постановления о переходе Кемеровской области на самоуправление и самофинансирование ..." Однако власти СССР фактически ушли от решения этого вопроса, перепоручив это правительству

РСФСР, у которого явно не хватило полномочий для введения регионального хозрасчета.

На 16 января 1990 г. в Прокопьевске был назначен очередной расширенный СРКК, куда приглашались члены партийно-правительственной комиссии: Н. Слюньков, Л. Воронин, С. Шалаев, подписавшие в июле 1989 г. "Протокол". [101] Причём на визите этих лиц рабочие комитеты настаивают категорически. Других лиц они готовы были признать всего лишь за "гостевых визитёров". [102] По сути дела, планировались переговоры с правительством, на которые приглашались и руководители Кузбасса.

Готовясь к переговорам, рабочие комитеты совместно с областными и городскими партийными, советскими и хозяйственными руководителями тщательно проанализировали итоги выполнения "Протоколов" и достигли принципиального единства в их оценке. Признали, что особых проблем с выполнением Городских "Протоколов" в общем-то не было, поскольку они касались в основном вопросов снабжения города товарами потребления, транспортом, оборудованием и т.п. Иное дело с областным "Протоколом", итоги выполнения которого оставляли желать много лучшего. Для участия в переговорах в качестве консультантов рабочие комитеты пригласили исключительно популярных в то время политиков: историка Юрия Афанасьева, юриста Анатолия Собчака, экономиста Павла Бунича, строителя Николая Травкина (приехал только Травкин). Но основная ставка делалась на собственные силы, на своих местных научных консультантов.

15 января в Доме культуры завода шахтной автоматики г.Прокопьевска состоялась встреча рабочих комитетов, их консультантов, представителей хозяйственных и властных структур с представителями трудовых коллективов. Одним из центральных вопросов было обсуждение постановления Совета Министров РСФСР от 12 декабря 1989 г. "О первоочередных мерах по переводу Кемеровской области на новые условия хозяйствования на основе самоуправления и самофинансирования". С докладом выступил кемеровский профессор-экономист Ю.А. Фридман, участвовавший в разработке этого постановления. Участники встречи пришли к выводу, что это постановление российского правительства абсолютно ничего не изменяло в системе производственных отношений, а значит было пустым. И хотя не было принято никаких резолюций, так как встреча носила ознакомительный характер, этот вывод придал уверенности делегации рабочих комитетов на переговорах с правительственной комиссией.

В ночь с 15 на 16 января в Прокопьевском санатории "Шахтёр", где разместились делегация рабочих комитетов, был разработан проект сценария переговоров. Рабочие понимали, что им предстоит немного - нимало убедить правительственную сторону в необходимости проведения радикальных реформ в стране (а не только в Кузбассе). Потому-то никаких импровизаций в зале переговоров они не хотели. Всё должно быть заранее продумано и оговорено. В целом по тактике и отдельно по каждому пункту "Протокола" они обсудили и записали варианты аргументов и контраргументов. [103]

Договорились, что будут жестко настаивать на самых высоких полномочиях правительственной комиссии. Заранее зная, что никого из подписавших "Протокол" не будет, они намеревались объявить переговоры несостоявшимися и обсудить только отдельные вопросы, входившие в компетенцию прибывших лиц.

16 января в зале Прокопьевского горкома КПСС началось расширенное заседание Совета рабочих комитетов Кузбасса совместно с правительственной комиссией, возглавляемой Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Л.Д. Рябовым. Вёл заседание Ю.Л. Рудольф (Авалиани находился в зале в составе киселёвской делегации). Каждый город был представлен тремя делегатами, Новокузнецк, Кемерово, Прокопьевск - четырьмя, Топки, Юрга - одним. По одному было от Кемеровской железной дороги, Аэрофлота, горноспасательной части. Всего - 51 чел. от рабочих комитетов.

В переговорах участвовали также 13 чел. от обкома КПСС (четверо из них были секретарями), 9 чел. - от облисполкома. Правительственная сторона была представлена 11 чел. от министерства угольной промышленности, 38 чел. - от других министерств и ведомств СССР, РСФСР, ВЦСПС. В основном это были министры, заместители министров, председатели, заместители председателей комитетов. Таким образом, уровень правительственной стороны был очень высоким. Выяснилось, что они были уполномочены решать многие вопросы на месте, без специального разрешения из Москвы.

При таком огромном количестве участников была реальная угроза превращения деловых переговоров в подобие митинга. Однако лидеры рабочих комитетов уже давно приучились вести деловые, а не пустопорожние разговоры. У них выработалось несколько жестких правил, благодаря которым им удавалось избегать демагогии. Во-первых, существовал жесткий регламент - 3 минуты для изложения вопроса, 1 минута для контраргументов. Во-вторых, выступавший был обязан не столько критиковать, сколько выдвигать конструктивные предложения и механизм их реализации. При этом он должен помнить, что внедрять эти предложения придется скорее всего лично ему самому. В-третьих, все должны были избегать пропагандистских штампов и поучений. Иначе считалось выступлением "не по делу". Такого оратора тут же прерывал либо председательствующий, либо возмущенный шум в зале. Все, кто впервые попадал на заседания рабочих комитетов говорили, что попали в непривычный мир.

Не случайно Л.Д. Рябев и другие москвичи отмечали во время переговоров, что лидеры рабочих комитетов были совсем непохожими на июльских. Это были, по их мнению, "умудрённые полугодовой борьбой, знающие характер возможных уловок, просто более грамотные". [104]

Стремясь к деловому обсуждению, учитывая численный перевес чиновников, принимая во внимание небольшую вместительность помещения, делегация рабочих комитетов настояла на том, чтобы в зале переговоров наряду с (Советом рабочих комитетов и их консультантами, членами

президиума (Рудольф, Рябев, Щадов, Лютенко, Романов, Ситников) и прессы находились только представители ведомств, ответственных за выполнение обсуждаемого пункта "Протокола". Любая попытка нарушить этот порядок тут же пресекалась невозмутимым председателем. К нарушителю сразу подходили дежурные из числа рабочкомовцев и вежливо, но настойчиво предлагали ему пройти в соседнее помещение, где находились его коллеги, ожидавшие приглашения на свой вопрос.

Здесь был психологический расчет. Советского чиновника всегда отличала спесь (хорошо скрываемая или явная). Московского - в особенности. У себя в кабинете, а тем более при выезде на периферию, он чувствовал себя царьком, а то и царём. А здесь же, в каком-то заштатном Прокопьевске, вместо привычного "чего изволите-с" - вежливое и деловое - "извольте подождать, пока вас пригласят", а то и вовсе - "извольте выйти ...". Надо было видеть, как коробил москвичей этот порядок переговоров, как понимающе и чуть злорадно улыбались местные чиновники, наблюдая реакцию своих высоких коллег.

Проверив полномочия правительственной комиссии, рабочие комитеты приступили к переговорам. Правда, "своему" министру они выразили недоверие, удовлетворив, однако, просьбу Рябева оставить Щадова в составе делегации в качестве его личного консультанта.

Первые два дня шла дискуссия о выполнении "Протокола". Правительственная комиссия настаивала на версии его успешного выполнения. У кузбасских руководителей вновь, как и в июле 1989 г., появился шанс стать пионерами радикальных реформ в стране. Для этого им надо было "играть" в команде рабочих комитетов. Об этом, собственно, и договаривались на совместном заседании 26 декабря. Однако чиновничьи-корпоративные интересы оказались выше действительно общенародных, с позиций которых, как подтвердила История, выступали лидеры рабочего движения Кузбасса.

14 января социально-экономический отдел обкома партии (А.Н.Челышев, А.И.Копытов) опубликовал в газете "Кузбасс" свой анализ выполнения "Протокола". По сути, это был проправительственный документ, который в рабочих комитетах признали "слишком благодушным, искажающим реальное положение дел". [105]

По мнению делегации Совета рабочих комитетов Кузбасса, мало кого удовлетворили "пожарные меры" правительства. За неделю-другую до прокопьевского заседания оно приняло сразу три постановления по Кузбассу. Причём принимались они республиканским Совмином, у которого явно не хватало полномочий для решения не только вопросов экономической реформы, но и некоторых частных для Кузбасса проблем. Не было достигнуто, считали рабочие комитеты, главного - не предоставлена полная экономическая самостоятельность предприятиям, не начато формирование рыночных отношений. Проведена лишь чисто косметическая реорганизация органов управления угольной промышленностью Кузбасса. Лишь 5 предприятий получили сколько-нибудь приемлемую самостоятельность.

Главная причина такой медлительности в том, говорили члены делегации рабочих комитетов, что министерство угольной промышленности видит в этом процессе начало своего конца. [106]

Не ограничиваясь констатацией факта невыполнения основных пунктов "Протокола", делегация рабочих комитетов предложила проект мер по формированию рыночных отношений. Эти меры предлагалось оформить в качестве итогового документа переговоров. Проект этот был разработан после первого дня переговоров в санатории "Шахтёр" инициативной группой: М.Б.Кислюк, Е.П.Говоров - рабочие комитеты, Л.Н.Геков, Л.Н.Лопатин, Ю.И.Чуньков - консультанты. Как и в июле, некоторое время затруднялись в названии документа. Договор? - некорректно. Протокол - уже было. Нашли обтекаемое слово - соглашение. В правительственных документах он именовался как "Дополнительные предложения представителей рабочих комитетов Кузбасса". [107]

Поздно вечером, члены делегации рабочих комитетов приступили к обсуждению проекта "Соглашения". Дискуссия продолжалась до глубокой ночи. Особенно волновал вопрос собственности на средства производства, землю. Сохранить ли в незыблемости так, как сложилось с собственностью в годы советской власть, или допустить частную собственность? Где источник нещадной эксплуатации рабочего в СССР? Почему рыночные отношения, существующие на Западе, оказались эффективнее плановой экономики? Зачем Советскому Союзу требуется столь много угля из Кузбасса, где за каждый миллион тонн отдаётся одна человеческая жизнь, но нищета людей не исчезает?

Утром проект "Соглашения между правительственной комиссией и Советом рабочих комитетов Кузбасса по выполнению "Протокола о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС" был представлен для обсуждения. Правительственная сторона приступила к его экспертизе, рабочая - к дальнейшей доработке. На этом этапе к работе над "Соглашением" подключились народные депутаты СССР В.Я.Медиков и А.С.Цыгельников, экономист Ю.А.Фридман и рабочий М.П.Анохин. Решили, что окончательный вариант "Соглашения" будет подписан после объезда правительственной делегацией городов, где она должна отчитаться за выполнение городских "Протоколов".

Проект "Соглашения" оказался настолько нестандартным документом, что стоит остановиться на его содержании подробно. [108] Рабочие комитеты предлагали передать предприятия республиканского подчинения в ведение областного Совета народных депутатов. Считали необходимым внедрить новую систему регионального управления народным хозяйством Кузбасса, основанную на полной экономической и юридической самостоятельности предприятий, которым должно быть предоставлено право свободного выхода из состава министерств, ведомств, объединений, концернов, переход на аренду. Расчетная цена угля должна быть повышена с 19,97 руб. за тонну до 21,71 руб. Причём в дальнейшем она должна изменяться в связи с

изменением цен на сырьё, материалы, оборудование. В течение 1990 г. предприятия должны были подготовиться к самостоятельному установлению цен на уголь и продукцию из него. Центр уже не мог вмешиваться в это ценообразование.

Продукцию, произведенную сверх госзаказа, предприятия могли бы реализовывать самостоятельно, в том числе и за рубеж. Причём лицензию на продажу кузбасских товаров могли бы давать в облисполкоме, а не в Москве (по списку, заранее согласованному в Совете Министров СССР). Средства, полученные от экспорта, могли быть использованы как на закупку промышленного оборудования, так и на развитие социальной инфраструктуры.

Не отрицая роль центральных органов управления народным хозяйством, рабочие комитеты предлагали установить с ними отношения на договорной основе. То есть перечисление им денег должно идти не за мифическое руководство предприятием, а за оказание ему конкретных услуг в решении вопросов материально-технического снабжения, сбыта, транспорта и т.п.

Такая же идеология - идеология экономических отношений с Центром предлагалась в пункте о государственном заказе. Государственным заказом, говорилось в проекте, можно было считать только ту часть продукции, выпуск которой обеспечен материальными ресурсами, поступающими из Центра. Всё, что произведено благодаря собственной предприимчивости, без участия Центра, можно было бы сбывать по свободным ценам как внутри страны, так и за рубежом.

Нетрудно заметить, что реализация этих пунктов в корне подрывала систему административного диктата Центра. Целостность экономики при этом не подрывалась. Не было и намёка на анархизм и всепоглощающую вольницу, которая случилась потом, в 1992, 1993 гг., когда регулирующая роль государства в экономике была почти полностью и одномоментно утрачена. Предложения рабочих комитетов Кузбасса измеряли как структуру управления народным хозяйством (вместо отраслевого, централизованного - территориальный принцип), так и методы управления. Вместо директивных вводились экономические рычаги управления, главным из которых становился рубль.

Разработчики проекта отчётливо понимали, что такие радикальные изменения в управлении народным хозяйством нереальны в масштабах одного региона страны - Кузбасса. И тем не менее, эти предложения они выдвигали, справедливо считая, что, во-первых, Кузбасс может стать испытательным полигоном для новой системы управления; во-вторых, инерция реформ в Кузбассе неизбежно захватит всю страну. Руководство страны, намеривавшееся в ходе перестройки обновить лишь фасад общественного устройства, вынуждено будет пойти на его коренную реконструкцию.

Попытки властей реформировать управление экономикой, предпринимаемые как в 30-е, так и последующие годы, не шли дальше

реконструирования отдельных фрагментов производственных отношений. Здесь же рабочими комитетами предлагался выход на весь комплекс производственных отношений через превращение государственной собственности, в общественную.

Пока, однако, не было заметно, что они выступали за частную собственность на средства производства. Но отношение к ней несколько изменилось. Если в июле 1989 г. они категорично были против частной собственности и сгоняли с трибун членов партии Демократический союз, ратовавших за неё, то в январе этой категоричности уже не было. В той горячей ночной дискуссии в санатории "Шахтёр" лидеры рабочих комитетов не пришли к единому мнению.

Марксистская догма о частной собственности как источнике эксплуатации крепко сидела в их головах. Только примерно через полгода они её отказались. Но и в январе, на переговорах, они отчётливо понимали необходимость нового законодательства в отношении всех форм собственности, в том числе и частной. Отсюда настойчивость их предложений о хозрасчёте и юридической самостоятельности предприятий, аренде, выходе предприятий из министерств, договорных отношений с Центром и др. Неслучайно в "Соглашении" они записали пункт о праве колхозников и рабочих совхозов выходить из хозяйств с предоставлением им во владение и пользование земельных площадей, аренды основных фондов, создания самостоятельных хозяйств с правом его наследования (невообразимая по тем временам крамола!)

Прошли годы. Состоялись реформы 1992 и последующих годов. Но и с высоты их громадного опыта даже предвзято настроенному человеку трудно увидеть в тех предложениях рабочих комитетов некорректность постановки вопросов, утопию предложений или революционный большевизм. Задолго до знаменитой программы

"500 дней" и гайдаровских реформ шахтёры Кузбасса достаточно точно вышли на стратегию реформ, на создание рыночной экономики, чего не мог сделать могущественный ЦК КПСС с его многочисленными научно-исследовательскими институтами.

Причину такого опережения, на которое вышли лидеры рабочего движения Кузбасса и их научные консультанты, не следует искать в какой-то, скажем, талантливой их прозорливости, на которую никто, кроме кузбассовцев, будто бы не был способен.

Дело было в другом. Дело было в полной раскрепощённости сознания членов делегации рабочих комитетов, освободившихся от всепоглощающего страха перед высоким начальством, от теоретических догм и политических установок. Этой раскрепощённости сознания не могли себе никогда позволить советские люди – от ученого и министра до директора и сантехника. И даже если кто-то и позволял себе эту раскрепощённость мысли, то он мог быть услышан как "враг народа" (30-50-е), диссидент-одиночка (70-е - первая половина 80-х) или популярный публицист- (конец 80-х). Мощнейшая общественная поддержка рабочего движения Кузбасса

расковала мысль. В Кузбассе в какой-то степени произошло соединение теоретической мысли и рабочего движения.

Не могли же качественно отличаться гражданские позиции чиновника облисполкома А.Н.Гекова, одного из авторов "Соглашения", и московского чиновника из Госкомцен В.Г. Ольхового, пожалуй, самого эмоционального противника предложений рабочих комитетов. Или теоретическая подготовка того же Ольхового и его ровесника (38 лет), главного экономиста разреза М.Кислюка. Если бы дело было в теоретической подготовке, то не Кислюк или Геков - выпускники экономических факультетов периферийных вузов, а Ольховой с дипломом московского металлургического вуза выступил бы с идеями, которые уходили в завтрашний день. Однако при обсуждении "Соглашения" в совместной комиссии (сё заседание проходило уже в Кемерове), Кислюк заявил, что рыночные отношения - это столбовая дорога всех стран, а Ольховой ответил, что введение рыночных отношений в СССР - это "бред сивой кобылы, собачья чушь". [109]

Позиция кузбасских руководителей на заседании совместной комиссии (Л.З. Филимонов, В.Л. Конев, А.А. Гребенников, А. В. Школьник, А.И.Коньтов) первоначально ничем не отличалась от позиции правительственных чиновников (А.А.Пухтеев - зам. министра, М.П.Иванов - зам. министра, Б.Н.Гаврилов - зам. председателя Госкомтруда, Н.М.Брониц - зам. председателя Госплана РСФСР). Точнее сказать, они все были на одной стороне - доказывали практическую нецелесообразность предложений рабочих комитетов. Но представителям рабочих комитетов удалось переубедить своих высокопоставленных земляков, доказать им выгоду для Кузбасса как отдельных предложений, так и в целом "Соглашения".

Кузбасские чиновники стали активными защитниками идеологии "Соглашения", применили свои знания и профессиональный опыт при подготовке его второго варианта. А.А.Гребенников (первый зам. председателя облисполкома), Г.С.Тихонов, Б.В.Красильников сыграли далеко не второстепенную роль в защите проекта "Соглашения" на втором этапе переговоров (в Москве). В составе единой делегации рабочих комитетов они уже не отступали перед министрами, проявили максимум настойчивости, твёрдо отстаивая каждый пункт "Соглашения".

Ответ на вопрос - почему отношение кузбасских руководителей (речь идёт в основном о хозяйственниках) резко изменилось по отношению к предложениям рабочих комитетов (с точностью до наоборот), видимо, следует искать в их слабой осведомленности об истинном содержании рабочего движения, а также, вполне возможно, в их чиновнической корпоративности.

Вряд ли они достаточно знали, что рабочие борются вовсе не за "колбасу-мыло", как представляла партийная пропаганда. Вряд ли до заседания в одной комиссии они могли составить собственное мнение о лидерах рабочего движения, оказавшихся вовсе не большевиками "современного издания". Теперь они собственными глазами смогли увидеть, что рабочее движение - это отнюдь не движение только "против", что это

движение прежде всего - "за", в том числе и за экономические реформы, необходимость которых хозяйственниками осознавалась гораздо острее, чем их партийными коллегами.

Единство стратегических интересов рабочего движения и хозяйственных руководителей очевидна. Но только тех руководителей, которым было тесно в рамках приказной системы хозяйствования, тех, кто чувствовал собственный интеллектуальный и деловой потенциал, тех, кому партийное начальническое руководство было уже "поперёк дороги". Много ли в Кузбассе было таких руководителей? Через несколько лет после описываемых событий, видимо, каждый из них готов был бы причислить себя к недогматикам. Но в действительности, тогда, их были единицы. Единицы тех, кто видел в рабочем движении своего делового (именно делового, а не политического) партнёра. Среди них - генеральный директор объединения "Кемеровоуголь" А. П. Зайцев, Генеральный директор НПО "Карболит"(Токем) В.И. Климов, директор завода шахтной автоматики В.М. Ильин, директор электротехнического завода В.Г.Лоскутников, зам. директора анилино-красочного завода Р.А.Касьянов, начальник тайгинского вагонного депо А.С.Баталов, директор Черниговского разреза В.Г.Заболотный и др.

Однако, среди хозяйственников всё-таки большинство было тех, кто в рабочем движении видел своего классового врага, кто не видел и не хотел воспринимать конструктивизм рабочих лидеров. Случайно разве, что, будучи избранными народными депутатами от союзного до районного уровней, хозяйственные руководители за единичными исключениями выступали за фракцию коммунистов (хотя она могла и не называться так прямолинейно), против радикального реформирования общества.

Хозяйственные руководители Кузбасса, впрочем, как и техническая, творческая интеллигенция, не влившись в рабочее движение, упустили свой звёздный час. В союз с рабочими комитетами они вполне реально могли бы ещё в 1990 г. дать всему Советскому Союзу опыт безболезненного движения к рыночной экономике. И не потребовался бы, возможно, шоковый путь 1992 г. Коммунистам, которые, потеряв в 1991 г. власть, стали обвинять демократов в выборе тяжелейшего пути реформ, следовало бы оглянуться в 1990 год и увидеть упущенные возможности. Общество упустило их из-за активного противостояния реформам со стороны КПСС, из-за пассивности интеллигенции, которая безучастно наблюдала за схваткой прогрессивного с консервативным и даже реакционным - с другой.

Многоопытные правительственные чиновники во главе с Л.Д.Рябевым, в отличие от июля 1989 г., сумели выйти из переговоров с рабочими комитетами "без потерь". Не подписав ни "Соглашения", ни даже итогового протокола переговоров, правительственная делегация отбыла в Москву. Правда, Рябев заверил, что документы будут подписаны в Москве, куда делегация рабочих комитетов приглашалась через две недели (то есть на середину февраля).

Почему лидеры рабочего движения Кузбасса согласились на это? Ведь они прекрасно понимали, что перенесение переговоров в Москву означает усиление позиции правительства? При обсуждении итогов первого этапа переговоров на расширенном Совете рабочих комитетов Кузбасса, состоявшемся в конце января, они прямо говорили: "Здесь, в Кузбассе, мы хозяева положения. Там, в Москве, чиновники запросто заволокут всё по кабинетам". Понимали, но пошли! А пошли потому, что хотели путём компромиссов и переговоров до конца довести дело. Дело реформ. Бросить начатое на полпути - не в их правилах. "Мы за диалог, - говорил А.В.Асланиди, - за продолжение переговоров. Конфликтную ситуацию надо разрешать, динамически предлагая. Диктат рабочего движения должен компенсировать диктат ведомств". [110]

Позицию продолжения переговоров поддержали большинство городских рабочих комитетов. Авалиани как председатель СРКК категорически не согласился с главной концепцией "Соглашения". Своё несогласие он выразил в разгар переговоров, выступив в газете "Кузбасс". [111] Эту статью члены правительственной делегации, видимо, приняли за свидетельство раскола в рабочем движении, открывающего для них возможность уйти от решения кардинальных проблем переговоров.

Следует напомнить, что Авалиани председательствовал на расширенном заседании Совета рабочих комитетов Кузбасса 26 декабря 1989 года, на котором было признано невыполнение правительством основных требований забастовки. Председательствовал и не возражал. А теперь, когда быть может, решалась судьба реформ во всей стране, он встал на сторону правительства и с большим воодушевлением (чуть не с благодарностью "партии и правительству") писал о введении поясного коэффициента (1,3), установлении оплаты за вечерние и ночные смены, выделении значительных средств в бюджет области, решении проблем Крапивинского гидроузла, получении инвалюты. Вряд ли, этот поступок Авалиани выглядит безупречным. Ведь бил по своим. Причем ударил в момент острого противостояния сторон. Анализируя "Соглашение", вряд ли можно согласиться с мнением Авалиани, высказанным им через год корреспонденту "Правды", что лидеры рабочих комитетов "в вопросах конструктивности слабоваты, а говорить - мастера". [112]

По всему было видно, что тогда не хватило небольшого толчка, который мог бы заставить руководство СССР пойти на реформы. Этим толчком вполне могли стать шахтерские предложения о реконструкции экономической системы. Могли стать, но не стали. Члены правительственной делегации в кулуарах неоднократно говорили, что лично они положительно воспринимают предложения рабочих комитетов, понимают необходимость реформ. "Но одно — просто человек, - говорили позднее на пресс-конференции Асанданиди, Голиков и Кислюк, - другое - чиновник. Как люди, - члены правительственной комиссии были с нами согласны, как чиновники, - противодействовали". [113]

Шахтёры это видели, чувствовали. Вот почему в одном из своих решений они записали о необходимости неослабевающего влияния на руководство страны. Мысль о том, что правительство вызревало до понимания неизбежности радикального реформирования страны, в полной мере подтверждает февральский пленум ЦК КПСС 1990 г. То, что ещё вчера считалось "отвинчиванием гаек у социализма", "зловредной антисоветчиной", на пленуме звучало как само собой разумеющееся: о монополии власти партии, её бюрократизации, необходимости исключения из Конституции ст.6, введении президентской формы правления. Будто бы не партийный пленум шёл, а какое-то собрание "неформалов". Чем, объяснить такое прозрение, вдруг озарившее членов Центрального комитета? Только одним - давлением "снизу".

У себя в Совете лидеры рабочих комитетов задались вопросом о переделе давления на правительство. Выявились три позиции. Одна - "надо работать и ждать"(Авалиани), другая - жесткое противостояние властям (Анохин), третья - "не может быть и речи о гражданской войне. Это катастрофичный, безумный выход, если вообще выход. ...Забастовка - крайний метод борьбы, может быть до некоторой степени превышение пределов достаточной самообороны" (Асланиди, Голиков, большинство членов Совета). [114]

18 февраля для продолжения переговоров с правительством по итогам выполнения требований июльской забастовки и поднимания новых документов в Москву вылетела делегация рабочих комитетов. В её состав входили члены Совета рабочих комитетов Кузбасса: В.М.Голиков и П.Н. Пятенко, консультанты: А.Н.Геков, Л.Н.опатин, Ю.И.Чуньков, эксперты: А.В.Школьник, Б.В.Красильников, Г.С.Тихонов, С.Ф.Шарф, а также первый зам. председателя облисполкома А.А.Гребенников, народные депутаты СССР В.Я.Медиков, С.Н.Неволин и Л.С.Цыгельников.

Незадолго до этого Совет рабочих комитетов Кузбасса освободил Т.Г. Авалиани от обязанностей председателя СРКК и избрал на эту должность 38-летнего электрослесаря шахта "Первомайская" В.М.Голикова. [115] На пост председателя Совета было выдвинуто две кандидатуры: Асланиди и Голиков (междуреченцы настаивали на кандидатуре Авалиани и даже грозились выйти из состава СРКК). И тот и другой - в рабочем движении были с первых его дней, точнее - часов. Их роднила не только искренняя преданность рабочему движению, стремление изменить лицо Кузбасса, жизнь людей, но и глубокий ум, образованность, политическое чутьё, умение кратко и точно формулировать свои мысли. Однако Асланиди был более лоялен к собеседнику, склонен к дипломатическому маневру, внешне как будто несколько медлителен. Голиков же, напротив, был скор (при этом часто безошибочен) в выводах, исключительно бескомпромиссен и решителен. В обстановке острого противостояния властям рабочекмовцам более импонировал Голиков, которого они и сделали председателем, а Асланиди - заместителем. Эти два человека впоследствии многое определили в судьбе

рабочего движения. Не случайно Асланиди кузбассовцы впоследствии избрали членом Совета Федерации России.

На переговорах в Москве кузбасскую делегацию возглавил Голиков. Как глава вёл себя очень профессионально (откуда, что взялось?). С первых минут пребывания делегации в Москве стало ясно, что никто её там не ждал. Мест в правительственной гостинице "Москва" никто не заказал (как было условлено). Экспертизы "Соглашения" (главный довод перенесения переговоров в Москву) не проведено. Помещение дня переговоров - не определено (на скорую руку нашли здание вдалеке от Совмина СССР, что, по сути, изолировало кузбасскую делегацию). Круг лиц, отвечающих за подготовку того или иного пункта, не был известен и т.п.

Видимо, всё-таки сознавая, что за кузбасской делегацией стоит мощное рабочее движение, и какие могут быть последствия такого откровенного обмана, Л.Д.Рябев в тот же день, несмотря на поздний вечер, принял делегацию в своём кремлёвском кабинете. Через день началось обсуждение пунктов "Соглашения" с распределением за каждым из них как членов кузбасской делегации, так и правительственных чиновников. Проработав в таком режиме один день, кузбассовцы поняли, что их пытаются разобщить, "разобрав" по отдельным кабинетам. Решили работать всей делегацией по каждому пункту предложений.

Несколько любопытных наблюдений можно было сделать в ходе переговоров. Почти каждый представитель министерств и ведомств, начиная своё общение с кузбассовцами, рассказывал о себе как настоящем профессионале, каковым он был на посту директора крупного предприятия (экономиста, юриста и пр.), и что он очень жалеет об оставленной "живой" работе и переходе в министерство, что ему теперь приходится заниматься нелюбимой, но очень нужной работой чиновника.

Почти каждый из них пытался, как бы по-отечески, поучить представителей рабочих комитетов. Все без исключения чиновники старались назидательным, лекторским тоном разъяснить, почему с экономической (юридической, политической, социальной и проч.) позиций невозможно принятие данного пункта "Соглашения". Во время одного из таких поучений Медикову пришлось несколько резковато остановить очередного "лектора" и попросить его не заниматься популяризацией экономических знаний, так как перед собой он видит трех профессоров - экономистов, доцента - историка, двух народных депутатов СССР, первого заместителя председателя облисполкома, начальников крупнейших хозяйственных подразделений Кузбасса.

Что это было? - Неосведомленность чиновников о составе кузбасской делегации? - Этическая неподготовленность высокопоставленных лиц? Вряд ли такое возможно на столь высоком уровне. Дело, видимо, в том, что они имели "указание свыше" затягивать переговоры, но не срывать их, не провоцировать рабочие комитеты на нежелательные правительству акции. Это предположение подтверждается некоторыми эпизодами переговоров.

Во время обсуждения вопроса о праве кузбассовцев экспортировать сверхплановый уголь, чиновники внеэкономического ведомства твёрдо и достаточно резко отказывались признать этот пункт согласованным. Один из них долго поучал, что существует государственная монополия внешней торговли и, что, если вас поставить на моё место... "Хорошо, - остановил его В. Голиков, - я согласен встать на ваше место. Но и Вы должны занять моё место электрослесаря. Почему, в конце концов, наше родное правительство не хочет договориться с нами цивилизованным путём, а понимает только язык забастовок?" Через какие-нибудь 15-20 минут пункт, вокруг которого шли дебаты почти два дня, был признан согласованным.

Другой эпизод был ещё более красноречивым и курьёзным. В один из дней, где-то уже около 9 часов вечера, началось обсуждение вопросов госзаказа. Чиновники Госплана, как и их предыдущие коллеги, приступили к долгому и монотонному разъяснению вопроса об экономической несостоятельности предложений кузбассовцев. Видя, что вся делегация рискует остаться без ужина, трое кузбассовцев, перекинувшись запиской с остальными членами делегации, не прерывая госплановского "лектора", встали и пошли в буфет за бутербродами. Однако буфет оказался закрытым, и "посланцы" повернули назад. К своему изумлению в лифтовом холле они столкнулись с остальными членами делегации и виновато улыбающимися чиновниками Госплана. Оказалось, что прозаичный поход за ужином правительственными служащими был воспринят как демонстрация протеста. Прервавшись на полуслове, они заявили о своём согласии подписать фактически необсужденный пункт.

В течение недели все пункты с незначительными поправками были согласованы. Кроме того, был выработан солидный пакет проектов постановлений правительства, переводящих в практическую плоскость реализации предложения рабочих комитетов.

Окрылённая успехом, основная часть кузбасской делегации вернулась домой. Накануне они разыскали и встретились с известным им по публикациям профессором Института международного рабочего движения Л.А.Гордоном. С тех пор профессор стал научным консультантом рабочих комитетов Кузбасса, был непременным участником их конференций и съездов.

В Москве осталось всего несколько человек для формального подписания согласованных документов. Но правительство подписать эти документы отказалось, не утруждая себя даже обоснованием своей позиции. Если не считать заявления ЛД.Рябева, что такие качественные документы диктуют необходимость изменения всей концепции правительственных реформ. Это-то правительство, по его словам, и сделает, не распыляясь на подписание региональных соглашений. При этом Рябев вёл себя очень уверенно, жестко и спокойно. Чувствовалось, что его позиция была согласована "на самом верху", скорее всего, как с Н.И.Рыжковым, так и М.С.Горбачёвым. От всех многочисленных предложений рабочих комитетов к реализации было принято только два - право Кузбасса самостоятельно

продавать за границу 3,8 млн. т. угля и изменение порядка материально-технического снабжения Кузбасса.

"Всё время, - говорил В. Голиков в интервью "Нашей газете", - шёл разговор глухих. Они нам: давайте ваши предложения, мы рассмотрим. Мы им: да вот же они, мы внесли! Такая специфическая бюрократическая глухота. И продолжалась эта игра до последнего дня". [116]

Поведение правительства было вызывающим. Обман - откровенным. Делегация рабочих комитетов заявила протест М. Горбачёву и Н. Рыжкову, указав, что с этих пор "кредит доверия правительству исчерпан". [117]

Январско-февральские переговоры с правительством оказались последним эпизодом сотрудничества рабочих комитетов Кузбасса с властными структурами. Дальше в основном была только борьба. И произошло это отнюдь не по инициативе шахтёров. Шахтёры продемонстрировали свою готовность к компромиссному разрешению конфликта между народом и властью. Власть же оставалась невосприимчивой к диалогу с собственным народом. Она пребывала в уверенности своей мощи и силы, в фатальной правильности своего курса.

Первый секретарь Кемеровского обкома КПСС Александр Григорьевич Мельников, которого трудно обвинить в излишних симпатиях к рабочим комитетам, признавал, что цель "Соглашения" - углубить реформу. "Многие её положения, - считал он, - можно в течение года обкатать в рамках одного региона и получить какой-то конкретный итог". [118] В 1992 г. перед угрозой реальной катастрофы демократам пришлось начинать реформы, не имея времени для их "обкатки". Так кто же виноват, что всей тяжестью своей невыверенности эти реформы легли на плечи народа?

Этими переговорами завершился целый этап в рабочем движении Кузбасса - этап борьбы за выполнение требований июльской забастовки. Но уже тогда шахтеры поняли, что без политической борьбы они многого не добьются. Потому-то они и создали свою общественно-политическую организацию, массовую газету, добились депутатских мандатов.

То было время упущенных возможностей для безболезненного радикального реформирования общества, особенно экономической системы. Правящая партия оказалась неспособной задействовать главные движущие силы общества - инициативу и самодеятельность народа. Точнее сказать, КПСС направила свои усилия на приглушение этой инициативы, опасаясь утраты собственной монополии на власть. Экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться, недовольство трудящихся росло. Народ, терял остатки доверия к власти, почти утратил надежду на способность правительственных структур реформировать общество. Народ брал инициативу в свои руки. "Наученные горьким опытом последних пяти лет, мы не имеем, права пассивно ожидать перемен к лучшему, - говорил в апреле 1990 г. В. Голиков. - Нет гарантий, что ... руководство ... не отступит, не перейдёт на позицию соглашательства с противниками обновления". [119]

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ 4

1. Рабочее движение Кузбасса и материалы. - С.85.
2. Кузбасс. - 1989. -2 авг.; ГАКО. Ф. 496. Оп. 42. Л. 65-83; Ф. 127. Оп. 59. Д. 9. Л. 97-118; Ф. 74. Оп. 40. Д. 3. Л.2-34. Д. 9. Л. 50; Ф. 1430. Оп. 36. Д. 2. Л. 60-94.
3. Перед Историей чиновники обкома КПСС совершили преступление. Обязанности секретаря обкома КПСС тогда исполнял М.П.Лучшев. Управляющим делами был В.Н.Катриченко.
4. Рабочее движение Кузбасса. - С.103.
5. ГАКО. Ф. 110. Оп. 47. Д. 3. Л. 31; Ф. 26. Оп. 44. Д. 2. Л. 58; Ф. 74. Оп. 40. Д. 3. Л. 35.
6. ГАКО. Ф. 496. Оп. 42. Д. 2. Л. 83.
7. Кузбасс. - 1989. - 11 авг.
8. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 20. Л. 11-12, 14, 15, 19, 21, 22.
9. Кузбасс. - 1989. - 4 авг.
- 10.ГАКО. Ф. 74. Оп. 40. Д. 3. Л. 58
11. ГАКО. Ф. 127. Оп. 57. Д. 9. Л. 116.
12. Рабочее движение Кузбасса. - С. 87.
13. Там же. - С. 92-93.
14. Там же. - С. 339, 372.
15. ГАКО. Ф. 1430. Оп. 36. Д. 2. Л. 94.
16. Кузбасс. - 1989. - 9 сент.
17. Правда. - 1989. - 7 сент.
18. Рабочее движение Кузбасса. - С. 88.
19. Там же. - С. 86, 88, 89, 94-96; Кузбасс. - 1989. - 4 авг.
20. Труд. - 1989. - 5 авг.; Кузбасс. - 1989. - 8 авг.
21. ГАКО. Ф. 15. Оп. 43. Д. 5. Л. 16.
22. См., например, постановление бюро от 4 августа 1989 (ГАКО. Ф. 15. Оп. 43. Д. 11. Л. 46).
23. Рабочее движение Кузбасса. - С. 566.
24. ГАКО. Ф. 110. Оп. 47. Д. 3. Л. 21.
25. Кузбасс. - 1989. - 1 окт.
26. Посев. - 1990. - № 4 - С. 15-23.
27. Рабочее движение Кузбасса. - С. 124.
28. Там же. - С. 91.
29. Наша газета. - 1990. - 27 нояб.
30. Сибирская газета. - 1991. - 9 марта.
31. Рабочее движение Кузбасса. - С. 128.
32. Там же. - С. 126.
33. Там же. - С. 259.
34. Сибирская газета. - 1991. - 9 марта.
35. Сибирская газета. - 1990. - 8 янв.
36. Правда. - 1991. - 28 марта.
37. Сибирская газета. - 1991. - 9 марта.

38. Рабочее движение Кузбасса. - С. 113.
39. Устав опубликован в газете "Кузбасс" 12 сент. 1989 г.
40. Рабочее движение Кузбасса. - С. 115.
41. Кузбасс. - 1989. - 29 авг.
42. Рабочее движение Кузбасса. - С. 127-128.
43. А.Тулеев, Ю.Сыровецкий. Человек в руках власти. Власть в руках человека. - Новосибирск, 1993.
44. Рабочее движение Кузбасса. - С. 121.
45. Там же. - С. 122.
46. Г.А.Монусова. Хроника рабочего движения в СССР. 1987-1991 гг.//Рабочее движение: документальные и аналитические материалы. - М., 1992. - С. 64.
47. Кузбасс. - 1990. - 16 янв.
48. Рабочее движение Кузбасса. - С. 123.
49. Из личного архива автора.
50. Рабочее движение Кузбасса. - С. 132-133; Г.А.Монусова. Указ. соч. - 55.
51. Рабочее движение Кузбасса. - С. 134-138; Правда. - 1989. - 24 окт.
52. Рабочее движение Кузбасса. - С. 135.
53. ГАКО. Ф.75. Оп. 66. Д. 22. Л. 33-34.
- 54.ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 25. Л. 83, 86, 88.
55. Рабочее движение Кузбасса. - С. 136-137.
56. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 23. Л. 14, 38, 41, 44.
57. Вестник рабочего движения. - 1989. - № 3.; Г.Монусова. Указ соч. - С.59.
58. Рабочее движение Кузбасса. - С. 150.
59. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 40. Л. 73.
60. Там же. - Л. 63.
61. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 41. Л. 53.
62. См. Кузбасс. - 1989. 20, 22, 23 ноября. Однако документы конференции опубликованы не были (см. Рабочее движение Кузбасса. - С. 170).
63. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 10. Л. 21.
64. Рабочее движение Кузбасса. - С. 149, 153.
65. Там же. - С. 175.
66. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 25. Л. 143.
67. См. стенограмму конференции, подготовленную в обкоме КПСС, видимо, по радиотрансляции (ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 40).
68. См. Рабочее движение Кузбасса. - С. 175.
69. Там же. - С. 178.
70. Там же. - С. 179.
71. Наша газета. - 1990. - 8 мая.
72. Рабочее движение Кузбасса. - С. 147-148, 152-153.
73. Правительственный вестник. - 1989. - № 24. - С. 4.
74. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 25. Л. 141-142.
75. Там же. - Л. 140-141.
76. Там же. - Л. 145.

77. Рабочее движение Кузбасса. - С. 180-181.
78. Там же. - С. 170, 171, 176; ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 40. Л. 1.
79. Наша газета. - 1990. - 4 дек.
80. См. Кузбасс. - 1991. - 13 сент., 29 ноября; Кузнецкий край. - 1995. - 18 февр.; Ответы ему - Наша газета. - 1991. - 27 сент., 1992 - 14 янв.
81. Из личного архива автора.
82. Рабочее движение Кузбасса. - С. 173, 188, 196.
83. Там же. - С. 182; ГАКО. Ф. 1191. Оп.1. Д. 42. Л. 85-89.
84. В Государственном архиве Кемеровской области имеются фонограммы заседаний Совета рабочих комитетов Кузбасса. Не переложенные на бумагу, они, видимо, по техническим причинам (срок хранения плёнки) будут утрачены для Истории.
85. Рабочее движение Кузбасса. - С. 189-190.
86. Там же. - С. 206-212.
87. Там же. - С. 213, 267, 268.
88. ГАКО. Ф. 127. Оп. 57. Д. 94. Л. 6.
89. Кузбасс. - 1990. - 13 мая.
90. ГАКО. Ф. 26. Оп. 44. Д. 2. Л. 23.
91. Рабочее движение Кузбасса. - С. 208.
92. ГАКО. Ф. 75. Оп. 69. Д. 13. Л. 47.
93. Рабочее движение Кузбасса. - С. 110-111, 123, 128-130.
94. Там же. - С. 130.
95. ГАКО. Ф. 75. Оп. 66. Д. 25. Л. 83-88.
96. ГАКО. Ф.75. Оп. 66. Д. 38. Л. 119-124, 134.
97. Сибирская газета. - 1990. - 8 янв.
98. Рабочее движение Кузбасса. - С. 172-173.
99. Там же - С. 188.
100. ГАКО. Ф.75. Оп 69. Д. 13. Л. 46-47.
101. Рабочее движение Кузбасса. - С. 201-202.
102. Там же. - С. 217-218, 220.
103. Там же. - С. 218-220.
104. Железнодорожник Кузбасса - Союз трудящихся Кузбасса. - 1990. - 23 янв.
105. Рабочее движение Кузбасса. - С 221.
106. Железнодорожник Кузбасса - Союз трудящихся Кузбасса. - 1990. - 23 янв; Рабочее движение Кузбасса - С. 221.
107. ГАКО. Ф.1191.Оп. 1. Д. 80. Л, 150-156.
108. См. Первоначальный вариант «Соглашения» в кн. Рабочее движение Кузбасса. - С. 124-126; второй вариант - С. 232-236.
109. Свои концептуальные расхождения с Кислюком Ольховой опубликовал в газете «Кузбасс» (1990 - 27 янв.)
110. Наша газета - 1990. - 6 февр.
111. См. Кузбасс - 1990. - 16, 25, 30 янв.
112. Правда. - 1990. - 28 марта.
113. Рабочее движение Кузбасса. - С. 242.

114. Там же. - С. 242-243.
115. Кузбасс. - 1990. - 1 февр.
116. Коммерсант. - 1990. - № 8. - С.11; Наша газета. - 1990. - 6 марта.
117. Рабочее движение Кузбасса. - С. 249.
118. Рабочая трибуна. - 1990. - 8 марта.
119. Рабочее движение Кузбасса. - С. 269.

ГЛАВА 5. КУРС НА ОБЩЕСТВЕННОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО

СЪЕЗД КОНФЕДЕРАЦИИ ТРУДА - АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ. - КРИЗИС В КПСС. - ПРОТИВОСТОЯНИЕ В СОВЕТАХ. - ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ. ПОЛИТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА. - ИЮЛЬСКАЯ 1990 г. ЗАБАСТОВКА. - 5 КОНФЕРЕНЦИЯ РАБОЧИХ КОМИТЕТОВ. - ДИСКРЕДИТАЦИЯ, ОБМАН, ИНТРИГИ, ДАВЛЕНИЕ НА КОМИТЕТЫ. - 2-ой СЪЕЗД ШАХТЕРОВ СССР. - ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ОСЕНЬЮ 1990 г.

Исторической вехой, переломным моментом, рубежом в развитии рабочего движения Кузбасса, как и всей страны, был первый съезд независимых рабочих движений и организаций СССР. Съезд состоялся 30 апреля - 2 мая 1990 г. в Новокузнецке.

Подготовка к съезду шла давно. Еще в июне 1989 г. в ответ на отрывочные сведения о подготовке в недрах ЦК КПСС "съезда рабочих" инициативная группа в Москве решила подготовить съезд независимых рабочих движений. Три месяца спустя, 15 сентября в Москве состоялась встреча представителей рабочих союзов, клубов, стачечных комитетов, независимых профсоюзных организаций из различных городов СССР. Был создан оргкомитет по подготовке съезда. Исследовательский комитет социологии труда СО АН СССР совместно с этим оргкомитетом при участии шахтерских стачечных комитетов, провел семинар о проблемах нормативного регулирования забастовок. [2] 23-24 декабря 1989 г состоялось еще одно заседание оргкомитета, на котором приняли решение о созыве съезда и его финансировании. Был проведен семинар "Положение трудящихся в СССР: проблемы отчуждения, эксплуатации, социальной справедливости." [3] Проекты основных документов были подготовлены московскими учеными и привезены на съезд в Новокузнецк. [4]

В работе съезда приняли участие 334 делегата и представителя от 58 различных организаций из 46 городов, 17 областей России, Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана, Латвии, Литвы, Эстонии. Самой крупной делегацией была кузбасская 50,2 % всех участников (168 чел.) Затем шла московская - 7,2 %, Донецкая - 4,8%, Горьковская 2,9%. В качестве гостей на съезде присутствовали работники ЦК КПСС, Кемеровского обкома, горкомов партии, советских органов, профсоюзов, а также гости из Польши и Англии. Около 60 журналистов советских и зарубежных (Австрия, Дания, Франция, США) информационных агентств

освещали работу съезда. Первый день официальной работы съезда транслировался по радио на весь Кузбасс. Приветствия съезду прислали Президент АФТ-КПП Л.Керклэнд (США), руководитель польской "Солидарности" Л.Валенса и др. [15]

Впервые в советской истории представители демократической общественности Советского Союза собрались на легальный и бесконтрольный для коммунистической партии форум. И хотя, как потом выяснилось, на нём активно действовали агенты влияния из КГБ (см. информацию журналиста Ю.Щикочихина в "ЛГ" 17 апреля 1991 г.), остаётся исключительно значимым как факт самой возможности проведения такого съезда, так и содержание его работы и в особенности - принятых на нём документов.

Выбор места его проведения случайным, разумеется, не был. Съезд собрался на родине возрождения рабочего движения страны. Не случайно и то, что вели съезд (председательствовали) лидеры рабочих комитетов Кузбасса В.М.Голиков и М.Б.Кислюк. Состав секретариата и редакционной комиссии наполовину состоял из представителей Кузбасса (А.В.Асланиди, А.Ф.Бир, В.И.Гребенюк, Л.Н.Лопатин, Ю.И.Чуньков). Особую активность общественных деятелей и талантливых учёных проявили москвичи профессора Л.А.Гордон, Б.В.Ракитский, В.Л.Шейнис, кандидаты экономических наук А.К.Назимова и Г.Я.Ракитская. Они подготовили проекты основных документов съезда (Декларацию и Устав), вошли в его редакционную комиссию.

О том, что на съезде произойдёт нечто новое в общественном движении страны, стало ясно с первых минут его работы. При обсуждении состава редакционной комиссии слесарь из Мысков, активный участник рабочего движения, человек с нестандартным мышлением А.П.Ерохин жестко высказался против кандидатуры консультанта СРКК, зав. кафедрой истории КПСС, который, по его мнению, защищает коммунистическую партию. Поводом для заявления Ерохина явилась дискуссия о тактике рабочего движения, проведённая в Зенковском санатории (месте размещения делегатов) накануне открытия съезда. На ней-то историк и высказал предложение о необходимости оказания содействия сторонникам "Демплатформы" на выборах делегатов 28 съезда КПСС, чтобы те смогли повернуть курс партии в сторону радикальных реформ.

Минут двадцать на съезде шла оживлённая дискуссия не столько о персональной кандидатуре, сколько о роли коммунистов в обществе. И хотя кандидатура историка прошла, но всем стало ясно, что съезд выйдет на острейшие политические вопросы антикоммунистического плана, на такие, на какие не выходил ещё ни один из форумов рабочею движения как Кузбасса, так и всей страны.

И он действительно вышел. Съезд объявило создании межреспубликанского политическою объединения, включавшею на принципах конфедерации профсоюзные, общественные и общественно-политические организации по "защите прав, свобод и интересов трудящихся,

по образованию общества на началах демократии, гуманизма, социальной справедливости". Это объединение получило название Конфедерации труда (КТ).

В программном документе - "Декларация основных принципов Конфедерации труда", а также в Уставе КТ [6] определялись основные цели и задачи объединения: достижение полновластия народа, демонополизация и децентрализация экономических и политических структур, деидеологизация государственного управления, осуществление общественного экологического контроля, защита работников наёмного труда, защита прав и свобод трудящихся.

Особое внимание уделялось методам борьбы. Говорилось, что не надо поддаваться на провокации реакционных сил в применении насилия. "Конфедерация труда, - указывалось в "Декларации", - выступает за выдвижение реалистических радикальных требований, за тактику их мирного отстаивания, за согласование интересов". Делегаты хорошо понимали, в чём их сила. После армии, говорил делегат из Белоруссии Соболев, мы единственная сила, у кого есть оружие. Оружие забастовок. Если на 4-й конференции рабочих комитетов Кузбасса в ноябре 1989 г. делегаты долго не могли прийти к единому мнению по вопросу, быть или не быть политической борьбе, то здесь, на съезде, почти без дискуссий пришли к выводу, что "без увязки с политической борьбой экономические завоевания не прочны и их быстро отберут назад", что "запаздывающая политизация - не вина, а беда трудящихся". [7]

Не обошли вниманием и вопрос о союзниках. "Не будем зазнаваться, - записал съезд. - Рабочее чванство не лучше высокомерия интеллигенции и администрации. Прогрессивная интеллигенция, компетентные специалисты, честные управленцы - наши надёжные союзники, товарищи!" Вопрос об интеллигенции на съезде был поднят не случайно. Её пассивность не была явлением, характерным исключительно для Кузбасса. Об этом говорит и состав съезда. Среди его участников рабочие составляли почти две трети (64,9%), крестьяне - 1,5%, кооператоры - 2,3%, служащие - 25,4%, учёные - 2,9%. (Это были люди в возрасте 30 - 50 лет. [18])

Как в Кузбассе, так и во всём необозримом СССР интеллигенция, видимо, предпочитала не вступать в конфликт с властью, довольствуясь той ролью и тем местом в системе общественных отношений, которые отвёл ей социализм. Сказать, что делегаты новокузнецкого съезда отчётливо понимали роль интеллигенции в обществе в целом и рабочем движении в частности, - было бы неправильно. "Я не против союза с интеллигенцией, - говорил Н. Ломакин из Тольятти. - ...Но я против того, чтобы рабочему классу вновь отвели роль стада овец". [9] Но так ли уж не нрав Ленин, отмечавший ещё в 1902 г., что образованная интеллигенция, вооруженная знаниями законов общественного развития, способна выработать идеологию, определить стратегию и тактику рабочего движения? В рабочих комитетах Кузбасса уже хорошо понимали, что одного революционного энтузиазма рабочих маловато, тем более для борьбы политической. Но этого не

понимали те, кто свою борьбу только начал (например, тольяттинцев). На съезде победила позиция, наиболее точно сформулированная социал-демократом из Москвы О. Румянцевым. Он считал, что мы должны быть противоклассовой партией, классовую профсоюзную, против смены монополии КПСС на монополию другой партии.

Немногочисленное представительство крестьян на съезде (1,5%) свидетельствовало о том, что оно как в Кузбассе, так и во всём Советском Союзе было фактически вне общественного движения. Поэтому неудивительно, что, не пройдя школы борьбы, крестьянство в постсоциалистическое время оказалось союзником коммунистов. Аграрное лобби стало мощнейшим противником радикальных реформ, социальной базой коммунистов.

Сравнительный анализ программных документов "Союза трудящихся Кузбасса" и Конфедерации труда показывает, что между ними нет большой разницы в изложении целей и задач движения, способов их достижения. Однако, если в ноябре 1989 г. на 4-й конференции рабочих комитетов Кузбасса делегаты говорили об обновлении социализма и оказались лишь от его сталинской модели, то в мае 1990 г. после полугода борьбы и разочарований, никакого социализма они уже не хотели. В документах съезда ни одного слова о социализме не оказалось.

Правда, в выступлениях делегатов съезда вопрос о социализме поднимался. "Не вина коммунизма, а беда в том, что большевики испоганили его идею", - говорил Стрелковский из анархо-коммунистического революционного союза (Москва). Были и такие, которые считали, что у того, кто отрицает марксизм, "крыша поехала". [10]

Некоторые делегаты пытались говорить об обновлении социализма. Но это были не кузбассовцы. Лидеры рабочего движения Кузбасса "этап обновления социализма" уже прошли.

"Молчание" о социализме было тем фактором, который определил особое место съезда в истории рабочего движения страны. Прошёл всего год после его возрождения. А социализму уже не нашлось места в документах первопроходцев демократического движения.

При анализе стенограммы съезда выявляется одна интересная особенность, не характерная для демократов "того призыва". Почти никто из выступающих не сорвался на надрывно-хлесткую критику порядков в стране. Говорили в основном спокойно, убедительно, доказательно, конструктивно. Особенно выделялись в этом отношении делегаты Кузбасса. Не было в помине и призыва к гражданской войне. Напротив, одна из авторов проекта "Декларации" Г.Я.Ракитская в своём докладе сделала особый акцент на отрицании экстремистских методов борьбы. И съезд её поддержал.

Но были на съезде и те, кто, по меткому выражению Р.Ф.Вахитова из Новокузнецка, приехал, чтобы "прокричаться". Таких ораторов останавливали либо председательствующие, либо сами делегаты. "Мы это проходили ещё в июле", - то и дело слышались выкрики с мест по поводу подобных выступлений. Кузбассовцы задавали тон, сумели настроить зал не

на политический митинг (что были не прочь сделать некоторые делегаты из Москвы, Ленинграда, Горького.), а на деловое совещание.

Несмотря на остроту обсуждаемых проблем, обстановка в зале была доброжелательной. Там, где в былые времена несогласие сопровождалось по-большевистски хлесткими эпитетами, повышением голоса до оттенков враждебности, здесь зачастую обходились простой иронией. С позиций защиты марксистских идей, против рыночной экономики выступил, например, представитель лейбористской партии, член Британского парламента Терри Филдс. Из зала тут же пришла записка, которую председательствующий под аплодисменты и смех в зале огласил. "Уважаемый председатель, - иронично сообщалось в записке. - Вы ввели съезд в заблуждение. У нас от КПСС на съезде не два человека, а три, за счёт члена английского парламента". [11]

Деловая уверенность кузбасской делегации в силе своего движения довольно ярко проявилась в истории с принятием резолюции "Об отношении к КПСС". В редакционную комиссию по этой теме поступило не менее десятка проектов резолюции. Такой активности, доходящей порой до ажиотажа, ни по одному другому вопросу на съезде не было. Редакционной комиссией очень нелегко было договориться с каждым из авторов, которые согласно регламента съезда автоматически становились её членами с правом решающего голоса. Складывалось впечатление, что некоторые делегаты приехали в Новокузнецк ради этой резолюции. Формулировки - одна жестче другой. Особенно отличался некто С.С.Горев из Москвы, предлагавший конфронтационные формулировки и не желавший даже обсуждать взвешенный вариант, предложенный Л.А.Гордоном. Накал страстей в редакционной комиссии время от времени выплёскивался в зал заседания съезда. В. Голиков как председательствующий предложил выход, не понятый тогда многими. "А вам не кажется, - сказал он, - что слишком много чести для партии – вынос этой резолюции и принятие её здесь. ... Зачем опускаться до щипков, Господи, Боже мой! Да пусть они там..." [12]

Народный депутат СССР Г.Э.Бурбулис говорил, что надо заниматься не выяснением отношений с КПСС, а созданием новых политических структур, формированием любых политических, гражданских групповых движений.

Насколько лидеры рабочих комитетов были трезвы в оценках и далеки от митинговщины, говорит одно из собраний кузбасской фракции. Обсуждался вопрос о выдвижении кандидатур в члены координационного совета Конфедерации труда. Были названы ряд фамилий - И. Левина, Л. Малыхина, М. Анохина (снял). А.Асланиди (снял), В. Голикова, Ю. Герольда. Л. Ерохина и др. Один из делегатов вдруг поинтересовался - кто из них коммунист? Разразился скандал. В знак протеста В. Голиков покинул зал. А. Асланиди заявил, что это провокация. Коммунистическую принадлежность даже не стали обсуждать. В рабочем движении Кузбасса давно научились судить о людях совсем по другим параметрам. (Выдвинули кандидатуры И.Левина и Ю.Рудольфа). [13]

В то время немногим дано было понять, что не в одной КПСС дело. Что главным в общественном движении были не резолюции и "щипки" могущественною противника, а реформы. И кузбасская делегация знала, с какой стороны к ним подходить, изложив этот подход в докладе В. Голикова. В нём говорилось о следующих задачах: а) разработать социальную программу защиты человека от конъюнктуры рынка; б) принять антимонопольное законодательство; в) обеспечить полную экономическую и юридическую самостоятельность товаропроизводителей независимо от форм собственности; г) принять закон о защите прав потребителей; д) разработать закон о партиях и общественных объединениях; е) внешнеэкономическую деятельность приблизить к международной практике; ж) принять качественно новую Конституцию. [14]

Разве попало бы в 1992 г. население страны в состояние шока, если бы правящая партия в 1990 г. решила хотя бы часть предложенной рабочим движением Кузбасса программы? Возможен ли был бы такой астрономический рост цен, будь в стране антимонопольное законодательство, защита прав потребителей, социальная программа защиты человека от конъюнктуры рынка? Дошёл бы разве до развала СССР при наличии новой Конституции, защищающей права как отдельного человека, так и целой нации? Конечно, НЕТ! Без издержек и тогда бы не обошлось. Но процесс реформ, был бы управляемым. Мощнейшая власть, которой обладала КПСС (но которой не было у демократов в начале реформ), не была использована в интересах народа. Реформы не проводились. Вся сила институтов власти ушла на защиту идеологических партийных интересов.

На съезде поднимался вопрос и о создании своей партии. Представление о ней оказалось весьма своеобразным. Н.И.Травкин как всегда в эффектном выступлении предложил делегатам поддержать его инициативу по созданию Народной партии России (название рабочее) и рекомендовать всем сторонникам рабочего движения создавать в регионах её ячейки. Однако делегаты на это не пошли, помянув Травкину предыдущие выступления, в которых он "не хотел отдавать коммунистическую партию Лигачеву". Их осмотрительность достойна вроде бы похвалы. Но не может удивлять аргументация делегатов. "Съезд, - говорили делегаты, - не должен поддерживать какие-либо партии (аплодисменты)... Все партии суть разновидности самодержавия. Они мечтают об одном – добраться до власти и сесть на шею рабочему классу (аплодисменты). ... Никакая партия не даст нам свободы, она даст эксплуатацию в новых формах". [15]

"Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернём Россию", - говорил гениальный организатор рабочего движения Ленин ещё в начале века. В 1920 г. он разъяснял своим западным товарищам ("левым" коммунистам), что массы делятся на классы. во главе классов стоят партии, во главе партий - вожди. Отрицать роль партий и вождей, - значит обрекать борьбу на неудачу. Этот вывод применим и к концу века, к 1990 г. Отрицать роль политических партий, как это сделали некоторые делегаты съезда, это

означало превращение общественного движения в беспомощную и безобидную для власти парapolитическую суету.

Как показал опыт западных демократий (в чём россияне убедились к середине 90-х годов), только через политические партии общество может оказать эффективное влияние (давление) на власть. Общественное движение без партий почти беспомощно. Оно для властьпридержащих почти незаметно. Его легко игнорировать как в большой политике, так и в малой. Не в этом ли причина того, что Б.Н.Ельцин, как Президент России, (или М.Б.Кислюк, как губернатор Кузбасса) уже к 1994 г. ушли из-под влияния демократической общественности.

Тогда, в 1990 г. съезд Конфедерации труда записал о партиях анархо-синдикалистскую формулировку: "... Никакие политические силы и партии не должны руководить независимыми рабочими движениями". [16]

Съезд выступил за ликвидацию официального статуса парткомов на предприятиях, в вооруженных силах, МВД, КГБ, прокуратуре, суде и пр., за национализацию имущества КПСС, за отставку существующего правительства и формирование правительства с участием демократической общественности. Интересно, что по данным социологического исследования, проведенного среди делегатов съезда, недоверие их к правительству было стопроцентным, хотя профсоюзам выразили недоверие 76%, а к вновь избранным Советам-64%. [17]

Съезд образовал Совет представителей Конфедерации труда (58 чел.) и координационный Совет (по одному человеку от Донецка, Кемерово, Москвы, Свердловска). Окончательное решение о руководящем органе КТ было перенесено на 20 июня на Совет представителей и Донецке. Совет состоялся 24 июня. Были образованы региональные координационные центры в Донецке и Москве. Штаб-квартира - в Новокузнецке.

Значение съезда, как показала История, даже не в том, что был создан координационный орган всею рабочею движения страны. Этот орган потом ещё скажет своё веское слово в преобразовании политического лица страны (в весенней 1991 г. политической забастовке). "Комсомольская правда" писала, что в разрозненном рабочем движении появился "центр кристаллизации". [18]

Главное значение съезда, видимо, всё-таки в том, что на уровне всей страны произошло соединение рабочего движение и теоретической мысли (в Кузбассе это имело место в ноябре 1989 г.). Это соединение неминуемо вводило рабочее движение в политическую борьбу, в антикоммунизм. "Мы приехали из завтрашнего дня.

"Завтра будет антикоммунизм", - сказал один из участников съезда, выступивший по просьбе А.Г.Мельникова на семинаре аппаратных работников обкома КПСС. Вместо интеллектуальной реакции, на что, видимо, надеялся Мельников, устроивший этот семинар, посыпались обвинения в адрес лидеров рабочего движения (пьяницы, мол, зэки). Разговора о новом явлении в политической жизни страны

"профессиональные революционеры" (так Ленин называл партийных работников) не поддержали. Не поняли. Не смогли. [19]

"Настоящую оценку съезду можно дать через год-два, - сказал в интервью "Нашей газете" Л.А.Гордон. - Съезд может быть историческим рубежом ..., означать новый этап ... рабочего движения..."

Учёный и общественный деятель оказался прав. Съезд стал рубежным в рабочем движении страны. После съезда начался антикоммунизм. Хотя на самом съезде он проявился лишь как тенденция. Точнее сказать, проявился не антикоммунизм, а "антиКПСС". Программный документ съезда был типичным для западной социал-демократии и никакой угрозы идеям социализма в общем-то не содержал. Возможность сохранения рабочего движения в рамках социалистической ориентации, таким образом, оставалась и после съезда. Хотя, конечно, она не была такой, как, скажем, в июле 1989 г. Во всяком случае, рабочее движение Кузбасса, как авангард общественного движения всей страны. Задачи разрушения социализма сознательно ещё не ставило. Будь КПСС помягше, возможно, и открылся бы путь постепенного (но радикального) реформирования страны.

Однако КПСС не желала "поступаться принципами". Несмотря на предупредительные звоночки, которые звучали непрерывно с июля 1989 г., партия, оставаясь на догматических позициях, не хотела реформирования страны. Она не пошла даже на собственную реконструкцию, оставаясь в принципе, такой же, какой её оставил Ленин. Она была верна давно отжившим принципам. Тем принципам, которые давно превратили её в закорючку структуры.

Хоть и закорючка, но это был всё ещё могущественный политический организм, в руках которого была власть, закреплённая Конституцией, материальные ресурсы сверхдержавы. Так были все годы советской власти. Генеральный (Первый) секретарь партии всегда был фактическим главой государства. Иногда ему, для удобства межгосударственных сношений, приклеивалась и высшая государственная должность - глава правительства (Сталин, Хрущев) или глава государства (Брежнев, Горбачев). На местах именно секретари обкомов (горкомов, райкомов) партии, а не председатели исполкомов Советов, решали все вопросы управления территорией.

Вся кадровая политика (от директора школы или шахты до министра или Президента СССР) находилась в руках КПСС. Партия была полным и безраздельным хозяином (хозяйкой) положения в стране. Никогда, нигде, ни перед кем партия не отчитывалась (нельзя же всерьёз принимать за отчёт "отчётные доклады" ЦК КПСС на съездах партии).

Однако к весне 1990 г. партия уже не была тем монолитом, которым она выступала во времена Ленина, Сталина и даже Хрущева. Всё больше и больше нарастали противоречия между различными социальными (руинами в партии, подлинная стратификация которых не походила на общепринятую тогда - "рабочие", "крестьяне", "служащие").

Самую крупную по степени значимости группу в партии составляли управленцы. Не важно, какие это были управленцы - партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные, комсомольские. Это был единый круг людей, называемых номенклатурой. По воле партийных органов они передвигались из одного кресла в другое, как по вертикали, так и по горизонтали. Элитой считались партийные руководители, арьергардом - профсоюзные (в профсоюзы "ссылались" самые "непроявившие", обратного хода, скажем, на хозяйственную или советскую работу им уже не было).

Не члену КПСС попасть в этот номенклатурный круг было абсолютно невозможно. Вот и выстроились очереди из служащих, желающих вступить в КПСС. Ждать приходилось порой годами, так как существовало правило преимущественного приёма в партию рабочих и крестьян (одного служащего принимали на 7-9 рабочих). А рабочим - карьеру не делать, поэтому и вступать в партию вроде бы не к чему. Приходилось их "вовлекать".

Интересы этой группы членов КПСС часто (но не всегда) замыкались потребностями личной карьеры. Но это не значит, что среди них не было умных и честных людей. Они были. Именно в эту группу входили так называемые трудоголики, рабочий день, которых по их собственной инициативе длился не 7 часов, а - все 14 час.

Политическое мышление многих из них часто не выходило за рамки большевистского поиска "врагов" и "предателей". Можно понять, казалось бы, партийных работников, которые вместо анализа событий и явлений скатывались на этот путь. Секретарь Прокопьевского горкома КПСС Е.А. Голубев, например, вполне серьёзно говорил, что "социально-экономическая политика ... рождается экспертами из-за рубежа", а сторонники демократических реформ - это перевертыши. [20] Примерно такой же уровень "анализа" у его коллеги Ю.И.Дьякова (первого секретаря Рудничную РК КПСС г. Кемерово), считавшего, что всё дело в Горбачеве, которого давно надо было исключить из партии. [21] Для партийных секретарей выдача хлестких политических ярлыков, ратование за принятые крайних мер вместо интеллектуального поиска решения проблем было частью их работы. Так повелось в партии ещё с ленинско-сталинских времён.

Но как понять хозяйственников, которые в этом не уступали партработникам? Директор шахты "Березовская" П.Н.Васютинский, например, в январе 1990 г. на пленуме горкома партии говорил: "Почему-то стало заигрывание, мягко говоря, со всеми движениями, со всеми организациями. Тов. Мельникову надо было ещё вчера дать отставку за его заигрывание и лояльное поведение". [22] Как будто рабочее движение росло и крепло не в силу объективных причин (между прочим, из-за таких вот методов "тащить и не пущать!"), а было результатом слабости характера партийных руководителей. А ведь Васютинский считался тогда одним из самых мыслящих хозяйственников Кузбасса. Легко можно представить, каков был политический уровень рядовых управленцев.

Понять их вообще-то не очень трудно, если вспомнить резолюцию 10 съезда РКП(б) (1921 г.) о единстве, партии, которая не допускала

свободомыслия в партии. Она была, видимо, их компасом, лакмусовой бумажкой в определении достоинства коммуниста - мыслишь в рамках постановления очередного съезда или пленума партии - хороший коммунист, "наш" человек. Допускаешь отклонения - оппозиционер, фракционер, предатель, перевертыш и т.п.

Эту социальную группу в партии объединяло не столько большевистское простодушие, основанное не на политических знаниях, а на субъективных ощущениях, сколько корпоративность, принадлежность к одному кругу властителей жизни.

Следующую значительную по численности группу в КПСС составляли добросовестно заблуждавшиеся. Они вступили в партию для того, чтобы, как писан один из участников рабочего движения в заявлении о выходе из неё, "в рядах КПСС сделать что-то полезное для народа". [23]

Социальный состав этой группы был весьма разнообразен – от горнорабочего очистного забоя - до ученого, литератора, журналиста, секретаря парткома, министра. Всё зависело от личного кредо (среди рабочих-коммунистов тоже встречались карьеристы). Благодаря этой группе граждане страны не до конца утратили интерес к КПСС, надежду на лучшее состояние общества путём обновления социализма. Личный альтруизм, честность, в какой-то степени идеализм, отсутствие меркантильности были характерными чертами для этих коммунистов. Именно такие коммунисты и пошли в рабочее движение. Некоторые из них (кстати) не спешили с выходом из КПСС, надеясь на возможность её реформирования изнутри. Но таких было меньшинство. Большинство же, разочаровавшись в ней, стали подавать заявления о выходе из её рядов.

Если в 1988 г. этот выход был исключительно эпизодичным, то в 1990 г. он превратился в массовое явление. Выходили прежде всего рабочие и инженерно-технические работники, врачи, учителя, журналисты. На бюро обкома КПСС 22 января 1991 г. было установлено, что больше половины (52%) всех вышедших из партии в Кемеровской областной партийной организации составляли рабочие. За ними шла группа интеллигенции (38%). Немало вышло и пенсионеров - 9%. Оказалось, что коммунистов, работающих в промышленности, транспорте и строительстве уменьшилось почти на половину. Изменился социальный и возрастной состав партийной организации Кузбасса. Средний возраст её членов увеличился на 2 года (составил 47,7 лет). Доля рабочих и крестьян уменьшилась на 7% (стала 30,3%), при увеличении доли служащих и пенсионеров до 44%. [24]

По отдельным городам, предприятиям и учреждениям картина складывалась для партии ещё более удручающая. На шахте "Коксовая", например, каждый второй коммунист сдал партийный билет. На "Красном углекопе" партбилеты сдали 42,6% коммунистов, "Прокопьевскугледстрое" - 62,5%. В научных учреждениях Прокопьевска из 300 коммунистов в партии остались только 16 чел. Если в целом областная парторганизация сократилась на 16,8%, то Прокопьевская - на 34% (с 23076 чел. до 15074 чел.), Березовская - на 33,3%. [25]

Примечательно, что в заявлениях о выходе 51% бывших коммунистов отмечали свою неудовлетворенность результатами перестройки, 31% - вообще причин выхода не указали. Это по данным обкома КПСС, который даже в кругу "своих" (на бюро) боялся сказать всю правду, скрывая за формулировкой "неудовлетворенность результатами перестройки" картину куда более зловещую.

Как отмечал корреспондент "Известий" в Кузбассе В.Костюковский, парторги предприятий долго закрывали глаза на тех, кто вышел из партии, не утруждая себя даже заявлением об этом. В партийной организации разреза "Черниговский", насчитывавшей 300 чел., в ходе перерегистрации своё членство подтвердили всего 15 коммунистов. [26] По данным социологического опроса, проведенного в Прокопьевской партийной организации, 73% коммунистов покинул партию в связи с неудовлетворенностью её политикой и идеологией. При этом 28% респондентов заявили, что партию покидают лучшие коммунисты. [27] Наиболее ярко картина с выходом из партии проявилась в работе областной партийной конференции, проходившей в три этапа. Из 770 её делегатов на 3-й этап (сентябрь 1990 г.) явилось всего 480. Остальные – покинули партию. А ведь на конференцию избирали "самых-самых"...

Значительную группу в партии составляли те, кто, вступив в ряды КПСС, не испытывал необходимости личного участия в общественной деятельности. Это были в основном те из рабочих и крестьян, кто поддался на уговоры начальства, стремящегося выполнить рекомендации партийных органов о повышении рабоче-крестьянской "прослойки" в партии. Фактически это была своего рода вербовка в партию. Как правило, эта категория коммунистов общественной жизнью не интересовалась, никакой личной выгоды от членства в партии не получала. С партийным билетом расставалась легко. Мало того. Выход из партии был их актом протеста, возможно, единственным серьёзным общественным поступком за все годы (иногда десятилетия) пребывания в рядах КПСС.

"Добросовестно заблуждавшиеся" и "завербованные" покидали партию с чувством обиды и даже злости за напрасно растраченную жизненную энергию, не получив (в отличие от "управленцев") никаких личных выгод от пребывания в КПСС. Тех выгод, к которым они, как правило, и не стремились, считая постыдным делом погоню за ними. Так они были воспитаны. А выяснилось, что погоня за обильными благами для "управленцев" была образом жизни, нормой поведения (тщательно скрываемой), за которую пришлось отвечать перед народом всем коммунистам, в том числе и бессребреникам.

Очевидно, в рядах КПСС можно было бы выделить ещё какие-то группы (вступивших "на всякий случай", видевших в партии своеобразный "клуб по интересам" и т.п.). Но судьбу партии определяли не они. Её определяли первые две - "управленцы" и "добросовестно заблуждавшиеся". Остальные группы выполняли роль статиста. Между двумя первыми группами и возникло жесткое противостояние в конце 80-х - начале 90-х

годов. Одна – хотела сохранить своё статус-кво, другая - выдвинув "Демплатформу", намеревалась провести реформирование партии и общества. Очень немногие активные общественные деятели Кузбасса 1989-1991 г. не были когда-то коммунистами. Из 11 народных депутатов России, выдвинутых рабочими комитетами, 8 (или 9) - состояли когда-то в партии коммунистов. Из 37 депутатов областного Совета фракции рабочих комитетов не менее 70-75% были коммунистами или оставались таковыми.

Анализ документов областной партийной организации показывает, что выход из партии активизировался во второй половине 1990 г. "Идёт бурный процесс ликвидации цеховых партийных организаций", - говорил секретарь Ленинск-Кузнецкою горкома КПСС А.А.Филатов на сентябрьском (1990 г.) пленуме. - Голос коммунистов становится менее слышным. Апатия и бездействие". [28]

До лета 1990 г., до 28 съезда КПСС. коммунисты надеялись на реформы. Но, увы! Решения 28 съезда партии не пошли дальше обычных догматических деклараций, поиска врагов (в частности, М.С.Горбачёва). Если за 1990 г. до 28 съезда в партию вступило по всему Кузбассу 205 чел. (цифра сама по себе исключительно мизерная), то после съезда за полгода по 18 городским и районным парторганизациям не оказалось ни одного желающего встать в её ряды. [29] Одно только это, даже без учета выхода, увеличения возрастного состава партии и т.д., со всей очевидностью свидетельствовало о том, что партия была обречена. У неё не было будущего.

Однако это не означало, что партия, как политическая организация, тогда уже не представляла из себя ничего серьёзного. Драматизм ситуации в том и состоял, что партия, не будучи способной на реформы, оказалась достаточно сильной, чтобы заблокировать их. Изучение документов обкома и горкомов КПСС, показывает, что в руководящих партийных органах новая обстановка как будто не замечалась.

В условиях нарастания общественного движения, переориентации его с борьбы экономической на политическую партийные органы работали так же, как, скажем, при Сталине, Хрущеве, Брежнев. Как тогда, так и сейчас они строго следили за тем, чтобы в партийные решения не попало "ничего лишнего", "крамольного", то чего не было в докладах вышестоящих партийных руководителей или документах вышестоящего партийного органа. Например, Генеральный-секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачёв в своих многочисленных выступлениях умудрялся обходить молчанием рабочее движение Кузбасса. Как будто его и не было. Точно так же поступали и в партийных органах Кузбасса. Ни слова не было сказано о рабочем движении, например, в "Программе действий Кемеровской областной партийной организации на ближайший период", принятой в октябре 1989 г. Хотя в проекте этого документа был специальный раздел о рабочем движении. Его внесли ученые, обществоведы, которых обком КПСС привлек к его разработке. Но партийные боссы посчитали ненужным его включение. [30]

Точно так же поступали и в горкомках. Для них тоже рабочего движения как бы не было. Например, в предвыборной платформе Кемеровской

городской партийной организации, принятой в ноябре 1989 г., отсутствовал даже намёк на потрясшие весь мир события в Кузбассе. Разве только в словах - "отдельные люди пытаются извратить лозунги перестройки, готовы отказаться от принципов социализма" - человек, искушенный в разгадывании эзопового партийного языка, обнаружит информацию о рабочем движении. [31]

В апреле 1990 г. состоялись городские партийные конференции по обсуждению платформы КПСС к 28 съезду партии. Ни в докладах секретарей, ни в "программах действий", принятых на конференциях, о рабочем движении речи не было. [32]

Эти "программы" были настолько далеки от действительности, что уже через месяц, на пленуме Прокопьевского горкома секретарь Е.А.Голубев признал, что направления работы не реальны и руководствоваться ими невозможно. Но и на пленумах ничего не было о рабочем движении. Как будто пленум проходил не в географическом центре рабочего движения Кузбасса, а, скажем, в кубанской станице или Вологде. Как будто не только что прошёл съезд независимых рабочих движений страны с антикоммунистическими решениями. Как будто уже не состоялись в апреле-мае городская и областная сессии Советов народных депутатов нового созыва, где произошло противостояние двух блоков - коммунистического и демократического - с жесткой постановкой демократами вопроса о передаче власть из рук КПСС в руки Советов.

Такая же ситуация с вопросом о рабочем движении сложилась и в других городских партийных организациях. В административном центре Кузбасса юроте Кемерово, например, за всё первое полугодие 1990 г. ни разу не ставился и не обсуждался вопрос о рабочем движении. [33] В партийных организациях, разумеется, были люди, которые могли предложить другой подход, другую тактику (в том числе и союзническую) по отношению к рабочему движению. Но их голос не мог быть услышан. На пленуме Березовского горкома пытался было П.Е.Никитин говорить о нарастании рабочего движения, но его согнали с трибуны. [34] Таков был настрой партийцев, таковы были партийные принципы, которые препятствовали проявлению мнения меньшинства.

Выступая против ленинских организационных принципов ещё на заре формирования российской социал-демократии, Г.В.Плеханов писал, что эти принципы на практике приведут к тому, что "у нас действительно не будет в партии ни большинства, ни меньшинства потому, что тогда у нас осуществится идеал персидскою шаха. ... В её рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных бойцов; в ней остались бы лягушки, получившие, наконец, желанного царя... ". [35]

Было бы ошибкой полагать, что слова отца русской социал-демократии грубо применимы к партийному руководству в плане характеристики их интеллектуальных способностей ("лягушки", получившие царя). Речь идёт о возможностях проявления способностей и партии. В условиях демократического централизма любые способности человека "усреднялись"

либо вышестоящими партийными товарищами, либо численным превосходством "большинства".

На пленуме Ленинск-Кузнецкого ГК КПСС (27 сентября 1990 г.) обсуждался вопрос "о практической работе коммунистов на современном этапе". Второй секретарь горкома О.П.Мартынов говорил, что 70 лет партия была не политической организацией, а машиной государственного управления, что с возвращением властных функций Советам партийные органы "приобретают иное назначение". Он внёс ряд совершенно деловых предложений по проблемам власти, собственности и другим ключевым моментам ситуации. Несмотря на то, что он был председателем группы по подготовке проекта решения, от его предложений в резолюции пленума не осталось ничего. Да и не могло остаться. Искренний, 40-летний бывший начальник Ленинской погрузочно-транспортного управления (ПТУ), только что избранный на альтернативной основе секретарём горкома, он, видимо, не очень-то разбирался в тонкостях интриг партийных органов, не подозревал, что в них по-прежнему существовала лишь видимость работы. [36] Это-то, в конце концов, и погубило КПСС, а вместе с ней и два её главных детища - Советский Союз и мировую социалистическую революцию.

В углублении кризиса Кемеровской областной партийной организации заметную роль сыграл и субъективный фактор. В сентябре 1990 г. на пост первого секретаря обкома КПСС был избран 48-летний Л. М. Зайцев. Время показало, что журналист Дмитрий Сагара оказался совершенно прав, написав тогда: "... С уходом Мельникова окончательно отмерла авангардная роль КПСС в Кузбассе....У коммунистов вообще не осталось лидеров, равных Мельникову. Отхлынули от неё и интеллектуалы..." [37]

Наличие глубочайшего кризиса в партии вовсе не означало, что КПСС сдала свои позиции. Она по-прежнему оставалась властной партией, точнее, самой властью. Но, в отличие от предыдущих десятилетий, эту власть ей приходилось отстаивать в борьбе с демократическими силами.

В Кузбассе олицетворением демократии были рабочие комитеты, которые с марта 1990 г. имели свои фракции в представительных органах власти - Советах народных депутатов. На первых же сессиях Советов нового созыва, состоявшихся в апреле, стало совершенно очевидно, что прежняя практика работы Советов ушла в прошлое. В былые годы депутаты съезжались на сессии лишь для формального голосования по уже обсужденным и утвержденным и партийных кабинетах вопросам. Обычно в первой половине дня депутаты заседали в депутатских комиссиях, а после перерыва на обед заслушивали основной доклад. Затем следовало несколько беспроblemных выступлений, зачитываемых по бумажке, и принималось решение. Решение, непременно, проходило единогласным голосованием.

Иного и быть не могло потому, что, во-первых, реальная власть была не у Советов, а у КПСС и, во-вторых, депутатами фактически становились не в день выборов, а в день утверждения партийным секретарём (райкома, горкома, обкома) списков кандидатов. Тот, кто становился депутатом, всегда это знал и вёл себя подобающе. Не могли перечить своему "патрону" на

сессиях не только номенклатурные работники, многие из которых по должности автоматически становились депутатами, но и рабочие "от станка" и крестьяне "от сохи". Большинству из них скорее всего даже и в голову не приходило, что может быть как-то иначе.

Иное дело - депутаты 1990 г., многим из которых пришлось самостоятельно бороться за депутатский мандат. Поэтому сценарии проведения сессий, подготовленные в партийных органах, они сломали в первые же минуты их работы. "Смотрел на новоиспеченных депутатов и сердце радовалось, - писал о сессии Новокузнецкого горсовета корреспондент "Нашей газеты" Михаил Гревнев. - Этот горсовет машиной для голосования не станет', тут люди в основном самостоятельные". [38]

Противостояние на сессиях было прежде всего между депутатами от рабочих комитетов и коммунистами. На первой сессии областного Совета к "группе депутатов на платформе рабочих комитетов" причислили себя 24,9% депутатов (из 190 присутствовавших). И хотя по опросу Кузбасского центра изучения общественного мнения в группу "коммунисты" отнесли себя лишь 18,5%, но, как показали дальнейшие события, в неё входили остальные $\frac{3}{4}$ депутатов.

В жестком противостоянии демократии и "партократии" абсолютно не просматривалась самостоятельность позиций зарегистрировавшихся тогда депутатских групп: "Юг Кузбасса" (17,7%), "Аграрники" (8,8%), "Центр" (8,0%), "Независимые депутаты" (8,0%), "Медики" (6,4%), "Представители народного образования" (4,4%) и др. [39] Деление в Советах фактически было на две фракции: демократическую и коммунистическую - на сторонников реформ и их противников. Сколько-нибудь серьезных оттенков в этом делении не было.

Это подтверждается данными социологов, опросивших депутатов областного Совета в мае 1990 г. об авторитетности для них политических деятелей. Оказалось, что для 76,9% депутатов политическими лидерами были Н.И.Рыжков, Е.К.Лигачёв и А.И.Лукиянов, а для 23,1% - Б.Н.Ельцин, Н.И.Травкин, А.А.Собчак. Подобная же картина выявилась и по рейтингу кузбасских деятелей. Для 72,2% депутатов политическими ориентирами были коммунисты А.Г.Тулеев, М.И.Найдов, Л.Г.Мельников, а для 27,8% - демократы М.Б.Кислюк и В.М.Голиков. [40]

Эти цифры отражают количественное соотношение сил демократов и коммунистов в Советах, в частности - областном. Коммунистов было явное и подавляющее большинство. А в сельских Советах они были полновластными хозяевами. Сторонников реформ найти там было очень трудно.

Естественно, коммунисты не могли не воспользоваться своим подавляющим перевесом. Они намеревались путём голосования блокировать, а то и вовсе игнорировать мнение демократов. Этому им удалось добиться почти во всех городских Советах и, разумеется, во всех сельских. Однако "не по зубам" им оказались Новокузнецкий, Междуреченский, 'отчасти Березовский горсоветы и областной Совет. Депутаты ^тих Советов буквально

заставили коммунистическое большинство прислушиваться к демократическому меньшинству.

Они использовали известный в западных парламентах метод срыва кворума, необходимого для принятия решения. 37 депутатов "на платформе рабочих комитетов" из 190, избранных к первой сессии, какими бы аргументированными и доказательными их предложения не были, всегда должны были проигрывать при голосовании. Коммунистом, по сути дела, не было и необходимости выслушивать их выступления. Любой вопрос, любое решение сразу же можно голосовать с беспроигрышным для себя результатом. Однако, если 37 демократов покидали зал при голосовании, любое решение без кворума (167 чел.) считалось незаконным. Конечно, если бы на сессию являлись все 250 депутатов областного Совета (всего было избрано - 245), то и 37 чел. не могли бы сорвать кворума. Но обычно приезжали не более 190 депутатов. Причиной тому была не только болезнь или отпуска. Многие депутаты были руководителями предприятий и не могли (да и порой не хотели) покидать своё рабочее место на несколько дней работы сессии. Зачастую они считали депутатские обязанности досадным отвлечением от "настоящего дела", которым, по их мнению, только они и занимались. Но и от депутатства не отказывались, имея в виду лоббистские возможности депутатского мандата. Были такие, что за все годы существования Совета (до осени 1993 г.) на сессию приезжали всего один-два раза. Из-за неявки депутатов на сессию не один раз приходилось переносить сессии Кемеровского, Прокопьевского, Киселёвского горсоветов. В условиях формирования депутатского корпуса на любительской основе ничего другого ожидать не приходилось.

В группе же депутатов на платформе рабочих комитетов подобрались политически активные люди, в том числе и руководители предприятий: В.Г.Лоскутников (директор электромеханического завода), Г.М.Митякин (заместитель председателя комитета по телевидению и радиовещанию), В.Р.Лозинг (директор школы), Р.Л.Касьянов (зам.директора анилино-красочного завода), В.В.Бирюков (зам. председателя Прокопьевского горисполкома), А.С.Баталов (начальник вагонного депо г. Тайги). Потом к ним присоединились генеральный директор завода "Карболит" В. И. Климов и др.

Почти все депутаты этой группы являлись на сессии, активно выступали, предлагали проекты решений, работали в комиссиях. По многим вопросам к ним готовы были присоединиться ещё 10-20 депутатов. Но когда дело доходило до принципиальных вопросов, когда приходилось блокировать заседания, - тут оставались только "свои". Методом блокирования заседаний демократы заставляли коммунистов искать компромиссы, вырабатывать такие решения, которые бы устраивали в какой-то степени как ту, так и другую сторону.

Приём блокирования заседаний в парламентах западных стран применялся редко. Да и то, в основном, в тех случаях, когда надо было продемонстрировать свой протест против какого-то вопроса.

Демократические же фракции в Советах (в основном междуреченском и областном) к этому методу прибегали довольно часто.

Особенно на первых сессиях. Но зато потом - стоило только предупредить о том, что фракция может покинуть зал заседания, как тут же коммунисты соглашались обсуждать компромиссный вариант. А в начале первой сессии коммунисты были настолько уверены в своём превосходстве, что выступления демократических депутатов (В.Голикова, А.Асланиди, М.Лобановой, Д.Шагиахметова, А.Колпакова, М.Кислюка и др.) встречали обструкционистским "захлопыванием", смехом, шумом, выкриками. Вели себя снисходительными хозяевами. Пока не были отрезвлены двухдневным блокированием сессии. Пришлось научиться уважению к меньшинству. Однако в средствах массовой информации, которые тогда были в их почти безраздельном подчинении, они пытались восстановить общественное мнение против демократов, покидавших зал при угрозе принятия принципиально не устраивавшего их решения.

Правда, и коммунистам однажды пришлось воспользоваться этим приёмом (хоть они его и осуждали до этого). Они воспользовались им в самой драматичной для себя ситуации. В дни августовского 1991 г. путча сессия областной Совета обсуждала вопрос об отношении к событиям в Москве. Демократы предложили обратиться в Верховный Совет СССР с предложением о приостановлении деятельности КПСС как партии, члены Центрального Комитета которой организовали путч. Хотя коммунисты и знали, что демократы не наберут большинства для принятия этого решения, они не стали рисковать, создавать всесоюзный прецедент (судьба путча тогда была ещё неизвестной). Они заявили, что покинут зал, если демократы не снимут это предложение. [41] Но это было осенью 1991 г. А тогда, в 1990 г., потребовалось две-три сессии, чтобы коммунисты поняли - сессии Советов машинами дня голосования решений КПСС больше не будут.

Надо было видеть недоумение многих депутатов - коммунистов, а также избирателей, которые искренне не понимали, как можно оспаривать "непреложную" истину, что большинство всегда право. Советский человек, воспитанный на принципах демократического централизма, изумлялся поведению депутатов демократического направления, считая, что они сторонники диктата меньшинства большинству, что мол они большевики нового призыва.

Немногие тогда понимали, что истинная демократия состоит не в примитивном арифметическом соотношении сторон, а в реальном учёте мнения не только меньшинства, но и каждого отдельного человека. Удручает, что среди осуждающих тактику бойкотирования (судя по публикациям в "Кузбассе" и выступлениям по областному радио) были не только пенсионеры и рабочие, которые могли и не знать истории и политологии.

Среди них была и интеллигенция, в том числе и преподаватели общественных наук, для которых умозрительность подхода была, мягко сказать, удивительна и уж, во всяком случае, непрофессионально. Уж они-то

могли бы знать, что корни подлинной демократии уходят в русскую общину. Каждый хозяин в общине, даже если он был самым "распоследним неудачником", фактически обладал правом вето на решение общины. При его отрицательном отношении ни один вопрос не мог считаться решенным. Скажем, если 99 односельчан из 100 договорились о каком-то способе деления пахотной земли, а он один - единственный был против; решение не проходило. И тогда 99 его земляков искали другие варианты, подходящие для всех - 100. Если бы в Совете Безопасности ООН каждый его постоянный член не обладал правом вето, то из-за численного превосходства в нём стран НАТО решения были бы всегда против СССР и его союзников.

Демократия в том и состоит, что, с одной стороны, каждому человеку предоставляется свобода выбора, и каждый человек (или группа лиц) могут быть услышаны при выработке решения, с другой - всё общество неукоснительно соблюдает утвержденные "правила игры", и никто не смеет самовольничать. Если они кому-то не нравятся - добивайся законного их изменения, но пока – соблюдай прежние. Советскому человеку такая демократия тогда (да и позднее) была непостижима. Ему подавай механическое большинство.

Вот почему с демонстрационным уходом из зала согласилась лишь треть опрошенных социологами (группы Бориса Прошкина и Натальи Сидоренко) избирателей. Хотя на первой сессии демократических депутатов поддерживало 73% респондентов. При этом 46% категорически высказались за недопустимость этого приёма. [42]

Было бы преувеличением считать, что все депутаты от рабочих комитетов (от КПСС тоже) были намного выше своего электората в политических вопросах, что уже в 1990 г. по-настоящему знали, что такое, скажем, разделение властей, какова процедура принятия решений, какова компетенция местных органов в законодательстве и т.п. Они (союзные и республиканские депутаты тоже) находились лишь в поиске. Новый порядок реализации власти через представительные органы только-только утверждался. На собственном опыте депутаты осваивали демократические процедуры, учились понимать ценность демократии.

Все без исключения депутаты от рабочих комитетов шли на выборы под лозунгом "Вся власть Советам!" Потом, в 1993 г., когда не без их участия Советы распустили, они часто слышали упрёки в свой адрес о невыполнении предвыборных обещаний. Однако содержание требования демократов 1990 г. "Вся власть Советам!" и аналогичную требования коммунистов 1993 г. несопоставимы. Лозунг "Вся власть Советам!" в 1990 г. означал передачу власти из рук партии в руки представительного органа. Реализация этого же лозунга в 1993 г. предполагала восстановление единовластия Советов взамен утверждавшемуся с осени 1991 г. разделению властей на законодательную и исполнительную ветви.

И даже не особенно важно, что к 1993 г. Советы, наряду с "госпрофсоюзами", оставались форпостом коммунизма. Важно было сберечь основы нарождающейся в России демократии, сохранить принцип

разделения властей. Борьба за подчинение Советам исполнительной власти привела к кровавым событиям 3-4 октября 1993 г.

На первых сессиях между демократами и коммунистами произошли жесткие столкновения по вопросу о кадровых назначениях и избраниях на руководящие должности в Советах и исполкомах. Демократы предложили прямое народное избрание председателей Советов (городских и областного). Поскольку ни союзное, ни республиканское законодательство такой процедуры не предусматривало, постольку демократы предложили провести опрос избирателей. По его результатам можно было потом на сессии утвердить председателя Совета. Депутаты областного Совета с опросом (прямыми выборами) не согласились. Результаты поименного голосования показывают, что это решение "завалили" представители номенклатуры - партийные, советские, хозяйственные руководители. [43]

Настаивая на прямых выборах (опросе), демократы в облсовете выдвинули кандидатуру М.Кислюка, полагая, что за него кузбассовцы наверняка отдадут свои голоса: во-первых, он был из рабочих комитетов, авторитет которых оставался высоким, во-вторых, за него на мартовских выборах проголосовала половина населения Кемеровской области (север Кузбасса), избрав его депутатом России по национально-территориальному округу. Это хорошо понимали и коммунисты, зная, что их кандидат (А.Тулеев) явно уступал Кислюку в популярности. Зато на сессии - выборы Тулееву были обеспечены. И Тулеев действительно прошёл, набрав -127 депутатских голосов (всего на один больше, чем требовалось по регламенту).

На сессии Новокузнецкого горсовета предложение демократов о проведении опроса прошло. Новокузнецчане высказались на нём за представителя рабочих комитетов, депутата России В. Киселева. Но на сессии коммунистом удалось взять реванш. На пост председателя Совета утвердили Р.Бабуна, правда, впоследствии не оправдавшего их надежд. Он встал на сторону демократии. Но важен сам факт игнорирования коммунистами мнения народа.

На областной сессии, несмотря на жесткое противостояние демократов, коммунистом удалось провести в председатели облисполкома М.И.Найдова, "выполнив, - как писали журналисты, - наказ обкома партии об избрании связки Тулеев - Найдов".

Но и демократы добились на той сессии принятия беспрецедентного по тем временам решения. Оно было настолько значимым, что его поддержал 1-й Съезд российских депутатов. Это решение вызвало даже протест в ЦК Российской компартии (РКП). А.Г.Мельников, ставший её секретарём, заявил, что депутаты облсовета нарушили права человека. Что же так взбудоражило республиканских депутатов и руководство компартии России? Кемеровский областной Совет запретил своему председателю входить в руководящие органы КПСС.

Однако Тулеев своеобразно выполнил это решение. В состав обкома КПСС он не вошёл, но стал приглашать к себе в кабинет ответственных работников аппарата обкома и даже ЦК РКП, проводить с ними совещания.

Не удалось демократам сколько-нибудь существенно повлиять на формирование состава облисполкома, назначение руководителей отделов и управлений. И здесь сказалось количественное преимущество коммунистов. Исполком был сформирован в основном из прежней номенклатуры, в том числе и бывших "аппаратчиков" обкома КПСС. Как совершенно точно заметил по этому поводу Л. Колпаков, ставший к тому времени одним из координаторов демократической фракции в облсовете: "...Коммунисты пошли к власти в обход через исполкомы. А новые депутаты, радостно оглядывая друг друга, с ходу утверждали предложенные списки". [44]

Исключения составили в облисполкоме два - три человека. Среди них оказался и руководитель облздравоотдела Н.Б.Милянченко, на кандидатуре которой настояли демократы. Во многом благодаря ему в Кузбассе сформировалась новая идеология областного здравоохранения. Кузбасс стал первым в России и СНГ регионом, перешедшим на систему медицинского страхования (разработка Г.Н.Царик, внедрение - А.И.Траутер).

Были и ошибки. Одной из них был принципиальный отказ демократов войти в состав президиума областного Совета. Демократы отказались от председательства в депутатских комиссиях, даже в тех, куда они уже были избраны. Сложила с себя полномочия председателя комиссии по народному образованию Алла Голованова, не стал баллотироваться на этот пост учитель - новатор Вячеслав Лозинг. Обладая талантом и нестандартным мышлением, эти люди несомненно смогли бы повлиять на формирование новой идеологии народного образования в Кузбассе. Снял с себя полномочия председателя мандатной комиссии Александр Асланиди, обладавший авторитетом не только среди демократов, но и коммунистов. В результате этот пост занял В.П.Останин, невразумительные доклады которого всегда оставляли чувство недоумения и какой-то неловкости. Но зато он всегда был предан личной линии председателя Совета, и можно заранее было знать содержание выводов мандатной комиссии. А.Асланиди отказался баллотироваться и на пост председателя депутатского контроля. Все эти отказы были в знак протеста против решения депутатов не проводить всекузбасские выборы председателя областного Совета народных депутатов.

У демократов на первых сессиях была реальная возможность быть избранными председателями многих комиссий и, таким образом, сформировать большинство президиума. Как правило, это были политически активные люди, имена которых были известны в Кузбассе. Аргументов против их избрания найти было бы, видимо, трудно. Коммунисты, лишённые в комиссиях политического и организационного таланта своего патрона вряд ли, бы смогли противостоять демократам на выборах председателей.

Несмотря на уход демократов в оппозицию, в президиум облсовета тем не менее попали несколько человек, ставшие позднее активными деятелями Демократического блока: доцент Сибирского металлургического института

(СМИ) В.И.Базайкин, бывший секретарь обкома КПСС В.Ллебедев, полковник милиции Ю.С.Пыль, член фракции рабочих комитетов Ю.Л.Рудольф (он вопреки принятому фракцией решению не снял свою кандидатуру с поста председателя комиссии). Не ушел в оппозицию и Кислюк, который был избран заместителем председателя облисполкома и по предложению, которого фракция ушла в оппозицию.

По ряду принципиальных позиций фракцию демократов поддерживали члены президиума Совета профессор КузПИ Г.И.Разгильдеев, иногда - бывший директор шахты Н.К.Крушинский. Это было уже что-то! А могло быть гораздо лучше. [45]

В состав президиума Совета также вошли и бывший председатель Беловского городского рабочего комитета Н.Г.Литвиненко, и активист Новокузнецкого рабочего комитета доцент СМИ В.В.Стерлигов. Но в демократическую фракцию они никогда не входили и не поддерживали её. А Стерлигов, избранный заместителем председателя облсовета, вложил много энергии, организационных способностей и ума в борьбу как непосредственно с рабочими комитетами, так и их фракцией. Чем объяснить вдруг изменившуюся политическую позицию этих и других людей? Предательством, как было принято объяснять в большевистской партии? - Такой вывод был бы слишком грубым и не совсем верным. Преследованием личных корыстных целей? - Очень упрощенно и слишком прямолинейно. Видимо, правильнее было бы говорить о продуманной тактике этих людей. Вероятно, это был вопрос о выборе союзников сначала в борьбе за депутатский мандат, а затем на период парламентской деятельности (а также личных перспектив в связи с нею).

Так поступили с первой же сессии бывшие деятели рабочего движения или проходящие по их избирательному списку: А.И.Евсюков, Ю.И.Нестеров, В.Ф.Молоков, М.Б.Минязов, Л.Ф.Арыков, В.П.Баловнев, А.В.Сорокин, Ю.Л.Шебарчин. Несколько позднее это сделала И.А.Лисина, избранная в Малый совет от демфракции, а также Э.Н.Якшин. Причем у Якшина и Лисиной изменение позиций произошло так резко и неожиданно, что к ним вряд ли подходит объяснение об изменении взглядов. Тем более, что никаких заявлений во фракции они не делали (это сделали только Сибикин и Щечкин). Лисина и Якшин просто молчком стали голосовать за линию коммунистической команды. Из фракции рабочих комитетов уходили одни, приходили другие. В феврале 1991 она официально изменила своё название, стала называться Демократический блок (Демблок). В него записалось 84 человека. [46]

Трудно сказать, чем руководствовались многие депутаты, оформляясь в этот блок. Добрая половина из них никогда эту фракцию не поддерживала, а собственную депутатскую деятельность, вела очень пассивно. К тому же некоторые из них даже были активистами коммунистического блока. Костяк Демблока составляли в основном все те же 30-40 человек: А.В.Асланиди, А.С.Баталов, В.И.Базайкин., Н.М.Белогуров, В.В.Бирюков, В.Ф.Вахитов, А.И. Ветров, Н.Б.Гладков, А.Г.Колпаков, В.А.Колмогоров, Ю.В.Комаров,

Р.Л.Касьянов, А.И.Синцов, А.Ю.Колесников, В.С.Лисов, М.Л.Лобанова, Г.М.Митякин, Ю.П.Никитин, И.С.Кожуховский, Р.М.Орфсева, Ю.С.Пыль, Ю.Л.Рудольф, А.И.Смагин, В.Г.Лоскутников, В.П.Титов, В.Г.Швыдков, М.В.Чернухин, А.П.Хромов и др.. Координаторами Демблока были избраны В.И.Базайкин, В.Л.Лебедев, Л.Н.Лопатин, Л.И.Синцов. Тогда в Демблок вошли и те, кто уже осенью 1991 г. зарекомендует себя активным борцом как с демократической фракцией, так и постсоциалистическим курсом Президента России, новой исполнительной властью в Кузбассе: Л.П.Сергачев, Ю.И.Колесников, В.П.Останин и др.

Какой бы вопрос не стоял на президиуме или сессиях Совета: кому подчинить работу КГБ, МВД, комитет по радио и телевидению, кого назначить на тот или иной пост, как формировать местный бюджет, что сделать для стабилизации экономики и борьбы с преступностью, поддержать или осудить очередную шахтёрскую забастовку, признавать ли ГКЧП, посылать ли главу областной администрации Кислюка в отставку, как относиться к тому или иному Указу Президента России, - все они, в конечном счете, были вопросами реформ. Проводить ли косметические реформы по "обновлению" социализма (как было с 1985 года и на чём настаивал коммунистический блок) или осуществлять радикальные, рыночные преобразования. Сохранять политические, экономические и социальные институты, существовавшие в стране десятилетиями, или формировать новые. Именно в этом было существо спорных вопросов между демократической и коммунистической фракциями. Противостояние шло не по мелочам. Оно было концептуальным, затрагивающим существо социалистической системы.

Вот этой-то концептуальности многие депутаты и не понимали (или делали вид). А, возможно, у них не хватало характера рискнуть карьерой.

Не понимали этого и многие избиратели, осуждая настойчивость Демблока, присылая на сессии телеграммы или телефонограммы протеста. К тому же многие из них уже к осени 1990 г. попали под обаяние личности А.Г.Тулеева.

Еще в апреле, в момент избрания председателем, Тулеев заявил, что каждая сессия должна давать людям какие-то льготы. Пожалуй, впервые советские люди услышали из уст большого начальника не призывы к борьбе "за!", а заботливое слово о них. Кому не понравится его предложение, скажем, о сокращении женщинам рабочего дня на один час в неделю, предоставлении им дополнительного выходного дня раз в месяц, введении социальных пенсий для неработающих инвалидов и пр. [47]

Демократы потребовали экономического обоснования его предложений и определения источника финансирования. Подход единственно верный, деловой, грамотный, государственный. На выявлении стоимости тулеевских предложений настаивали и депутаты - руководители предприятий. Но, увы! Предложения Тулеева тогда прошли, как проходили и потом. "Я было думал выходить из министерства, - говорил один из депутатов - директор

предприятия в кулуарах. - Выйти, чтобы попасть под такой вот пресс волонтаризма и партийных лозунгов? Нет уж..." [48]

Поскольку сессии транслировались по областному радио, постольку Тулеев мгновенно приобрёл ореол борца за интересы человека труда. А демократы, мягко сказать, оказались непонятыми. Для депутатов из рабочего движения, на практике знавших дистанцию от прекраснодушного требования до его практической реализации тулеевские предложения выглядели тем же самым, что и их собственные требования в июльской забастовке - "колбасы-мыла". Потребовать можно. Но где взять? К тому времени они начинали понимать, что чтобы добиться серьезных изменений в улучшении условий жизни, нужны не отдельные подачи, а преобразование всей системы производственных отношений.

Практику удовлетворения частных интересов без реформирования социального строя и политической системы Тулеев эксплуатировал и в дальнейшем. А если учесть, что говорил он очень образно, часто с оттенком грубоватости (под "рубяху-парня"), то станет понятным, почему он вскоре превратился в кумира кузбассовцев, особенно людей старшего поколения, женщин. Дело дошло до целования рук председателю.

К тому же он скоро приобрел образ обижаемого, гонимого (которых на Руси любят и защищают). Его постоянно критиковали депутаты, журналисты, деловые люди за коммунистическую зашоренность, непрофессионализм в действиях, субъективизм, излишнюю эмоциональность и пр. Желая или не желая того, они тем самым создавали ему каждодневную рекламу.

Немаловажно и то, что он, как ведущий сессию, безраздельно господствовал над микрофоном, комментировал почти каждого выступающего, сообщал непроверенные факты, давал характеристики депутатам, выступал как истина в последней инстанции. Как подсчитали избиратели, только в первый день июльской сессии его личные комментарии составили 117 минут чистого времени. [49] Немудрено, что он приобрел самый высокий политический рейтинг в Кузбассе. Ему прощали все. В том числе и его откровенную поддержку ГКЧП, борьбу с рабочими комитетами.

Такого жесткого противостояния между демократами и коммунистами, как в Кузбассе, тогда не было, пожалуй, ни в одном, кроме Прибалтики, регионе страны. К выводу о бесперспективности поверхностного реформирования, проводимого КПСС, рабочие комитеты пришли еще весной 1990 г.. Эту линию проводили депутаты в Советах. У депутатов, прошедших школу рабочего движения, никакого заблуждения насчёт намерений и возможностей партии и правительства уже не было. Демократически настроенным депутатам России еще только предстояло избавиться от иллюзий. Если противостояние в городских и областном Советах Кузбасса началось еще в апреле 1990 г., то на съездах и в Верховном Совете РСФСР - только в конце 1990 - начале 1991 г.

В то время были попытки упрощенческого, обывательского объяснения причин такой настойчивости демократов в борьбе с коммунистами. В Кузбассе многие верили Тулееву, который считал (видимо, искренне), что все дело в борьбе демократов за власть, как способ удовлетворения личных амбиций. Советская практика людям подсказывала, что оказавшийся у власти человек автоматически избавлялся от бытовых проблем, обрекался на безбедное существование. Поэтому поверить в утверждение Тулеева о корыстном интересе демократов было несложно.

Однако если всё дело было в "лакомом куске", то почему же тогда многие известные в России и Кузбассе демократы во власть не пошли? Не пошли даже в благоприятнейшее для них время после провала августовского путча. Они остались на своих рабочих местах: редакциях, вузовских кафедрах, забоях. Некоторые открыли свое собственное дело. Они не стали ни главами администраций (за исключением Кислюка, Минязова,) ни начальниками управлений, ни даже рядовыми клерками "на теплых местах." (Речь не идет о тех, кто ещё в 1989 или 1990 гг. отошёл от рабочего движения и был оценен коммунистами "по заслугам").

После путча в органах власти осталась прежняя номенклатура, сменив на дверях кабинетов таблички. Сформировалась и новая номенклатура из людей, которые в годы борьбы рабочих комитетов против тоталитарного режима себя абсолютно никак не проявили. А в ряде случаев были даже борцами с рабочим движением. Так было в Кузбассе. Так было в правительстве России и администрации Президента. Некоторые источники утверждали, что в областной и городских администрациях Кузбасса более 40% работали "бывшие". Так что ироничное высказывание коммунистов о "так называемых демократах", находящихся у власти после августа 1991 г., не так уж далеко от истины.

Демократы во власть не пошли потому, что, во-первых, боролись за страну, за людей, а не за личное "место под солнцем", во-вторых, это, были, как правило, неплохие специалисты своего дела (инженеры, рабочие, хозяйственники, журналисты, преподаватели вузов, юристы) и расставаться с профессией, в которой уже реализовали себя, они не хотели. Вкус власти для них был чуждым. С чем пришли они в ряды политических деятелей, с тем и ушли из политики в 1992, 1993 гг.

Одни - посчитали, что дело перехода страны от тоталитаризма к демократии сделано, другие - поняли или почувствовали, что реформы - это процесс десятилетий и растрчивать на них всю свою жизнь не захотели. Свой вклад в избавление страны от дискредитировавшего себя политического режима они внесли, повернули ее к реформам. Дело же профессиональных политиков эти реформы планировать и проводить. Время любительства в политике прошло. Перед ними был выбор - уходить в профессиональные политики или вернуться к "станку".

Нет достаточных оснований сомневаться в том, что демократы ввязались в политическую борьбу, руководствуясь патриотическими, а не меркантильными целями. Однако нельзя особенно осуждать и коммунистов

за их обвинения в адрес демократов, будто бы те преследовали личные цели. На такое объяснение коммунистов толкал собственный опыт. Использование власти в корыстных интересах было образом жизни коммунистической номенклатуры (хотя здесь было и немало исключений).

Только двое деятелей рабочего движения областного масштаба попали в исполнительную власть Кузбасса. Причём, на самую её верхушку. Один - М.Б.Кислюк был назначен главой администрации Кемеровской области, другой - А.В.Малыхин стал представителем Президента в Кузбассе. Демократы Кузбасса могли бы воспользоваться этим важным обстоятельством и "получить портфели". Но не воспользовались. Не получили. Они отклонили соответствующие предложения Кислюка (по правде сказать, немногочисленные).

Правильно ли поступили демократы? - Вопрос отдельный. Но этот факт в какой-то мере свидетельствует о том, что власть, как способ удовлетворения личных амбиций, была демократам не нужна. Они рассматривали власть как инструмент изменения политического и экономического порядка в стране. Они добились смены направления движения страны, сломив сопротивление коммунистической партии, опираясь на мощное рабочее движение.

Летом 1990 года произошло несколько событий, не оставивших сомнения в том, что общественное мнение в Кузбассе складывалось явно не в пользу руководства страны, что рабочее движение начинает ориентироваться на политическую деятельность.

2-го июня, в годовщину расстрела новочеркасских рабочих, по призыву 1-го съезда Конфедерации труда почти во всех городах Кузбасса состоялись митинги протеста. Многочисленными они не были (по 2-3 сотни человек). Их малочисленность, видимо, можно объяснить тем, что, во - первых, советским людям не была свойственна острая реакция на события прошлых лет (1962 г.), во - вторых, наш человек, наученный чекистами трёх поколений, понимал, что участие в политическом акте далеко небезопасно.

Современные чекисты не хотели, чтобы он терял страх перед "органами". На кемеровском митинге, например, несколько мужчин спортивно вида, передвигаясь от группы к группе, демонстративно снимали на видеокамеру участников митинга. Когда один из организаторов митинга попросил "операторов" представиться, ему даже не ответили, с усмешкой, почти вплотную направив объектив на его лицо. Из "Нашей газеты" потом узнали, что на этом митинге "присутствовала большая группа сотрудников правоохранительных органов и КГБ во главе с руководителем БХСС страны генералом Рунышковым". [50]

Те митинги были первыми в Кузбассе массовыми мероприятиями, на которых звучали резкие выступления против КПСС, развернуты антикоммунистические лозунги ("Идеология ленинизма - идеология красного фашизма"). Участники митингов потребовали создания депутатской комиссии по расследованию обстоятельств расстрела, привлечения к суду его

виновников, полной реабилитации жертв, выплаты пенсий семьям погибших. [51]

Резонанс митингов был громким. Настолько громким, что даже 22-я областная партконференция, проходившая в те дни, поддержала их обращение о расследовании преступления в Новочеркасске. 23 июня 1990 г. произошло событие, последствия которого оказались значительными не только для Кузбасса, но и всего Советского Союза. В тот день в Москве состоялась встреча Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцина с представителями рабочих комитетов Кузбасса: В.М.Голиковым, Ю.А.Герольдом, М.Б.Кислюком, П.Н.Пятенко, Д.М.Шагиахметовым.

Участники встречи обсудили вопросы о судьбе КПСС (предсказали неизбежность её раскола), о приоритете республиканских законов над союзными, делегировании властных полномочий Центра на места, о хозяйственной самостоятельности регионов и предприятий, роли армии, КГБ, МВД, о национальных конфликтах и др. Участники встречи договорились о встрече членов Верховного Совета РСФСР с лидерами Конфедерации труда, об установлении оперативной связи между Председателем ВС РСФСР и структурами рабочего движения, "которая бы делала возможным единые действия в любых экстремальных ситуациях". [52] Фактически это был договор о совместных действиях, благодаря которому Ельцин приобрел мощнейшего союзника в лице рабочего движения Кузбасса, а оно, в свою очередь, в лице Ельцина получило лоббиста на самом высоком государственном уровне. Позднее, в августе 1990 г., во время визита Ельцина - в Новокузнецк, содержание этой встречи будет оформлено документально. Подписано "Заявление о намерениях". Договаривающиеся стороны обязывались поддерживать друг друга в проведении реформ. [53] Свою часть обязательств рабочие комитеты выполнили с честью, много раз поддерживая

Ельцина в его борьбу на Съездах народных депутатов РСФСР, на президентских выборах, борьбе с ГКЧП, референдуме 1993 г., при принятии Конституции России и др. Подобной же обязательности со стороны Ельцина замечено не было, особенно в постсоциалистический период.

26 июня 1990 расширенный Совет рабочих комитетов Кузбасса принял решение о проведении суточной политической забастовки в связи с годовщиной июльской стачки. [54] Такое же решение приняли рабочие комитеты Донбасса, Воркуты, Ростовской области. Его поддержал Совет представителей Конфедерации труда (Москва). [55]

В конце июня в Донецке состоялся съезд шахтёров, куда съехались делегаты со всех шахтёрских регионов страны. Участники съезда заявили, что правительство обмануло шахтёров, приняв постановление N 608, многие пункты которого не выполняются. По их мнению, ощутимых перемен в стране нет. Нет и "движения отрасли к новым экономическим реформам", экономическая ситуация обострилась до предела. Шахтёры потребовали от правительства разработки научно-обоснованной программы потребности страны в угле, создания системы переподготовки трудящихся тех предприятий, которые подлежали закрытию. Они поставили вопрос о

развитии социальной сферы, предотвращении экологической катастрофы, приведении трудового законодательства в соответствие с Декларацией прав человека.

Поскольку отраслевой профсоюз, считали делегаты съезда, идёт на поводу у министерства, центральных и местных партийных органов, постольку необходимо учредить свой независимый профсоюз горняков. Съезд сформировал оргкомитет по его созданию.

Съезд принял специальную резолюцию "Об отношении к КПСС", в которой подчеркнул независимость рабочих организаций от любых политических образований и что коммунистическую партию шахтёры не считают своей партией и нечего надеяться на возможность обновления КПСС. Обратившись к Верховному Совету СССР, съезд потребовал отставки правительства и призвал трудящихся выразить к правительству своё отношение. [56]

Откликаясь на призыв Совета рабочих комитетов Кузбасса и 1-го съезда шахтёров, на предприятиях Кемеровской области началось обсуждение вопроса о предстоящей забастовке. Проводить её или нет? Если проводить, то под какими требованиями? Какой должна быть форма забастовки? Metallург Запсиба, например, признали, что забастовку надо проводить под политическими лозунгами. Они заявили о неспособности партийно-советских структур вывести страну из кризиса, выразили недоверие правительству СССР. Поскольку в силу технологических причин забастовка на комбинате была невозможной, постольку в знак солидарности с шахтёрами металлурги избрали своеобразную форму протеста, решив направить продукцию, произведённую 11 июля, на решение социальных проблем города.

В ходе обсуждения вопросов предстоящей забастовки шахтёры "Тырганской" приняли решение о ликвидации на шахте партийного комитета. Это было одно из первых в Кузбассе да, пожалуй, и в стране решений об удалении структур КПСС с предприятия.

Вопрос о забастовке не могла обойти молчанием и вторая сессия областного Совета народных депутатов. На ней обсуждалось два проекта решения о забастовке. По инициативе группы коммунистов предлагалось не бастовать. По предложению демократов в решении было записано о законном нраве трудящихся на свободное волеизлияние, вплоть до забастовки. [57]

Одни коллективы принимали решение бастовать 11 июля по "полной программе", другие ограничивали забастовку несколькими часами, третьи решали в этот день вести лишь подготовительные работы, четвёртые (как запсибовцы) Оставляли продукцию, произведенную в этот день, у себя на предприятии и использовали её для социальных нужд.

Получив поддержку трудящихся и их предложения по требованиям забастовки, расширенный Совет рабочих комитет от Кузбасса 3 июля разработал требования политической забастовки: отставка правительства СССР, заключение новой союзного договора, приведение Конституции

СССР в соответствии с Конституциями союзных республик и Всеобщей Декларацией прав человека, национализация имущества КПСС, введение антимонопольного законодательства, лишение депутатских мандатов СССР тех, кто не избирался народом, а был фактически назначен от общественных организаций, деполитизация Вооруженных Сил, МВД, КГБ, органов суда, прокуратуры, государственной прессы и народного образования.

Рабочим комитетам пришлось провести значительную организационную работу, позаботясь о том, чтобы забастовка не переросла в хаос и анархию. Были созданы рабочие дружины по поддержанию правопорядка, налажена связь с милицией, установлен контроль за иными точками. Было решено, что забастовка будет проходить е на площадях городов, как в 1989 г., а по предприятиям.

Исключение, видимо, составили бы только Прибалтийские республики. Если бы тогда произвели устранение противоречий Конституции СССР с Конституциями союзных республик, то это, во-первых, ослабило бы административный диктат Центра, во-вторых, способствовало бы росту национального самосознания на умеренных, а не экстремистских началах, в-третьих, предотвратило бы вооруженные конфликты в республиках. Союзные силовые структуры в виде армий, КГБ, МВД смогли бы (как было до сих пор) контролировать ситуацию.

Взять другое требование забастовщиков - антимонопольное законодательство. Если бы им занялись в 1990 г., когда вертикаль государственной власти действовала ещё безотказно, когда уважение власти ещё не было полностью потеряно, когда существовали эффективные способы воздействия на хозяйственных руководителей, то тогда, скорее всего, не случилось бы обвала цен. В 1992 г., получив право на самостоятельное ценообразование, химики, металлурги, железнодорожники, энергетики и другие монополисты, опережая друг друга, стали "закручивать" цены на свою продукцию. В других отраслях произошла цепная реакция. За два года, с 1990 по 1992 г., в стране мог бы быть отработан экономический и административный механизм, препятствующий произвольному ценообразованию. Во всех цивилизованных странах он есть. Разве могла бы розничная цена, скажем, пластмассовой канистры кемеровского производства быть эквивалентна месячной зарплате вузовского доцента?

А что такое требование деполитизации армии, КГБ, МВД, прокуратуры, судов? Шахтёры ставили вопрос о реформировании структур, которые все годы советской власти выполняли роль защитника государства, а не человека. Тогда, в 1990 г., в условиях сравнительной авторитетности государственного аппарата, поворот силовых структур лицом к человеку, не привёл бы к их глубокому кризису. Если бы своевременно была проведена реконструкция армии, милиции, госбезопасности, разве допустили бы они рост преступности, разворовывание армейского имущества? Разве позволили бы они сформировать материальную базу вооруженных конфликтов за счёт складов Советской Армии? (Наиболее показательна в этом плане Чечня.)

В особом анализе нуждается требование забастовщиков об отставке правительства. Почему в народе удивительно быстро утвердился нигилизм по отношению к нему? Ведь должно же быть естественное уважение народа к правительству, как одному из высших органов государственной власти! Видимо, ответ надо искать в соотношении источника власти и её носителя.

В одних странах человека приучили (веками) думать, что власть от Бога, в других - от народа. А в СССР - от кого? - От народа? Но каждый знал, что власть никогда не выбирали, её всегда назначали. От Бога? - Здесь уж вовсе не убедительно, ибо все знали об Октябрьском вооруженном восстании, в результате которого у власти на долгие десятилетия утвердились большевики. Было время, когда вопросом об источнике власти задаваться не надо было. Власть просто боялись. Но в июле 1989 г. страх кончился. Что осталось? - Любовь к власти за непрекращающееся её насилие над советским человеком? Любовь к партии за неудавшуюся жизнь дедов, отцов и свою собственную? Или, может быть, власть надо было уважать за пустые полки магазинов и вечные талоны (карточки) на продукты и самые необходимые предметы? Конечно же, нет!

Коммунистическая партия, будучи 70 лет источником власти и её носителем, разваливалась на глазах. Произошла утрата авторитета государственной власти. И к этому привели коммунисты, особенно те, кто "не хотел поступаться принципами", отстаивал незыблемость ленинско-сталинской системы, не соглашался на постепенное её реформирование. Они спровоцировали утрату государственности. В 17 веке для восстановления государственности после Смутного времени потребовалось не меньше полстолетия. Сколько потребуется сейчас?

Политические требования июльской 1990 г. забастовки могли бы стать программой деятельности КПСС как властной структуры, как партии, имеющей свои ячейки во всех структурах общества. Однако в весенне-летний период 1990 г. партийные органы были озадачены только самосохранением, собственной "сытостью и ленью" (выражение Е.Т.Гайдара) судьба страны, похоже, их не особенно волновала.

Готовясь к 28 съезду своей партии, во время выборов делегатов они постарались не пропустить на него сторонников "Демплатформы", у которых имелась программа реорганизации партии и реформирования страны. Путём "аппаратных игр", прямого подтасовывания результатов голосования они добились бесхребетного состава съезда. Из пяти десятков делегатов от Кемеровской областной партийной организации не оказалось ни одного, кто был бы готов ставить вопрос о реформах или хотя бы поддержать такое предложение.

И вина в этом, надо признать, не только партийного аппарата, "завалившего" всех демократов, но и тех кандидатов из рабочих и крестьян, которые позволили "партаппаратчикам" использовать своё имя в противостоянии с демократически настроенными кандидатами. Беседы с некоторыми из них как в ходе избирательной кампании (она длилась две-три недели), так и после неё убедили в том, что они, мягко сказать, не очень

понимали суть происходящих в стране и партии событий и явлений. Не понимали, но и упустить возможность прекрасной "экскурсионной", поездки в Москву на съезд не захотели.

Давно повелось, что на партийных съездах делегаты рабоче-крестьянского происхождения выполняли роль статистов. Впрочем, точно так же, как и подавляющее большинство остальных делегатов. Все решения съезда всегда заранее утверждались по последней запятой в "цековских" кулуарах. Но на 28-м съезде, на который впервые провозилось прямое избрание, всё могло быть иначе. На съезд могли съехаться думающие люди, люди, которым была дорога судьба страны, люди, которые, в отличие от рабоче-крестьянских и номенклатурных делегатов, знали, что делать.

Нет ли противоречия между утверждением о том, что рабочие - коммунисты, попавшие на съезд, не вполне понимали сущности политической обстановки, а рабочие - забастовщики всё знали наверняка? Противоречий нет. Не понимали её и большинство забастовщиков. Не случайно, что многие из них воспользовались забастовкой как возможностью отправиться на рыбалку, уехать на дачу, "а то и просто гнать самогонку" (как говорили сами шахтёры). [62]

Однако, если рабочие - забастовщики выразили свою солидарность с wybranными ими же самими лидерами рабочих комитетов, боровшихся с июля 1989 г. за народные интересы, то рабочие - делегаты съезда солидаризировались с партийным аппаратом, чьи интересы были всегда далеки от народа. На вопрос: "Понимали ли шахтёры в 1990 г. сущность угнетающей их системы или это понимание было уделом только их лидеров?" - Голиков и Асланиди ответили: "До сути понимания происходящего дошли лишь рабочие комитеты, а в массы этого понимания мы пока донести не могли. ... Не было у нас, как в партии, информационно разъяснительной сети. ... Политические лозунги не прошли через сознание всех участвовавших в забастовке. Лозунги опережали время. Поэтому рабочие так легко сегодня (*беседа велась в 1994 г. - Л.Л.*) сменили политические лозунги на прямо противоположные". [63]

"Спросите у простого рабочего, - писал ещё в 1990 г. секретарь парткома шахты им. Шевякова В.М.Ефимов, - для чего тебе нужна партия, ты за что - за капитализм или социализм? Абсолютное большинство ответит - не нужны мне никакая партия и "измы", мне надо, чтобы было всё в магазинах и у меня в кармане." [64]

Если рабочих - коммунистов и рабочих - забастовщиков по сути дела ничего не отличало, то отличия между их лидерами колоссальные. Если для рабочих лидеров характерны государственность и патриотизм в подходе к решению назревших проблем, то для коммунистических лидеров характерна узость корпоративных интересов. Партийные лидеры были озабочены судьбой партии, а не страны, судьбой социалистической идеологии. Будь иначе, они должны были бы по-другому отнестись к требованиям забастовки.

Идеи, выдвинутые забастовщиками, были настолько глубокими по содержанию, что этого не смогли не признать даже те, кто не симпатизировал рабочим комитетам. На собрании руководителей предприятий и общественных организаций города Кемерово, состоявшегося 5 июля 1990 г. в связи с объявленной забастовкой, директора, секретари парткомов, председатели профкомов в принципе поддержали многие требования забастовщиков: заключение нового союзного договора, приведение Конституции СССР в соответствие с республиканскими Конституциями, антимонопольное законодательство.

Однако, как и следовало ожидать, руководители высказались против отставки правительства (считая, что это дело Верховного Совета СССР), лишения депутатских полномочий лиц, избранных не на избирательных участках, а в общественных организациях. Разумеется, они оказались и против национализации имущества КПСС, лишения парткомов официального статуса на предприятиях (мол, это дело самих коммунистов), против деполитизации государственных силовых структур.

Из стенограммы собрания отчетливо видно насколько его участники были далеки от жизни. Так, например, председательствующий (2-й секретарь горкома КПСС В.Т.Болтивец) утверждал, что правительственные постановления о хозрасчете в Кузбассе (N 40 и N 77) создали "необходимые экономические, политические, хозяйственные предпосылки для того, чтобы влиять на социальный уровень населения..." Как известно, даже комиссия Рябева так оптимистично не стала характеризовать эти постановления. Директор пассажирского предприятия (ПАТП-3) А.Ф.Михеев заявил, что люди не поддерживают забастовку. Большинство участников собрания согласились с таким выводом. Откуда же потом взялись сотни тысяч её участников?). Директор горпищеторга №1 И.И.Хмелев выступил с предложением "кончать" с забастовками (как будто бы быть или не быть забастовке могла решить собравшаяся элита). Неадекватность мышления руководителей точно отразила чья-то реплика с места: "Вам осталось только приостановить вращение Земли". [65]

Боролись не только рабочие. Боролись и с ними. Появился новый аспект в этой борьбе. Ни в июльской, ни в августовской, ни в октябрьской (1989 г.) забастовках не наблюдалось попыток наказать забастовщиков. Теперь же, в июле 1990 г., забастовщиков стали лишать премий, переносить летние отпуска на зиму. Немало было случаев, когда некоторых директоров, начальников смен отстраняли от занимаемой должности "за низкую воспитательную работу" в связи с забастовкой.

Попытку перейти к силовому давлению против рабочего движения наиболее точно отразила история с ультиматумом, который А.Г.Мельников предъявил "Нашей газеты". На пресс-конференции 17 июля он заявил: "Партийное издательство "Кузбасс" больше не будет печатать "материалы, порочащие КПСС и разлагающие её". [66]

Вряд ли руководство Кузбасса предполагало последствия этого ультиматума. В областной Совет народных депутатов, обком КПСС, редакцию "НГ", областной рабочий комитет посыпались телеграммы и телефонограммы возмущенных людей. Не предполагали и того, что география отправителей будет столь обширной: от кузбасских, донбасских, воркутинских, карагандских городов - до кубанской станицы, алтайских сёл и Москвы. Оказалось, что "НГ" читают не только в Кузбассе и Москве, но и Париже. Там вышел 16-ти страничный дайджест из лучших публикаций "Нашей газеты" как приложение к "Русской мысли". За развитием событий в связи с ультиматумом "НГ" следил Комитет по защите гласности ВС РСФСР. [67]

Общественный резонанс был такой, что даже депутаты областного Совета, большинство из которых раньше "на смерть бились" с демократами, вынуждены были признать, что своим ультиматумом обком КПСС ведет "наступление на гласность и свободу слова", навязывает "политическую цензуру независимому изданию". [68]

Обком КПСС отступил, сделав специальное заявление своего бюро о том, что первого секретаря обкома неправильно поняли. [69] А редакция "НГ" ввела постоянную рубрику "Материалы, порочащие КПСС".

Влияние забастовки было таким, что июльская сессия областного Совета народных депутатов качественно отличалась как от первой, так и от всех последующих сессий, вплоть до последней - октябрьской 1993 г.

Решительность депутатов была необычной. Они отменили решение прежнего облисполкома об отводе земель под строительство военного объекта в пос. Каз, "щелкнув по носу (как писали журналисты) всемогущее министерство обороны". Было упразднено архивное управление облисполкома, а Государственный архив Кемеровской области подчинили Совету народных депутатов. (Депутатам стали известны случаи подделки архивных документов, произведенные в недрах архивного управления.) Сессия согласилась на перевод областного здравоохранения на принципы страховой медицины (предложение Демблока). Специальным решением было прекращено строительство Крапивинской ГЭС, ведущееся под видом её консервации. Была создана комиссия по инвентаризации имущества КПСС с целью возможной её национализации. Обнаружив, что некоторые решения сессии стараниями чиновников из облисполкома и обкома КПСС не выполняются, сессия приняла решение о создании в областном Совете специальной структуры по контролю за их выполнением. Был избран комитет во главе с депутатами Н.К.Крушинским и В.С.Лисовым. Однако с их уходом этот комитет под руководством В.А.Просухина превратился в сборщика компромата на оппонентов А.Г.Тулеева (об этом говорилось на одной из сессий 1992 г. по отчету Просухина). [70]

Такой "революционный" настрой депутатов, проявившийся на сессии, напрямую связан с событиями 11 июля. Те, кто ещё два месяца назад освистывал депутатов, стоявших на платформе рабочих комитетов, свои взгляды, разумеется, не изменили. Просто они теперь не рисковали "публично улюлюкать".

Инерция июльской забастовки сохранялась и осенью, 3-я сессия областного Совета народных депутатов 30 августа единодушно приняла обращение ВС России о предоставлении Кузбассу статуса зоны совместного предпринимательства. Этим самым депутаты фактически одобрили идеи "Соглашения". По предложению демократических депутатов сессия поручила президиуму облсовета обратиться в ВС РСФСР с законодательной инициативой о реорганизации КГБ, "превратив этот орган в службу по безопасности народа, службу по защите прав человека". Даже Тулеев тогда пошёл на нехарактерный для защитника социалистической системы шаг. Он обратился в бюро обкома КПСС с предложением о предоставлении здания обкома партии в распоряжение и Советов, в обмен на более скромное здание Кемеровского горисполкома. [71]

Зная политические симпатии Тулеева, это предложение о неэквивалентном обмене выглядит неожиданным. Правда, если не знать некоторых деталей. Во-первых, ему как председателю Совета было хорошо известно, что депутатская комиссия по инвентаризации имущества КПСС вскрыла очень крупные факты присвоения партией народного имущества: типографию "Кузбасс", здание Заводского РК КПСС г. Кемерова, здание ГК КПСС г. Прокопьевска, частично здание ГК КПСС г. Кемерова, гостиницу и др. [72] Превентивная передача партийной собственности могла уменьшить резонанс возмущения этими фактами хищения. Во-вторых, он не мог не видеть неутешительные для КПСС перспективы, не мог не понимать, что время престижных зданий для неё ушло. В-третьих, как честолюбивый человек он не мог не попытаться "поставить на место" бюро обкома КПСС, которое незадолго до этого рекомендовало ему пересмотреть решение Совета об инвентаризации имущества КПСС. (Кто там смеет ему - Тулееву что-то рекомендовать? Отныне все должны знать, что первый в области человек не секретарь обкома партии, а он - председатель Совета!)

Успехи на политической арене были очевидны. Рабочие комитеты действовали на стратегическое опережение. К выводу о бесперспективности работы с правительством СССР они пришли ещё в феврале 1990 г., но только в июле по стало очевидно для рядовых тружеников, поддержавших требования политической забастовки. И только в сентябре, т.е. через полгода, к этому выводу пришли депутаты ВС РСФСР, поставившие вопрос об отставке союзного правительства. Еще в апреле 1990 рабочие комитеты и их депутаты взяли курс на отстранение КПСС от власти как антинародной структуры, курс на передачу всей власти Советам. После 28-го съезда КПСС аналогичные процессы пошли в других регионах страны, и депутаты СССР вынуждены были принять решение об отмене ст.6 Конституции СССР. Лишившись права командовать напрямую, КПСС фактически сохранила своё качество как властной партии: в Советах, исполкомах, МВД, прокуратуре, армии, органах хозяйственного управления - везде были её люди в подавляющем большинстве.

Нет сомнения в том, что июльская забастовка шахтёров была одним из факторов, заставивших М.С.Горбачева в конце июля пойти на компромисс с демократическими силами, возглавляемыми Б.Н.Ельциным, и попытаться провести план реформ, известных как программа "500 дней". Страна поворачивала к рынку. Это стало возможным благодаря тому, что рабочее движение к тому времени превращалось из узкоотраслевого и узкорегionalного - в движение широкой общественности.

К осени 1990 г. политическая ситуация характеризовалась усилением нестабильности. Незатухающие дефициты на самое, необходимое: хлеб, сахар, табачные изделия - озлобляли людей, делали кратковременные вспышки протеста повседневным явлением. В Кемерове, Ленинске-Кузнецком прошли табачные и водочные бунты. [73] Выросла преступность, резко снизилась социальная защищенность людей. В народе началось роптание, что виной всему перестройка, что лучше бы вернуться к брежневским временам, "когда в магазинах всё было", или сталинским - "когда был порядок". Усилилось наступление на рабочие комитеты с целью, их ликвидации или хотя бы ослабления влияния на трудовые коллективы. Освобожденные члены рабочих комитетов отзывались на рабочие места, все чаще распространялись компрометирующие материалы на лидеров рабочего движения. В результате на большинстве предприятий и даже в некоторых городах городские рабочие комитеты оказались распущенными.

В этой обстановке 29-30 сентября состоялась 5-я конференция рабочих комитетов Кузбасса. В её работе участвовали и делегаты от "Союза трудящихся Кузбасса". В первый день прошло совместное заседание рабочих комитетов и "Союза", во второй - отдельные. Каждая группа обсуждала свой пакет документов.

Рабочие комитеты были представлены 221 делегатом (вместо планируемых - 376), "Союз" - 100 делегатами (вместо - 201). Неявка такого большого числа делегатов (вместо 577 чел. прибыло 321 чел.) говорит о трудностях в рабочем движении, 5-я конференция проходила в том же помещении, что и 4-я конференция - в зале Дома политического просвещения г. Новокузнецка. Но если на 4-й конференции проблема свободных мест в зале исчезла только к концу работы второго дня, то на 5-й конференции этой проблемы не существовало вообще. Уменьшилось не только количество делегатов, но и число приглашенных (в целом - в два раза), резко сократилось представительство как советской, так иностранной прессы. [74] А последней - особенно.

Ажиотажный интерес к рабочим комитетам, существовавший осенью 1989 г., фактически исчез или, во всяком случае, серьезно снизился. Это вполне объяснимо. Осенью 1989 г. рабочие комитеты и созданный ими "Союз трудящихся Кузбасса" были единственными общественными в стране структурами, альтернативными КПСС. Осенью же 1990 г. в стране существовали десятки политических партий и движений, работу которых пыталась координировать Конфедерация труда, созданная в мае 1990 года.

Утрата рабочими комитетами политической монополии противостояния КПСС свидетельствовала о колоссальных сдвигах в общественном сознании, сказавшихся на расстановке политических сил. Эти изменения учли участники конференции. Перед рабочими комитетами конференция выдвинула новую задачу – содействовать становлению независимых (нормальных, как говорили делегаты) профсоюзов. Они понимали, что переход к рынку несёт массовую безработицу, инфляцию, неуверенность в завтрашнем дне. "Преодолеть эти трудности в одиночку, - говорилось в резолюции, - будет сложно Отдельный человек, работающий по найму, обычно не может вести переговоры об условиях найма со своими работодателями на равных началах ... Совместное действие имеет куда больший вес... Суть профсоюза - противостояние хозяину". Конференция приняла обращение с призывом создавать профессиональные союзы и ассоциации, отражающие истинные интересы человека труда. Госпрофсоюзы во главе с ВЦСПС, говорилось в обращении, не способны это сделать.

На раздельном заседании конференция приняла "Положение о рабочих комитетах", в котором закреплялись направления профсоюзной деятельности: создание системы коллективного взаимодействия и взаимопонимания трудящихся; максимальное использование прав трудящихся; развитие прогрессивных экономических отношений; самоуправление общества; достижение полной экономической и юридической самостоятельности предприятий. [75]

Учли происшедшие в стране изменения и делегаты "Союза". На своём заседании они приняли новое Программное заявление и новый Устав. Ни в том, ни в другом документе, в отличие от' документов 4- и конференции, не было ничего коммунистического. Никакого обновления социализма шахтёры уже не хотели.

Правда, из нового Программного заявления теперь уже нельзя было уяснить и того, чего же хотели члены "Союза" ("союзники", как их называли). В пяти пунктах Заявления, уместившихся на одной странице машинописного листа, говорилось лишь о том, что "Союз" является формой, самоорганизации трудящихся, что он стремится к сотрудничеству со всеми здоровыми силами в стране и за рубежом, признает приоритет личных интересов и применяет ненасильственные методы борьбы.

Устав "Союза", принятый 4-й конференцией, делегаты 5-й сочли слишком "капээсэсным". Был принят новый. Новое Программное заявление "Союза" и новый Устав отразили изменения в рабочем движении. В своё время "Союз" создавался как организация, обеспечивающая связь рабочих комитетов с трудящимися. Первичные его организации должны были стать своего рода "щупальцами" рабочих комитетов на предприятиях. Но в обществе, говорил в одном из интервью А.В.Асланиди, существовал дефицит второй партии. Социально активные люди пошли на её создание. "Союз" стал самостоятельным политическим крылом. Получилось так, что самые инициативные и опытные люди рабочего движения остались в структурах рабочих комитетов. До 5-й конференции, как и предусматривал старый устав,

они были одновременно и руководителями "Союза". Однако к осени 1990 г. в 19 городах и поселках возникли отделения "Союза", автономные от рабочих комитетов. В пяти городах и посёлках (Топки, Тайга, Таштагол, Тисуль, Юрга) рабочих комитетов уже не было, а отделения "Союза" существовали. Вот почему 5-я конференция закрепила раздельное существование рабочих комитетов и "Союза". Каждому из них была обозначена своя сфера деятельности: рабочим комитетам - профсоюзная, "Союзу трудящихся Кузбасса" - политическая.

Дальнейшие события, особенно весны и осени 1991 г., показали, что разделение структур рабочего движения по направлениям деятельности было вряд ли оправданным. Ещё весной 1990 г., отвечая на вопрос журналиста о приоритетном направлении - в рабочем движении, Л.А.Гордон ответил: "Рабочее движение не выполнит своей задачи, если ограничится только профсоюзными целями. ... Сегодня надо одновременно выполнять и задачи политические... Движение может заставить существующую власть идти тем путем, на котором потери были бы минимальными и, насколько возможно, соблюдалась социальная справедливость". [76] Слова профессора оказались пророческими. В связи с тем, что к концу 1991 г. рабочее движение утратило свою прежнюю политическую силу, почти исчезло давление на правительство снизу, и реформы пошли по социально тяжелому варианту.

"Союз трудящихся", в отличие от рабочих комитетов, не смог выполнить своего политического предназначения. Одна из причин этого, видимо, в том, что формирование рабочих комитетов и "Союза" проходило принципиально по-разному. Это отразилось на их качестве. Членами рабочих комитетов становились люди, уже зарекомендовавшие себя способными деятелями. Те члены рабочих комитетов, которые переставали по каким-то причинам удовлетворять трудящихся, легко отзывались на прежнее место работы. По решению СТК им просто переставали платить зарплату как освобожденным работникам. Контроль снизу, таким образом, за работой члена рабочего комитета был жесткий, действенный. Не зазнаешься, не заленишься!

Членом же "Союза" становился любой желающий..., признающий..., материально поддерживающий... В него могли войти как социально активные, стремящиеся реконструировать общество, так и просто недовольные, а ещё лапидарнее - обиженные на судьбу.

Поэтому тот, кто был в рабочих комитетах, очень быстро прошёл этап всеобщего отрицания, этап борьбы "против!". Еще осенью 1989г. у него сложились относительно чёткие конструктивные политические, экономические и социальные ориентиры. "Союзники" же такой тесной связи с трудящимися не имели и не были столь авторитетными. Поэтому трудности возникли у них сразу же, с первых дней существования. Если с осени 1989 по февраль 1990 гг. наблюдался рост численности "Союза", то к осени 1990 г. произошло его сокращение. Например, Новокузнецкое отделение сократилось в два раза. В Кемерове к этим трудностям добавилась позиция рабочего комитета во главе с коммунистом Г.Л.Михайлецом приложившим

руку к тому, чтобы не было создано организации, альтернативной КПСС. Так, во всяком случае, считали активисты Кемеровского отделения "Союза" В.Новиков, В.Гринёв, В.Селезнев, Г.Архангельский, А.Баранов, О.Фалилеева. Там произошёл раскол в руководящем органе. Одни, в основном участники рабочего движения 1989 г., полагали, что главная цель "Союза" состоит в "широкой агитации, пропаганде и просветительской деятельности в трудовых коллективах", другие, в основном недавно пришедшие, - "лишь в митингах, пикетировании, демонстрациях и т.д.". [77]

Участники 5-й конференции рабочих комитетов пытались объяснить трудности "Союза" в основном тем, что "Союз" "перенял почти всё у КПСС". Такое объяснение, скорее самооправдательное, чем существенное. Видимо, близки к истине новокузнецкие, которые на городской конференции говорили об "отсутствии интеллектуальной мощи у активистов" "Союза", об апатии и усталости большей части населения. [78] И в самом деле! "Союз сам не выдвинул яркой личности. Те же, кто ушёл из рабочих комитетов в "Союз", как-то быстро утратили свою прежнюю активность (например, И.Левин из Ленинска, В.Древаль из Кемерова, Р.Мусин из Анжерки). Ушёл в "союзническую" работу профессор Ю.И.Чуныкова, роль которого известна в подготовке многих документов рабочего движения в период сентября 1989 г. - февраля 1990 г. В дальнейшем он станет одним из самых близких соратников Тулеева и в Государственную Думу будет баллотироваться от коммунистической партии.

Трудности в рабочем движении Кузбасса не остались незамеченными в органах КПСС. В информационном сообщении в ЦК КПСС А.М.Зайцев писал, что "на 5-й конференции отчётливо обозначились процессы дезинтеграции рабочих комитетов и "Союза трудящихся". Попытка превратить "Союз трудящихся" в политическое крыло не дала результаты". [79] Очень важным для последующих событий документом стала резолюция конференции "О политической ситуации в стране". Участники конференции подтвердили решение 1-го съезда Конфедерации труда, 1-го съезда шахтёров СССР, требование забастовки 11 июля 1990 г. об отношении к правительству СССР. По сравнению с предшествующими резолюциями здесь было нечто новое, здесь был подведен итог закономерной трансформации отношения рабочих комитетов к этому высшему органу исполнительной власти. В июле 1989 г. шахтёры не только доверяли ему, но даже надеялись на него. В январе 1990 г. на переговорах с комиссией Рябева они выразили недоверие только одному из его членов - министру угольной промышленности М.И.Щадову. Однако уже через месяц после срыва подписания "Соглашения" рабочие комитеты заявили, что кредит доверия правительству исчерпан.

Это было, что называется, последним предупреждением. В июле 1990 г. уже фигурировало требование отставки правительства СССР. А в сентябре, на 5-й конференции, было заявлено, что рабочее движение будет добиваться не только отставки правительства Н.И.Рыжкова, но и "ликвидации данной структуры власти".

Конференция предложила конкретный механизм "нейтрализации" союзного правительства - принятие парламентом России закона о ратификации союзных законодательных актов, создание российской национальной гвардии, выход России из состава СССР (как крайний случай). [80] Что немаловажно, мнение конференции рабочих комитетов об отставке правительства СССР поддержала осенняя сессия областного Совета народных депутатов. [81]

На совместном заключительном заседании конференция утвердила программные принципы и направления деятельности редакции "НГ", закрепив тем самым новые для советской действительности принципы взаимоотношения между учредителем и газетой.

На сущность политических настроений делегатов конференции отчетливо указывает пункт об объявлении дней годовщины Октябрьской революции (7-8 ноября) рабочими днями. Это обращение демонстрировало степень отрицания лидерами рабочего движения Кузбасса социалистических идеалов. Его не могла проигнорировать сессия областного Совета, фактически не возражавшая против ликвидации этого священного для коммунистов праздника. Она предоставила местным Советам право самостоятельно решать вопрос о 73-й годовщине Великой Октябрьской революции. Киселевский горсовет воспользовался этим правом, и праздник в городе не отмечался.

Даже в истории с Октябрьскими торжествами рабочие комитеты Кузбасса сработали на опережение. Вся страна не будет праздновать 74-ю годовщину Октября, а в Кузбассе не праздновали уже 73-ю). Точнее сказать, её в Кузбассе всё-таки отметили. Но отметили так, что городской партийно - хозяйственный актив Кемерово вынужден был признать это "как акт глумления над идеалами Октября, идеалами социализма, памятью Ленина". (Горожане провели 7-го ноября у памятника Ленину траурный митинг по жертвам тоталитарного режима). [82]

5-я конференция, таким образом, во-первых, подтвердила решимость рабочих комитетов бороться за радикальные реформы, в том числе и политические, во-вторых, определила основные направления деятельности рабочих комитетов - создание независимых профсоюзов, в-третьих, организационно "развела" рабочие комитеты и "Союз трудящихся". Были ли её решения свидетельством углубления рабочего движения? В аналитической справке, адресованной Центральному комитету КПСС, А.М.Зайцев ответил однозначно, заявив: "В целом рабочее движение не пошло вглубь". [83]

И в этом он был прав. Социальная база рабочего движения Кузбасса была прежней - шахтёры. Молодежь, студенты, интеллигенция, рабочие других отраслей народного хозяйства по-прежнему были пассивными и индифферентными. Те, кто хотел войти в общественное движение через "Союз", оказавшись оторванными от рабочих комитетов как реальной силы, разочаровывались и уходили. За рабочими комитетами остались, авторитет, доверие масс, связь с другими регионами, сила и эффективность давления на властные структуры. За "Союзом трудящихся Кузбасса" - резолюции,

декларации. Иными словами, у одних была реальная и результативная борьба, у других - лишь разговоры о ней. Вот почему после 5-й конференции "Союз" стремительно пошёл к саморазрушению, оставаясь лишь формально существующей общественно-политической организацией (впрочем, как и многие другие).

Во время 5-й конференции рабочих комитетов собрался подготовительный комитет конференции демократических сил Кузбасса. Через две недели (13 октября) там же, в Новокузнецке, прошла первая конференция тех общественных организаций, которые по терминологии тех лет назывались неформальными. [84] Был создан блок демократических сил Кузбасса, в который вошли: рабочие комитеты, "Союз трудящихся", партия Демократический союз (ДС), Демократическая партия России (ДПР), Социал-демократическая партия, ВЛКСМ, движение "Гражданская инициатива" и др.

Участники конференции говорили, что КПСС как антиконституционная партия обязана распуститься. Она проповедует межклассовую рознь, пропаганду которой надо приравнять к шовинизму, геноциду против своего народа. В принятом Заявлении провозглашались задачи блока: изменение существующей политической системы, достижение государственного суверенитета России и других республик, отказ от монополии на любую идеологию, приоритет Всеобщей Декларации прав человека, переход к рыночной экономике, деидеологизация образования. [85]

Подобного блока в России пока не было. В большинстве регионов ещё не прошло формирование даже отдельных политических организаций и движений. Так что объединяться там было некому. Надо признать, что и в Кузбассе организаторы демократического блока в основном ограничились объявлением о своем учреждении, не вели повседневной черновой работы по развитию демократических процессов в Кузбассе. Летом 1991 г. в Кемерове состоялась 2-я конференция демократических сил Кузбасса. При её подготовке пришлось начинать многое с нуля: организационных, объединительных структур не было, партии движения, как и раньше, работу с населением вели несогласованно.

Осенью 1990 г. политическая борьба в стране приобрела ярко выраженный конфронтационный характер. Демократическая общественность взяла курс на ликвидацию того общественного устройства, которое коммунистическая партия в напряженнейшей борьбе с народом страны формировала более 70-ти лет.

12 октября конституционная комиссия ВС РСФСР приняла за основу проект новой Конституции России. В ней закладывались иные, чем в прежней политической системе, принципы: приоритет права личности, государственный суверенитет России, разделение властей, равноправие всех форм собственности, включая частную, департизация государственных учреждений, армии, КГБ, МВД, прокуратуры. Депутаты-коммунисты России во главе с председателем КП РСФСР И.К.Полозковым опубликовали свой

проект Конституции, в котором сохранялись все прежние принципы государственного устройства.

Однако центральным вопросом политической борьбы стали не проекты Конституции. Борьба перешла в хорошо известную для коммунистов плоскость. В середине ноября М.С.Горбачев выступил в ВС РСФСР, где поставил задачу перейти от обороны к наступлению, "преодолеть стеснительность" и нанести политическое поражение силам, "рвущимся к власти". Депутаты наперебой стали призывать Президента СССР к твердости и добавили ему полномочий. Чуть позднее министр иностранных дел Э.А.Шеварднадзе (один из зачинателей перестройки) заявил, что грядёт военный переворот и подал в отставку.

К этому времени Верховный Совет и Президент СССР отказались от принятия программы Шаталина-Явлинского ("500 дней"), продемонстрировав тем самым нежелание реконструировать экономическую систему. Российский же парламент во главе с Ельциным своими решениями стал сводить союзные властные структуры к роли статиста. На это время пришлось обострение личной борьбы между Ельциным и Горбачевым, как олицетворение борьбы между сторонниками реформ и их противниками.

Рабочее движение Кузбасса как наиболее развитое общественное движение в стране объективно способствовало развитию реформаторских процессов. Не удивительно, что КПСС усилила с ним борьбу. Политике компромисса, которой коммунисты были вынуждены придерживаться после провала осенних 1989 г. попыток задавить рабочее движение, теперь уже не было места. "Мы заигрались до предела, - говорил на пленуме Березовского горкома партии 26 октября 1990 г. председатель горсовета В.Х.Николаенко, - Хватит бояться... Это не рабочий комитет, а экстремистская шайка." "Хватит нам прятаться по углам, - вторил ему П.Н.Васютинский. - Хватит скромничать. В политике скромность не самое лучшее..." [86]

Однако в переходе к усилению политической борьбы с демократическим движением в Кузбассе, как и во всей стране, у КПСС тогда возникли неизвестные ей ранее трудности. В былые времена любая партийная установка реализовывалась через руководителей предприятий и учреждений, входивших в номенклатуру кто обкома, кто горкома или райкома. Партийные органы их назначали на должность, партийные органы спрашивали с них за выполнение не только профессиональной, но и политической работы на вверенном им предприятии. Но к осени 1990 г. в связи с отменой ст. 6 Конституции СССР этот рычаг партии был утрачен. Партийные секретари области или городов уже не могли вызвать для инструкции директоров ни на совещания, ни для личных бесед. А сами директора не испытывали желаний общаться с прежним всесильным начальством. Хотя по-прежнему большинство из них оставались коммунистами.

Как действовать? Может- быть, через секретарей парткомов предприятий? Но на многих предприятиях парткомы были удалены за ворота. А там, где остались, уже не пользовались прежним влиянием на

руководство. Действовать напрямую через рядовых коммунистов? Но коммунисты покидали партию, а те, кто остался в ней, не хотели ввязываться в безнадежное дело борьбы с рабочим движением за интересы партхозгосноменклатуры. Они, как болельщики, лишь пассивно наблюдали за развитием событий. Может быть, стоило сделать ставку на партийный аппарат? Но он оставался прежним - бюрократическим, безынициативным, неавторитетным ни для коммунистов, ни для народа.

Ситуация в Кузбассе (стране) в 1989 г. и 1990 г. была нестандартной, а в партии все оставалось по-прежнему. "Отказались мы от казарменно-бюрократического стиля? - вопрошал заведующий кафедрой КузПИ А.И.Петров на пленуме Кемеровского горкома КПСС (26 октября 1990 г.). - Нет! Очеловечили внутрипартийные отношения? Нет! Стали заботиться кроме деклараций и лозунгов, о людях в целом, о своих членах партии? Нет! ... Наша партия, - продолжал он, - напоминает беспомощных, выброшенных китов-гигантов из океана на берег." "Мы не можем ответить на те вопросы, которые возникают в реальной жизни, - говорила там же секретарь парткома п/о "Химволокно" Н.Л.Буланова. [87]

У партии были методы борьбы проверенные и действенные: дискредитация, пропаганда, интриги и насилие. Осенью 1990 г. по сети партийного просвещения Кемеровской области был распространен машинописный листок, в котором сообщались сведения о прошлом некоторых лидеров рабочего движения: о пребывании отдельных из них в местах лишения свободы, о помещении их в медвытрезвители и проч.

Вероятно, была попытка распространить эти сведения через печать. Но то ли редакторы газет не решились, то ли журналисты отказались. Правда, один журналист всё-таки нашёлся - Т.Квятковская. В своей статье она почти дословно привела эту "памятку", сработанную, видимо, в КГБ. Знаменательно, что эта статья была распространена в числе официальных документов, раздаваемых делегатам Кемеровской партийной конференции (декабрь 1990 г.). [88]

Работник аппарата ЦК КПСС В.И.Кудрявцев, выступая перед областным идеологическим активом, прямо призвал использовать подобную информацию в пропаганде против рабочих комитетов. [89]

Трудно сказать, была ли слежка за лидерами рабочего движения с целью получения компрометирующей информации из личной жизни? Но в мировой политической практике этот метод применялся повсеместно. Осенью 1990 г. в средствах массовой информации всё чаще стали появляться сведения о том, что кое-кто из лидеров был замечен в пьяном виде. Частная жизнь россиянина, как известно, не отличается излишним пуританством. Шахтёров в том числе. И представлять их как завязтых пьяниц было безнравственно. Но на обывателя это действовало безотказно. Особенно на женщин.

Имея в руках такую мощную государственную систему, как КГБ, собрать компромат на любого гражданина не составляло большого труда. Один из героев американского писателя Р.Уоррена говорил: "Человек зачат в

грехе, рожден в мерзости и весь путь его - от вонючих пеленок до смердящею савана. За каждым человеком что-то есть! Надо только найти это." Искали. Находили мелочи, но эти мелочи психологически воспринимались по-крупному. Следует понимать и то, что авторитет рабочих комитетов в большей степени был основан не на знании практических дел лидеров рабочих комитетов, а на вере в них. Причём, как считал А.Асланиди, "вере слепой, ... ничего о нас люди не знали". [90]

Конечно, одними слухами о якобы беспробудном пьянстве рабочих лидеров русского человека особенно не проймешь. Ибо "веселие на Руси - есть питание". Но в совокупности с информацией о будто бы очень высокой заработной плате шахтёров, о том, что они получают импортные товары по бартерным торговым операциям и не хотят делиться с кузбассовцами, эти слухи вызвали раздражение. Всего этого было достаточно для того, чтобы изменить восприятие образа забастовщика или, как говорят психологи, перекодировать сознание. Правду перемешали с полуправдой, а то и с прямой ложью.

Но особое значение для изменения восприятия имела разноречивая информация о сущности рабочего движения Кузбасса. В одних источниках сообщалось, что рабочие комитеты ведут борьбу только "за колбасу-мыло", причём только для себя, забывая о врачах, учителях..., в других - рабочие комитеты представлялись защитниками капитализма с его безработицей, эксплуатацией, обнищанием. Третьи источники утверждали, что рабочие лидеры отрицали частную собственность на средства производства и в принципе поддерживали Горбачева с его намерениями обновить социализм. Были и четвёртые..., и пятые ..., и шестые...

Кажется парадоксом! Но для этих сообщений были основания. С самого начала рабочее движение было неоднородным. Однако эта неоднородность была незаметной в период июльской забастовки и некоторое время после неё. Тогда шло жесткое противостояние между шахтёрами и партхозструктурами. Шахтёры понимали, что допустили они слабинку в единстве действий - и их сомнут. Потому-то этим разногласиям "не давали волю". Единство было и тогда, когда у рабочих было наивное представление (и не только у них, но и у интеллигенции тоже) о том, что все дело в руководителе предприятия, города, области. Что стоит только поставить честных людей, которые будут делать всё правильно и добросовестно, и жизнь наладится. Отсюда такое пристальное внимание к выявлению рабочими комитетами фактов использования руководителями служебного положения в личных целях, борьбе с привилегиями. Многие из забастовщиков так и остались на этом уровне.

Другие пошли дальше. Увидели необходимость реконструкции всей политической и экономической системы. В рабочем движении постепенно сложились различные взгляды на сущность проводимых реформ. Одни выступали и за демократию, и за рынок, другие - за рынок без демократии, третьи - считали возможным жить и без рынка, без демократии, четвертые - стояли за демократию без рынка. "...Шахтёрское движение в СССР

неоднозначно, - писала парижская "Русская мысль", - но все остальные попытки преобразовать страну в нормальное человеческое общество кажутся нам менее реалистичными". [94] "Не все рабочие комитеты демократичны, - писала американская журналистка Людмила Торн, - некоторые из них - ставленники местных аппаратов компартии. Реакционно настроенные рабочие этих групп буквально в состоянии войны с преобладающими демократическими комитетами. [92]

В обществе в целом проходили аналогичные процессы. В соответствии с дифференциацией взглядов укреплялись симпатии или антипатии к рабочему движению. Если весной 1990 г. в приверженности к рабочим комитетам кузбассовцы были в основном единодушны (видели в них надежду), то уже осенью число их искренних сторонников поубавилось. Разъяснить народу суть происходящих явлений было в общем-то некому. Разве, что "Нашей газете"? Системы политического просвещения на предприятиях, аналогичной КПСС, рабочие комитеты не имели и даже не пытались создать. Лекторского корпуса у них тоже не было. Вот где интеллигенция могла бы себя проявить!

Получилось так, что два противника - КПСС и рабочие комитеты - выступали "в разных весовых категориях". Рабочие комитеты не имели возможности пропагандировать свою линию. В лучшем случае, они обладали лишь возможностями агитации. КПСС же имела разветвленную как агитационную, так и пропагандистскую сеть: от городских университетов марксизма-ленинизма до политшкол, теоретических семинаров в учреждениях и на предприятиях. К тому же в пропагандистской системе КПСС в то время произошли существенные изменения. Улучшилось качество лекций и семинаров. Руководство университетов марксизма-ленинизма отказалось от преподавателей-догматиков и старалось приглашать в качестве лекторов людей, думающих и смелых. Партийная пропаганда имела колоссальные возможности воздействия на сознание людей. Стоило пропустить какую-либо информацию через, скажем, политинформаторов, как она тут же становилась достоянием трудящихся. В руках партии находились десятки областных, городских многотиражных газет. Далеко не все журналисты оказались сторонниками рабочего движения Кузбасса. Борис Синявский, например, выступил с рядом статей против рабочего движения в целом и соредкторов "НГ" Д.Шагиахметова, В.Попка, В.Шишватова - в частности. Подобного рода публикации прошли в "Кузбассе", "Комсомольской правде", "Комсомольце Кузбасса", "Гудке" и др. По мнению В.Голикова, М.Кислюка, А.Семёнова, Д.Шагиахметова, специально высказавшихся по вопросу об усилении пропаганды против рабочих комитетов, "авторы выполняли социальный заказ, отражали умонастроения и мышления сил, которым не по душе демократические преобразования нашего государства... Это были вполне нормальные публикации идеологического противника". [93]

Если в пропаганде партия превосходила рабочие комитеты, то в интригах - тем более. Но как в том, так и другом случае для партии многое срывалось в последний момент, и шахтёры, если и не выходили победителями, то и побежденными они не были.

В конце октября 1990 г. в Донецке собрался 2-й съезд шахтёров СССР. К нему готовились обе стороны. У шахтёров был свой оргкомитет, у министра угольной промышленности М.И.Щадова - свой. То есть, человек, которому 1-й съезд шахтёров СССР выразил недоверие, организовывал 2-й съезд той организации, которая должна будет с ним бороться. Легко можно представить, какую организацию намеревался создать министр. Щадов добился от объединенного оргкомитета, во-первых, согласия на зачтение своего доклада в качестве основного вопроса съезда, во-вторых, права участия в съезде нескольких десятков работников министерства и руководителей объединений.

В то же время при регистрации участников выяснилось, что лидеры рабочего движения Кузбасса В.Голиков, А.Асланиди, В.Шарипов оказались в списках лишь приглашенных, а не полноправных делегатов. По всему видно, что это была попытка нейтрализовать кузбассовцев, как наиболее активных возможных оппонентов. Съезд не согласился исправить "оплошность" и перевести их в ранг делегатов. Зато некоторые руководители министерства и объединений были утверждены в качестве таковых. Этим самым нарушалась одна из принципиальных установок 1-го съезда шахтёров о создании профсоюза, где были бы представлены только рабочие и мастера.

Атмосфера на съезде была настолько неустойчивой, что только к середине второго дня работы приступили к его содержательной части. Вернее, даже не к основному вопросу съезда - созданию независимого профсоюза, а к докладу министра Щадова. Расчёт был простой - доклад заденет каждого горняка за живое, начнутся вопросы, дебаты, и съезд уйдёт от вопроса создания нового профсоюза. По настоянию кузбасской делегации съезд всё-таки поменял эти вопросы местами.

Создавать новый профсоюз или "консолидироваться" в старом, строить новый профсоюз по конфедеративному принципу или централизованному? Эти вопросы обсуждались горячо и часто непримиримо. Председатель отраслевого профсоюза В.Лунёв предлагал реформировать старый. Для кузбасской делегации вопрос был ясен давно. От социолога П.В.Бизюкова, постоянно сотрудничавшего с СРКК, им было известно, что 41% опрошенных подземных рабочих этот профсоюз своей организацией не считают). При этом 40% были уверены, что шахткомом руководит директор шахты. Ясно, что такая организация не могла быть "защитником интересов трудящихся", она была им чужда. [94]

Кузбасские делегаты предложили проект Устава независимого профсоюза. Работали две ночи, консультировались с учеными, но вместо обсуждения проекта Устава вдруг слово дали Щадову. "Такого количества цифр, аргументов и фактов, наверное, не слышало самое изощренное экономическое ухо, - иронизировали по поводу его доклада спецкорры "НГ"

М.Гревнев и А.Замогильнов. - Создалось впечатление, что мы присутствовали не на съезде, а на балансовой комиссии". [95]

Видя, что съезд умело увели от решения главного вопроса, рабочий из Новокузнецка А.В.Малыхин предложил сторонникам создания профсоюза собраться в другом зале. Из 900 делегатов в зал явились около 130 человек. Собрание было объявлено учредительным. Устав принят за основу. Это случилось 25 октября, а утром 26-го уже весь съезд проголосовал за создание нового профсоюза. Было создано оргбюро из 20 человек. От Кузбасса в него вошли А.Сергеев, А.Ерохин, В.Шарипов.

Так кузбасская делегация переиграла хитроумную московскую номенклатуру. Был создан Независимый профсоюз горняков (НПГ), независимый от партии государства, "госпрофсоюза". Однако до создания Независимого профсоюза горняков Кузбасса было еще далеко. Почти год. Первые его ячейки на предприятиях Кузбасса были созданы в январе 1991 г. во время подготовки несостоявшейся политической забастовки.

2-й съезд шахтеров СССР поставил задачу: заключить Генеральное соглашение между правительством и федерацией независимых профсоюзов горняков. Такого еще не было. По мнению председателя рабочего комитета шахты "Распадская" Л.Кунца, делегата обоих съездов, это Соглашение содействовало развитию горняцких коллективов, поддержанию гармоничных отношений между рабочими и ИТР, предпринимателями. [96]

В борьбе с рабочим движением не менее изощренно и хитроумно действовала и местная номенклатура. Ее усилиями путем интриг в ноябре 1990 г. в Междуреченске на посту председателя городского рабочего комитета вновь оказался обанкротившийся еще в 1989 г. В.Кокорин. К тому времени он уже был-членом бюро горкома КПСС. В своей "тронной речи" он заявил, что основные усилия рабочие комитеты должны вновь направить на выполнение "Протокола". Он тут же отправился в Москву, "почему-то" сразу преуспев и выколачивании дефицитов. Тем самым он фактически попытался вернуть рабочее движение Междуреченска к прошедшему этапу, увести его от борьбы за переустройство экономической и политической системы.

Это было штрейкбрехерство чистой воды, несказанно обрадовавшее чиновников. Как считали сами междуреченцы, здесь не обошлось без первого секретаря горкома КПСС С.Ф.Щербакова, человека умного, инициативного, "убежденного большевика". "Дворцовые интриги" не понравились шахтерам. Горняки шахты "Распадская" отозвали своих представителей, настаивали на возвращении денег, перечисленных на нужды городского рабочего комитета. То же самое намеревались сделать коллективы шахт имени Ленина и Шевякова. Угроза раскола рабочего движения в Междуреченске была явной.

В иных городах больших усилий для борьбы с рабочими комитетами и не требовалось. С декабря 1990 г. фактически перестал существовать Анжеро-Судженский городской рабочий комитет, ибо его деятельность была переведена на общественную основу. Председатель комитета Смирнов еще осенью 1989 г. проявлял конформистские качества и давно уже был, по,

выражению одного из рабочкомовцев, "почетным генералом". Как выяснилось, большинство членов Анжерского рабочего комитета рабочим движением не занимались. [97]

В других городах чиновникам пришлось "потрудиться". Правда, не всегда успешно. Так, по предложению директора шахты "Колмогоровская" В.Байкина совет трудового коллектива-прекратил выплату содержания трем освобожденным членам рабочего комитета г. Белова. Аргумент директора был весьма показателен. Он предложил на эти деньги купить мясо. [98]

Однако такое же предложение о прекращении выплаты зарплаты А.В.Малыхину, работавшему и Новокузнецком рабочем комитете, не прошло на шахте "Есаульская". Там был проведен общешахтовый референдум, рабочие не пошли на поводу у администрации. [99]

Занимаясь интригами, сбором компромата на лидеров рабочих комитетов и т.п., чиновники не могли, конечно, пренебречь старым, проверенным методом "работы с массой".

Директор издательства "Кузбасс" В.П.Бондаренко 17 декабря потребовал от редакции "НГ" освобождения с занимаемых ею по договору помещений в здании издательства. Это был новый ультиматум "НГ", инспирированный уже новым секретарем обкома КПСС А.М.Зайцевым. На этот выпад редактор Д.Шагиахметов ответил вежливым отказом, приведя в числе аргументов решение сессии областного Совета народных депутатов, которое запрещало партийным органам распоряжаться имуществом КПСС до окончания инвентаризации. Приводилась также ссылка на решение депутатской комиссии по защите гласности, предостерегавшее от применения силовых методов к редакции "НГ". Совет рабочих комитетов в специальном заявлении расценил этот ультиматум как политическую акцию. Последовали так же заявления протеста от исполкома союза журналистов, комиссии по защите гласности облсовета, пошли письма-протесты. Но, в отличие от летнего ультиматума, здесь уже не потребовалось широкой волны протеста общественности. Обком отступил. [100]

Декабрь 1990 г. был месяцем городских ответно-выборных конференций КПСС. На них обычно давался анализ обстановки, подводился итог сделанному, определялись задачи на перспективу. Обращает на себя внимание то, что в докладах секретарей отсутствовал анализ проблем, связанных с рабочим движением. Ничего удивительного. Например, в Кемеровском горкоме с января по 20 декабря 1990 г. этот вопрос ни разу на бюро не ставился и не обсуждался. [101] На Кемеровской городской партконференции прозвучало предложение консультанта рабочих комитетов осудить практику дискредитации лидеров рабочего движения со стороны КПСС. В ответ последовало единодушное возмущение делегатов, суть которого свелась к заявлению, что "с противником (т.е. рабочими комитетами) надо бороться любыми методами. А первый секретарь обкома Зайцев тут же недвусмысленно пригрозил этому консультанту исключением из партии. [102]

Стремление делегатов партконференции - бороться с рабочими комитетами как с противником - наиболее точно определило характер взаимоотношений рабочих комитетов и КПСС, сложившихся к концу 1990 года. Оно стало определяющим для следующего этапа рабочего движения, завершившегося крахом социализма.

Возможно, коммунисты были вынуждены пойти на эту жесткую конфронтацию ввиду непримиримой позиции лидеров рабочего движения? Если бы это было действительно так, если бы рабочие лидеры действительно были сторонниками крайних методов, то зачем тогда депутаты от рабочих комитетов добивались подписания общественными и политическими объединениями Кузбасса своеобразного договора о гражданском согласии? В нем говорилось о готовности к решению всех вопросов парламентским путём. В ноябре 1990 г. был сформирован Консультативный совет политических партий общественных движений Кузбасса. В него вошли около 30 организаций - от КПСС и СРКК до партии "зеленых" и ассоциации телеутов. Эта структура, объединившая представителей порой полярных политических взглядов, оказалось настолько работоспособной и действенной, что продолжала существовать и тогда, когда Советы народных депутатов оказались распущенными. [103]

В апреле 1994 г. Консультативный совет был преобразован в общественную палату Законодательного собрания области (сопредседатели В.А.Лебедев, В.Г.Рудин, Л.В.Чекис).

О стремлении лидеров рабочего движения к гражданскому согласию, позитивному решению вопросов, их готовности забыть идеологические разногласия ради Кузбасса ещё более красноречиво говорит факт передачи Тулееву функций председателя облисполкома. Произошло это на декабрьской 1990 г. сессии облсовета. Видя, что решения сессий и президиума Совета имеет тенденцию к невыполнению, что многие вопросы облисполком готовил некачественно, что влияние обкома КПСС на облисполком продолжало сохраняться, группа депутатов на платформу рабочих комитетов предложила передать Тулееву и председательство в исполнительной власти. Хотя к этому времени у демократов не было ни малейших иллюзий относительно его коммунистической направленности, отрицательного отношения к рабочему движению. Считали, что для дела так будет лучше (правда, потом об этом пожалели).

Однако КПСС этого стремления к согласию не разделяла. Она стала инициатором жесткого противостояния. И её можно было понять. То, что происходило в Кузбассе, было лишь частью общеполитического процесса, происходившего в стране. На мартовских выборах впервые за всю историю СССР в Советы попали депутаты, не управляемые из партийных кабинетов. 1 мая на съезде в Новокузнецке был создан координационный орган рабочего движения всего СССР. А в Москве в этот день на Первомайской демонстрации наряду с традиционными лозунгами, восхвалявшими "май, мир, труд", впервые появились транспаранты: "Долой КПСС!", "Долой империю красного фашизма!", "Долой КГБ!". 12 июня 1-й Съезд народных

депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России. Впервые за годы советской власти начинался новый этап развития российской государственности, складывались реальные условия для "зависания" Центра.

Всё это означало, что впервые после гражданской войны. (1917- 1920 г.) политические устои КПСС зашатались. Поэтому Коммунистическая партия произвела решительный шаг в сторону жёсткой конфронтации с демократическим общественным движением страны, заметной частью которого было рабочее движение Кузбасса.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ 5

1. И.Шаблинский. Куда движется рабочее движение//Рабочий класс и современный мир. - 1990. - № 4. - С. 125.
2. Вестник рабочего движения. - 1989. - № 1.
3. Вестник рабочего движения. - 1989. - № 4.
4. См. Интервью Ю.И. Чунькова//Кузбасс. - 1990. - 2 мая.
5. См. Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. - С. 273-277, 280-281, 295-298.
6. Там же. - С. 282-288.
7. Там же. - С. 285.
8. Там же. - С. 277.
9. Там же. - С. 278.
10. Комсомольская правда. - 1990. - 4 мая.
11. Рабочее движение Кузбасса. - С.275.
12. Там же. - С. 276.
13. Из личного архива автора (дневниковая запись).
14. Рабочее движение Кузбасса. - С. 270.
15. Там же. - С. 276-276.
16. Там же. - С.290.
17. MEGAPOLIS-EXPRESS. - 1990. - 22 июня. - С.22.
18. Комсомольская правда. - 1990. - 4 мая.
19. Из личного архива автора.
20. ГАКО. Ф.26. Оп. 48. Д. 1. Л. 17-18.
21. ГАКО. Ф.15. Оп. 45. Д. 4. Л. 43.
22. ГАКО. Ф. 1430. Оп. 38. Д. 3. Л. 33.
23. Из личного архива автора.
24. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 9. Л. 3-13.
25. ГАКО. Ф. 26. Оп. 48. Д. 2. Л. 6-11; Ф.1430. Оп. 38. Д. 4. Л. 65.
26. Известия. - 1991. - 5 марта.
27. ГАКО. Ф. 26. Оп. 48. Д. 2. Л.1 4; Ф. 75. Оп. 72. Д. 9. Л.3.
28. ГАКО. Ф.127. Оп. 57. Д. 4. Л. 65.
29. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 9. Л. 3.
30. Кузбасс. - 1989. - 20 окт.; Из личного архива автора.

31. Кузбасс. - 1989. - 15 нояб.
32. ГАКО. Ф. 26. Оп. 46. Д. 3. Л. 8-16, 119; Ф. 1430. Оп. 38. Д. 41. Л. 1-34.
33. ГАКО. Ф. 15. Оп. 45. Д. 6. Л. 1-56.
34. ГАКО. Ф. 1430. Оп. 38. Д. 41. Л. 72.
35. Г. В. Плеханов. Соч. Т. 13. - С. 90, 92.
36. Г АКО. Ф. 127. Оп. 57. Д. 4. Л. 71. 101-104.
37. Комсомолец Кузбасса. - 1991. - 25 сент.
38. Наша газета. - 1990. - 17 апр.
39. Из личного архива автора.
40. Подсчитано по данным КузбассЦИОМа.
41. Рабочее движение Кузбасса. - С. 515-516.
42. Там же. - С. 291-294; Наша газета. - 1990. - 1 мая.
43. Наша газета. - 1990. - 17 апр.
44. Наша газета. - 1990. - 11 сент.
45. Решение первой сессии областного Совета народных депутатов 21 созыва. 11.04, 11.05. 1990 г. Кемерово, 1990. - С. 9-11.
46. Рабочее движение Кузбасса. - С. 388-389.
47. Решение первой сессии областного Совета. - С. 48-49.
48. Наша газета. - 1990. - 5 июня.
49. Наша газета. - 1990. - 3 июля.
50. Наша газета. - 1990. - 5 июня.
51. Рабочее движение Кузбасса. - С. 304-305; Наша газета. - 1990. - 5 июня.
52. Наша газета. - 1990. - 26 июня.
53. Рабочее движение Кузбасса. - С. 342.
54. Там же. - С. 311.
55. Гласность. Ежедневная хроника. - 1990. - 6 июля.
56. Наша газета. - 1990. - 3 июля.
57. Решения областного Совета народных депутатов 21 созыва. 2 сессия. 28.06. 25.07. 1990 г. - Кемерово, 1990. - С. 3.
58. Рабочее движение Кузбасса. - С. 323.
59. Наша газета. - 1990. - 17 июля.
60. Наша газета. - 1991. - 26 марта.
61. Наша газета. - 1990. - 31 июля.
62. Там же.
63. Из личного архива автора (фонограмма беседы).
64. Наша газета. - 1990. - 31 июля.
65. ГАКО. Ф. 15. Оп. 45. Д. 8. Л. 2-15.
66. Наша газета. - 1990. - 17 июля.
67. Рабочее движение Кузбасса. - С. 337-338; Наша газета. - 1990. - 17, 24 июля.
68. Рабочее движение Кузбасса. - С. 339.
69. Кузбасс. - 1990. - 20 июля.
70. Решения областного Совета народных депутатов. 2 сессия. - С. 45-61.
71. Решения областного Совета народных депутатов. 3 сессия. 30.08. 1990 г. Кемерово, 1990. - С. 3; Наша газета. - 1990. - 4 сент.; Из личного архива

автора.

72. Рабочее движение Кузбасса. - С. 372.
73. ГАКО. Ф. 75. Оп. 69. Д. 59. Л. 58.
74. Рабочее движение Кузбасса. - С. 170, 350-351.
75. Там же. - С. 355, 359; Наша газета. - 1990. - 9 окт.
76. Кузбасс. - 1990. - 13 мая.
77. Наша газета. - 1990. - 21 авг., 2 окт.
78. Наша газета. - 1990. - 2 окт.
79. ГАКО. Ф. 75. Оп. 69. Д. 59. Л. 60.
80. Рабочее движение Кузбасса. - С. 351. Наша газета. - 1990. - 9 окт.
81. Решения областного Совета народных депутатов. 4 сессия. 17-18. 10. 1990 г. - Кемерово. 1990. - С. 30.
82. ГАКО. Ф. 15. Оп. 45. Д. 5. Л. 19-20.
83. ГАКО. Ф. 75. Оп. 69. Д. 59. Л. 62.
84. Комсомолец Кузбасса. - 1990. - 20 окт.
85. Наша газета. - 1990. - 23 окт.
86. ГАКО. Ф. 1430. Оп. 38. Д. 4. Л. 62, 64.
87. ГАКО. Ф. 15. Оп. 45. Д. 4. Л. 36, 42.
88. Авангард. - 1990. - 12 дек.
89. Наша газета. - 1991. - 18 янв.
90. Из личного архива автора (фонограмма беседы).
91. Русская мысль. - 1990. - 20 авг. (Цит. по "НГ" от 30 авг. 1990 г.)
92. Лос-Анджелес таймс. - 1990. - 19 окт. (Цит. по "НГ" от 27 нояб. 1990 г.)
93. Наша газета. - 1990. - 13 ноября.
94. Наша газета. - 1991. - 26 марта.
95. Наша газета. - 1990. - 30 окт.
96. Наша газета. - 1990. - 27 ноября,
97. Рабочее движение Кузбасса. - С. 366.
98. Наша газета. - 1991. - 8 февр.
99. Наша газета. - 1991. - 19 февр.
100. Рабочее движение Кузбасса. - С. 368-369.
101. ГАКО. Ф. 15. Оп. 45. Д. 6
102. ГАКО. Ф. 15. Оп. 45. Д. 1. Л. 71-74.
103. Решения областном Совете народных депутатов. 5 сессия. 22-23. 11. 1990 г. - Кемерово, 1990. - С. 7-8; Кузбасс. - 1990. - 20 ноября.

ГЛАВА 6. ЖЕСТКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЯНВАРСКАЯ 1991 г. ЗАБАСТОВКА. -
НОМЕНКЛАТУРНАЯ ЗАТЕЯ С МАРТОВСКОЙ ЗАБАСТОВКОЙ. -
ПРОБЛЕМА ГЕНЕРАЛЬНОГО ТИПОВОГО ТАРИФНОГО СОГЛАШЕНИЯ.
- НАЧАЛО ВЕСЕННЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКИ. РАВНОВЕСИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ. -МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ЗАБАСТОВЩИКАМИ. -
ПИК ЗАБАСТОВКИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД ДЕПУТАТОВ РСФСР. -
РЕАКЦИЯ ШАХТЁРОВ НА ЗАЯВЛЕНИЕ "9+1". - ПРЕКРАЩЕНИЕ
ЗАБАСТОВКИ. - УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА КПСС. - ПРЕЗИДЕНТСКИЕ
ВЫБОРЫ. - СОЗДАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ПРОФСОЮЗА ГОРНЯКОВ
КУЗБАССА. - МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО -
ПРИБЛИЖЕНИЕ К КРИТИЧЕСКОЙ ТОЧКЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ. -
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПУТЧИСТАМ. - ПРИШЛИ ЛИ ДЕМОКРАТЫ К
ВЛАСТИ?

Ещё во время политической забастовки 11 июля 1990 г. шахтёры договорились вернуться к своим требованиям после окончания работы съезда народных депутатов РСФСР, который мог принять меры по их реализации. Съезд прошёл. Требования не выполнены. Совет рабочих комитетов Кузбасса решил объявить предзабастовочную готовность. В Москву, на встречу с Председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельциным как человеком, принявшим на себя обязательства по политическому сотрудничеству с шахтёрами, вылетела делегация СРКК: В.Голиков, Ю.Комаров, Р.Мусин.

Накануне принятия этого решения консультативный совет (консо) при СРКК не рекомендовал предпринимать такой шаг. Сложившаяся политическая ситуация и настроения в трудовых коллективах не позволяли идти на забастовку. Массовой поддержки, считали члены консо, эта идея не получит. Во -первых, потому, что поднять на политический протест может не призыв лидеров, а какое-то значительное событие, возбудившее народ. Во-вторых, в политическом отношении рабочие в целом инертны. Они не станут биться "за журавля в небе". Иное дело, если бы требования сулили им реальные материальные прибавки. В-третьих, несмотря на полное падение авторитета правительства Н.И.Рыжкова, у людей ещё оставалась надежда, что всё само собой образуется и без борьбы. (На это известное русское качество- надежду на авось - указывал ещё в 19 веке историк В.О.Ключевский). В-четвёртых, рабочие комитеты уже не располагали на местах хорошими организационными структурами, как, скажем, осенью 1989 г. Число членов городских рабочих комитетов резко сократилось. В Кемерове, Ленинске-Кузнецком, Осинниках на освобожденной основе в них осталось по 1-2 чел., в Киселёвске, Анжеро-Судженске, Мысках - ни одного. Держались на хорошем уровне городские рабочие комитеты Прокопьевска, Новокузнецка, Междуреченска, Белова. На подавляющем большинстве предприятий рабочие комитеты были либо распущены, либо соединились с

советами трудовых коллективов, находившимися, как известно, под контролем "госпрофсоюзов" и КПСС. В целом, в рабочих комитетах осталось не больше 10% из тех, кто начинал в 1989 г. В-пятых, атмосфера всеобщего восхищения рабочими комитетами была в прошлом. Рабочие комитеты теперь не были монополистом в противостоянии КПСС. Уже существовали десятки партий и объединений. Их призыв к забастовке мог быть не услышан [1]

Так оно и случилось. На предприятиях велись лишь вялые разговоры о возможности забастовки. Почти никто не занимался её организацией. Идея забастовки не прошла даже тогда, когда для неё появилось то возбуждающее обстоятельство, о котором говорили члены консо. 1 января 1991 г. в Литву, Латвию, Эстонию, Грузию, Молдову, Украину "для принудительного призыва уклоняющихся от воинской службы" были введены десантные войска. В Литве штурмом были взяты департамент защиты края. Дом печати, здание телецентра. Было убито 13 чел., ранено 144 чел. Это означало, что руководство СССР во главе с М.С.Горбачёвым пошло на военный переворот, на развязывание гражданской войны. "Союз рабочих Литвы " 12 января обратился за помощью. "Помогите обуздать агрессора, - говорилось в его Обращении. - Не дайте задуть маленький свободолюбивый народ!" [2] "Это только проба сил, - считали участники Консультативного совета ("Круглого стола") Кузбасса. - Если удастся подавить демократию в Литве, следующими на очереди можем оказаться мы". [3]

Расширенный Совет рабочих комитетов Кузбасса на заседании 15 января принял решение о проведении всеобщей политической забастовки с 18 января. Требования забастовки были краткими, решительными, исчерпывающими: отставка Президента СССР, Верховного Совета СССР, роспуск Съезда народных депутатов СССР, упразднение института президентства СССР, передача власти республикам, немедленное прекращение оккупации прибалтийских республик, ликвидация партийных структур в КГБ, МВД, армии, госучреждениях и на предприятиях. [4]

Для лидеров рабочих комитетов Кузбасса было очевидно, что страна подошла к исторической необходимости и даже неизбежности реорганизации союзных структур, предоставления республикам полных прав, департизации государственных органов. Через восемь месяцев именно это станет основным содержанием экономических и политических преобразований в стране. Принятие законодательным органом СССР соответствующих законов обеспечило бы реформам плановый характер, могло предотвратить те хаотичные процессы, которые имели место в последующем. Но было упущено время. Недалековидность тогдашних руководителей страны в целом и Кузбасса в частности, защите ими партийных, но не государственных интересов, их запрограммированность на сохранение во что бы то ни стало политической системы, нежелание прислушиваться к голосу оппонентов лишило советский народ возможности избежать ужасов вооруженных конфликтов, катастрофичного развала экономических связей. Но это будет потом - с конца 1991 г. А пока силы коммунистических политиков были

брошены на предотвращение политической забастовки в Кузбассе, которая, вполне вероятно, могла стать детонатором для всего СССР.

В Кемеровской области партийные органы срочно приняли постановления о недопустимости всекузбасской забастовки. Президиум облсовета выступил с таким же заявлением. Были организованы письма и телеграммы "простых тружеников" против забастовки. [5] А.Г.Тулеев "не выпускал микрофона областного радио из рук", "не сходил с экрана областного телевидения". На предприятиях под руководством парткомов приступили к созданию "комитетов спасения". Коммунистическая печать перешла на "проверенный" язык 30-50-х годов. Обкомовская газета "Кузбасс" (ред. А.В.Трутнев) назвала В.Голикова "provokatorom", сравнив его с иракским диктатором Саддамом Хусейном и попом Гапоном. Газета ветеранов "Земляки" (ред. Ю.Тотыш) заговорила языком обвинительных заключений тех лет, напомнив, что коммунисты Литвы "братья по классу", что рабочие лидеры встали на "лакейско-угодливые позиции", что происходит идеологическое отступничество.

Накануне объявленного дня забастовки центральное телевидение показало документальный фильм А.Невзорова "Наши". Ленинградский журналист Невзоров был известен в СССР как автор многочисленных политических сенсаций по разоблачению чиновников. С этими разоблачениями связывали и неудавшееся на него покушение (возможно, это была инсценировка). В народе ему верили. Из его фильма "Наши" стало "ясно", что в литовской бойне виноваты вовсе не союзные власти, армия, а литовские "экстремисты". Его фильму внёс очень серьёзные сомнения в умонастроения шахтёров, намеревавшихся бастовать в защиту Литвы.

На срыв забастовки повлияло ещё несколько очень серьёзных обстоятельств. Во-первых, забастовка объявлялась бессрочной. Причём это было зимой, при пустых угольных складах. "Заморозим людей", - говорили на шахтах. Во-вторых, по мнению В.Голикова, часть людей была просто напугана фактически начавшейся войной; против народа. В-третьих, повлияла позиция Верховного Совета РСФСР (точнее, Р.И.Хасбулатова, как Первого зам. Председателя ВС), фактически высказавшегося против забастовки. [6] А ВС РСФСР в Кузбассе считали "своим" после подписания с его Председателем (Б.Н.Ельциным) в августе 1990 г. "Заявления о намерениях". Практически все шахты поддержали выдвинутые требования.

Но только пять шахт приняли решение о проведении бессрочной забастовки. Остальные выбрали иные формы. [7] Опросив городские рабочие комитеты и ряд трудовых коллективов, лидеры Совета рабочих комитетов Кузбасса приняли решение отменить забастовку. Поздно вечером 17 января В.Голиков объявил об этом по областному телевидению.

"Решение ... о проведении политической забастовки не было ошибкой, - говорилось в Обращении к гражданам России Совета рабочих комитетов Кузбасса, собравшегося 22 января 1991 г. Мощный пропагандистский аппарат коммунистов, используя дезинформацию, ложь..., играя на растерянности и страхе людей, победил нас на этот раз. В момент

контрнаступления кровавого большевизма нужны единство действий, разъяснительная работа, чтобы подготовить наш ответ диктатуре... Новая забастовка - единственно эффективное оружие в руках народа". [8]

О требованиях того заседания Совета рабочих комитетов Кузбасса невозможно читать без ощущения мистической иррациональности, без подозрения к лидерам рабочих комитетов о наличии у них машины времени. Только через восемь месяцев станет известно о Язове (министре обороны), Крючкове (председателе КГБ), Пуго (министре внутренних дел) как о заговорщиках, организаторах путча. А ещё в январе рабочие комитеты Кузбасса требовали суда над ними за литовские события.

Любопытно ещё одно "провидческое" решение того заседания Совета рабочих комитетов. Городским и областному рабочим комитетом было поручено передать свои документы в государственный архив. Хотя ещё с осени 1989 г. А.Асланиди не переставал говорить об этом. Но только теперь рабочие комитеты предприняли практический шаг по сохранению для истории документальной правды о своём движении. Шахтёры почувствовали "запах пороха", ощутили дыхание диктатуры, которая непременно расправилась бы с документами так же решительно, как и с их авторами, отважившимися замахнуться "на святая святых" - на социалистическую систему. Председателю своего консультативного совета, историку, шахтёры поручили подготовить для публикации сборник документов. [9]

Строго говоря, проблема сохранности документов должна была заботить отнюдь не парней из забоев. Это должно было быть долгом многочисленной армии кузбасских историков во главе с корифеями исторических кафедр Кемеровского государственного университета. Но даже в этом деле интеллигенция Кузбасса оказалась не на высоте положения, не выполнила своего профессионального предназначения.

Очень симптоматично было поведение участников заседания СРКК 22 января. Кажется, ни у кого не было ощущения, что объявление забастовки явилось ошибкой. Попытки отдельных лиц свалить вину на В.Голикова были жестко пресечены сразу же. Высказывались в том духе, что срыв забастовки - это даже не поражение, что неизбежно придется объявлять её ещё не раз, до полного удовлетворения выдвинутых в январе политических требований. Но время пока не пришло. [10]

"Сейчас вам не хватает второго дыхания", - сочувственно писал В.Голикову кузбассовец И.С.Никитин, высказавший пронзительную мысль о том, что во влиянии на общественный прогресс лидерам рабочих комитетов уготована в истории такая же роль, как и "шестидесятникам". [11]

Но в рабочие комитеты приходили письма и другого содержания. Скрябин, Вишняков, Ножкин и др., например, писали, что Сталин таких, как Голиков, убивал, "и был порядок". Письмо, в котором слова "дерьмо", "дебил", "сволочь" были заурядными и почти "мягкими", передаёт накал ненависти, запал злобы и злости, так характерные для определённой категории людей, воспитанных советской властью. Если верить тем, кто утверждает, что ненависть (как и любовь) вполне материальны и будто бы

образуют физическую энергию, то легко представить невероятную тяжесть, свалившуюся в те дни на лидеров рабочего движения Кузбасса, читавших гневливые письма, источавшие сгусток отрицательной энергии.

Срыв забастовки означал, что в Кузбассе сложилась новая расстановка политических сил. Во-первых, стало понятно, что рабочие комитеты утратили своё некогда монопольное качество "властителей дум" для демократически настроенных граждан. Это подтвердили и социологические исследования П.Бизюкова. Оказалось, что 53% ленинск-кузнецких обследованных шахтеров не удовлетворены деятельностью рабочих комитетов, причём 19% из них были уверены, что лидеры рабочего движения преследуют лишь личные амбиции. [12] Во-вторых, было видно, что возможности коммунистов в борьбе за сознание масс не утрачены, как казалось ещё весной 1990 г. В-третьих, какие бы хвалебные слова ни произносились о политизированном Кузбассе, кузбассовцы проявили себя исключительно заурядно, точно так же, как жители других регионов страны, воспринявших литовскую бойню по принципу "своя рубашка ближе к телу". В-четвертых, интеллигенция Кузбасса впервые после июльской 1989 г. забастовки четко определила свою позицию. Тогда, в июле, интеллигенция морально поддержала шахтёров, затем она в течение 1989 г. и 1990 г. занимала исключительно выжидательную позицию. Теперь, в январе 1991 г., она однозначно поддержала коммунистов. Из учебных и научно-исследовательских институтов, из средних школ и училищ, из управленческих контор и от отдельных лиц (не было почему-то только от врачей и актёров) в рабочий комитет шли письма и телеграммы протеста против забастовки.

Весьма любопытна "аргументация", например, философов одного из вузов Кемерово. На общеинститутском митинге в связи с литовскими событиями, доказывая правомочность и необходимость применения силы в Литве, они ссылались на бытовой национализм литовцев, с которым они-де сталкивались во время поездок в Прибалтику. На такой же обыденной основе строилась система "научных" доказательств у многих преподавателей кафедр общественных наук, разъяснявших студентам законность действий властей в Литве. [13] Даже люди с гуманитарным образованием не смогли тогда понять (или не захотели), что в Литве, как и в Тбилиси, апробировалась нехарактерная для периода перестройки юридическая и административная система преследования неугодных режиму движений и лиц.

С горечью и с сарказмом писал в те дни журналист Мих. Гревнев о позиции кузбасской интеллигенции. Интеллигенция, по его мнению, фактически присоединилась к номенклатуре, стала всё больше и больше говорить о лидерах рабочего движения как о "крикунах и лодырях" с "нехорошей биографией", всё чаще и чаще стала заявлять, что "твои забастовщики - быдло". Одними руководила злость, считал журналист, другими - зависть, а третьи - "просто подпевали сильным". [14]

А сильной стороной тогда была коммунистическая партия с её системой власти. И это качество она хотела укрепить теми методами, при

помощи которых держалась у власти более 70-ти лет. Интеллигенция не только не воспротивилась этому - она поддержала КПСС. Именно эта поддержка стала её исторической миссией. Многолетняя деятельность коммунистической партии по формированию советской интеллигенции, основными качествами которой стали вродепатриотизм, вродегражданственность, вродеобразованность и коммунистическая убежденность, таким образом, увенчалась вполне ощутимым успехом. В драматической для коммунистов ситуации интеллигенция поддержала "родную партию", а не рабочих и крестьян, "плоть от плоти" которых она якобы являлась.

"Рабочие подрали систему, - писал в те дни один из постоянных авторов "НГ". - Но у них недостаточно известных качеств для созидательных процессов. Интеллигенция должна бы, как говорится, подставить плечо. Но она, разлюбившая, по-прежнему лишь ворчит на кухне, брюзжит и на рабочие комитеты, и на их газету, и на Советы, и на новые партии. Сидит, ленивая, сопит в две норочки, бережет себя для тех времён, когда люди, забывшие события, поверят её заверениям, что "мы пахали!" [15]

До сих пор в некоторых местностях России сохранился старинный общинный обычай строить всем "миром" дом своему односельчанину. Не прийти на день "помочи" считается большим нравственным проступком. Работать "спустя рукава" - просто позор. Хотя никто, ни над кем там не начальствует, никто, ничей труд не учитывает. За один, два дня - дом готов. Не эти ли качества русского общиннику должна была бы проявить интеллигенция (впрочем, как и все остальные)? Включиться в движение, найти в нём свой участок работы, свою нишу, работать добросовестно на переустройство страны, не ожидая ни понукания, ни благодарности, ни поощрения, ни наказания. Но не тут-то было.

Воспитанная на тотальном обмане, в обстановке лицемерия и ханжества, интеллигенция была даже не в состоянии понять, что демократы были искренне потрясены литовскими событиями и только поэтому призвали к акциям протеста против сползания страны к прежним порядкам. А не смогла понять потому, что социалистический уклад был по нраву интеллигенции. Иначе чем объяснить, что в октябре 1993 г., когда Б.Н.Ельцин в защиту демократии пошёл на кровопролитие, интеллигенция мигом поднялась на акции протеста? В 1991 г. кровь, пролитая за сохранение социализма, интеллигенцию не смутила. В 1993 г. кровь - против возвращения к социализму возмутила.

То, чего "не понимала" кузбасская интеллигенция, хорошо поняла пенсионерка Симонова, обратившаяся с письмом в областной рабочий комитет. В нём она назвала репортаж Невзорова "гнусным и лживым", "первой ласточкой 1937 г.". "Милые шахтёры, - писала она, - помогите! Чтобы наши дети и внуки жили в свободном, нормальном обществе ... Бастуйте! ... Мы гордимся, когда вы выступаете со своими требованиями." [16]

"Будущие поколения, - говорил в телеобращении к кузбассовцам В.Голиков, - нам не простят того, что мы, имея возможность вырваться из рабства, не использовали этого". Так случилось, что через полгода история даст ещё один шанс переустроить страну. Но и тогда, как в январе 1991 г., интеллигенция Кузбасса будет стоять в стороне в лучшем случае).

Разумеется, интеллигенция понимала значимость требований несостоявшейся забастовки. Об этом говорят социологические исследования, проведенные в феврале 1991 г. в Новокузнецке. Опросив 1137 инженеров и техников четырех проектных институтов и 54 сотрудников Института усовершенствования врачей (ГИДУВ), социологи выяснили, что 91% респондентов стояло за департизацию госучреждений и госорганов, большинство - за отставку М.С.Горбачева и роспуск съезда Народных депутатов СССР. [17] Выходит, интеллигенция всё-таки понимала, что происходит! Понимала, но не смогла преодолеть своей робости перед системой.

Итак, политическая забастовка не состоялась. За всю историю рабочего движения Кузбасса, короткую, но бурную, это был первый случай срыва акции, запланированной рабочими комитетами, первая видимая победа коммунистической номенклатуры над ними. Проведя анализ состояния рабочего движения, лидеры пришли к выводу, что срыв забастовки стал результатом следующих обстоятельств: а) борьба за экономические интересы была рабочим ближе, чем борьба политическая, б) разочарование в политиках большого плана в сознании народа экстраполировалось на рабочие комитеты, в) резкое ухудшение жизненного уровня в постзабастовочное время у некоторых граждан вызвало тоску по брежневским и даже сталинским прилавкам, когда якобы "всё было", г) непорядочное поведение некоторых бывших членов рабочих комитетов и особенно целенаправленная дискредитация лидеров рабочего движения путем выявления у них личностных изъянов оттолкнула часть людей, д) трусливость интеллигенции Кузбасса лишила рабочее движение мощного союзника, ж) определенные промахи рабочих комитетов при выборе тактики. [18]

22 января 1991 г. бюро Кемеровского обкома КПСС приняло победное "Заявление", в котором говорилось, что "отказ от забастовки убедительное доказательство умения трудовых коллективов реально оценивать общественно-политическую ситуацию". [19]

В обстановке победной эйфории лидеры коммунистов, видимо, не придали значения сообщениям об акциях поддержки требований СРКК, имевших место в Донбассе, Москве, Ленинграде, Воркуте и др. Да и в Кузбассе, несмотря на то, что забастовка не состоялась, трудящиеся выразили своё отрицательное отношение к Президенту СССР, правительству, всей политической системе. На Запсибе, например, конференция трудового коллектива решила перечислить однодневный заработок в фонд рабочего комитета. На сменных собраниях шахт "Есаульская", "Нагорная",

"Большевик" горняки поддержали забастовочные требования и решили производить плановую отгрузку угля только по согласованию с правительством РСФСР, считая это реальным вкладом в поддержку суверенитета России. В Киселёвске и Междуреченске именно в те дни на шахтах сформировались первые организации Независимого профсоюза горцам. председателя исполкома НПО СССР П.Шушпанов в телеграмме предупреждал Кремль о том, что во всех шахтёрских регионах страны были приняты резолюции, осуждавшие действия центральных властей в Литве. Весьма симптоматичны были телеграммы пришедшие на Новокузнецкий Главпочтамт. "Шахтёры, спасайте Россию!", - говорилось в них. [20] Как выяснилось потом, это была предтеча событий марта - мая 1991 г., которые нанесли последние удары по социалистической системе.

Но на грозные предзнаменования близкого политического потрясения высшее руководство страны отреагировало, как всегда, исключительно по-советски. Оно попыталось воздействовать на следствие, а не на причину. М.С.Горбачёв заявил, что в "разжигании страстей по Литве" виновата пресса. Он выступил с предложением приостановить действие Закона о печати. Это вызвало протесты как советской, так и международной общественности. На заседании ВС СССР ему пришлось отказаться от своего предложения. Но как Генеральный секретарь ЦК КПСС он, видимо, дал указание партийным органам усилить давление на журналистов. Наступление на прессу было столь значительным, что по предложению "Независимой газеты" (г. Москва), многими газетами была проведена акция протеста. Газеты вышли с незаполненной страницей, которая демонстрировала возможное возвращение к их прежней немоте. По приказу председателя Гостелерадио Л.Кравченко депутатам ВС РСФСР был ограничен доступ на радио и телевидение. Были сняты острые политические передачи. Силловые министры Язов и Пуго издали приказ о совместном патрулировании городов сотрудниками МВД и военнослужащими СА.

Общее снижение активности шахтёров в осенне-зимние месяцы 1990-91 гг. позволило противникам экономических реформ и демократизации убедить Президента СССР разорвать компромисс с демократами и отказаться от плана "500 дней". Вскоре после несостоявшейся забастовки М.С.Горбачёв принял А.Г.Тулеева. Они договорились о визите в Кузбасс вице-президента Г.И.Янаева. Любопытно, что даже в июле 1989 г. Горбачев не проявлял такого, как теперь, личного участия в кузбасских событиях. Что бы это значило? Видимо, на Кузбасс, как на политическую силу, стали возлагать свои надежды не только демократы, но и номенклатура.

В начале февраля 1991 г. визит Янаева в Кузбасс состоялся. Высокий гость, как обычно, встретился с партийно-хозяйственным активом, побывал на предприятиях, пообещал социальные льготы, гарантии и пр. Рабочие комитеты охарактеризовали визит как "политико-профилактический", от встречи с вице-президентом СССР отказались. Ведь на дворе стоял февраль 1991 г., а не июль 1989 г. или даже не январь-март 1990 г., когда у шахтёров

существовали надежды на возможность улучшения положения дел в стране путём индивидуальных усилий руководителей большого ранга.

Но визит, Янаева придал уверенность местной номенклатуре, как выражались журналисты, команде Тулеева. Резко усилилась пропаганда против рабочего движения. В многотиражных газетах предприятий одновременно появились материалы о том, что якобы Голиков, Денисенко и др. известные в Кузбассе и стране демократы "говорят с чужого голоса", что они будто бы целенаправленно ввергают страну в хаос и разруху. Прокопьевский горком КПСС вышел со специальным обращением, в котором призывал коллективы предприятий "внимательно рассмотреть вопрос о работе своих членов рабочих комитетов..., выяснить, чьи интересы они защищают". [21] Демонстрируя свою уверенность и силу, номенклатура попыталась выселить областной рабочий комитет из штаб-квартиры в здании облисполкома. Из той штаб-квартиры, которую они получили на шестом этаже в "жаркое лето" 1989 г. и которую знали далеко за пределами не только Кузбасса, но и СССР. Никогда раньше на такой уничижительный для рабочих комитетов шаг никто не отваживался. Провал январской 1991 г. забастовки откровенно рассматривался номенклатурой как конец рабочего движения Кузбасса.

Наступление реакции не было, разумеется, региональной особенностью Кузбасса. В полуночном телеинтервью 20 февраля 1991г. Б. Н. Ельцин заявил, что "идёт откат в обратном направлении, идёт попытка реанимировать командно-административные методы, укрепить командно-административный центр... Центр не даст республикам делать самостоятельных шагов", Горбачев готов установить диктатуру. "Я отмежевываюсь от позиции и политики Президента, выступаю за немедленную его отставку, передачу всей власти коллективному органу - Совету Федерации республик...". Эти слова означали, что республиканское российское руководство объявило переход к позиции жесткого противостояния Центру. Иными словами, была обозначена новая политическая стратегия - стратегия бескомпромиссной борьбы.

В одном из интервью бывший председатель СРКК Т.Авалиани как-то заявил, что "лидеры рабочего движения отстаивают интересы "московских политиков", а не рабочих Кузбасса". [22] Но хронология развития политических событий и процессов свидетельствует, что не московские политики "вертели" Кузбассом, а Кузбасс мощно толкал столичных политиков в нужном направлении. Чем иначе можно тогда объяснить то обстоятельство, что новая стратегическая линия, объявленная Ельциным 20 февраля, была достоянием рабочих комитетов ещё с июльской 1990 г. политической забастовки? Опережение - на восемь месяцев.

Неужели лидеры рабочего движения оказались талантливее москвичей? Такой ответ был бы слишком плоским и уж, конечно, субъективным. Беспрецедентная для страны высокая активность рабочего движения Кузбасса привела к тому, что политическое вызревание лидеров здесь проходило закономерно быстрее. Лидеры рабочих комитетов в отличие от

иных политиков, были не просто связаны с народом (о чём не устают твердить политики всех стран), они были из самого народа, и в самом народе. Не было и сантиметра расстояния, их разделяющего. Талант рабочих лидеров заключался, главным образом, в том, что они чутко улавливали через настроения людей тенденции политических процессов, выкристаллизовывали их в направления политической борьбы. Политические требования, например, весенней 1991 г. забастовки родились отнюдь не в Москве и даже не в Кемерове. Впервые об отставке Президента СССР, роспуске съезда и ВС СССР заявили горняки шахты "Красный Кузбасс" г. Киселёвска на собрании первичной организации Независимого профсоюза горняков. [23]

Интересно, что позицию противостояния Центру рабочие комитеты Кузбасса заняли ещё тогда, когда Центр внешне лояльно относился к демократическому движению. Ведь только фактически в декабре 1990 г. горбачевское руководство пошло на демонстрацию силы. Правда, ещё раньше началась "война законов", когда законы, принятые ВС РСФСР, дезавуировались союзными органами. России не позволяли самостоятельно распоряжаться республиканским бюджетом. У неё, в отличие от всех остальных союзных республик, даже не было своего республиканского радио и телевидения. Весьма показательно, что в том ночном, ставшем историческим, телеинтервью "хозяином" экрана выглядел журналист ЦТ С.Ломакин (перебивал, поучал, развязно задавал вопросы), а не глава высшего законодательного органа РСФСР Б. Ельцин. В Верховном Совете РСФСР именно тогда объявилась "шестёрка" депутатов (Исаков, Горячева и др.), которая инициировала вопрос об отставке Ельцина. Продолжалась кампания по дискредитации его личности. Объявление о переходе к жесткому противостоянию республиканских демократических сил Центру произошло в не самое благоприятное время. Самый активный и мощный отряд демократии страны - рабочее движение Кузбасса переживало известный спад. В условиях нарастания экономических проблем, с которыми не могло справиться правительство В.Павлова, в обстановке всё более и более увеличивающихся дефицитов на шахтёрскую активность в народе стали "косо смотреть". Немало людей верили, что именно забастовки создали в стране экономическую нестабильность. На фоне якобы колоссальных шахтёрских заработков и будто бы их избыточного обеспечения продовольствием и промышленными товарами страна прочно "сидела" на карточной системе. Только по талонам можно было ещё что-то купить. В такой обстановке даже небольшая ошибка в выборе тактики могла иметь катастрофические последствия для рабочих комитетов.

Политическая ситуация во всех шахтёрских регионах была приблизительно одинаковой. И тем не менее Региональный союз стачечных комитетов Донбасса на заседании 18 февраля 1991 г. решил бастовать за увеличение зарплаты горнякам основных профессий в 2,5 раза и понижение для них возрастного пенсионного ценза. Аналогичные решения были приняты рабочими комитетами Караганды, Воркуты, Инты. Забастовка

должна была начаться 1 марта, а в случае неудовлетворения требований - повториться через 10 дней.

Кто обеспечил такую синхронность принятия решений о забастовке? В документах ни Конфедерации труда, ни Независимого профсоюза горняков СССР ответа нет. Что такое двойное увеличение зарплаток шахтёров на фоне всеобщего обнищания? Это вызов обществу! Это претензия на собственную исключительность! Это отрыв шахтёров от всего народа!

Документы партийных и "госпрофсоюзных" органов проясняют обстановку. Оказывается, те и другие "вдруг" "почему-то" стали организаторами забастовок. ЦК профсоюза угольной промышленности в открытом письме Премьер-министру СССР В.С.Павлову, опубликованном в газете "Труд" потребовал повышения зарплаты горнякам в связи с повышением цен. [24] А через семь дней его председатель В.Г.Лунёв разослал в теркомы телеграммы с предложением о проведении всесоюзной предупредительной забастовки за двукратное увеличение зарплаты. Председатели шахткомов и секретари парткомов энергично взялись за организацию забастовки. Секретарь Березовского горкома КПСС призвал шахтёров "Бирюлинской" бастовать, заявив, что станет в один ряд с забастовщиками. Сведения о секретаре горкома - "забастовщике" поступили и из Междуреченска. [25]

Но шахтёры Кузбасса не спешили вставать под знамена новоявленных вождей забастовочного движения. Во-первых, они были уже "стрелянными воробьями", которых запросто не проведёшь. Во-вторых, они имели организационные структуры в лице городских и областного рабочих комитетов, и пока не сказали своего слова - с выводами не спешили. Время для обсуждения столь серьёзного вопроса ещё было. А тем временем и в Кузбассе нашлись коллективы, не устоявшие перед искушением. Сначала коллектив шахты "Бутовской" (г. Кемерово), а потом "Бирюлинской" (г. Берёзовский) объявили о готовности бастовать за экономические требования с 1 марта. В отличие от июля 1989 г., где чисто шахтёрские требования составляли лишь малую часть общего пакета, претензии бутовцев и бирюлинцев были в принципе эгоистичными. А потому и выглядели вызывающими. В городах Кузбасса усилился ропот осуждения не столько горняков этих двух шахт, сколько шахтёров вообще. Не только шахтёрам всему народу было невыносимо трудно жить. На людей уже как-то не действовали рассказы о смертельно опасном и нечеловечески тяжелом труде шахтёра. Не шахтёрам трудно было понять эту тяжесть и степень опасности. И металлург, и железнодорожник, и водитель автобуса, и строитель, и врач, и учитель психологически были готовы оценить собственный труд не меньшей меркой трудности и опасности. Зная это, талантливый шахтёр Михаил Иванович Найдов как-то в начале 80-х годов устроил жёнам горняков Междуреченска экскурсию в подземный, абсолютно безопасный район шахты. Женщин потрясло увиденное. Оказавшись на поверхности, они плакали от счастья, увидев солнышко, уверяли, что еле спаслись от смерти,

утверждали, что теперь будут ещё больше любить своих мужей, зная, в каких адских условиях они зарабатывают деньги.

Никогда за всю полутораговую историю рабочее движение Кузбасса не испытывало такого надлома популярности. Авторитет его, как уже говорилось, постепенно падал, но угрозы обвала пока не возникало.

Что было делать лидерам рабочего движения Кузбасса? Соглашаться с бутовцами и бирюлинцами? Это значит потерять остаток доверия в народе. Не поддерживать их? Значит встать на штрейкбрехерские позиции. Может быть, следовало перевести забастовку из экономической в политическую? Тем более, что политическая ситуация в стране обострилась в связи с объявлением Б. Н. Ельциным новой политической стратегии. Это было бы действительно хорошим выходом. Но ещё был свеж в памяти провал январской забастовки. Ещё один провал - и рабочие комитеты не смогли бы подняться. Не на это ли рассчитывали секретари горкомов КПСС, призывая к забастовке? Может быть тогда следовало вообще промолчать и никак не реагировать на "госпрофсоюзную" акцию? Но, во-первых, её уже поддержали шахтёры других регионов, и такая позиция выглядела бы предательством по отношению к ним. Во-вторых, отделяться молчанием было не в характере шахтёрских лидеров Кузбасса.

Прокопьевский городской рабочий комитет пришёл к выводу: "У нас осталось одно средство - забастовка". Однако, в отличие от донбассовцев, они призвали бастовать не первого марта, а четвертого, не за 2,5 разовое увеличение зарплаты, а "всего лишь" за двухразовое. Но самой важной в забастовке, считали прокопчане, должна быть борьба за удовлетворение политических требований. [26]

26 февраля состоялось экстренное заседание Совета рабочих комитетов Кузбасса. Бастовать решили 4 марта. Основными были политические требования, взятые за основу у прокопчан: отставка Президента СССР; департизация органов МВД, КГБ, армии, народного образования; устранение цензуры; передача средств массовой информации России. Из экономических - главным было заключение с правительством Генерального типового тарифного соглашения (ГТТС). [27]

Почему вопрос о ГТТС шахтёры так настойчиво ставили со времени второго своего всесоюзного съезда? Почему Совет представителей Конфедерации труда и НПГ СССР упорно добивались его заключения? Дело в том, что в ГТТС содержалось всё необходимое человеку труда: занятость, рабочее время, заработная плата, социальные гарантии, охрана здоровья, государственное социальное страхование. Согласно проекту ГТТС, зарплата шахтёра должна была состоять из трёх частей. Первая - минимальная - не ниже минимального потребительского бюджета, которую рабочий должен получать в случае простоя не по собственной вине. Вторая часть - плата за вредные условия труда по нормам, разработанным не в отраслевом министерстве, а в министерстве здравоохранения. Это должно было стимулировать собственника средств производства внедрять новые технологии, а не "гробить людей". Третья составляющая зарплаты должна

была зависеть от прибыли предприятия, квалификации работника и объёма его выработки.

Заключение ГТТС делало договаривающиеся стороны взаимовыгодными. Конфликтные отношения между ними (правительством СССР и НПГ СССР) переводились в цивилизованное русло (переговоры, комиссии, суды и пр.). Массовые забастовки становились явлением исключительным. Наличие подобных соглашений в цивилизованных странах сделало отношения между работником и работодателем партнерскими, а не "баррикадными". Отсутствие подобного механизма в СССР делало забастовку главным и почти единственным инструментом в урегулировании возникших конфликтов.

12 марта истек срок, определённый Советом представителей Конфедерации труда для переговоров с правительством о заключении ГТТС. В вопросе о заключении ГТТС лидеры рабочего движения страны в который уже раз оказались на позиции людей, мыслящих по государственному. По предложению шахтёров, в стране вводилось неизвестное советскому человеку понятие о минимальном потребительском бюджете, без чего не обходилась ни одна сколько-нибудь развитая страна. Предлагаемая новая система заработной платы стимулировала подъём производства (в данном случае угледобычу) не за счёт интенсификации труда, а за счёт модернизации производства. По элементарной логике, правительство должно было само предложить такой механизм или уж, во всяком случае, оперативно рассмотреть его проект. Но страна имела правительство, состоявшее не из государственных, а и из идеологических чиновников, более всего заботившихся о партийных интересах.

Отказываясь подписать ГТТС, а также "Соглашение" по итогам выполнения "Протокола", как говорили А.Асланиди и В.Голиков в интервью "НГ", правительство показало, что сотрудничать с нами оно не желает, готово лишь оттягивать время. [28]

О решении Совета рабочих комитетов бастовать Вячеслав Голиков сообщил в конце заседания сессии областного Совета народных депутатов. Его услышал весь Кузбасс (сессия транслировалась по радио). Политическая пикантность ситуации заключалась в том, что накануне, в ходе исключительно бурных дебатов, сессия приняла сторону Демблока и поддержала Б.Н.Ельцина как лидера реформаторского направления в стране. [29] Кузбасс опять превращался в незаурядный политический регион. По признанию Первого секретаря Кемеровского обкома КПСС А.М.Зайцева, здесь "были явно гипертрофированы политические отношения по сравнению с другими регионами, политический уровень населения чрезвычайно высок... Из 35 партий и движений, участников "Круглого стола" при облсовете народных депутатов, большинство - на антикоммунистических позициях." [30]

На предприятиях прошли собрания. Решали вопрос - бастовать или не бастовать. Если бастовать, то под какими лозунгами, как долго? Через два дня вполне стало ясно, что бастовать горняки будут. Многие заявили

несогласие с решением СРКК о проведении предупредительной забастовки, полагая, что предупредительные забастовки уже были, а власти их даже не заметили. Политические требования были единодушно поддержаны даже там, где коллективы воздержались от объявления забастовки.

2 марта Совет рабочих комитетов Кузбасса провёл очередное заседание. Обменялись информацией. Уточнили требования. Договорились, что если требования не будут выполнены, провести следующую забастовку 12 марта. В случае введения режима чрезвычайного положения или президентского правления - всеобщую забастовку начинать немедленно, проводить акции гражданского неповиновения.

Накануне член исполнительного бюро НПГ СССР А.Сергеев сообщил из Москвы, что при наборе кода городов Кузбасса, Воркуты, Инты, Караганды, Донбасса по автоматической телефонной линии идёт сообщение о её перегрузке. Технологическая связь министерства угольной промышленности оказалось "сломанной". Было видно, что горняков страны хотели разъединить, не дать им возможности скоординировать свои действия. Те, кто затевал забастовку с целью дискредитации рабочего движения, понял, что процесс вышел из-под их контроля.

Остановить забастовку было уже невозможно. Однако всеобщей отраслевой она 1 марта не стала. Не очень дружно бастовал инициатор забастовки - Донбасс. Там бастовала едва ли десятая часть угольных предприятий. Весьма скромно выглядели Воркута и Инта (практически не бастовали). В Подмосковном бассейне останавливалась только одна шахта, да и то в течение четырёх часов. Ненамного лучше выглядел Урал. Фактически поднялась только Караганда, где из 26 шахт бастовало - 23. У карагандинцев были в основном экономические требования (сформулированные почему-то без редакционной отточенности). [31]

Однако, несмотря на скромный размах, в этот день промелькнула одна особенность, которая станет доминирующей в не бастовавшем Кузбассе. Пять шахт г. Красноармейска в Донбассе заявили, что будут бастовать до победного конца. То же самое заявили горняки "Варгашорской".

О том, как будут развиваться события в Кузбассе, никто не мог предполагать. В том числе и лидеры рабочих комитетов. Что забастовка состоится - сомнений не было. Но что она приобретёт такой размах после недавнего январского провала - не думал никто. Ничего особенного не предвещали и события 4 марта. Забастовка - как забастовка. Тем более, что из 100 с небольшим угольных предприятий Кузбасса остановились всего - 26. По данным обкома КПСС - и того меньше - 21, причём только 9 шахт полностью не вели добычу угля. [32] Одни предприятия проводили 2-4 часовую забастовку, другие - вообще не останавливали производство, посылая лишь своих представителей на общегородские митинги. Да и те, что бастовали, как правило, производили отгрузку угля потребителям с непрерывным технологическим циклом, а также энергетикам. Видимо, поэму у министра М.И.Щадова по наблюдению журналистов в этот день было хорошее настроение.

Но закончился срок суточной забастовки, а шахтёры пяти шахт г. Новокузнецка ("Абашевская", "Есаульская", "Полосухинская", "Юбилейная", им. Димитрова) из неё не вышли и приняли Обращение к гражданам России. В нём они сообщали о своём намерении "стоять до конца" и просили поддержать их ненасильственными действиями - митингами, демонстрациями, забастовками. Их требования, составленные при участии члена Совета представителей Конфедерации труда А.В.Малыхина и депутата ВС РСФСР Б.А.Денисенко (оба новокузнецчане) были краткими, но весьма выразительными. По мнению Новокузнецких коммунистов. [33] требования имели целью изменение общественного строя в СССР: отставка Генерального секретаря ЦК КПСС с поста Президента СССР, ликвидация института президентства, роспуск Съезда народных депутатов СССР, переход власти к Совету Федерации и суверенным республикам. [34] Не трудно увидеть, что это были требования несостоявшейся январской политической забастовки.

В ходе суточной забастовки выявилась ещё одна неожиданность. В связи с тем, что широко бытовали утверждения об эгоизме шахтёров, будто бы добивавшихся только своего материального благополучия, большинство бастовавших коллективов вообще исключили экономические требования из своего пакета. Кроме - требования о заключении ГТТС.

Учитывая новые обстоятельства, Совет рабочих комитетов Кузбасса на своём заседании 7 марта признал предложения трудовых коллективов о политической забастовке обоснованными. С целью уменьшения экономического ущерба от забастовки решили ограничить число бастующих предприятий, заменяя одни бастующие предприятия другими по методу "бегущей волны". Отгрузку угля прекращать не собирались. [35]

Но "бегущей волны" не получилось. Получился, как писали "Московские новости", "девятый вал". [36] Без всякой очередности угольные предприятия вступали в забастовку. Она становилась всеобщей шахтёрской. Причём, не только Кузбасса, - всей страны. Забастовал Печорский угольный бассейн. Встал Западный Донбасс.

Независимый профсоюз "Единство" призвал сибирских бизнесменов оказывать материальную поддержку забастовщикам. [37]

Что же изменилось за какие-то полтора месяца? Почему январская забастовка под политическими лозунгами не состоялась, хотя её специально организовывали, а мартовская под теми же требованиями без всяких специальных организационных усилий разворачивалась стремительно? Сами шахтёры на этот вопрос отвечали обычно односложно - прошла зима, мы теперь не боимся никого заморозить. Такое объяснение можно принять лишь как одно из многих, причём далеко не основное.

Нет сомнения, что ни июльская 1990 г. стачка, ни несостоявшаяся январская не отражали повседневных нужд человека, его текущих жизненных интересов. На этот раз политические и экономические требования были органически соединены: смена политического руководства, экономические реформы, повышение зарплаты (путём заключения ГТТС).

Подтолкнул к забастовке и рост цен, предпринятых правительством В.С.Павлова. Немаловажен и психологический фактор. После провала январской забастовки коммунистическая пропаганда приняла уверенный тон победителя, ложно сочувственный к рабочим комитетам. Стихийно зрел протест. Росло стремление доказать, что "есть ещё порох в пороховницах".

Имело значение и то, что для кузбассовцев вопрос об отставке Горбачева с поста Президента СССР к тому времени сформировался не только как вопрос политический. Он приобрёл личностный характер. Шахтёры помнили, как он упорно отмалчивался в июле 1989 г., как игнорировал лидеров рабочего движения Кузбасса, как снисходительно высказался на 28 съезде КПСС о проходящей политической забастовке, назвав её бузой. И вот, наконец, в феврале прислал в Кузбасс совершенно невзрачную личность - Янаева. Вот почему даже на самых "незабастовочных" шахтах (например, ш. им. Димитрова) шахтёры выдвинули требования его отставки с высшего государственного поста.

На решении шахтёров бастовать не могла не сказаться и новая стратегическая линия, заявленная уважаемым ими тогда политиком Б.Н.Ельциным. Ельцин им указал на водораздел - либо победит союзное руководство и тогда о реформах надо забыть, либо победит республиканское реформаторское направление.

Забастовочный процесс набирал обороты. В январе её не смогли вызвать танки и гибель людей в Вильнюсе. Теперь, по мнению кузбасских лидеров, её вызвали коммунисты, затеяв маломощную экономическую стачку в Донбассе. По сведениям обкома КПСС, от 78% до 83% шахт высказались за забастовку. [38] Если 12 марта в забастовке участвовало 8 предприятий (1288 чел.), 13 марта - 12 (3547 чел.), то уже 14 марта число бастующих предприятий увеличилось до 37 (14090 чел.), а 16 марта-42 (17990 чел.). [39]

К середине марта в Донбассе, Воркуте, Урале, Подмосковье, Ростовской области забастовка пошла "по второму кругу". Число бастовавших предприятий увеличилось по сравнению с 1 марта. В Ростовской области бастовали 14 шахт, Тульской - 8, Воркуте - 7, на Урале - 4, на Западной Украине -21, в Донбассе - 74. [40]

Повторялась история июля 1989 г. - Кузбасс увлек всю угольную отрасль в забастовку. "Мы уже никому не верим, - говорил председатель красноармейского городского рабочего комитета (Донбасс) Александр Мрыль, - и Президент, и правительство, и союзный парламент попросту дурачат рабочий класс." "Всё упирается в политику, - считал сопредседатель Донецкого стачечного комитета Николай Волынке). - И в нашу общественную систему. Нужны решительные реформы, а их нет в помине". [41]

В поддержку требований бастующих горняков 13 марта в Москве, в гостинице "Россия" начали бессрочную голодовку представители четырёх шахт Кузбасса Анатолий Малыхин, Владимир Любимкин, Валерий Кузин, Борис Ерофеев и профессор Бэлла Денисенко. Голодавшие настаивали на

том, чтобы Президент СССР встретился с представителями бастовавших коллективов. Но последовал высокомерно-поучительный ответ, что встречаться Горбачев будет только с теми, кто работает. На встрече Горбачева с забастовщиками настаивали и здравомыслящие крупные руководители в Кузбассе. В частности, - руководство Запсиба во главе с Кустовым, пославшее Горбачеву телеграмму соответствующего содержания. Но властьпридержащие, как и прежде, предпочли метод увиливания, давления и обмана.

13 марта Чрезвычайная сессия Кемеровского областного Совета народных депутатов тщетно пыталась остановить забастовку. Не помогли ни заклинания, ни призывы, ни запугивание голодом, холодом. [42] Народные депутаты на сессии были сами по себе, шахтёры - сами по себе.

19 марта М. Горбачев принял А.Тулеева (Тулеев отправился на встречу вопреки мнению Чрезвычайной сессии облсовета, не поддержавшей предложение о единоличной поездке). Позднее Тулеев объяснял свой поступок желанием побыстрее урегулировать проблемы забастовки. Но если это так, то почему он взял на встречу лжелидеров рабочего движения (Арыкова, Мужевитина, Семенова)? Ведь в то время в Москве находилась делегация горняков, выехавшая специально для встречи с Президентом. Если бы Тулеев не имел другой цели, кроме как ввести в заблуждение Президента относительно подлинной сущности рабочего движения, предотвратить новое сближение Горбачева с демократами, то и ехал бы только с номенклатурными работниками А.М.Зайцевым и Ю.П.Серковым.

Лжелидеры - Арыков, Мужевитин и Семенов, давным-давно никого, кроме себя лично, не представлявшие, потребовались Тулееву для того, чтобы создать у Горбачева полное ощущение беседы с представителями бастующей шахтёрской массы. Как рассказывал позднее В.В.Бакатин, в то время очень близко стоявший к Президенту, Тулееву это вполне удалось. Лидеры рабочего движения Кузбасса, которые мыслили нестандартно, ставили вопросы по государственному, не обладали чиновничьей манерой подлаживаться в разговоре под начальника, могли повлиять на политические позиции умного и порой искреннего Горбачева. Тулеев и те, кто организовывал эту встречу, не могли не опасаться данного обстоятельства.

Через несколько лет в Новосибирске М.С.Горбачев с сожалением признает, что не был достаточно информирован о подлинной сущности рабочего движения Кузбасса. Он считал, что шахтёры бьются "за колбасу", что их направляют ловкие политики. (Ему, видимо, "застилал глаза" тот факт, что шахтёры всегда демонстрировали свою приверженность его личному недругу Б.Н.Ельцину.)

Объективно то, что встреча Горбачева с лжелидерами во многом определила упорство забастовщиков: Горбачев получил неадекватное впечатление и не предпринимал никаких политических шагов. Шахтёры и слышать не хотели об уступках. Тот компромисс, который был достигнут в конце забастовки, вполне вероятно, мог быть легко достигнут в её начале. А каждый день забастовки приносил ощутимые экономические потери. Только

в марте они составили 370 тыс. человеко-дней, не произведено продукции на 61,3 млн. руб., добыча снижена на 3,8 млн. т. по сравнению с мартом 1990 г. [43] На чей счёт отнести эти потери? - Забастовщиков? А может быть тех политиков, которые более всего блюли партийно-коммунистические интересы, а не народные и государственные?

Вывод об ответственности политиков за затяжной характер забастовки подтверждается и заявлением собрания секретарей горкомов и райкомов партии Кемеровской области от 23 марта, указавшего, что отсутствие какой-либо информации со стороны Горбачева "ведёт к дальнейшему обострению политической и экономической ситуации как в Кузбассе, так и в стране в целом, распаду государственных структур и органов управления, деморализации Советов народных депутатов, хаосу и апатии". [44]

Вот, оказывается, кто виноват в наступившем в стране хаосе! Не демократы, на которых коммунисты, потеряв власть, стали валить вину за развал в стране, а коммунистические руководители! И это мнение самих коммунистических руководителей, правда, рангами пониже.

Забастовка разрасталась. 18 марта в Москве, в гостинице "Россия" на собрании представителей всех угольных регионов страны был создан Межрегиональный Совет горняков по координации действий между независимыми профсоюзами и рабочими (стачечными) комитетами. Было принято Обращение к трудящимся страны, в котором Совет горняков призвал оказать поддержку бастующим шахтёрам с целью отстранения от власти высшего руководства страны, подчинённого ЦК КПСС и Политбюро. [45]

И эта поддержка была оказана. Если в июльской забастовке 1989 г. порядочные люди могли оказать помощь лишь своим сопереживанием (даже телеграммы поддержки могли стать опасными для отправителя), то в 1991 г. они могли посылать не только телеграммы, но и деньги, продовольствие и проч. (кстати, это тоже результат "жаркого лета" 1989 г. - за полтора года добились свободы на личное мнение). Было собрано около 3 млн. руб. для шахтёров Кузбасса.

В Москве "Демократическая Россия" за один день собирала для горняков Кузбасса до 30 тыс. руб. (сумма примерно эквивалентна цене трех автомобилей "Жигули"). На площадях столицы были видны лозунга - "Шахтёры Кузбасса бастуют не за кусок колбасы, а за нашу и вашу свободу". 16 марта из Литвы в Кузбасс было отправлено 5 вагонов продовольствия. Литовцы помнили, кто спас их в январе от эскалации военного насилия. Пожертвования поступали из школ, больниц, кафедр институтов, заводов, управленческих контор, с городских митингов (томичи, например, собрали 3498 руб.), от пенсионеров, учащихся.

Эта помощь, эти жертвования не имели для шахтёров материального значения (по 3 руб. на каждого). Они имели значение для самого жертвователя, вовлекая его тем самым в акт гражданского неповиновения. Для многих советских граждан это была пока единственная возможность выразить своё отношение к существующим порядкам. Своими рублями,

консервами (в Кузбассе никто не голодал, и не (собирался) люди высказывались против сохранения власти коммунистов. По данным КузбассЦИОМа, основные требования забастовщиков: об отставке Президента, департизации госструктур поддерживало 61,5% опрошенных. [46]

Не следует, однако, преувеличивать степень осуждения народом политической системы в целом. Для многих кузбассовцев, шахтёров в том числе, за требованиями отставки стояла личная неприязнь к М.С.Горбачеву, с которым они не совсем справедливо связывали ухудшение своего материального положения. Сказывался менталитет советского человека, привыкшего надеяться на решение своей собственной судьбы хорошим начальником. На каждого нового руководителя Советского Союза (кроме, пожалуй, К.У.Черненко) люди надеялись, как на мессию. Так было и с Брежневым, на которого возлагались надежды как на освободителя от хрущёвского экспериментирования и гонений на личное хозяйство. Так было и с Андроповым - борцом за дисциплину и порядок. Так было какое-то время и с Горбачевым, пришедшим на смену дряхлому Черненко и омолодившему Политбюро ЦК КПСС. Так было первое время и с Ельциным - надеждой демократов.

17 марта состоялся Всесоюзный референдум, организованный Центром. Проведение референдума вовсе не означало, что власть, наконец-то, заинтересовалась мнением народа. Нет! Это, как всегда, был камуфляж и обман. Власть решила прикрыться мнением народа. Главный вопрос референдума был сформулирован так, что, отвечая положительно на вопрос о сохранении СССР как единого государства, человек отвечал одновременно ещё на несколько вопросов. В частности, - на вопрос о целесообразности сохранения социализма. "Да"- выбирал тот, кто за сохранение "старого" Союза и тот, кто за обновлённый Союз.

Шесть республик из пятнадцати участия в референдуме не принимали. Российские граждане отвечали ещё на один вопрос - согласны ли они с введением поста Президента РСФСР. Вопрос о российском Президенте по существу был вопросом о доверии Центру. Две трети кузбассовцев, как и всех россиян, высказали к Центру отрицательное отношение. Но две трети кузбассовцев, как и всех, принявших участие в референдуме, отвечая на вопрос о Союзе, фактически Центр поддержали. [47] Данные референдума показали, что в стране существовало стратегическое равновесие демократических и коммунистических сил.

Отраслевая политическая забастовка грозила изменить это стратегическое равновесие в пользу демократии. Поэтому значение забастовки выходило далеко за рамки даже забастовки 1989 г. Однако борьбу с ней номенклатура вела прежними методами. Рабочие комитеты были завалены телеграммами с угрозами остановки предприятий, призывами "прекратить бесчинства" и др. В отличие от предыдущих забастовок, остановки производства в связи с непоставками угля имели место. Но вину за это следует возлагать прежде всего на тех, кто не хотел идти на диалог с

забастовщиками, на тех, у кого партийный долг доминировал над государственным.

Наиболее сильным оружием у КПСС была дезинформация. Партия, десятилетиями правившая страной при помощи идеологии обмана, была в этом отношении профессиональной. Главный тезис антизабастовочной пропаганды состоял в том, что шахтёры будто бы борются за повышение зарплаты до 2-3 тыс. руб. в месяц. Нетрудно представить недоумение пенсионера, чья пенсия была в основном от 80 до 180 руб., или врача, учителя с зарплатой 200-250 руб., профессора (500 руб.) и др. Но, к чести этих людей, они не засыпали рабочие комитеты и редакции газет письмами протеста. Они либо знали истинное положение вещей, либо догадывались о лживой партийной пропаганде, либо молча соглашались с ней, памятуя, что шахтёрская забастовка, в конце концов, выводит страну к нормальному демократическому обществу.

Чрезвычайно показательно в этом плане заявление историков, философов, социологов, собравшихся 25-26 марта в г. Кемерово на Всесоюзную научную конференцию "Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества". Казалось бы, уж кто - кто, а специалисты в области гуманитарных знаний доподлинно могли бы знать истинную сущность забастовки в Кузбассе. Но оказалось, что и они были в неведении. Партийная пропаганда делала своё дело профессионально. Благодаря настойчивости члена оргкомитета конференции профессора - историка из Новосибирска Владлена Львовича Соскина, на пленарное заседание (заключительное) были приглашены деятели рабочего движения (М.Б.Кислюк, В.И.Гринев и др.), которые весьма убедительно ответили на многочисленные (часто недоуменные) вопросы учёных. Участники конференции приняли заявление, в котором констатировали, что "средства массовой информации страны в основном замалчивают или целенаправленно искажают истинное положение вещей", ибо шахтёры Кузбасса не выдвигают экономических требований, а борются за демократическое преобразование страны. [48]

Весьма характерно, что это заявление не подписал ни один из историков Кемеровского университета, присутствовавших на конференции. Ни один из них не стал сдавать деньги в фонд помощи забастовщикам (участники конференции собрали 395 руб.).

Однако не все учёные Кузбасса придерживались позиции своих коллег из университета. С успехом прошёл сбор средств в Кемеровском медицинском институте, Сибирском металлургическом институте. Средства поступали и из Кузбасского политехнического института, научно-исследовательских и проектных институтов. "Кузбасские шахтёры, - писали медики из Новокузнецкой ассоциации врачей и провизоров, - ... подрывают не экономику, а вынуждены забастовками добиваться лучшего будущего дня наших детей. Они за изменение порочной системы нашего существования. Так жить нельзя!" [49] Поддержали забастовку, не в пример своим учителям,

и студенты Кемеровского университет, обратившиеся к студенчеству Кузбасса выразить солидарность с требованиями забастовщиков. [50]

О масштабе забастовки страна не знала. Её просто замалчивали. По сообщениям "Независимой газеты" председатель Гостелерадио СССР Леонид Кравченко запретил выход в эфир дикторам служб новостей Татьяне Митковой, Юрию Ростову. Молчанием о забастовке создавалась такая вопиющая дезинформация, что даже секретарь обкома КПСС А.М.Зайцев вынужден был "сделать выговор" Генеральному секретарю ЦК КПСС. "...Замалчивание политической забастовки ... и отсутствие какой-либо официальной реакции со стороны ЦК КПСС недопустимо", - писал он М.С.Горбачёву. [51] Была запущена пропагандистская "утка" о "руке иностранных спецслужб". Поводом для этой дезинформации явилось пребывание в январе-феврале 1991 г. делегации представителей рабочего движения СССР в США по приглашению американской профсоюзной ассоциации ЛФТ-КПП. В составе делегации были: Ю.Л. Герольд, М.Б.Кислюк, В.Г.Шаринов - Кузбасс, П.Л.Шумкин - Караганда, В.Миненко, М.Крылов, Д.Лукашенко - Украина, В.В.Нестроев - Воркута, Ожогов - Москва, М.Соболь - Белоруссия и др. Делегация ознакомилась с принципом формирования свободных экономических зон США, с устройством государственной власти, организацией профсоюзного движения, методами взаимодействия профсоюзов, государства, бизнеса.

По результатам поездки был подписан "Меморандум взаимопонимания" между АФТ-КПП и НПП, а также "Меморандум взаимопонимания" между представителями американской угольной промышленности и делегацией Независимого профсоюза горняков СССР. В них говорилось о сотрудничестве профсоюзов в распространении информации о нарушении прав рабочих, о предотвращении иностранных капитальных вложений "в тех местах, где происходит нарушение фундаментального права - права на свободу объединения". Внимание государственных органов СССР и США привлекалось к подготовке совместного проекта перевода отраслей энергетики на рыночные отношения. [52]

Без преувеличения можно сказать, что эти документы открывали новую страницу во взаимоотношении советских и американских профсоюзов. До сих пор американцы (да и не только они) считали, что в СССР профсоюзов нет. Ни один советский профсоюзный работник не мог получить визу на посещение США, если не прикрывался выдуманной должностью инженера, учителя, врача, рабочего. А теперь было не просто признание профсоюза, существующего в СССР, но и сотрудничество. Пройдут годы, много лет этого сотрудничества. Но история запомнит февраль 1991 г. как дату его начала.

Реализация соглашения о сотрудничестве между двумя профсоюзами не заставила себя долго ждать. Во время весенней забастовки шахтёров СССР Президент АФТ-КПП Лейн Кэрклэнд в письме на имя Павла

Шушпанова (НПГ) заверил, что направит усилия на прекращение экспорта советского угля в демократические страны, пока длится забастовка. [53]

Пропагандистский миф "о руке Запада" в шахтёрской забастовке не мог не найти отклика у советских людей, воспитанных на тезисе враждебного империалистического окружения. Здесь затрагивалась одна из чувствительных струн человеческой психики - патриотизм. На прямой вопрос, заданный В.Голикову и А.Асланиди в 1995 г. об "агентах иностранного влияния", они ответили довольно жестко: "Это враньё. Профсоюзные деятели Запада нам рассказывали, как организуются ячейки на предприятиях, как добиваются решения вопросов защиты труда, какова структура профсоюзных объединений. Смотрите, выбирайте, думайте, как создать свои профсоюзы. Это были чисто профсоюзные вопросы. А если при этом возникали политические дискуссии, то они просто уходили от них". [54] Миф о западном влиянии, хотя и имел место, муссировался довольно слабо, не в пример, скажем, мифу о пьянстве рабочих лидеров.

Ложью попытались остановить забастовку, используя авторитет российских лидеров. 22 марта в Новокузнецкий рабочий комитет поступила телефонограмма якобы от имени Председателя Совета Министров РСФСР И.С.Силаева с предложением о приостановлении забастовки. [55] Этот звонок показался подозрительным. А.Асланиди предложил отделу информации Совмина РСФСР сделать официальное обращение. Его не последовало. Да и не могло последовать. Ибо это означало бы консолидацию российского руководства с антидемократическими силами. Во время визита в Кузбасс И.Силаев говорил, что забастовка действительно наносит экономический ущерб, но народ вправе заявлять о своих требованиях, если в иной форме его не слышат.

Испытанный метод борьбы с народом - ставка на силу. И этим методом советская власть владела вполне. Но в ходе этой забастовки сила государственного давления была применена необычно. Всегда это была армия или милиция. Здесь - суд. Руководство объединения "Карагандауголь" предъявило судебный иск к забастовщикам. Выиграв судебный процесс, оно отказалось взыскивать 9 млн. руб. с областного рабочего комитета и профсоюза угольщиков при условии, что рабочие отработают пропущенное в ходе забастовки время. В отличие от всех других угольных регионов, карагандинский профсоюз угольщиков и областной рабочий комитетов выступали сообща. "Госпрофсоюз" здесь возглавлял бывший рабочкомовец И.П.Шлегель ведь влияние его было гораздо большим, чем рабочих комитетов. Уже в середине марта карагандинским шахтёрам пришлось забастовку прекратить. [56]

Юрисконсульт Совета рабочих комитетов Кузбасса В.Н.Рязанов, командированный в помощь карагандинцам, отмечал, что в Казахстане велась целенаправленная работа по дискредитации российского руководства, большинство людей не понимали, что победа демократии в России означает её успех во всём СССР. После того суда над карагандинскими

забастовщиками рабочее движение в этом угольном бассейне перестало существовать.

Организовать нечто подобное в Кузбассе власти не решились. Это были скорее призывы к давлению, чем само давление. Обком КПСС в письме к заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС В.А.Ивашко требовал незамедлительного рассмотрения вопроса о забастовке на Политбюро. [57] В Кемерово прибыла комиссия во главе с секретарём ЦК КПР А.Г.Мельниковым.

Редакции "Нашей газеты" опять был предъявлен ультиматум. На этот раз ей вручили астрономический счет за якобы неуплату налогов. Но газета выстояла и теперь. Ничего не могли власти поделать и с редакциями других средств массовой информации, пропагандирующими идеи забастовки. Сообщая в ЦК КПСС о большом влиянии средств массовой информации на формирование общественного мнения в пользу забастовщиков, А.М.Зайцев выделил "Нашу газету", телепрограмму "Пульс", "Шахтёрскую правду" (Прокопьевск), "Знамя шахтёра" (Междуреченск), "Красную Шорию" (Таштагол). [58]

Власти попытались организовать поток продуктов питания и товаров народного потребления в Кузбасс. При пустых полках во всём СССР этой кремлёвской подачкой легко можно было подорвать доверие к Кузбассу у жителей других регионов страны. Многолюдный митинг горожан г. Березовского резко выступил пропив такой уловки разъединить Кузбасс с общественностью всей страны.

Было бы неверным считать, что властным структурам ничего не удавалось по срыву забастовки. Удавалось. 22 марта был пик всесоюзной шахтёрской забастовки. В ней приняло участие 27,5% всех угольных предприятий страны (для сравнения - 14 марта - 17,4% 1 апреля - 22,4%). А на следующий день Беловский городской рабочий комитет совместно с представителями забастовочных комитетов шахт "Чертинская", "Новая", "Колмогоровская", "Пионерка", "Сигнал" обратились к коллективам бастующих предприятий с предложением о приостановлении или изменении формы забастовки с 25 марта. Они предлагали "воплотить свои требования через Советы и Верховный Совет России", иначе, считали они, "деструктивные силы могут привести нас к диктатуре и удушению демократии вообще". [59] На расширенном заседании Совета рабочих комитетов бывшие члены консо профессора Ю.И.Чуньков и В.А.Шабашев пытались распространить текст подобных предложений. Но участники СРКК даже не дали им слова для выступления.

На предложение беловчан последовала дружная отрицательная реакция. Шахтёры "Северной" заявили, что "это обращение вносит раскол в рабочее движение и играет на руку тем, против кого мы боремся". [60]

Забастовку остановить не удавалось. Она продолжала нарастать. Правда, нарастание было характерно только для Кузбасса. В Караганде все предприятия работали. Сахалин - ещё и не начинал (из 10 шахт в забастовку вступит только -3, да и то только 18 апреля). [61] В Луганской области из 93

угольных предприятий бастовало - 11 (потом - 7). В Ростовской области из 49 -11, Донецкой из 132-34 (потом снижение до 18), Челябинской из 14 - 5, Днепропетровской из 11 - 6, Подмосковье из 11-5. На уровне оставались Воркута и Инта - из 18 предприятий бастовали 11 (снижение до 5 предприятий произошло только в конце апреля), а также Львовско-Волынский угольный бассейн, где из 17 предприятий бастовали все - 17. Число бастовавших угольных предприятий долгое время было стабильным. Если из 482 предприятий страны на 14 марта бастовало 87 (17,4%), на 22 марта - 136 (27,5%), то в течение всего апреля было лишь незначительное снижение: на 4 апреля - было предприятий (25,8%), 18 апреля - 124 (25,4%), в конце апреля - 95 (21,2%). Доля бастовавших кузбасских шахт была весьма значительной: в середине марта, например, из 87 бастовавших в стране угольных предприятий - 31 было кузбасское, 1 апреля из 111 - 38; 29 апреля из 95 - 40, 5 мая из 30 - 25. [62].

26 марта ВС СССР принял постановление "О приостановлении забастовок на предприятиях угольной промышленности страны". Кабинету Министров поручалась выработка согласованных мер по улучшению условий труда и материального положения горняков. [63] Но шахтёры практически даже не заметили этого постановления. Никакой реакции с их стороны не последовало. Это можно расценить как отсутствие для шахтёров авторитета власти.

Глава Кабинета Министров В.С.Павлов объявил о готовности к переговорам с шахтёрами. Однако на переговоры послал второстепенных, не наделенных соответствующими полномочиями чиновников. То есть он попытался ещё раз разыграть вариант комиссии Л.Д.Рябева - вести переговоры, давать заверения и т.п., но ничего не решать. Горняки восприняли это как насмешку. Павлов вынужден был признать, что серьёзные переговоры лишь впереди, что они начнутся, как только шахтёры откажутся от политических требований. "Но это условие нелепо, - писала немецкая газета "Die deutsche Zeitung", - в стране, где политические и экономические проблемы столь тесно сплелись друг с другом. Иными словами, откуда взять колбасы, хлеба, если не сменить всю систему". [64]

Пик шахтёрской забастовки пришелся на время работы 3-го Чрезвычайного съезда народных депутатов России, открывшегося 28 марта. Накануне (27-го) по просьбе российских депутатов демократической ориентации была снята голодовка кузбассовцев, проводившаяся в гостинице "Россия". Депутаты заверили участников голодовки, что будут ставить шахтёрские требования на съезде.

Однако сделать этого им не удалось. Вопрос о шахтёрской забастовке в повестку дня "Коммунисты России" включить не дали, как не дали поставить вопрос о введении в РСФСР поста Президента. Хотя результаты мартовского референдума и обязывали их это сделать. В то же время коммунистическая фракция предложила проект Закона, в котором предлагалось объявление моратория на всякую забастовочную деятельность до конца 1991 г., приостановление всех митингов, уличных шествий и пр. Фракция дала всем

понять, что Россия остаётся страной коммунистической, и что коммунисты готовы сделать ставку на силу.

Эту силу они сумели продемонстрировать при помощи Президента СССР. На период работы съезда М.С.Горбачев ввёл в Москву военные формирования (войска, милицию, ОМОН). Делегаты съезда, по их собственному признанию, чувствовали себя, "как в окружении".

Не позволив включить в повестку дня вопрос о забастовке шахтёров, депутаты недемократической ориентации не давали даже слова для выступления представителям шахтёров, ссылаясь на то, что съезд и так затянулся, что пора, мол, пахать и сеять, а не дискутировать. "Ну, вы, сеятели, - сказал председатель Всесоюзного забастовочного комитета А.Малыхин, когда ему слово, наконец-то, было предоставлено. - Ваше дело законы писать, а сеять или добывать уголь будем мы." - закончил свою речь Малыхин, сходящий с трибуны уже знаменитым.

Коммунисты на съезде находились в наступлении. Это по их инициативе он собрался. Это с его помощью они намеревались поддержать Центр в антидемократической политике, сместить Б.Н.Ельцина с поста Председателя ВС РСФСР. Энергично действовала так называемая "шестёрка" (В.Б.Исаков, С. П.Горячева и др. бывшие соратники Ельцина). Коммунисты не позволили демократам законодательно оформить шахтёрские требования об отставке Президента СССР, о подписании нового союзного договора и др.

Но это были лишь тактические победы. А вот со стратегией коммунисты провалились. Во-первых, они не смогли представить альтернативной программы вывода страны из кризиса, хотя именно на это претендовали доклады (выступления) депутатов Воронина и Исакова. В основном, это были известные всем декларации о необходимости усилить, восстановить, ужесточить, прекратить, составить и др. Этим самым они продемонстрировали свою беспомощность в выводе страны из кризиса. Во-вторых, они не сумели помешать перераспределению полномочий между Съездом народных депутатов, Верховным Советом РСФСР его президиумом и Председателем.

Председатель и Президиум ВС РСФСР получили столько полномочий, что у коммунистов не оставалось ничего иного как согласиться на введение поста Президента России. В этом и состоял главный стратегический проигрыш коммунистов. Формирование полновесной власти в России при наличии таковой в других республиках коренным образом изменяло положение Центра. Центр должен был формировать новый тип отношений с республиками (что, собственно, и предлагали шахтёры, настраивая на заключение нового союзного договора). Правда, у Центра был ещё один путь - непримиримая конфронтация с республиками. Коммунисты пошли именно по этому пути, что и предопределило судьбу СССР, его развал.

"Коммунисты России", затеяв этот Чрезвычайный съезд, как говорится, пошли по шесть, а вернулись стриженными. Демократам удалось не только сохранить движение страны к реформам, но и активизировать его. И произошло это благодаря шахтёрской забастовке. "Рабочее движение марта

- апреля, - говорил чуть позднее Б.Н.Ельцин, один из решающих факторов победы 3-го съезда, удержания курса реформ России". [65] 3-й Чрезвычайный Съезд российских депутатов сыграл роль катализатора политических процессов в стране. До Съезда многие люди не имели никакого представления о сущности шахтёрской забастовки. Теперь они узнали, что шахтёры борются вовсе не за колбасу, как внушила им партийная пропаганда, а за изменение политической системы. Если до Съезда кто-то и питал иллюзии относительно реформаторского курса КПСС, то теперь убедился, что его не существует в природе. Вот почему число бастующих предприятий после съезда не уменьшилось, а число симпатизирующих забастовщикам увеличилось. Забастовщиков, видимо, было бы гораздо больше, если бы имел смысл бастовать, скажем, учебному институту или научной лаборатории. Этим забастовщиков власти бы просто не заметили, как писали 230 новосибирских ученых, или вообще бы уволили.

Чувствуя возрастающую политизацию в стране, Осинниковский городской забастовочный комитет призвал начать 30 апреля Всесоюзную политическую забастовку с проведением 1 мая митингов, демонстраций, возвращая тем самым истинный смысл этому празднику. 16 апреля Совет забастовочных комитетов Кузбасса поддержал это предложение и обратился к гражданам России с призывом о проведении всесоюзной политической забастовки. "Президент СССР, - говорилось в обращении, - агрессивно-послушное большинство депутатского корпуса СССР, номенклатурный Кабинет Министров не пользуются народным доверием, не способны на радикальные реформы. Поэтому мы требуем их отставки". [66]

В соответствии с обращением 3-ю Съезда народных депутатов России была создана Межреспубликанская парламентская группа (МПГ) в составе представителей и наблюдателей РСФСР, Украины, Казахстана, Армении, Грузии, Латвии, Эстонии, Молдовы, Азербайджана, Таджикистана. По докладу Межрегионального совета стачечных комитетов МПГ пришла к выводу, что выход из забастовки надо искать на путях выполнения требований забастовщиков: отставка Президента СССР, отставка Кабинета Министров СССР. На переходный период - образовать Ассамблею из представителей Верховных Советов республик. Из Президентов республик и Председателей ВС союзных республик образовать Высший координационный Совет, подчинив ему министерство обороны, МВД, КГБ, Алмазный фонд, золотой запас СССР. Осуществить национализацию собственности КПСС, ВЛКСМ, образовать комиссию по разработке Договора о сотрудничестве. Обратиться к делегатам СССР с предложением сложить с себя полномочия.

Для апреля эта программа выглядела вроде бы избыточно революционной. Но если помнить, что через 4 месяца начнется распад структур СССР, а затем и самого СССР, то станет очевидно, что авторы программы МПГ были вполне реалистичны, и их программа вполне могла предупредить неуправляемый процесс,

Забастовка нарастала. 22 апреля в стране стояли 244 предприятия, из них 217 - угольных. Руководство же страны вело себя так, что будто бы ничего особого не происходило. М.С.Горбачев отправился с официальным визитом в Японию, В.С.Павлов - в Англию. Они не слышали ни рядовых забастовщиков, ни генеральных директоров угольных объединений Кузбасса Б.Кухаренко, А.Корякина, Б.Никишичёва, В.Кузнецова, В.Бочарова, Э.Лангольфа, обратившихся к руководству республики и предупреждавших, что "обстановка в Кузбассе в связи с забастовкой шахтёров близка к катастрофе". [61] Они не воспринимали даже своих партийных коллег. А.М.Зайцев предупреждал Политбюро ЦК КПСС: "Обстановка становится неуправляемой никем. Даже на решение рабочих комитетов у забастовщиков нет реакции". [62]

Чем была вызвана такая необычная настойчивость забастовщиков, их упорство, которое кто-то уже стал расценивать как упрямство? Наиболее точно на этот вопрос ответил один из рабочих В.Костюковскому. "Мы должны это делать, - говорил он, - иначе будем прозябать на задворках цивилизации, в очередях..." [63]

25 апреля в Москве руководителями 9 союзных республик и М.С.Горбачёвым как Президентом СССР было подписано "Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса". "Девять плюс один" - назвали журналисты это "Заявление". В нём содержалось обращение к бастующим о прекращении стачки. Сообщалось о введении "особого режима" работы в базовых отраслях промышленности, на железнодорожном транспорте, о жестких контролируемых ценах.

Среди подписавших "Заявление" был и Б.Н.Ельцин. Первая реакция лидеров рабочего движения - недоумение. Как можно было призывать к прекращению забастовки, соглашаться на введение "особого-режима", когда о политических требованиях забастовщиков в "Заявлении" не было сказано ни слова? Ничего не говорилось, разумеется, и о гарантиях их выполнения. Как-либо комментировать этот документ ни В.Голиков, находившийся в то время в Москве в Межрегиональном забастовочном комитете, ни А.Асланиди в Кемерове - не стали.

Несомненно, что шахтёры испытали не только недоумение, но и лёгкое разочарование Ельциным (сколько его будет впереди!). Через три дня Б.Н.Ельцин объяснялся с шахтёрами в Кузбассе. Причину столь срочного визита сам он объяснял тем, что "нельзя было не приехать именно в Кузбасс". [64]

В действительности, Ельцина вызвали "на ковёр" шахтёры. Деликатный А.Асланиди настоял на вежливой телеграмме из областного рабочего комитета с предложением Ельцину объясниться. Решительный Р.Вахитов от имени Новокузнецкого забастовочного комитета послал ему срочную телеграмму, где самым первым словом стояло - "требуем". Рабочие комитеты потребовали объяснения от человека, с которым у них был подписан договор о совместных действиях ("Заявление о намерениях").

Шахтёры жестко поставили перед ним вопрос - не означает ли факт подписания "Заявления" ("9+1") изменения позиции Председателя ВС РСФСР. [65]

Не означает - уверял Ельцин на митинге в Прокопьевске 30 апреля. Мало того, - заявил он. - Это политическая победа. Президент СССР, подписав его, "поумнел...", признал суверенитет республик, в том числе и России." По словам Ельцина, Горбачев заверил руководителей республик, что через полгода государственный аппарат будет реорганизован. У Горбачева, мол, нет иного выхода, как прислушаться к республикам, иначе "мы сами, девятью республиками подпишем союзный договор без Центра". Принципиально важно, что союзный договор будет подписываться снизу по проектам, разработанным в самих республиках. Самый большой тактический выигрыш этого "Заявления" ("9+1") в том, что Россия заручилась поддержкой восьми республик. Центр, борясь с суверенитетом России, против радикальных реформ теперь уже должен был противостоять содружеству девяти республик.

Б.Н.Ельцин не только не призвал шахтёров к прекращению забастовки, но и подчеркнул, что это их собственное дело. Но в "Заявлении" то призыв был! Когда Ельцин был искренним? - При подписании документа? Или на митингах в Прокопьевске, Новокузнецке? Ельцин сообщил, что в Москве готовы документы для перевода угольной промышленности России под юрисдикцию РСФСР, что Россия самостоятельно может решить проблему повышения заработной платы шахтёрам в 2,5 раза. Эти сообщения о зарплате и переходе под юрисдикцию России должны были решить судьбу забастовки.

При этом он не скупился на комплименты шахтёрам, считая, что "через 12 - 20 - 50 - 100 лет Кузбасс будут помнить именно за то, что он первым вступил в борьбу с нашим ненормальным обществом." "Рабочее движение, - продолжал он, - рабочие комитеты - это может быть зачатком движения, которое в будущем станет прототипом государственной власти в нашей стране.... Рабочее движение и его структуры - это первые ростки будущей власти". [65]

Слышать такое шахтёрам было, конечно, лестно. Но они к тому времени уже поняли, что изобретать сверхновое в государственном устройстве нет смысла. Надо лишь творчески подойти к наследию, выработанному мировой цивилизацией. А там был иной опыт организации власти, чем тот, что предложило революционное творчество иваново-вознесенских рабочих, преобразовавших в 1905 г. забастовочные комитеты в Советы рабочих депутатов. Видимо, к этому опыту и клонил Б.Н.Ельцин в своём выступлении перед шахтёрами. Советская история показала, что Советы - не лучшая организация государственной власти. Они объединили исполнительную и законодательную власть, фактически были лишь удачным прикрытием власти партийной номенклатуры. Но как бы то ни было, объяснение Ельцина шахтёры приняли и простили.

Забастовка продолжалась и после визита Б.Н.Ельцина. Однако сузился её межрегиональный размах. 29 апреля бастовали фактически три бассейна -

Кузбасс, Донбасс и Львовско-Волынский. Причём, из 95 бастовавших предприятий 40 приходилось на Кузбасс, 22 - на Донбасс, 16 - Западную Украину и столько же (16) - приходилось на все остальные угольные бассейны страны. 6 мая бастовал только Кузбасс - 31 шахта, 5 шахтопроходческих и шахтостроительных управлений, 1 - погрузочно-транспортное управление, 3 автобазы, 1 рудник. Кроме того, не отгружали уголь 18 шахт и 2 разреза. [66]

Накануне, 5 мая, Распоряжением Кабинета Министров СССР и Совета Министров РСФСР предприятия угольной промышленности Кемеровской, Ростовской областей, Коми АССР передавались под юрисдикцию России (из других угольных регионов России таких предложений не поступало). Совет забастовочных комитетов решил приостановить забастовку с 10 мая и возобновить её 11 июля в случае невыполнения Центром взятых на себя политических и экономических обязательств, изложенных в "Заявлении 9+1" и Распоряжении Кабинета Министров СССР от 5 мая.

Незадолго до прекращения забастовки журналист Василий Попок писал: "Цель забастовки 91 - уничтожить Систему. Выход из забастовки сегодня означает фактическое сохранение прежней Системы." [67] Достигнуты ли цели забастовки? Конечно, нет! Центр, против которого забастовка направлялась, устоял, почти не шелохнувшись. Если не считать, конечно, "обещаний посулить", сделанных в "Заявлении". Посулили подписание нового Союзного договора. Но разве раньше не было обещаний, обещаний, например, провести экономическую реформу и реорганизацию государственного аппарата? Были! Причём, не однажды. Решение о переводе угольной промышленности под юрисдикцию России? Но это лишь полумера, которая могла в перспективе привести к самостоятельности предприятий, чего так настойчиво добивались шахтёры. Но могла и не привести, как случилось в 1989 г. или 1990 г. Обещание двойного увеличения заработной платы? Но рабочие постоянно подчёркивали, что они так вопрос не ставят. Они требовали лишь заключения Генерального тарифного соглашения.

Согласно опросу делегатов 6-ой конференции рабочих комитетов Кузбасса (июль 1991 г.), проведенному Институтом проблем рабочего движения, 53% заявили, что движение не достигло поставленных задач. Только каждый пятый считал, что забастовка укрепила рабочее движение. Но столько же (21%) ответили, что забастовка не получила массовой поддержки и показала слабость рабочего движения. [68] Не случайно, что на Совете забастовочных комитетов Кузбасса, принимавшем решение о прекращении забастовки, единодушного мнения не было. Делегация Ленинска-Кузнецкого, например, полным составом голосовала против прекращения забастовки.

Ощутимых результатов шахтёры не добились, но забастовку прекратили. Почему?

Во-первых, люди устали. Устали от ничегонеделания. Они исправно приходили к положенному времени, на шахту, переодевались в шахтёрские робы и шли не в забой, а в раскомандировочное помещение. Людей, привыкших, по их собственному выражению, "вкалывать до седьмого пота",

бездействие деморализовывало. Жизненный ритм, выработанный годами, был сбит. Скуку и безделье физически тяжело было переносить. Иногда руководители забастовки пытались как-то разнообразить вяло текущие будни забастовки, - устраивали городские митинги, общешахтовые собрания. Но поводов к этому находилось немного. Иногда, как это был в Прокопьевске, шахтёры выходили с плакатами на городскую площадь. Молча стояли, а потом, так же молча, расходились. Картина была впечатляющей. Напряжение было не меньше, чем на самом яростном митинге. Кое-кто пытался снять усталость известным в русском народе способом. В отличие от июля 1989 г., такие случаи теперь не были исключительными.

Во-вторых, на решение прекратить забастовку повлияла глухая бесперспективность в выполнении основных требований забастовки. Подспудно все понимали, что Горбачев добровольно не уйдёт с поста Президента СССР. Не было такого в советской практике. Было другое. Советская номенклатура всегда до конца яростно боролась за своё кресло. В креслах они умирали, часто их снимала начальство. Но никто добровольно не уходил, никто не соглашался лишать себя безбедной (по советским меркам) и часто почётной жизни. Переход из правителей в пенсионеры всегда был для номенклатуры кошмаром. В глубине души шахтёры, конечно, понимали невыполнимость своего требования относительно личности Горбачева. Кстати, их интересовала не столько его личность. Не ради неё они настолько круто замешали политические дела. Им нужны были реформы, которые могли бы быть гарантом улучшения их жизни.

В-третьих, шахтёров не могло не угнетать и чувство одиночества. И хоть собирались в их пользу денежные средства, продовольствие, принимались решения о поддержке, приходили одобряющие письма и телеграммы, на какое-то время останавливались предприятия, но массовой, всенародной поддержки всё-таки не было. Идея всеобщей политической забастовки не была реализована (за исключением Белоруссии). У остальных, как считали шахтёры, "духу не хватило". Руководство страны не чувствовало прессинга со стороны всего общества. "Меня удивляет гражданская пассивность в стране, - говорил в те дни известный диссидент Владимир Буковский, впервые после 1976 г. приехавший в СССР. - Самое большое потрясение - мало молодежи участвует в демократическом движении. Ведь она в других странах была в первых рядах, борющихся с коммунистическими режимами, а здесь мечтает, как бы уехать из СССР". [69] Видя пассивность общества, забастовщик не мог не испытывать огорчения и даже злости. Я, мол, добиваюсь для всех, уже два месяца не получаю зарплату, а меня же ещё и бьют со всех сторон, при молчаливом согласии братьев по классу. "Мне что, больше всех надо?" - всё чаще и чаще раздавалось в рабочей среде.

В-четвёртых, прекращение забастовки не могло не быть связано с прозаичными, но исключительно важными вопросами. У шахтёров кончились запасы денег. Можно представить, сколь много упрёков наслушались шахтёры от долготерпеливых жён. "Люди и так не шибко богаты были, а здесь ещё повышение цен", - объяснял один из лидеров

новокузнецких шахтёров Ю.Комаров причину прекращения забастовки на "Распадской" и "Абашевской".

Ученые Института проблем занятости Российской академии наук под руководством проф. Л.А.Гордона летом 1991г.. специально интересовались отношением жён шахтёров к забастовочной деятельности их мужей. Выяснилось, что 48% понимают, одобряют, стараются помочь; 16% - поддерживают, но просят быть менее активным; 11% - не одобряют, но открыто стараются не высказываться по этому поводу; и только 10% - настроены отрицательно и постоянно выражают своё недовольство. Таким образом, 85% шахтёрских жён (у 5% опрошенных жён не было) вполне соответствовали образу декабристок, оказались идеальными в верности делу своих мужей. Год назад, летом 1990 г., этот показатель был ещё выше 93%. Однако к декабрю 1991 г. - сократился. Понять можно. Прошло почти три года борьбы. А жизнь не улучшалась. Уходил оптимизм, пропадало прогрессивное настроение. Около 15% опрошенных уже заявили о напряженных отношениях в семье, сложившихся в связи с забастовочной деятельностью мужа. [71]

Наконец, на решение о прекращении забастовки повлияла и информация, поступившая из Межпарламентской группы о положительном решении вопроса о двукратном увеличении заработной платы. И, хотя этого требования не было в забастовке, перспектива резкого увеличения заработной платы не могла оставить людей равнодушными.

Сами шахтёры считали, что забастовка была результативной, прекращена своевременно. К такому выводу пришёл расширенный Совет рабочих комитетов Кузбасса, состоявшийся 14 мая в Ленинске-Кузнецком. Главным, по их мнению, была передача угольной промышленности под юрисдикцию России. [72]

Лидеры рабочего движения, несомненно, правы, считая забастовку результативной. Но в какой степени? Как покажет история, очень скоро союзный Центр будет заменен российским, который принципиально ничем не будет отличаться от бывшего монстра. "Росуголь", пришедший на смену Углепрому, фактически бросил шахты в море рыночной экономики. В одинаковых экономических условиях оказались старейшая, например, шахта "Анжерская", где работало 2 тыс. чел. с годовой добычей угля 400 тыс. тонн, и новейшая шахта "Распадская", на которой одна бригада Героя соцтруда Вл. Гвоздева (60 чел.) выдавала на гора 1 млн. 200 тыс. тонн в год.

Главное значение забастовки - не смена хозяев богатств Кузбасса. Самое важное то, что шахтёрам тогда удалось удержать страну на реформаторском направлении, погасить январский импульс возвращения к тоталитаризму. Авторитет рабочих комитетов в то время был достаточно высок. Ни одно общественное формирование в Кузбассе не имело такого рейтинга. По данным КузбассЦИОМа в апреле 1991 г. их рейтинг вместе с "Союзом трудящихся Кузбасса" составил 48,2% Ближе всех к ним была Демократическая партия России - 20,4%. КПСС - всего 9,8%. [73]

Вовремя забастовки Центр устоял. Но он был вынужден идти в направлении реформ. "Социалистическая, с квадратными колёсами телега сдвинулась с места", - образно оценили значение забастовки её лидеры.

Особенно важно и то, что стержень государственной власти в СССР - коммунистическая партия переживала серьёзные изменения. Эти изменения оказались для неё необратимыми. Партия растеряла свои первичные организации на предприятиях и учреждениях. Во время забастовки коллективы (отнюдь не только шахтёрские) принимали решения о выводе парткомов КПСС и комитетов ВЛКСМ с предприятия. "Докатились..., - сокрушался первый секретарь Ленинск-Кузнецкого горкома комсомола Е.А.Максимов. - Где это видано, чтобы зам. директора шахты им. Кирова снимал этикетку (*табличку - Л.Л*) с комитета комсомола. [74]

По данным социологического опроса 65,4% опрошенных кузбассовцев поддерживали эту акцию, а 65,9% - считали необходимым проведение инвентаризации имущества КПСС с последующей национализацией. 35,5% респондентов заявили о снижении авторитета КПСС, а 38% - ответили, что партийные комитеты вообще не имеют никакого авторитета.

Резко уменьшалось, число освобожденных секретарей парткомов. В Новокузнецке, например, их число за год сократилось на 60%, число цеховых парторганизаций - на половину (с 1325 до 734), а партгрупп - почти в три раза (с 1908 до 668). [75]

"Самыми стойкими, - говорилось на Новокузнецкой городской партконференции (март 1991г.) оказались ветераны войны и труда, партийные вожаки, руководители трудовых коллективов, передовики производства... Наиболее уязвимыми - шахтёры, металлурги, строители, работники народного образования, здравоохранения, правоохранительных органов..."Новое пополнение в партии за год составило всего 17 чел. [76] На практике это означало резкое ослабление партийной работы на предприятиях. "Пришли к тому, что свои дела КПСС некому будет завещать", - сетовали на Ленинск-Кузнецкой партконференции (март 1991 г.). [77] На прокопьевской шахте "Тырганская", например, из 700 коммунистов к лету 1991 г. осталось всего 135 чел., из которых 60 чел. были пенсионерами. [78]

Всё это означало, что наиболее активная часть населения порвала с коммунистической партией. Это свидетельствовало о близкой её кончине, а вместе с ней и кончине политического режима.

Была ли КПСС на сей раз адекватна? Говорят, накануне кончины люди прозревают. Прозрела ли та, жить которой осталось всего 4 месяца? "Что сделать?", - почти по-ленински поставил вопрос секретарь Ленинск-Кузнецкого ГК КПСС А.А.Филатов. И отвечал: "Избавиться от комплекса вины. Сказать, что я в этом не виноват! ... Вернуться к старым методам...". Что это за методы? - Он тут же уточнил: "Мне лично не понятно бездействие органов, обладающих реальными властными функциями... Комитет государственной безопасности! Государство из-за наших действий в

опасности - примите меры!". Ещё политически определеннее сказал делегат этой конференции пенсионер А.И.Лакисов: "Нужна конфронтация!" [79]

Вместо покаяния, вместо признания ошибочности социалистического выбора, приведшего великий народ к многомиллионным жертвам и фантастической материальной нищете - упрямство в отстаивании прежнего направления движения общества. Вместо поиска общепартийной и личнособственной вины за катастрофу жизни нескольких поколений советских людей - призыв к сталинизму. Начальник Польшаевского домостроительного комбината, член горкома КПСС Г. Л.Глотко вопрошал: "Какая вина лично моя? Никакая!" Однако нашёл мужество признать: "Но с другой стороны, мы ведь всё это видели и претворяли в жизнь". [80] Отсутствие покаяния россиян как в дни прежнего режима, так и после его падения - главное препятствие на пути радикальных реформ.

Требование сделать ставку на силу, прозвучавшее в Кузбассе из уст коммунистических руководителей и активистов партии, не могло не быть услышано в Центре. Августовский путч реализовал (пытался) требования многочисленных в стране филатовых и лакисовых. По мнению Б.Н.Ельцина, высказанному 30 апреля 1991 г. на встрече с рабочими комитетами в Новокузнецке, в стране "усилилась опасность введение чрезвычайного положения, чтобы с помощью силы вернуть народ в прошлое". [81]

При анализе политических итогов забастовки имело место и обычное для коммунистических лидеров упрощенчество. Для Т.Г.Авалиани, выдвинувшегося в одного из ведущих коммунистов в Кузбассе, эта забастовка была проявлением сил, которые "любыми способами пытаются облить грязью честных коммунистов". [82]

Анализ документов КПСС показывает, что в руководстве областной партийной организацией при характеристике политической обстановки эксплуатировалось в основном два тезиса: 1) идёт борьба между Ельциным и Горбачевым; 2) "кое-кто" рвется к власти на плечах шахтёров. Однако, были и вполне трезвые оценки. Не случайно они были среди новокузнецких партийных лидеров. Именно в Новокузнецке наиболее активно действовали сторонники "Демократической России", рабочих комитетов, "Союза трудящихся Кузбасса. Первый секретарь Новокузнецкого горкома А.И.Ленский к этому времени отказался от грубых и прямолинейно-оскорбительных выпадов против рабочих комитетов (его с успехом заменил А.Тулеев) будучи способным и разносторонним человеком, Альберт Иванович на городской партийной конференции (март 1991 г.) сделал политически глубокий вывод о том, что дело идёт об изменении общественного строя и устранении от власти сторонников социалистического выбора. [83]

Не может быть, чтобы этой глубины политических процессов не видели его коллеги по городским партийным комитетам. Скорее всего, видели, но не решались сказать об этом. Как в том случае с "фактами отказа от работы" весной 1989 г. предпочли либо молчать, либо говорить иносказательным эзоповым языком.

Поставив целью изменение политической системы, лидеры рабочих комитетов не спешили переодеться в комиссарские кожанки и взяться за маузеры. Более всего они не хотели насилия. Даже по отношению к своему могущественному и прославившемуся на весь мир насильнику - КПСС. "Мы должны быть рабами закона, чтобы стать свободными!" Вряд ли кто из лидеров знал это высказывание Цицерона. Но почти все они придерживались этого постулата с июля 1989 г., сначала из-за боязни танков, а затем из-за понимания разрушительности любой революции. Не случайно в бытовом обращении они искренне обижались, если их в шутку или всерьёз называли революционерами. "Эволюционеры мы", - говорили обычно они. Никаких антизаконных действий, никакого анархизма они старались не допускать.

Они хотели проведения радикальных реформ путём принятия соответствующих законов. В этом плане работа ВС СССР их не удовлетворяла. Они чувствовали, что и работа ВС РСФСР начинает давать ощутимые сбои. Там сильны были позиции коммунистов. Оставалось надежда на Президента - реформатора, который будет инициировать законодательный процесс.

24 апреля 1991 г. был принят Закон РСФСР о выборах Президента России. Это означало, что Россия получала шанс сделать качественные шаги на пути реформ. При условии, однако, если Президентом республики будет избран демократ. У демократов была одна кандидатура - Б.Н.Ельцин.

Шансы Б.Н.Ельцина стать Президентом были очень большими. Его авторитет в России, да и во всём СССР, был тогда высоким. Он был первым и единственным за всю историю КПСС человеком, который добровольно ушёл из Политбюро ЦК КПСС. "Бунт аппаратчика", - как писали газеты. Будучи первым секретарём Московского горкома партии, запомнился москвичам, да и вообще россиянам, как борец за социальную справедливость и защитник народа в его борьбе с номенклатурными привилегиями. Наблюдая за его работой в ВС СССР, а затем и ВС РСФСР, люди видели в нём последовательного демократа. Впечатляющим был его демонстративный выход из КПСС на 28-м съезде партии. Решительность поступков, нестандартность поведения Ельцина как Председателя ВС РСФСР импонировали россиянам. К этому добавлялся образ гонимого властями человека. А в народе таких любят. Во всякое случае, о них все знают, им сопереживают. На его авторитете отрицательно не сказались описанные в газетах случаи его якобы пьянства. Одни воспринимали это с недоверием. Для других это было свидетельством того, что они имеют дело "со своим в доску" человеком, имеющим обычные для россиянина слабости, свидетельством могучего его здоровья. Тем более, что во время визита в Кузбасс в апреле 1991 г. Ельцин продемонстрировал спортивный характер своего организма, неожиданно для В.Голикова и других сопровождавших его рабочкомовцев искупался в весенней Томи при температуре воды +8 градусов. [84]

Успех Б.Н.Ельцина был предопределён на выборах ещё и тем (а, может, главным образом тем), что он выступал с критикой существующего строя,

определившем незавидность материального положения людей. Об этом положении невозможно сказать лучше и образнее, чем это сделала бывшая мотористка шахты "Нагорная" Н.Н.Самсонова. "Вот прожила жизнь, - писала она в мае 1991 г., - 30 лет общего стажа, 10 лет подземного, а сбережений нет. ...Моё поколение начинало жизнь с травки-колбы, и сейчас государство предложило закончить её травкой". [85]

Немаловажно для Ельцина как кандидата в Президенты было и то, что на фоне других государственных деятелей он выглядел информированным политиком, знающим реалии жизни не из отфильтрованных референтами докладов. Его политический рейтинг в Кузбассе по данным социолога Б.Прошкина в апреле 1991 г. был в 6 раз выше, чем у В.С.Павлова, Г.И.Янаева, И.К.Полозкова, почти в 3 раза выше, чем у М.С.Горбачёва, А.И.Лукьянова и Д.Язова. [86]

Начало предвыборной кампании совпало с окончанием забастовки. Принимая решения о приостановке забастовки, трудовые коллективы, как правило, выражали свое отношение к предстоящим выборам. Рабочий люд повсеместно высказывался за Б.Н.Ельцина. А шахтёры Междуреченска, Березовского и др. даже обратились к А. Г. Тулееву как одному из кандидатов в Президенты с предложением отказаться от баллотирования на этот пост с тем, чтобы не мешать демократическим процессам в стране. Помимо Тулеева коммунистическая партия выдвинула бывшего премьера СССР Н.И.Рыжкова. Были ещё кандидатуры (тоже фактически - от КПСС) бывшего первого секретаря Кемеровского обкома КПСС В.В.Бакатина (два кандидата в Президенты от Кузбасса! Это что-то значило!), генерала Альберта Макашова. Кандидатура В.В.Жириновского для кузбассовцев выглядела опереточной. Перед компартией стояла задача "расташить" голоса избирателей, не допустить избрания Ельцина. Один Тулеев намеревался, по его собственному признанию журналистам, "оторвать" 20% голосов.

И хотя, конечно, 20% голосов он по России не набрал, но с тех пор стал заметной политической фигурой. Какую-то роль здесь сыграли его личные качества, в частности, умение вести диалог с аудиторией, говорить ей то, что она хотела услышать, общаться с ней на упрощенческо - "народном" языке, приводить образные сравнения. Людям импонировала его внешняя искренность, открытое человеческое лицо (хотя нередкой искаженное гримасой злости) на фоне "заскорузлых", "мрачных" коммунистических лидеров прежних популяций. На Тулеева работал мощнейший партийный аппарат с его колоссальными полиграфическими, финансовыми и прочими материальными возможностями, огромной пропагандистской сетью.

В группу поддержки Тулеева вошли работники 4-х отделов Кемеровского обкома КПСС. Во всех горкомах и райкомах партии в Кузбассе были организованы штабы в его поддержку, по всей России - 44 группы. По Ельцину в Кузбассе работала только одна группа - в Новокузнецке. В ходе сбора подписей коммунисты легко собрали за Тулеева по области 227 тыс., демократы за Ельцина - только 27 тыс. Под руководством Кемеровского обкома КПСС формировался список

доверенных лиц Тулеева, в том числе по Новосибирской, Томской, Омской областям, Алтайскому краю. Из 90 его доверенных лиц - 19 были профессиональными партийными работниками. В 60 автономных республик, краев и областей РСФСР через спецсвязь обкома КПСС были направлены агитационно-пропагандистские материалы. В составе групп поддержки выезжало более 100 чел., в том числе 18 членов обкома КПСС и работников его аппарата, 38 секретарей горкомов и райкомов партии, первичных партийных организаций. Эти люди провели более 500 встреч в трудовых коллективах России. Подводя итоги избирательной кампании, обком КПСС отметил газеты, дававшие материал по Тулееву - местные: "Кузбасс" (П.Бугаев), "Левый берег" (А.Голованова), "Земляки" (Ю.Тотыш), центральные: "Советская Россия", "Гудок", журнал "Рабочая трибуна".

Насколько политически нечистоплотно плелась интрига против Ельцина, свидетельствует материал конфиденциальной беседы заместителя председателя облсовета В.В.Стерлигова с собственными корреспондентами "Труда", "Гудка", "Российской газеты", "Рабочей трибуны", ТАСС. Соратник Тулеева фактически формировал сплетню о Ельцине, которая предназначалась для распространения по всей России. [87]

Усилиями партийной пропаганды в России был распространён миф о Тулееве как последовательном демократе, ставленнике рабочих комитетов. КПСС неплохо воспользовалась авторитетом рабочего движения Кузбасса. В связи с этим рабочим комитетам не раз приходилось делать официальные протесты, опровергать эти мифы. [88] Демократическая общественность Кузбасса не питала никаких иллюзий насчёт Тулеева. Её мнение хотя иронично, но довольно точно отразил журналист В. Попок, выступивший со статьей "Хохма года: "Тулеев - Президент России". [89]

Ставка на Тулеева вовсе не означает, что партийные органы Кузбасса не вели борьбу за других своих кандидатов - Бакатина, Рыжкова, Макашова. Как заметил журналист А.Г.Колпаков - кандидатов двое: Ельцин - и все остальные.

В конце мая социологи КузбассЦИОМа провели экспресс-опрос кемеровчан о выборах Президента РСФСР. Среди кандидатов лидировал Ельцин - 55% голосов, на втором месте был Тулеев - 48%. У Рыжкова было всего 8%, у Бакатина - 4%. Как выяснилось, среди сторонников Ельцина были мужчины (61%), молодежь и люди среднего возраста, квалифицированные рабочие (66%) и инженерно-технические работники (57%). За Тулеева готовы были отдать голоса женщины (53%), пенсионеры (63%), работники сферы обслуживания и младший персонал (64%). [90]

Прогноз социологов относительно распределения голосов не оправдался. Но в определении электората претендентов они оказались точны даже на перспективу. Мужчины, молодёжь, квалифицированные рабочие, ИТР в дальнейшем будут предпочитать бойкотирование выборов. В то время как женщины, пенсионеры, неквалифицированные работники будут активными. Это в значительной степени будет определять успех коммунистических сил в Кузбассе, ослабление позиций демократов.

Активность партийных органов Кузбасса в борьбе за своих кандидатов просто несопоставима с активностью демократов. Строго говоря, активности демократов и не было. У них была абсолютная уверенность в беспроигрышности кандидатуры Ельцина, кроме "Нашей газеты", Новокузнецкого рабочего комитета, пожалуй, никто не вёл активной предвыборной компании в его пользу.

Очень красноречив итог предвыборных собраний в Междуреченске. На этих собраниях за выдвижение кандидатуры Тулеева проголосовало 2871 чел., за Ельцина - 12 чел., о чём победоносно сообщил некий политолог В.Артёмов. [91] И, хотя политолог был явно тенденциозен и цифры его социолог Б.Прошкин назвал "лукавыми", они всё-таки отражают организационную сторону компаний за Ельцина и за Тулеева.

Несмотря на мощнейшую организацию, которой в Кузбассе противостояли лишь единичные группы с чрезвычайно ограниченными материальными возможностями (точнее будет сказать, с их отсутствием), обкому КПСС не удалось переломить настроения людей индустриальных городов (за исключением Белова и Киселёвска). Жители Новокузнецка, Ленинска-Кузнецкого, Осинников, Прокопьевска и др. проголосовали за Ельцина, сельских районов - за Тулеева. Из всех 6 претендентов Тулеев набрал в Кузбассе больше всех голосов - 44,7%.

Итоги президентских выборов показали, во-первых, исключительную работоспособность партийного аппарата, его колоссальные организационные и пропагандистские потенции, во-вторых, опасность переоценки популярности личность, которая будто бы автоматически должна получить большинство голосов. За голоса надо бороться. Это был хороший урок (не до конца освоенный) для политиков демократической ориентации, которые всего год-два назад стали заниматься политической деятельностью.

Есть большая вероятность того, что победа Тулеева в Кузбассе была следствием не только его личной популярности, но и того, что шахтёры почувствовали некоторую фальшь в поведении Ельцина в связи с "Заявлением "9+1". Ту фальшь, которая обозначится в поведении Б.Н.Ельцина как Президента России в отношении как тех, кто помог ему стать таковым, так и в отношении ко всем россиянам. Всё-таки это был Кузбасс, где политизация общества была очень высокой, сравнимой, пожалуй, только с Москвой и Прибалтикой.

Слова Ельцина: "Мы с вами в одной команде!", - произнесенные им в прокопьевском ДК им. Артёма весной 1991 г., были встречены шахтёрами одобрительно. Когда он покинул ту команду? Через год, летом 1992 г., по данным социолога И.А.Бельчика, его рейтинг в Кузбассе изменится до отрицательной величины (-6). [91]

Но тем не менее, и в тот год, и позднее (в 1993 г.) шахтёры Кузбасса, понимая, что не в личности Ельцина дело, а в реформах, сумеют сказать своё веское слово в поддержке Президента России в его борьбе с коммунистическим парламентом.

Борясь с бюрократически-коммунистическим режимом, рабочие комитеты не забывали о защите трудовых прав. Они прекрасно понимали, что рыночная экономика, за которую они боролись с 1989 г., приведёт к обострению социальных противоречий и временному падению жизненного уровня. (Правда, никто не мог предполагать, до какой степени).

Ещё в октябре 1990 г. на 2-м съезде шахтёров СССР они заявили, что необходимо отказаться "от прежних профсоюзных структур, от бюрократических методов профсоюзной работы, от соглашательства с государственными, партийными и хозяйственными органами, администрациями ...предприятий". [92] Тогда шахтёры решили создать свой профсоюз, в названии которого ключевым словом стояло "независимый". Независимый ни от государства, ни от КПСС, ни от администрации и "госпрофсоюза".

С помощью нового профсоюза горняки намеревались добиться обеспечения занятости и сохранения рабочих мест; достижения высокой заработной платы, соответствующей рыночной стоимости рабочей силы; создания условий труда, отвечающих современным требованиям научно-технического прогресса и мировым стандартам; формирования прогрессивных систем социального страхования; охраны труда и здоровья шахтёров и их семей.

К лету 1991 г. в Независимый профсоюз горняков СССР (НПГ СССР) по всей стране входило 32 тыс. чел. Чтобы понять, что это была значительная победа в преодолении заскорузлой системы советских профсоюзов, надо знать, что советскую систему социального страхования содержали профсоюзные взносы, которые были фактическим косвенным налогом с каждого трудящегося. Выходя из профсоюза, советский человек по сложившейся практике (но не по Закону) лишался, таким образом, права на льготное курортное лечение, льготных путёвок в дома отдыха, в пионерские лагеря для детей, оплату больничных листов в полном объёме и пр. Пойти на риск остаться без материальных льгот при опаснейшей для жизни и здоровья работе соглашался далеко не каждый.

"Госпрофсоюзы" выполняли только работу соцстраха. Своими же прямыми обязанностями - защитой трудовых прав - они, как уже говорилось, не занимались. В условиях бурного роста рабочего движения, чувствуя, что из-под ног уходит привычная почва, "госпрофсоюзы" принялись за собственную реорганизацию, ограничиваясь в основном лишь переименованием в "независимые". При этом продолжая, как прежде, собирать через бухгалтерии предприятий взносы. В финансовом отношении, в количестве оставшихся в них членов эти профсоюзы были монстрами по сравнению с вновь образующимися.

15 июня 1991 г. в Киселёвске состоялась учредительная конференция Независимого профсоюза горняков Кузбасса (НПГК). С информацией о работе НПГ СССР выступил один из его руководителей междуреченец А.А.Сергеев. К этому времени о своём намерении вступить в этот профсоюз заявили 6,5 тыс. шахтёров Кузбасса. Его первичные организации были очень

разнообразными по своему количественному составу - от 2700 чел. шахты "Тырганская", (предс. Ю.Н.Секиркин) до 13 чел. шахты "Центральная" (предс. С.В.Пастухов). Из городских организаций самые мощные были в Прокопьевске - 3 тыс. чел. (предс. И.М.Тращенко) и Белове - 1103 чел. (предс. Б.Н.Лебедев). [93]

Могло быть и больше, говорил в своём выступлении В.Г.Шарипов (ответственный в СРКК за профсоюзную работу), если бы не чрезмерная политизация лидеров рабочего движения в регионе. В таких городах как Новокузнецк, Берёзовский, где были сильные рабочие комитеты, к профсоюзной работе даже не приступали. Не было первичных организаций новых профсоюзов в Осинниках и Мысках. В ряде городов наблюдалась высокая активность рабочих, желающих образовать НППГ, но из-за отсутствия организационной работы со стороны городских рабочих комитетов ячейки не были созданы. Так что создавать областную организацию НППГ СССР было крайне необходимо.

Её необходимость усиливалась ещё и тем, что 7 июня 1991 г. Председатель ВС РСФСР Б.Н.Ельцин подписал Распоряжение о создании в Кузбассе свободной экономической зоны. В условиях особого режима хозяйствования в "зоне" выявлялась необходимость активного участия трудящихся в создании местных законов, защищающих трудовые права. "Сегодня все партии... бросились на защиту трудящихся, - говорил на конференции М.Кислюк. - А лучше всего защитит себя он сам, объединившись в ... нормальный, независимый от государства профсоюз. [94] Это Распоряжение (а 9 июля будет подписано Положение о зоне) было фактическим выполнением 1-го и 2-го пунктов "Протокола". Рабочие комитеты, наконец-то, добились выполнения своего главного требования - быть свободными в распоряжении результатами своего труда. Правда, экономическая, социальная и политическая значимость свободной зоны не успела сколько-нибудь заметно проявиться, так как через полгода вся страна в соответствии с гайдаровскими реформами перейдет на принципы, определённые в положении об экономической зоне.

Прошёл почти год после 5-й конференции рабочих комитетов Кузбасса, которая взяла курс на создание независимую профсоюзного движения как крыла рабочего движения, прежде чем эта идея нашла своё практическое воплощение в создании организационной структуры. Был принят Устав НППГК, в котором закреплялся конфедеративный принцип работы нового профсоюза. Но был учтен опыт последней забастовки, в которой выявилось серьёзное неудобство этого принципа. Во время забастовки ситуация часто требовала от рабочих комитетов оперативной реакции. Но время уходило на проведение принятого решения через структуры рабочих комитетов, так как по их Уставу мнение СРКК носило лишь рекомендательный характер. Поэтому на конференции НППГК в Уставе записали компромиссный вариант - в экстремальных условиях организации НППГК наделяют областные органы полномочиями принимать обязательные для всех решения. Конференция

избрала исполнительное бюро из X чел.: В.Г.Шарипов (председатель), Б.Н.Лебедев и Е.В.Лякин (заместители).

Со временем в деятельности рабочих комитетов это профсоюзное направление стало определяющим, а с конца 1994 г. фактически единственным.

Как уже отмечалось, лидеров рабочего движения всегда отличал конструктивизм, стремление найти механизмы решения вопросов. Неудивительно их сотрудничество не только с учеными, но и хозяйственниками. Вряд ли приходится удивляться, что они попытались использовать в своей профсоюзной работе мировой опыт, опыт профсоюзов других стран.

В течение 1989 г., 1990 г. одна за другой группы шахтёров из Кузбасса (как и из других угольных бассейнов) побывали в странах Западной Европы и Америки по приглашению профсоюзов. Как правило, это были ознакомительные поездки, позволившие не столько приобрести профсоюзный опыт, сколько взглянуть на труд и быт советского шахтёра со стороны, сравнить их с западными. (Надо ли говорить, в чью пользу были сопоставления?). С весны 1991 г., с момента заключения "Меморандума" с АФТ-КПП, связи рабочих комитетов Кузбасса с западными профсоюзами начинают приобретать характер международного сотрудничества.

В рамках "Проекта совместного советско-американского сотрудничества в области административно-трудовых отношений угольной промышленности СССР", подготовленного в ходе пребывания в США лидеров рабочего движения СССР, 15 июня в Кузбасс прибыла американская делегация. В её состав вошли не только профсоюзные боссы АФТ-КПП, но и руководитель крупнейшей угледобывающей корпорации США, заместитель министра труда, ведущие специалисты Госдепартамента США. Такой солидной делегации в Кузбассе никогда не было.

Весьма симптоматично для руководителя с коммунистическим воспитанием, но эту делегацию не захотел принять глава исполнительной и законодательной власти в Кузбассе А.Тулеев. "Очевидно, сыграло чувство ревности, - говорил В.Голиков на 6-й конференции (июль 1991 г.). - Почему это не они, а какие-то рабочие комитеты вдруг становятся инициаторами встречи. Нам было очень неудобно перед американской делегацией, когда приходилось объяснять, почему нет представителей законной власти". [95] А ведь ещё в феврале этот "Проект" был одобрен президиумом облсовета и облисполкомом. Его поддержал Председатель Совета Министров РСФСР И.С.Силаев. Он был обсужден с Председателем ВС РСФСР Б.Н.Ельциным. Через Г.И.Янаева он был передан Президенту СССР М.С.Гобачёву.

Раз глава местной власти проигнорировал американскую делегацию, значит ("по этикету") хозяйственные и иные руководители поступить должны были так же. На специально организованный семинар "командиры" промышленности не явились. На них не повлиял даже тот факт, что в семинаре принял участие зам. министра топлива и энергетики РСФСР А.Е.Евтушенко. А ведь с хозяйственниками Кузбасса намеревались

встретишься деловые люди из США. Те люди, которые имели многолетний опыт работы в угольной, сталелитейной и других отраслях промышленности в условиях рыночной экономики. Те люди, которые знали немало о современных индустриальных технологиях. Люди опытные в проблемах финансирования, торговли, трудовых отношений.

Кузбасс в целом, кузбасские хозяйственники в отдельности имели великолепную возможность установить прямые партнерские отношения с правительственными и профсоюзными структурами США, отдельными фирмами. Именно этого кузбасские руководители с огромным трудом стали добиваться (чаще всего безрезультатно) в 1992 г. Но было уже поздно. Тогда уже появились многочисленные конкуренты, начиная от правительства России, кончая отдельными шахтами и заводами, добывавшимися установления партнерских отношений, зарубежных кредитов.

Летом 1991 г., благодаря рабочему движению, Кузбасс имел шанс завоевать приоритетные позиции в международном сотрудничестве. Имел и не реализовал. Не реализовал из-за мелочности, недалёковидности, упрямства "всенародного любимца". В те дни глава власти в Кузбассе, чьё этическое воспитание оставляет желать лучшего, публично назвал членов рабочих комитетов "уголовными элементами - насильниками, убийцами, грабителями". [96]

Народный суд заставит Тулеева извиниться перед рабочекотовцами, но этот факт сам по себе очень красноречиво характеризует этого талантливого защитника коммунистического строя.

В ходе визита американской делегации было подписано "Соглашение" о создании в Кемерове Центра американско-советского сотрудничества в области совершенствования административно-трудовых отношений в угольной промышленности Кузбасса. Этот Центр должен был готовить профсоюзных активистов, специалистов и руководителей предприятий в условиях рыночной экономики, содействовать развитию совместных предприятий. Предусматривалось участие американской стороны в реализации свободной экономической зоны Кузбасса. Планировался регулярный обмен информацией. В структуре Центра хотели создать специализированные группы по направлениям работ. Часть затрат по содержанию Центра брала на себя американская сторона. И, хотя реализовать план создания Центра не удалось (похоже, москвичи проявили большую, чем кузбассовцы, расторопность и нечто подобное было создано там), это "Соглашение" сыграло известную роль в установлении кузбасско-американских связей в ту пору, когда главой исполнительной власти в Кузбассе стал М.Б.Кислюк.

23 июня "Инфо-Взгляд" специально для "Нашей газеты" передал информацию о работе ежегодной конференции английского профсоюза электриков. В нем приняли участие для представителя независимого профсоюзного движения СССР Вячеслав Голиков и московский представитель организации "Демократическое рабочее движение" (ДРД) Игорь Брумель. Конференция приветствовала аплодисментами их появление

в президиуме. Местная английская пресса отметила, что выступление "лидера рабочего движения Кузбасса отличалось понятностью, уместным юмором, краткостью, которые весьма и весьма ценят". Английский профсоюз соглашался принимать на обучение наши группы по 15-16 чел. Англичане заявили о готовности принять участие в работе американского обучающего Центра. В ходе этого визита были налажены контакты с профсоюзом английских шахтеров. Хотя этот профсоюз был исключительно немногочислен (27 тыс. членов), он выразил желание помочь становлению НПГ СССР, в частности, в обучении профсоюзных деятелей. [97]

Примерно в это же время в Кемерове состоялась встреча А.Асланиди и В.Шарипова с первым секретарем посольства Франции в СССР Лефортом и первым секретарем посольства Германии в СССР Дельтевом. Речь шла о международном сотрудничестве.

Понимая необходимость профсоюзной работы, пытаясь на нее переключиться, лидеры рабочих комитетов ощущали, что политика их не отпускает. И дело, разумеется, было не в личной к ней предрасположенности Асланиди, Голикова, Зорькина, Малыхина, Строканева, Комарова, Вахитова, Мусина, Лебедева, Кислюка, Путинцева и др. Все дело в политическом режиме, который был препятствием на пути к демократии и цивилизации. В странах с развитыми демократиями рабочее движение занималось борьбой за трудовые права, за регулирование трудовых отношений между наемным работником и работодателем.

В Советском же Союзе при отсутствии другой реальной политической силы (партии находились либо в эмбриональном состоянии, либо переживали период младенчества) рабочему движению приходилось выполнять не свойственную, ему роль (это задача интеллигенции) - выводить Отечество из бездны экономической и политической отсталости, на которую ее обрек казарменный советский социализм. Несмотря на зачетные успехи демократических сил в связи с политической забастовкой, принципиальных политических изменений в стране не произошло. Как отмечалось в Обращении участников "Круглого стола" к кузбассовцам (конец июня), оставалась возможность отката к жесткой командно-административной системе, основанной на всеисилии государства и бесправии граждан.

В связи с избранием Б.Н.Ельцина Президентом России у демократов открывалась возможность радикализации реформ сначала в России, а затем во всем СССР. Это - с одной стороны. С другой - подталкивало коммунистов на путь еще большей конфронтации с реформаторами. вступив позиции в Центре, коммунисты не могли не попытаться взять реванш на местах. Демократы, находившиеся раньше в оппозиции, теперь ощутили свою принадлежность к победившему политическому курсу, тоже не могли не попытаться усилить свои позиции в регионах, рассчитывая в дальнейшем превратиться из меньшинства в большинство.

Это наглядно продемонстрировала сессия Кемеровского областного Совета народных депутатов, состоявшаяся 2-3 июля. Демократам удалось на сессии законодательно закрепить принципиально новую для всей страны

концепцию развития здравоохранения в условиях рыночной экономики. В основе лежал принцип многоукладности, где основное значение отводилось страховой медицине. [98]

На сессии коммунисты попытались превратить Кузбасс из форпоста демократических процессов в оппозиционный Президенту России регион. Они предложили провести прямые выборы главы исполнительной власти в Кемеровской области. Высокий рейтинг Тулеева безошибочно указывал, кто получит мандат доверия из рук кузбассовцев. Одно дело занимать этот пост по решению сессии, другое - быть избранным народом. Его возможности борьбы с Президентом в этом случае трудно переоценить.

Испепеляющие взгляды депутатов, как писала парламентский корреспондент "Нашей газеты" Тамара Зильбер, гневные слова и жесты довели обстановку на сессии до накала. "Никаких консенсусов не будет", - жестко декларировал свою позицию председатель облсовета. Демблоку ничего не оставалось, как заблокировать голосование по этому вопросу, они покинули зал. Голосование не состоялось. Демблок проявил политическую дальновидность. Будь Тулеев избранным главой исполнительной власти, его невозможно было бы сместить в связи с путчем. И тогда Кузбасс мог стать оппозиционным регионом к Президенту России. Конечно, рабочее движение вряд ли такое бы допустило. Но это неизбежно привело бы к нарастанию политической конфронтации в Кузбассе. Кузбасс называли политическим полигоном реформаторов. Он мог стать полигоном для консерваторов.

Тем более, что КПСС, несмотря на утрату доверия в народе, распад партийных организаций, показала себя на президентских выборах могущественной организацией. За чрезвычайно короткий срок ей удалось политически реанимировать Н.И.Рыжкова, обеспечив ему второе в России место, а А.Г.Тулееву в Кузбассе - первое. Имея рейтинг всего 9,8% в Кузбассе, она обеспечила избрание своих представителей в областной Совет не только в марте - апреле 1990 г., но и на дополнительных выборах как в 1990 г., так и 1991 г., которые увеличили областной Совет народных депутатов с 187 чел. до 245. При этом фракция демократов увеличилась всего на 2-3 чел.

Движимые партийной солидарностью, коммунисты, стоявшие во главе городских Советов, исполкомов, хозяйственных структур различных регионов страны, сумели обеспечить Кузбассу нечто вроде бойкота. Вряд ли кто его специально организовывал в масштабе страны. Но, при выполнении Кузбассом своих обязательных поставок в другие регионы на 91%, ему поставляли только на 30%

от запланированного. Было замечено, что продовольствие, товары потребления и проч. не поступали в Кузбасс именно из тех регионов, где коммунисты безраздельно определяли политику, где голос демократии был практически не слышен: Воронежская, Саратовская, Белгородская область, Краснодарский край, Ставрополье.

6 июля состоялась конференция демократических сил Кузбасса. 35 делегатов из 15 городов Кузбасса представляли более 10 наиболее

проявивших себя партий и движений: рабочие комитеты, Союз трудящихся", Демократический блок областной Совет народных депутатов, Республиканскую партию России, Социал-демократическую партию России, Союз предпринимателей. Союз ветеранов за демократию, партию "зелёных". Демократический союз, Независимый профсоюз горняков Кузбасса и др.

В докладе оргкомитета (Л. Лопатин) и выступлениях отмечалось, что демократы допустили "вопиющую, безобразную" разобщённость. Они оказались организационно слабы как на всесоюзном референдуме о судьбе СССР, так и на президентских выборах. Все прежние попытки консолидации демократических сил (первая была в октябре 1990 г.) ни к чему не привели. По мнению участников конференции, это произошло из-за отсутствия четких реалистичных задач, из-за того, что там происходило объединение ради объединения.

На конференции впервые прозвучала главная задача объединения - борьба за власть. Борьба парламентскими методами. Только власть могла дать возможность реализовать программы демократов, формировать собственную политику. Как показали архивные документы КПСС, новый аспект в деятельности демократов был с тревогой отмечен во всех партийных комитетах. Однако эта констатация сопровождалась обычным для партийных руководителей упрощенчеством. Так, секретарь парткома Юргинского машзавода В.А.Титков заявил: "...Сейчас к власти рвутся люди..., которые считают себя чем-то обиженными, с большими личными амбициями...". Привыкшие видеть во власти путь для удовлетворения своих личных интересов, эти люди не могли допустить, что демократами могут двигать какие-то иные мотивы и стремления. Так думал не один Титков. Так думали все члены обкома КПСС, записавшие в постановлении своего пленума (18 июля) задачу борьбы с попытками "использовать рабочее движение отдельными лицами для удовлетворения своих амбиций". [99]

По-другому функционеры КПСС думать не могли. "Для коммунистов власть всегда была самоцелью, - говорилось в докладе на конференции демократических сил. - Ей было подчинено всё: экономика, культура, идеология, интересы общества и человека...

Для нас же власть есть лишь средство для достижения цели - возвращения России к цивилизации, возрождения нации, чести, достоинства, гордости и благосостояния россиянина". [100]

На конференции возникла дискуссия о форме объединения. Присутствовавший на конференции известный в СССР политик Н.И.Травкин предложил организоваться под сенью его партии. Однако, как отмечала журналист Ольга Наваева, на конференции возобладала другая позиция: не тратить силы на создание новой партии-монолита, а сформировать коалиционный блок "Демократический Кузбасс". Координатором его избрали бывшего активиста партии Демократический союз В.В.Колесникова.

Поскольку демократы определились в своей решимости брать власть, постольку неизбежным был вопрос о кандидатурах на высшие должности в области, прежде всего- на должность председателя облисполкома. Видимо, у

демократов не было и мысли о злободневности этого вопроса на близкую перспективу. Августовский путч был не за горами. Потому и обсуждался этот вопрос несколько формально и не очень заинтересованно, пожалуй, вяло.

Называлось три - четыре кандидатуры. Среди них не было никого из лидеров рабочего движения или деятелей Демблока как главных организаторов объединения демократических сил Кузбасса. (Это лишний раз доказывает, что демократы не "рвались к власти" для удовлетворения личных амбиций). Конференция остановилась на кандидатуре директора прокопьевского завода шахтной автоматики, народном депутате СССР В.М.Ильине. В середине августа эту кандидатуру утвердил и Совет рабочих комитетов Кузбасса. [101] Причём сам Виктор Михайлович об этом был, кажется, "ни сном, ни духом". Не сохранилось документов, подтверждающих его согласие на это. Есть подозрение, что с ним об этом вообще никто и не говорил.

Отсюда и коллизия, возникшая после подавления путча с назначением Главы администрации Кемеровской области. Тогда президентские структуры обратились в рабочие комитеты с предложением о кандидатуре М.Б.Кислюка. Опрос отдельных руководителей кузбасских предприятий, фирм, организаций, проведенный представителями областного рабочего комитета и Демблока, дал положительный результат. [102] Вопрос о назначении решался столь спешно (фактически в течение нескольких часов: только что закончился путч, обстановка была далека от стабильности), что времени для обсуждения кандидатуры главы исполнительной власти Кузбасса не было даже для СРКК. Это потом дало повод для протеста со стороны некоторых демократов, которые прочно вставали на прокоммунистические позиции (Сергачёв, например).

После конференции положение с объединением демократов Кузбасса было таким же, как и до неё. Фактического объединения не произошло. Во-первых, видимо, потому, что основные политические силы Кузбасса - рабочие комитеты, Демблок, Республиканская и Демократическая партии и без того действовали слаженно, почти всегда без труда находя общие подходы. Во-вторых, сказался дефицит политических организаторов. В связи с пассивностью интеллигенции ряды демократов фактически не пополнялись. Отсутствие объединения демократов не очень болезненно сказывалось в тот период, когда они находились в оппозиции. Каждая партия тогда без труда находила собственную нишу для борьбы с КПСС.

При переходе от оппозиции к власти дефицит объединённых действий демократов весьма отрицательно сказался на их возможностях оказывать влияние на политику властных структур. В этой обстановке демократы почти "потерялись".

На следующий день после конференции демократов состоялась 6-я конференция рабочих комитетов Кузбасса. В отличие от предыдущих, она не была столь многочисленной и проходила не в огромном зале (на 700 мест) Новокузнецкого Дома политпросвещения, а в скромном актовом зале Института повышения квалификации работников угольной промышленности

в Кемерове. Было всего около 130 участников. В докладе (В.Голиков) и содокладе (М.Кислюк) были подведены итоги деятельности рабочих комитетов за год. Отмечалось, что партийные и государственные структуры активно боролись с рабочими комитетами, пытались внушить людям мысль о том, что они, мол, дискредитировали себя и нагому должны уйти с политической арены Кузбасса. "Усилилась грязная кампания клеветы против активистов рабочего движения", - говорилось в решении конференции.

Участники конференции не говорили о несостоявшейся январской забастовке как о провале или поражении. Справедливо утверждалось, что объявление забастовки было одним из факторов, остановивших танки на улицах Литвы. Рабочим комитетам удалось сдержать наступление реакции и весной 1991 г., предотвратив смещение Б.Н.Ельцина с поста Председателя ВС РСФСР. Было признано, что на президентских выборах "мы потерпели если не сокрушительное, то всё же поражение". Важным в деятельности рабочих комитетов было и то, что удалось перейти к сотрудничеству с зарубежными профсоюзами. Хотя и с большим опозданием, но всё-таки был создан Независимый профсоюз горняков Кузбасса. Благодаря рабочему движению в Кузбассе были сформированы крупные элементы рынка: биржи, коммерческие банки. Участники конференции пришли к выводу, что даже если демократам не удастся победить, коммунисты всё равно будут вводить рынок, так как командно-административная система себя изжила. Но тогда это будет рынок в условиях рабского состояния общества. Принципиальная линия рабочих комитетов - "демократизировать и общество, и экономику, создавать рыночные институты, обеспечивать социальную защиту". [103]

Конференция обсудила вопрос, сохранять ли рабочие комитеты как структуру или ограничиться независимыми профсоюзами. Договорились - сохранять. Тем более, что, весьма вероятно, союз Президента СССР с демократами в любой момент может прерваться, и у власти утвердятся реакционные элементы. "Противники преобразований концентрируют свои силы.... Угроза возврата к прежнему господству командно-административной системы не ликвидирована", - предупредила конференция. Усилилась стихийная номенклатурная приватизация. Поэтому делегаты конференции договорились не только не распускать рабочие комитеты, но напротив - восстановить их там, где они оказались распущенными, поддержать решение конференции "Демократический Кузбасс" о борьбе за власть. Конференция высказалась о нецелесообразности выдвижения какого-то одного лидера во власть. Надо сформировать команду из 35-40 чел. и двигать их всех сразу. Предложение стратегически верное. Команда - не один человек. С проблемой отсутствия у демократов команды и столкнётся через два месяца сам автор этого предложения - Кислюк, оказавшись во главе исполнительной власти Кузбасса.

Только теперь, после провала на президентских выборах, неудачи с январской забастовкой, в условиях активной пропагандистской работы структур КПСС против рабочих комитетов и Демблока конференция, наконец-то, приняла решение о создании постоянно действующих

агитационных групп при рабочих комитетах. Первые предложения о них поступили в рабочие комитеты ещё в декабре 1989 г. Тогда отдельные вузовские преподаватели пытались сформировать одну из них в Кемерове. [104] Но встречного движения ни со стороны городских рабочих комитетов, ни областного не было.

Видимо, было опасение, что такие группы будут похожими на лекторские группы обкома и горкомов партии, станут "промыть мозги" рабочим. Такую недооценку роли пропаганды нельзя ставить в вину рабочим комитетам. Это была их беда. В вину можно поставить интеллигенции, которая не выполнила своего предназначения. Выступать в аудитории, полемизировать, доказывать, отстаивать точку зрения под силу лишь не только образованному, но и опытному в этих-делах человеку. А таковых практически не оказалось рядом с рабочими комитетами. Дефицит пропаганды остро не ощущался ни в 1989 г., ни в 1990 г., так как сама жизнь вела агитацию против КПСС, каждодневно подтверждала правоту рабочих комитетов. И без лекций было в целом ясно, что именно коммунистическая партия завела страну в тупик, обеспечила хронический дефицит товаров народного потребления и продовольствия, низкую зарплату при быстром росте цен, падение производства, всевластие партократии, отсутствие прав человека.

Но в условиях, когда демократы получили своего Президента (РСФСР), их самих уже можно было критиковать как властную партию. А раз властную, значит, и ответственную за падение жизненного уровня, социальную нестабильность.

КПСС сразу же уловила изменения в пропагандистском поле. Периодические издания "Правда", "Советская Россия", "Кузбасс", "Гласность", "Земляки", "Диалог", охарактеризованные обкомом КПСС в июле 1991 г. как "надёжные проводники нашей политики" [105], стали активно эксплуатировать тему об ответственности демократов за ухудшение экономического и социального положения. Да так удачно, что не прошло и года, как люди воспринимали этот тезис за аксиому, а сами коммунисты стали обличителями демократов, выставив им вину за преступность, низкий жизненный уровень, расстройство экономики, то есть за то, в чём были сами повинны перед народом, находясь у власти многие десятилетия.

Вот почему конференция рабочих комитетов столь много уделила внимание вопросам пропаганды, работы с прессой, разоблачению популистской политики Тулеева "как обмана трудящихся". Выводы о пропаганде, хотя и запоздалые, но совершенно правильные. Однако и после конференции в основном из-за дефицита кадров, а также организационных недоработок, ни в рабочих комитетах, ни в "Демократическом Кузбассе" ничего не было сделано по становлению пропагандистской работы на солидную основу. Мало того. Не было серьёзных шагов в этом направлении сделано и Кислюком, ставшим Главой администрации Кемеровской области. Хотя его консультативный совет, состоявший из представителей рабочего комитета, депутатов Демблока, ученых, деятелей культуры и духовенства

(работал до осени 1993 г.) настоятельно рекомендовал ему это сделать. Создавалось впечатление, что М.Кислюк боялся быть обвиненным в создании идеологического отдела по типу обкома КПСС.

Не успели или не смогли рабочие комитеты выполнить и решение конференции о создании при СРКК контрольного органа для "предотвращения экономически неэффективной, невыгодной для трудящихся, стихийной номенклатурной приватизации", о которой поведал участникам конференции депутат Игорь Кожуховский.

Анализ политической ситуации, сделанный на конференциях "Демократический Кузбасс" и рабочих комитетов, показал, что жесткое противостояние коммунистов и демократов приблизилось к критической точке. Этот же вывод сделали и коммунисты 18 июля на пленуме обкома КПСС. Кажется, впервые в докладе секретаря обкома (А.М.Зайцева) прозвучали добротные и правдивые аналитические выводы. Уже не было характерного для партийных руководителей стремления приукрасить действительность, спрятаться за эзоповские формулировки, отделаться пустыми декларациями. Ум и характер автора доклада явственно просматриваются в его строках.

Он говорил о приближении кризиса к опасной черте, об особой остроте политического положения: парторганизации так и не нашли своего места, партия ослабла в связи с массовым выходом из неё коммунистов, компартия воспринимается как "античеловеческая", консервативная и даже реакционная организация; в ряде республик и городов власть перешла в руки антикоммунистических сил; растет возмущение народа. [106]

Однако выступления остальных участников пленума, как всегда, не отличались аналитическими сюжетами. В.А.Титков, например, свёл существо событий к проявлению политиками амбиций и неумению обкома организовать работу фракции коммунистов облсовета. Соловьев из Белова считал, что кризис можно преодолеть, если "партия будет ... без всяких каких-либо уклонов". Многие выступающие вообще говорили о хозяйственных вопросах; обходя политические проблемы. "О чём мы говорим возмущался Т.Г.Авалиани, - о подготовке к зиме! Всё это рухнет, если через 4-5 месяцев не будет нашей Родины, которая расколется на 40-50 государств... Надо выиграть время, и тогда народ увидит, что коммунисты - порядочные люди". [107]

Пленум принял несколько странноватое решение о поддержке "рабочего движения в его борьбе за хозяйственную самостоятельность, сохранение социалистических завоеваний". [108] Это когда же рабочее движение боролось за сохранение социализма? За радикальное его преобразование - было такое осенью 1989 г. Но, чтобы за сохранение...? Здесь либо прямая сознательная фальсификация авторов партийного решения, либо неуклюжая попытка выдать желаемое за действительное.

Однако действительность состояла в том, что это был самый последний пленум в истории областной партийной организации в рамках КПСС. Через два дня - 20 июля 1991 г. Президент РСФСР издал Указ о прекращении

деятельность организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах и учреждениях. Это и была та департизация, на которой настаивали шахтёры в своей весенней забастовке.

К спокойствию и выдержке призвал Ленинск-Кузнецкий ГК КПСС на своём заседании 25 июля, констатируя, что этот Указ означает новую конфронтацию. [108] Однако и на этот раз партийные руководители оказались неадекватными в оценке ситуации.

Это была не конфронтация. Это был конец функционирования коммунистической партии в том виде, в каком создал её Ленин в 1903 г. Конец той партии, которая, по словам вождя превратила, "каждый завод, каждую фабрику в свою крепость".

Надо сказать, что в отличие от многих других региональных партийных организаций, кузбасские парткомы встретили Указ без излишней нервозности. Представители КПСС на "Круглом столе" даже поддержали его вместе с другими участниками, настояв, правда, на том, чтобы и рабочие комитеты ушли с предприятий. [109] Партийные органы Кузбасса уже имели опыт работы, не находясь на предприятиях, откуда их вывели забастовщики ещё весной 1991 г. Причём тогда отказывали коммунистам в дислокации на предприятии не только шахтеры. Это сделают, например, и рабочие Юргинского машиностроительного завода, завода - города, парторганизация которого имела права райкома КПСС.

После шока, который пережила КПСС от этого президентского Указа, а затем от другого Указа о партии, вышедшего после провала путча, коммунистическая партия не прекратит своего существования и отчасти восстановит своё положение как партии. Но это уже будет другая партия. Партия, лидеры которой уже кое в чём выйдут из плена марксистско-ленинских догм: о запрещении частной собственности, отстаивании постулата о диктатуре пролетариата и мировой социалистической революции, игнорировании товарно-денежных отношений. Это уже была партия, лидеры которой уже не делали вид, что ведут политическую работу. Они вели политическую борьбу. Они не изображали из себя защитников рабоче-крестьянских интересов, а действительно старались быть ими, организуя забастовки, демонстрации в защиту трудовых нравов. И чем больше возникало проблем у новой власти, тем больший рейтинг наращивали коммунисты, тем больше шансов было по возвращению им к власти, возвращению к конфронтации общества, возвращению к государственному насилию над человеком! Видимо, реагируя на президентский Указ о департизации, известные общественные и культурные деятели страны (Ю.Бондарев, А.Проханов, В.Распутин, Г.Зюганов, В.Стародубцев, Л.Зыкина и др.) обратились через газету "Советская Россия" со "Словом к народу". В нём звучала тоска по прежним временам. Они объявлялись чуть ли не "золотыми". Утверждалось, что Россию отдали на разграбление. Угрожали, что если "за высокими стенами" не слышат "народных воплей", то народ сам способен постоять за себя.

Совет рабочих комитетов Кузбасса 26 июля принял Заявление, в котором расценил это "Слово" призывом к бунту. [110] "Наша газета" вышла под заголовком "Россия, будь бдительна! Зовут Россию к топору!" При обсуждении "Слова" на "Круглом столе" вначале возникли сомнения в справедливости таких выводов. После выступления представителя профсоюзной организации "Единение" (г. Новокузнецк) Б.Богомолова сомнения исчезли. Он рассказал о том, что в ряде городов страны фактически началось формирование народного ополчения.

Подтверждения прозорливости рабочих комитетов Кузбасса ждали не долго. 22 августа "Нашей газете" пришлось выйти с фотографией Г.Янаева на первой странице и текстом под ней - "Разыскивается государственный преступник! Приметы: похмельный. вид, трясущиеся руки. Выдает себя за Президента СССР. Вооружен и очень опасен! Имеет сообщников, обвиняется в государственном перевороте". Фотография была сделана Чулковым во время визита Янаева в Кузбасс. Она была чрезвычайно выразительной - поднятый воротник пальто, характерный взмах руки, одутловатое лицо, мутный взгляд.

Таким оригинальным способом "Наша газета" информировала своих читателей о свершившемся в ночь с 18-го на 19-е августа государственном перевороте в Москве. Нет сомнения, соредакторам газеты Д.Шагиахметову (автору текста), В. Попку, выпускавшим номер, и даже В.Шишватову, отдыхавшему в это время на юге, одной этой фотографии хватило бы дня получения "персональных" наручников, срочно изготовленных на одном из заводов к перевороту.

Янаев издал "указ" о собственном вступлении в должность исполняющего обязанности Президента СССР, в связи "с болезнью" М.С.Горбачёва. Вслед за этим "указом" последовали другие. Были ещё заявления, обращения и постановления "советского руководства" объединённого в Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). В его состав вошли: Г.И.Янаев - вице-президент СССР, О.Д.Бакланов - секретарь ЦК КПСС, В.С.Павлов - Председатель Кабинета Министров СССР, В.Л.Стародубцев - председатель колхоза, А.Н.Тизяков - генеральный директор крупного оборонного предприятия, Б.К.Пуго - министр МВД, Д.Т.Язов - министр обороны, В.Л.Крючков - председатель КГБ. Все они были членами ЦК КПСС. Вводилось чрезвычайное положение в Москве и в "отдельных местностях СССР", в регионах создавались оперативные комитеты по управлению, учреждалась цензура, закрывались некоторые печатные органы.

К чести редакторов средств массовой информации Кузбасса, почти никто из них не выполнил предписания ГКЧП о публикации его документов. Отличилась газета "Кузбасс", аккуратно публиковавшая материалы ГКЧП. [111] Видимо, позиция путчистов соответствовала внутреннему настрою редакторов. На таких же позициях оказались редакторы газет Ижморского и Тяжинского районов "Наша жизнь", г. Юрги "Резонанс". Ряд газет заняли

невразумительную позицию - "Вперёд" (Мариинского района), "Наше время" (пос. Яя).

В дни путча, кажется, ни у кого не было сомнения в том, что путч - детище КПСС, её реакция на Указ о департизации и подписание нового Союзного договора, назначенного на 20 августа. Никто в этом не сомневался и после. Члены комиссии Верховного Совета СССР по расследованию обстоятельств попытки государственного переворота историка Г.А.Белюсова (москвичка) и В.А.Лебедев (кемеровчанин), выпустившие самое первое историческое исследование по путчу, утверждали, что их комиссии не удалось найти по всему Советскому Союзу ни одного факта открытого противодействия ГКЧП со стороны горкомов, райкомов, обкомов КПСС. Позиции парторганов они условно разделили на три группы: 1. открытая поддержка путча; 2. скрытая от глаз народа поддержка путчистов; 3. внешне нейтральная позиция, меняющаяся в зависимости от развития событий в ходе переворота. [112]

К какой группе следует отнести партийную организацию Кемеровской области? Это можно было бы наверняка установить по входящей и исходящей документации. Но она была уничтожена за день до Указа Президента РСФСР от 24 августа о приостановке деятельности организационных структур КПСС. Но в документах ЦК КПСС сохранилась шифрограмма секретаря обкома В.П.Лучшева (А.М.Зайцев был в отпуске), по сути дела предлагавшая ввести в Кузбассе чрезвычайное положение. "В области фактически спровоцирована ситуация для введения чрезвычайного положения", - говорилось в шифрограмме. [113].

Что же побудило обком КПСС пойти на такие выводы? Еще в первый день переворота - 19 августа, в Прокопьевске, в 7 часов вечера, состоялось расширенное заседание Совета рабочих комитетов Кузбасса. Создание ГКЧП Совет рабочих комитетов расценил как государственный переворот, "совершенный ставшей на преступный путь группировкой". Откликаясь на обращение Президента России Б.Н.Ельцина, и. о. Председателя ВС РСФСР Р.И. Хасбулатова, Председателя Совета Министров РСФСР И.С.Силаева об организации достойного отпора путчистам, шахтеры объявили политическую забастовку. Забастовка должна была начаться немедленно и продолжаться до смещения самозванцев и их арестам. [114]

К 17 часам следующего дня более трети угольных предприятий Кузбасса стояло: в Белове - 3 (на остальных объявлено предзабастовочное состояние). Ленинске-Кузнецком 5, Междуреченске - 10 (все). Мысках - 3, Новокузнецке - 9, Прокопьевске - 10. Всего - 41 предприятие. [115] Обращает на себя внимание тот факт, что в минуту острейшего противостояния на защиту демократических сил выступили только шахтеры, трудящиеся разрезов и водители связанных с ними автобаз. Исключение составила мысковская птицефабрика и междуреченский ремонтно-механический завод. Но это исключение лишь подчеркивало гражданскую инертность нешахтерской массы. Исполнительный комитет Совета рабочих комитетов Кузбасса (В.Голиков, А.Асланиди, С.Веренков) приняли решение о

немедленном формировании отрядов народного ополчения. Начальник областного управления внутренних дел В.В.Шкурат дал согласие на эту акцию. Неприятная для ГКЧП ситуация в Кузбассе обострялась еще и тем, что 19, а затем 20 августа президиум областного Совета народных депутатов (в неполном составе, при отсутствии А.Тулеева), а потом Советы Новокузнецка, Кемерово и ряда других городов приняли заявления о непризнании "гэкачэпистов". Они расценили происходящее как попытку государственного переворота и призвали граждан к неповиновению путчистам.

Рабочие комитеты, депутаты Демблока, члены демократических партий и движений Кузбасса, журналисты видели свою задачу в дни путча не только в организации акции протеста, но и в пропагандистской и агитационной работе. До населения Кузбасса доводились Указы Президента России: о незаконности ГКЧП (№ 59), о преступной деятельности членов ГКЧП (№ 63), об организации оперативного управления народнохозяйственным комплексом РСФСР (№ 62), о председателе Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам К.И.Кобце (№ 60), об управлении вооруженными силами СССР на территории РСФСР в условиях чрезвычайной ситуации и др.

Поскольку центральное телевидение и радио выдавало только информацию ГКЧП и глушило иные радио- и телестанции, постольку рабочие комитеты организовали собственную информационную сеть через частные московские телефоны, лишь изредка попадая на телефонную сеть ВС РСФСР. Очень существенно помогли радиолюбители - коротковолновики, которые бесперебойно снабжали рабочие комитеты свежей информацией.

Информационная сеть рабочих комитетов была намного оперативнее официальной. И даже сообщение о провале путча кузбассовцы получили через нее: из ВС РСФСР позвонил депутат облсовета И.Кожуховский, и это сообщение повторил В.Голиков на сессии облсовета, которая транслировалась на весь Кузбасс.

К слову сказать, именно в дни путча в штаб-квартире Совета рабочих комитетов Кузбасса впервые появилась современная техника средств связи (телефонные аппараты, телефакс), а также множительная техника. Если московские предприниматели, поняв, что с победой ГКЧП для них наступает конец, на свои средства развели баррикады перед "Белым домом", то кузбасские предприниматели, за несколько часов переоборудовавшие техническими средствами рабочий комитет, показали, что их защита более мощная, чем московские бетонные блоки, арматурам и камни.

Как всегда, была великолепна программа "Пульс", которая, благодаря стойкой гражданской позиции ее создателей и шефа телестудии депутата Демблока Г.М.Митякина, вышла вовремя, была информационно насыщена, правдива, остра, чуть иронична и ...ожидаема. "Первой каплей правды в море эфирной лжи" назвали ее журналисты.

В стране происходил военно-коммунистический государственный переворот. Сомнений в этом, кажется, ни у кого из тех, кто хотя бы чуть-чуть интересовался судьбой страны, не было. Но не было и массового протеста. Люди как будто смирились. Молчаливо смирились даже в Кузбассе. Ещё какую-то позицию выразили шахтёры. Да и у тех, можно сказать, забастовка была условной. Так, из 34 шахт и разрезов, протестовавших против путчистов 22 августа, только 5 предприятий полностью стояли. Остальные работали без отгрузки угля или с его отгрузкой на городские нужды, нужды какого-то конкретного предприятия. [116]

Однако и такую забастовку, как потом выяснилось, заметили в Москве. Заметили, как в демократическом, так и коммунистическом лагере, там и там неадекватно преувеличив размах шахтёрского протеста. Трудящиеся других отраслей народного хозяйства, интеллигенция (кроме журналистов) практически "не шелохнулись". Честно сказать, кузбассовцы относительно безропотно приняли новое издание социалистической диктатуры. "Если бы не жители столицы, - писал в те дни журналист А.Сибирцев, - Кузбасс был бы обречен вкушать прелести язовско-пуговского изобилия в условиях перманентной гражданской войны". [117]

На общегородские митинги протеста приходили 200-300 чел., а то и не более 30-50 чел. В частности, на кемеровский городской митинг 20 августа собралось лишь около 50 чел. Такие акции носили чисто символический характер.

Почему апатия? Почему терпимость к диктаторскому перевороту? Ответ, видимо, следует искать в усталости людей от политики, которой они вынуждены были активно жить уже не менее трёх лет. Политика была. Забастовки были. Резолюции протеста, одна жгучее другой, были. Митинги стали повседневным явлением. А жизнь людей при этом не только не улучшалась, - она ухудшалась. Никогда раньше так быстро не росли цены. Никогда на памяти последнего поколения не было такой преступности. Никогда раньше не было такой низкой трудовой и производственной дисциплины. Никогда, сколько себя помнил советский человек, не было такой вседозволенности и даже распущенности в печати, на телевидении, кинематографии. И вот! Нашлись люди, которые обещали решить все эти проблемы разом. Причём путь, предложенный организаторами путча гражданам страны, был не только хорошо знаком ("железная рука"), но и многим желателен.

Воспитанные в тоталитарной системе, люди сравнительно легко воспринимали насилие над собой, полагаясь на него как на панацею. Строго говоря, психологически они даже не восприняли всё происходящее 19-22 августа за насилие. Это было возвращение к прежнему образу жизни их отцов и дедов, да и своему собственному тоже. Прошлая жизнь не казалась теперь столь мрачной, как совсем недавно.

Не случилось массового протеста и потому, что ГКЧП при всех своих грозно-сталинских заявлениях не предпринимал в действительности никаких решительных шагов. Закрывтия газет, как декларировалось, не состоялось.

Журналисты напрасно просидели в своих редакциях до поздней ночи 19 августа. Никаких войск в Кемерово, как и другие города, не было введено, хотя слухи об их продвижении оживленно циркулировали. Никто не был арестован, несмотря на то, что в Кузбассе без особого труда можно было набрать не одну сотню опасных для устанавливаемого режима лиц.

Это как в тривиальной мужской потасовке. Тот, кто затеял ссору, кто, вместо нанесения удара, начинает бесноваться и громко кричать, никогда психологически не воспринимается серьёзным противником. Поэтому и "гэкаченисты" как сила, тем более как диктаторы в массовое сознание не укладывались.

Были ли бы репрессии против демократов в случае победы путчистов? Стоит ли сомневаться, учитывая исторический опыт правления РКП(б)-ВКП(б)-КПСС! Во всяком случае, М.Б.Кислюк, защищавший вместе с А.В.Малыхиным с автоматами в руках крышу "Белого дома", вернувшись в Кемерово, говорил о трёх списках людей, подлежащих репрессиям. В первом были высшие руководители страны (22 чел.), во втором - 2700 чел., в третьем - 300 тыс. чел. [118] Не это ли обстоятельство задержало людей "на кухне"?

Вот где могла бы проявиться интеллигенция, объясняя народу суть происходящего. Кто, как не интеллигенция, мог раскрыть людям лживость заверений "гэкаченистов" разом обуздать цены, растущую преступность? Почему этим занимались электрослесарь В.Голиков, водители С.Веренков и Р.Вахитов и др. рабочие? Интеллигенция в один из самых критических моментов истории отчизны осталась верна идеалам, которые заложила в нее коммунистическая партия, воспитав её эгоистичной, трусливой и ленивой.

Исторически случайно оказалось, что во главе хунты оказались никчемные люди - бывшие комсомольские работники, которые, по мнению одного из российских политиков, никогда, ни на что серьёзное в своей жизни не были способны. Хунта провалилась сама, хотя народ готов был её принять. Покорность населения была характерна не только для Кузбасса. Равнодушие было всеобщим. По данным Главного государственного инспектора РСФСР В.А.Махарадзе, только 29 регионов России (из 89) полностью подчинились Указам Президента РСФСР Б.Н.Ельцина. Причём Кузбасса, на который в стране привыкли смотреть как на форпост демократии, среди этих 29 регионов не было.

Кузбасс не стал мятежным хунте из-за позиции большинства депутатов областного Совета во главе с А.Г.Тулеевым. Для депутатов Демблока (да и не только для них) активная поддержка Тулеевым ГКЧП была очевидной. Мало того, по их мнению, он был одним из тех местных политиков, на которых заговорщики делали ставку. Чем иначе можно объяснить то обстоятельство, что, отдыхая в Ставрополье, он оказался в самолёте, принадлежащем одной из центральных фигур путча маршалу Ахромееву. Том самолёте, который доставил в столицу с южных курортов "плеяду" политиков через несколько часов после начала путча. Этим политиков, видимо, заранее известили, собрали вместе и привезли в Москву.

Через несколько часов после начала путча Тулеев уже был на приёме у Янаева, где, по его собственным словам, заявил о поддержке требований путчистов "по борьбе с преступностью, по пенсионерам, по снижению цен, по стабилизации обстановки, по зиме, по жилью, по селу ...". Здесь же добился от главаря хунты согласия на торговлю Кузбасса с Китаем, получил от него обещание о поступлении продовольствия в Кузбасс. То есть, Тулеев провёл деловую беседу с самозванцем, что юридической практикой квалифицируется как признание де-факто.

Мало того, на Чрезвычайной сессии областного Совета народных депутатов 21 августа Тулеев настаивал на формировании структур, рекомендованных ГКЧП - нечто подобное цензурному комитету, комитету по оперативному управлению и др.

Однако ни он, ни коммунистическая фракция Совета не смогли помешать Демблоку настоять на принятии сессией решения о непризнании ГКЧП, призвать кузбассовцев к гражданскому неповиновению хунте. Ситуация на сессии была настолько напряженной и неоднозначной, что коммунисты даже грозились покинуть зал заседания. [119]

Ту сессию коммунисты проиграли демократам. Проиграли почти вчистую. Им не удалось превратить Кузбасс в один из опорных пунктов государственного переворота. Их расчёт, основанный на популярности Тулеева среди населения Кузбасса, не оправдался.

Зато через несколько дней на "очередной" внеочередной сессии областного Совета коммунисты взяли реванш. В связи с явным сотрудничеством Тулеева с ГКЧП трудящиеся ряда предприятий стали требовать его освобождения с поста председателя облсовета. 22 августа такое решение принял самый крупный в Кузбассе горсовет Новокузнецка. Совет квалифицировал его действия и высказывания в кризисный период как компрометирующие и выразил ему недоверие. Так же поступили демократические депутаты Междуреченска, Совет рабочих комитетов Кузбасса (23 августа). [120] Сложилась угроза потери коммунистами руководства в представительной власти в Кузбассе.

23 августа Указом Президента РСФСР была приостановлена деятельность компартии России, а 25 августа были произведены соответствующие организационные действия по его исполнению: опечатаны здания партийных органов, наложен арест на имущество КПСС и др. В одном из "партсейфов" был обнаружен список тайных осведомителей, завербованных КГБ в рабочем движении. Чтобы не разжигать гражданских страстей, решили его не публиковать. [121]

27 августа Президент РСФСР назначил М.Б.Кислюка Главой администрации Кемеровской области. Б.Н.Ельцин, таким образом, исправил ошибку Демблока, по предложению которого А.Г.Тулеев стал в декабре 1990 г. председателем облисполкома. Это назначение означало утрату коммунистами главенства в областной исполнительной власти.

Но коммунисты всегда были борцами и запросто никогда не сдавали своих позиций. На сессии областного Совета народных депутатов,

рассматривавшей по их инициативе вопрос о доверии Тулееву, они продемонстрировали народное доверие своему лидеру. На сессию пришло два мешка писем и телеграмм в поддержку Тулеева.

Наиболее характерно мнение трудового коллектива ПТУ "Северокузбассуголь", для которого главным было то, что Тулеев "единственный из последних руководителей области, который ... делает добро людям...". [122] Как известно, Ленин и особенно Сталин в народе ценились, прежде всего, за добро, которое они якобы несли своей политикой. В том же ряду и Гитлер, которого любила нация за добро - ликвидацию безработицы, уничтожение унижительной для Германии Версальской системы и проч. Кузбассовцы искренне не понимали, при чём тут коммунистическая диктатура и "любящий народ" Тулеев. Вполне возможно, что когда-нибудь в учебниках политологии эта история станет хрестоматийным примером, подтверждающим давно известную истину, что народ заслуживает своего правителя.

Справедливости ради надо заметить, что далеко не всё население Кузбасса поддержало Тулеева. Были даже предложения о суде над ним как "обманщике народа" (в частности, на шахте "Томская"). [123] На шахте им. Ленина, например, за доверие А.Г.Тулееву голосовал только 91 чел., в то время как "против" - 282 чел.

Не вызывает сомнения, что какая-то часть "двух мешков доверия" была плодом организационной деятельности коммунистов. В этом им не было равных.

Назначение М.Б.Кислюка Главой администрации, а А.В.Малыхина - Представителем Президента РСФСР в Кузбассе должно было означать, что в Кузбассе исполнительная власть перешла к демократам. Должно...! Но не означало. Точно так же, как провал путча в 1991 г., а затем в 1993 г. не означал победы демократии в стране.

Демократия - это не столько проблема правления государством, сколько проблема состояния всего общества. Ментальность советских людей, воспитанных при тоталитаризме, одномоментно изменить было нельзя. Они какое-то время неизбежно будут тянуться к "сильной руке", а свободу выбора воспринимать как вседозволенность, как ничем не ограниченную свободу действий вплоть до попрания общепринятых человеческих норм морали.

Люди не сразу поймут, что сущность демократии заключается в возможности общества реально влиять на органы государственной власти. Эту возможность во всех цивилизованных странах обеспечивает развитость системы общественных и общественно-политических организаций. Без них человек остаётся один на один с государственным чиновником, владельцем средств производства. Все его попытки отстоять в одиночку свои права всегда (или почти всегда) обречены на неудачу. Тем более - в Советском Союзе, где законы всегда подстраивались под интерес государства. Незрелость системы организаций, стоящих на защите интересов человека в отдельности и общества в целом, организаций, способных осуществлять на государство "давление снизу", делало утверждение демократии осенью 1991

г. весьма проблематичным. Эту роль могли выполнить рабочие комитеты Кузбасса как относительно местных властей, так и российских. Не в этом ли причина "вдруг" наступившего охлаждения к ним властьпридержащих?

Нельзя говорить о приходе демократов к власти ещё и потому, что фактически все управленческие посты остались за "бывшими". На это были как объективные, так и субъективные причины. Кислюк поручил одному из своих заместителей, бывшему заведующему отделом обкома КПСС, формировать кадровый корпус глав администраций городов и районов, сделав его управляющим делами администрации Кемеровской области. Новый управделами, проработавший бесценно почти пятнадцать лет первым секретарём райкома КПСС (он был единственный в Кузбассе, кто "пережил" на этом посту всех послехрущёвских Генеральных секретарей ЦК КПСС), естественно, подбирал кандидатуры из своего партийно-хозяйственного номенклатурного окружения.

На появление номенклатуры в аппаратах администраций повлияло и то, что Кислюк лично занимался трудоустройством высших партийных чиновников, совершенно справедливо считая, что "не надо загонять их в угол, иначе они начнут создавать партизанские отряды". Вот почему в новую власть нередко попадали люди, известные в народе не с лучшей стороны.

Против такой кадровой политики пытались протестовать рабочие комитеты Белова, Березовского, Киселёвска. Кислюку не раз приходилось объясняться со своими соратниками по рабочему движению, в том числе и с расширенным Советом рабочих комитетов Кузбасса.

17 декабря 1991 г. в специальном Заявлении Совет рабочих комитетов Кузбасса утверждалось, что в ряде городов и районов, особенно там, где нет рабочих комитетов, назначены главы администраций, оппозиционно настроенные к президентскому курсу. Лидеры рабочего движения сомневались в правильности избранного Кислюком курса в назначении главами исполнительной власти, исходя лишь из их профессионального опыта предыдущего правления. [124]

В октябре 1991 г. в письме Б. Н. Ельцину член Высшего консультативного совета при Президенте РСФСР, председатель СРКК В.М.Голиков писал: "Уверенно себя чувствует ... партийная номенклатура. Оставшись без работы, они начали активно внедряться в органы государственной власти.... Весь аппарат Советов и исполкомов укомплектован фактически бывшими работниками райкомов, горкомов и обкома. ... Потерпев поражение сверху, консервативные круги пытаются взять реванш снизу, страна будет отброшена вспять". [125]

Почему так поступал Кислюк? Проще всего было бы объяснить это субъективными причинами, скажем, его предрасположенностью к бывшей номенклатуре. Но так поступали его коллеги в других регионах, в администрации Президента РСФСР. Видимо, демократы всё-таки не были готовы к власти. У них не было своих управленческих кадров. Те из них, кому Кислюк предложил возглавить тот или иной отдел или управление, дружно отказались, предпочтя остаться на кафедрах, в редакциях, цехах. (Вот

где особенно ярко сказался количественный и качественный дефицит интеллигенции в демократическом движении Кузбасса!).

Насколько качественным был подбор кадров из номенклатуры с точки зрения их деловых качеств - вопрос, требующий специального исследования. Но бесспорно то, что демократами по убеждению никто из них не был. Во всяком случае, они не проявили себя с этой стороны в период противостояния КПСС и демократов. Бесспорно, и то, что относительно прав был "отец народов" Сталин, изрекший историческую фразу: "Кадры решают всё!" Если управленческие кадры, начиная с областной администрации, кончая сельской, не были из демократической среды, то о каком приходе демократов к власти в 1991 г. может идти речь?

Что это было? - Упущенный демократами шанс? А может быть - всеислие старой номенклатуры, "не мытьём, так катаньем" добившейся возвращения (точнее - сохранения) своего "места под солнцем"?

Как показали события последующих 3-4 лет, ответ надо было искать в плоскости всеислия партноменклатуры. Для историка пока не ясно, чем была вызвана терпимость к "бывшим" со стороны как Президента, так и его представителей на местах, в том числе и в Кузбассе. Тем более, что, по мнению лидеров рабочих комитетов, это была не просто терпимость это было её поощрение. Документальная база для научных исторических обобщений явно недостаточна. Можно лишь делать политологические предположения.

Однако будущий историк, видимо, признает тенденцию подбора М.Кислюком кадров из среды не только бывшей номенклатуры, но и научной интеллигенции. В отличие от своих предшественников на высшем посту Кузбасса, Кислюк знал цену научному мышлению. Поэтому в аппарате областной администрации, в том числе на уровне его заместителей, стали появляться люди с учеными степенями и званиями, преподаватели вузов, сотрудники НИИ. При этом он поощрял их работу по совместительству по прежнему месту работы, сам читал курс лекций по экономике в техническом университете, защитив кандидатскую диссертацию.

Сравнивая стиль Кислюка со стилем его предшественника, Асланиди писал, что Тулеев как председатель исполкома не очень любил советоваться, многие решения принимал единолично или без необходимого кворума, но выдавал за решение коллективного органа. Кислюк же приблизил "компетентных людей, толковых специалистов, создал несколько советов по различным направлениям деятельности. Предпринимаемые им меры - плод коллективной работы". [126]

6 ноября 1991 г. Президент РСФСР подписал Указ о прекращении на территории России деятельности структур КПСС, КП РСФСР. Их организационные структуры распускались. Их имущество передавалось государству.

Этот Указ, можно сказать, подводил итог противостоянию между КПСС и рабочими комитетами. Победили рабочие комитеты. Политическая система, где КПСС представляла собой власть, рухнула. Рухнула при

активном участии, а в какой-то степени и по инициативе рабочих комитетов Кузбасса. Значит ли это, что рабочие комитеты, выполнив свою главную историческую миссию, теперь должны уйти с политической арены и сосредоточить своё внимание на решении социально-экономических проблем, защите трудовых прав, превратиться в профсоюз?

Это они и пытались сделать, заявив 9 декабря 1991 г. об отходе от политической борьбы, как несвойственной рабочему движению. [126] В этом же духе высказалась и 7-я конференция рабочих комитетов Кузбасса, состоявшаяся 24 декабря 1991 г. Конференция приняла Устав в новой редакции и фактически превратила рабочие комитеты в Конфедерацию труда, организацию, объединившую на конфедеративной основе свободные профсоюзы, ассоциации, трудовые коллективы для "защиты политических, экономических, трудовых, социальных прав и интересов своих членов". [127]

Целью Конфедерации труда провозглашалось содействие в создании и развитии свободных профсоюзов, забастовочных фондов и других систем взаимодействия и взаимоотношения трудящихся, формирование демократического общества, становление цивилизованной рыночной экономики. Однако, несмотря на переименование, эта структура ещё несколько лет была известна в народе как рабочие комитеты.

Впереди у них была поддержка политики реформ, проводимой исполнительной властью, при сопротивлении со стороны Советов народных депутатов и "госпрофсоюзов" "последнего оплота коммунизма" в России. Им предстояла защита Президента Б.Н.Ельцина вплоть до "шахтёрских десантов" на Красную площадь. Рабочие комитеты были непоколебимы как в октябре 1993 г., когда была попытка вооруженным путём восстановить прежнюю систему власти, так и в декабре 1993 г., когда на референдуме по Конституции РФ решался вопрос о судьбе России.

Однако деятельность рабочих комитетов в постсоциалистические года не была столь организованной и активной. Чуть ли не все лидеры "политической волны" ушли из рабочего движения в другие сферы деятельности (властную, предпринимательскую, вернулись на шахты). Поэтому к 1995 г. шахтёрское движение сошло на уровень качества даже не июля 1989 г., а апреля - марта 1989 г. - за требование одноразового значения: выдачу заработной платы.

Исключение составил Независимый профсоюз горняков Кузбасса - наследник рабочих комитетов, который пытался (и довольно успешно) противостоять как чиновникам из "Росугля" и местных администраций, так и "госпрофсоюзам" Но это отдельная, самостоятельная страница истории рабочего движения.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ, ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

1. Известия. - 1991. - 9 марта: Наша газета. - 1990. - 25 дек.; Из личного архива автора.
2. Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. - С. 375.

3. Там же. - С. 376.
4. Там же. - С. 377.
5. Там же. - С.374-382.
6. Там же. - С. 381.
7. Сибирская газета. - 1991. - март. - № 9.
8. Рабочее Движение Кузбасса. - С. 382-383.
9. Проведение шахтёров было точным. Документы рабочих комитетов казались настолько идеологически опасными для коммунистов, что сборник смог выйти только в январе 1994 г. Хотя еще весной 1992 г. он был принят издательством в производство, полностью оплачен (А.Н.Гековым). Уж слишком точно и объективно, разоблачительно для коммунистов документы рабочих комитетов отразили суть события 1989 - 1992 гг.
10. Из личного архива автора.
11. Рабочее движение Кузбасса. - С. 384.
12. Наша газета - 1991. - 26 марта.
13. Даже через несколько лет (в ноябре 1992 г.) на научной конференции, посвященной 50-летию Кемеровской области, историки университета, проводившие её, не удержались от того, чтобы не продемонстрировать свою глубокую идеологическую неприязнь к рабочему движению Кузбасса. Из 89 докладов, представленных на конференции, доклад о рабочем движении мэтры исторического факультета метавши самым последним - 89, в значительной степени "отредактировав" его содержание! В программе конференции этот доклад так же был поставлен на последнее место. События, оказавшие влияние на мировую историю, по мнению хозяев конференции заслуживали самого ничтожном внимания. (См. 50 лет коренного перелома в Великой отечественной войне. 50 лет Кемеровской области. Тезисы докладов и сообщений на научной конференции. 18-19 ноября 1992 г. Кемерово, 1992. - С. 139-140.
14. Наша газета. - 1991. - 15 янв.
15. Наша газета. - 1991. - 18 янв.
16. Рабочее движение Кузбасса. - С. 389.
17. Наша газета. - 1991. - 19 февр.
18. Наша газета. - 1991. - 5 июня.
19. ГАКО. Ф. 75. Оп.72. Д. 9. Л.10.
20. Наша газета. - 1991. - 18 янв.
21. Наша газета. - 1991. - 12 февр.
22. Рабочее движение Кузбасса. - С. 385.
23. Наша газета. - 1991. - 22 марта.
24. Труд. -1991. - 20 февр.
25. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 70. Л. 11; Наша газета. - 1991. - 15 марта.
26. Рабочее движение Кузбасса. - С. 399
27. Там же. - С. 400.
28. Наша газета. - 1991. - 1 марта.
29. Рабочее движение Кузбасса. - С. 401.
30. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 17. Л. 13.

31. Рабочее движение Кузбасса. - С. 409-411; Независимая газета. - 1991. - 5 марта.
32. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 17. Л. 10.
33. ГАКО. Ф. 74. Оп. 41. Д. 1. Л. 46-47; Ф. 75. Оп. 72. Д. 70. Л. 11-12.
34. Рабочее движение Кузбасса. - С. 420.
35. Там же. - С. 418.
36. Московские новости. - 1991. - № 12. - С. 5.
37. Известия. - 1991. - 6 марта; Кузбасс. - 1991. - 21 марта.
38. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 17. Л. 10.
39. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Л. 70. Л. 13.
40. Рабочее движение Кузбасса. - С. 426, 428.
41. Собеседник. - 1991. - № 21. - С. 41.
42. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 17. Л. 10.
43. Там же. - Л. 11-12.
44. Там же. - Л. 6.
45. Рабочее движение Кузбасса. - С. 433.
46. Наша газета. - 1991. - 31 мая.
47. Явь. - 1991. - 5-11 апреля. - С. 6.
48. Рабочее движение Кузбасса. - С. 439.
49. Наша газета. - 1991. - 23 марта.
50. Рабочее движение Кузбасса. - С. 456.
51. Там же. - С. 439.
52. Там же. - С. 386-387; Наша газета. - 1991. - 12 февр.
53. Наша газета. - 1991. - 22 марта.
54. Из личного архива автора (фонограмма беседы).
55. Рабочее движение Кузбасса. - С. 435.
56. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 70. Л. 18-30.
57. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 17. Л. 61-63.
58. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 17. Л. 13.
59. Рабочее движение Кузбасса. - С. 437-438.
60. Там же. - С. 438.
61. Здесь приводятся данные по забастовке, подготовленные социально-экономическим отделом Кемеровского обкома КПСС. На 110 страницах машинописного текста содержатся сведения по всем угольным бассейнам страны. Значительные расхождения (в сторону занижения) с данными Межрегионального забастовочного комитета объясняются, видимо, тем, что обком учитывал только полностью остановившиеся предприятия.
62. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 70. Л. 18-30.
63. Известия. - 1991. - 28 марта.
64. Цит. по - Наша газета. - 1991. - 12 апр.
65. Наша газета. - 1991. - 11 июня.
66. Рабочее движение Кузбасса. - С. 452.
67. Там же. - С. 451-452.
68. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 17. Л. 12.

69. Известия. - 1991. - 28 марта.
70. Наша газета. - 1991. - 14 мая.
71. Рабочее движение Кузбасса. - С. 459-460.
72. Там же. - С. 462.
73. Наша газета. - 1991. - 26 апр.
74. Наша газета. - 1991. - 9 июля.
75. Наша газета. - 1991. - 26 апр.
76. Там же.
77. Е.Б.Груздева. Отношение шахтёрских семей к участникам рабочего движения// Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы. Ч.2. М., 1992. - С. 300
78. Рабочее движение Кузбасса. - С. 467.
79. Наша газета. - 1991. - 31 мая.
80. ГАКО. Ф. 127. Оп. 59. Д. 2. Л. 8.
81. ГАКО. Ф. 74. Оп. 41. Д. 1. Л. 9-13.
82. ГАКО. Ф. 74. Оп. 41. Д. 1. Л. 11-13.
83. ГАКО. Ф.127. Оп. 59. Д. 2. Л. 8.
84. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 4. Л. 52.
85. ГАКО. Ф. 127. Оп. 59. Д. 2. Л. 4-6.
86. Там же. - С.7
87. Наша газета. -1991. - 4 мая.
88. Правда. - 1991. - 28 марта.
89. ГАКО. Ф. 74. Оп. 61. Д. 1. Л. 47.
90. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 9. Л. 109.
91. Наша газете. - 1991. - 7 мая.
92. Наша газета. - 1991. - 7 июня.
93. Наша газета. - 1991. - 25, 28 июня.
94. Рабочее движение Кузбасса. - С. 468-469
95. Наша газета. - 1991. - 28 мая.
96. Рабочее движение Кузбасса. - С. 470.
97. И.А.Бельчик. О политической ситуации в Кузбассе (по результатам социологических исследований)// Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы. Ч.2. - С. 279.
98. Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы Ч.1. М., 1991. - С. 62.
99. Рабочее движение Кузбасса. - С. 474-475.
100. Наша газета. - 1991. - 18 июня.
101. Рабочее движение Кузбасса. - С. 490.
102. Там же. - С. 483.
103. Там же. - С. 491; Наша газета. -1991. - 25 июня.
104. Решения областного Совета народных депутатов 21 созыва. 8 сессия. 02-03.07. 1991 г. Кемерово, 1991. - С. 2-41.
105. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 4. Л. 17, 25-26, 55.
106. Рабочее движение Кузбасса. - С. 487.

107. Там же. - С. 499.
108. Там же. - С. 524-526.
109. Там же. - С. 492.
110. Там же. - С. 202.
111. ГАКО. Ф. 75. Оп. 72. Д. 4. Л. 15.
112. Там же. - Л. 3-17.
113. Там же. - Л. 25-26, 37, 40, 44.
114. ГАКО. Ф. 127. Оп. 59. Д. 3. Л. 79.
115. Наша газета. - 1991. - 2 авг.
116. Рабочее движение Кузбасса. - С. 498.
117. Кузбасс. -1991. - 20, 21, 22 авг.
118. Г.А.Белоусова, В.А.Лебедев. Партократия и путч. - М., 1992. - С. 40.
119. Там же. - С. 44.
120. Рабочее движение Кузбасса. - С. 501.
121. Там же. - С. 502.
122. Там же. - С. 520.
123. Наша газета. - 1991. - 23 авг.
124. Рабочее движение Кузбасса. - С. 533
125. Там же. - С. 515-516.
126. Там же. - С. 523-524.
127. Наша газета. - 1991. - 21 сент.
128. Рабочее движение Кузбасса. - С. 530.
129. Там же. - С. 525.
130. Там же. - С. 544.
131. Там же. - С. 539-540.
132. Там же. - С. 542.
133. Там же. - С. 545.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Книги принято завершать заключением. Заключение иной раз пишется так мастерски, что само исследование можно и не читать, так как у читателя возникает ощущение полного знакомства с представленным трудом.

Однако есть опасность, что при таком чтении авторские выводы могут показаться декларативными и необоснованными. Тем более это опасно в данном случае, когда историк описывает близкие по времени события. Читатель наверняка имеет по ним собственные представления. Они могут не совпадать с авторскими. В такой ситуации предлагать ему "голые" выводы (доказательства-то остались в тексте), не совсем корректно. Не лучше ли предоставить читателю возможность ещё раз пережить то бурное время, когда "народ был счастливым, люди сверились" (выражение А.Асланиди)? Дать возможность поразмышлять вместе с автором над проблемами и выяснить:

- Были ли объективные причины для возрождения рабочего движения? Если были, то нельзя ли свести их к обыденным выражениям - плохо жили ..., не хватало ...? Или, может быть, поиск причин следует вести в плоскости экономического и внеэкономического принуждения советских людей, социальной неэффективности хозяйственного и политического механизмов?

- ✓ - Чем были мартовско-апрельские 1989 г. кратковременные стачки - простыми вспышками недовольства действиями администрации предприятий, или "первыми ласточками" кризиса "низов", отразившими загнивание и непрофессионализм политических структур и их руководителей?
- ✓ - Насколько события на шахте им. Шевякова были исторически случайными и какие обстоятельства сделали стачку шахтеров всего Кузбасса объективно закономерным событием?
- ✓ - Были ли шахтёры эгоистичны в своих требованиях, и какую мину под командно-административную систему заложило советское руководство, подписав "Протокол о согласованных мерах...".?
- ✓ - Насколько адекватны были действия партийных, советских и хозяйственных руководителей, противостоящих забастовщикам в июле 1989 г.?
- ✓ - Почему июльская стачка проходила в цивилизованных формах, без погромов, насилия и классовой (как было принято говорить) ненависти одних - против других?
- ✓ - В чём главный итог июльской забастовки? - Добились увеличения продовольственных и промышленных поставок в Кузбасс? - Поставили вопрос о коренном изменении системы управления народным хозяйством СССР? - Подняли у людей чувство достоинства? Всеми миру продемонстрировали кризис советских "верхов"? Заставили усомниться в верности мнения о рабочих как полуспившейся, покорной и туповатой массе? В чём?
- ✓ - Почему властьпридержащие не извлекли уроков из июльской забастовки и почему стала возможна августовская 1989 г.?
- ✓ - Достаточно ли факта сотрудничества рабочкомовцев коммунистами на предприятиях для утверждения о наличии союза между рабочими комитетами и структурами КПСС? Не predetermined ли объективными обстоятельства путь противоборства компартии с рабочими комитетами, с народом?

- ✓ - Чем была регистрация Совета рабочих комитетов Кузбасса в августе 1989 г. и почему этот, вроде бы, формальный акт каждый из руководителей расценил по-своему: А. Мельников - как создание новой партии, А.Лютенко - как новую власть, В.Романов - как новый профсоюз?
- ✓ - Почему подкуп отдельных лидеров рабочих комитетов в советских условиях был обречён на успех?
- ✓ - Действительно ли Кузбасс, в целом, и шахтеры, в частности, стали изобильно снабжаться продовольственными и промышленными товарами и кому нужен был этот миф?
- ✓ - Правомочно ли суждение, что, отказавшись превратить рабочие комитеты в общественно-государственную структуру, лидеры рабочего движения упустили шанс стать влиятельными (хотя бы в Кузбассе) политиками, сделать личную карьеру? Или можно считать, что они тем самым сохранили своё достойное и влиятельное место, заметную роль в общественном движении страны?
- ✓ - Насколько оправданным было мнение партийных (КПСС) идеологов о том, что создание "Союза трудящихся Кузбасса" практически ничего не изменило в общественной и политической жизни страны? Было ли полезным для дела сотрудничество рабочих комитетов с учеными-обществоведами?
- ✓ - Что повлияло на партийное руководство Кузбасса, перешедшего осенью 1989 г. к сотрудничеству с рабочими комитетами? Почему оно отказалось от этой тактики в начале 1990 г.?
- ✓ - Когда рабочее движение Кузбасса перешло к политической борьбе? - Летом 1990 г., выдвинув в июльской забастовке требования об отставке правительства, департизации госучреждений, отмене ст.6 Конституции? - Или ещё в 1989 г. поставив вопрос о радикальном реконструировании системы экономических отношений?
- ✓ - Можно ли считать, что, вызвав правительство для отчёта о выполнении "Протокола", лидеры рабочего движения создали неизвестный советской политической практике прецедент и каковы его методологические последствия для всей системы?
- ✓ - По каким параметрам можно оценить проект "Соглашения о выполнении "Протокола"..." пионерским в реформировании СССР?

- ✓ - Почему рабочие комитеты были малодейтельны в проведении избирательной кампании по выборам в республиканский и местные Советы народных депутатов и какие политические последствия это имело?
- ✓ - В факте издания газеты рабочего движения что было политически значимее? - Возможность давать независимую информацию? - Прорыв в монополии КПСС на периодические издания?
- ✓ - Почему интеллигенция Кузбасса практически не участвовала в борьбе против отжившей системы и "отсиделась на кухне"? Что помешало ей проявить свои гражданские качества?
- ✓ - Почему лидеры рабочего движения Кузбасса во многих политических и экономических вопросах сработали на значительное по времени опережение? Они, что были "семи пядей во лбу"?
- ✓ - Следствием чего явились антиправительственные настроения в шахтёрской среде в первой половине 1990 г.? - Экстремизма и несговорчивости лидеров рабочих комитетов? - Игнорирования правительством предложений шахтёров?
- ✓ - Следствием чего явился рост антикоммунистических тенденций в рабочем движении? Почему антикоммунизм не носил экстремистского характера?
- ✓ - Следствием чего стал кризис в Кемеровской областной парторганизации (КПСС)? Носил ли он системный характер или стал следствием ошибочных действий "партаппаратчиков"?
- ✓ - Зачем демократически настроенным политикам Кузбасса нужна была власть? Для чего коммунисты Кузбасса отстаивали свою власть? Насколько корректны были действия тех и других в этой борьбе?
- ✓ - Какие шансы были упущены ещё в 1990 г. из-за нежелания руководства страны услышать требования шахтёров о разработке антимонопольного законодательства, заключении новой союзного договора между республиками, деполитизации армии, КГБ, МВД, прокуратуры и др.?
- ✓ стр. 302
- ✓ - Почему к осени 1990 г. упал ажиотажный интерес кузбассовцев к рабочим комитетам? Почему "Союз трудящихся Кузбасса" не превратился в мощную общественную организацию?

- ✓ - Каковы политические, экономические и социальные последствия перехода коммунистов в конце 1990. г. к борьбе с рабочими комитетами "как с противником"? Почему КПСС пошла на конфронтацию с рабочим движением?
- ✓ - Насколько нравственна и политически корректна была практика коммунистов по сбору компромата на лидеров рабочего и демократического движения Кузбасса и распространения о них порочащих слухов?
- ✓ - Следует ли считать ошибкой решение СРКК о проведении в январе 1991 г. политической забастовки? Почему она не состоялась?
- ✓ - Зачем коммунисты затеяли мартовскую 1991 г. забастовку с требованием двойного-тройного увеличения заработной платы шахтёрам? '
- ✓ - Почему шахтёры, отказавшись бастовать в январе, под теми же требованиями забастовали "до упора" в марте и отказались от требований экономических?
- ✓ - Насколько адекватны были действия КПСС весной 1991 г. в обстановке острейшего кризиса политической системы? Почему у коммунистов не получилось "весеннего наступления" ни на 3-м Чрезвычайном съезде народных депутатов России, ни в борьбе с рабочим и демократическим движением?
- ✓ - Благодаря каким обстоятельствам, весняна 1991 г. шахтёрская забастовка не носила узкорегionalного характера? Кто виноват и затяжном характере забастовки? - Лидеры рабочего движения страны и Кузбасса? - Самозванные лжелидеры, представленные Президенту СССР М. Горбачеву? - Сам М. Горбачев? - Может, А. Тулеев? Кто?
- ✓ - Не означал ли факт подписания Б.Ельциным "Заявления" "9+1" свидетельством изменения его политической позиции? Почему он положительно отреагировал на требование шахтёров Кузбасса отчитаться за свои действия незамедлительно?
- ✓ - Достигла ли забастовка поставленной цели? Почему она была прекращена?
- ✓ - Почему рабочие комитеты и демократическая общественность Кузбасса проиграла президентские выборы? Почему и зачем демократы Кузбасса летом 1991 г. публично поставили задачу брать власть в свои руки? Каким путём?

- ✓ - Почему ни рабочим комитетам, ни другом демократическим формированиям страны не удалось организовать широкого движения сопротивления путчистам в августе 1991 г.? Но почему "гэкачэписты", тем не менее, провалились?
- ✓ - Пришли ли демократы к власти в Кузбассе? Почему на руководящих постах остались многие из прежней номенклатуры?

Принимая или отрицая систему аргументации, имеющуюся в книге, читатель может самостоятельно ответить на эти или другие вопросы. (Если конечно, обладает такой же как здесь документальной базой.) Ответить и убедиться в том, что в 1989-1991 г. благодаря коммунистической партии, боровшейся с рабочим и демократическим движением, был упущен реальный шанс относительно безболезненного радикального реформирования всей политической и экономической системы страны. Задуматься над вопросом - велик ли шанс превращения России в самое ближайшее время в страну цивилизованную, учитывая, что её народ не прошёл и, кажется, не собирается проходить через нравственные метания, духовное самоочищение - покаяние?